

к63.214(2)

П53

АЛЕКСАНДР ПОЛЫНКИН

КЛАДЕЗЬ ОРЛОВСКИХ ФАМИЛИЙ

КНИГА ПЕРВАЯ. ДВОРЯНСКИЕ ЛИЦА

**ПАМЯТНИК АРХИТЕКТУРЫ
УСАДЬБА КНЯЗЕЙ КУРАКИНЫХ 6 →
конец XVIII в.-первая половина XIX**

KP

К 63.214(2)
П53

Александр Полынкин

**КЛАДЕЗЬ
ОРЛОВСКИХ ФАМИЛИЙ**

**Книга первая.
Дворянские лица**

A311582

КР2024

Орёл — 2022

БУКОО
«Орловская областная научная
универсальная публичная
библиотека им. И.А. Бунина»

УДК 82-1
ББК 49.0
П 49

Александр Полынкин

П 49 **Кладезь орловских фамилий.**
Книга первая. Дворянские лица – Орёл: «Картуш», 2022. – 364 с.
ISBN 978-5-9708-0833-7-X

Новое издание известного орловского краеведа Александра Полынкина – первая из трёх книг задуманного цикла, посвящённого представителям разных сословий Орловской губернии. В первом томе речь идёт о дворянах, в основном, Малоархангельского уезда. О некоторых из них (Скарятиных, Мацневых, Мухортовых и других) автор писал ранее. В настоящем издании, благодаря найденным за последнее время в архивах новым сведениям, эти очерки значительно расширены и дополнены.

Каждая из трёх глав книги проиллюстрирована большим количеством архивных фотографий и снимков, сделанных автором. В конце глав приведены документальные приложения, которые позволяют получить более полное представление о героях очерков, многие из которых оставили заметный след в истории Орловского края.

Автор надеется, что книгу прочтут как взрослые читатели, так и молодёжь, и благодарит Алексея Олеговича Белова за неоценимую редакционную и финансовую помощь при подготовке издания к печати.

Фото на обложке

Лицевая сторона: вид на указатель при повороте к посёлку Куракинский (Свердловский район Орловской области, фото автора).

Оборот: автор книги (слева) и потомок дворян Скарятиных и Башкатовых Алексей Белов (п. Скарятино Верховского района Орловской области, фото Алёны Беловой).

УДК 82-1
ББК 49.0

ISBN 978-5-9708-0836-8
ISBN 978-5-9708-0833-7-X

© А.М. Полынкин, 2022
© ООО ПФ «Картуш», 2022

Мой дорогой читатель!

Я редко делаю предисловия к своим изданиям, но здесь мне это показалось необходимым. Много лет я пишу очерки о людях Орловского края, печатая их вначале в различных газетах и журналах, а потом многим произведениям находится место и в моих книгах. Ещё в 2013-2015 годах появился трёхтомник «Орловщины родные очертанья» (кстати, лауреат областного конкурса «Орловская книга-2016»), в котором я рассказал о представителях нескольких известных орловских дворянских родов.

Отдельно печатался в областных СМИ мой цикл очерков «Орловские фамилии», в котором речь шла о выходах из других сословий Орловской губернии. За годы занятий краеведением постепенно накапливались новые факты даже о тех моих героях, о которых я уже, вроде бы, рассказал достаточно. Тогда и возникла мысль о создании цикла из нескольких книг, в которых я рассказал бы об известных и малоизвестных личностях, уроженцах и жителях Орловского края, представляющих все слои населения нашего замечательного края.

Книга первая, которую ты, уважаемый читатель, держишь сейчас в руках, посвящена нескольким дворянским родам, оставившим заметный след в истории Орловской губернии. Князья Куракины и дворяне Скарятинны были известны не только на местном, но и на общероссийском и мировом уровнях. А вот о Мухортовых, Мацневых, Чиркиных и других поведал впервые широкой публике автор этих строк.

Книга первая, дворянская, во многом появилась не только благодаря моим историческим изысканиям, но и потому, что большую помощь при подготовке её к печати оказали потомки моих героев, в первую очередь, Алексей Олегович Белов и Валерий Львович Чекмарёв. С обоими я познакомился после публикации первых своих очерков, а теперь поддерживаю с ними тесную связь, включая и личные встречи.

Главу, посвящённую Скарятинным и Башкатовым, Алексей Белов отредактировал, дополнил и снабдил photographиями из семейного архива. Валерий Львович Чекмарёв оказал ценную помощь при написании очерков, посвящённых Волковицким и Чиркиным, предоставив три свои биографические книги, большое количество документов и фотографий.

В конце каждой главы имеются документальные приложения – для тех знатоков истории, которые захотят познакомиться с первоисточниками, тем более, что это позволит читателю расширить глубину своих знаний. Иллюстративный материал делает книгу более интересной для молодых.

Если читатель найдёт в моих очерках какие-то новые, «зацепившие» его, факты, удивится новым лицам, а наш край предстанет перед ним с неожиданной стороны, я буду считать свою задачу выполненной. Главное – чтобы возник интерес к истории своей малой родины.

Итак, мой любезный читатель, в путь! На страницы этой занимательной (надеюсь) книги.

Твой автор, Александр Полинкин

Глава первая. Князя Куракины и вокруг них

От Андрея, по прозвищу «Курака»

Куракин Борис Иванович
(портрет на гравюре
Петера Гунста)

Наверное, любой пассажир «электрички», постоянно курсирующей между Орлом и Курском, хоть раз да обращал внимание на звучное имя небольшой станции, расположившейся между Змиёвкой и Глазуновкой: Куракино. А следовавшие на автомобиле в том же или обратном направлении провозжали глазами указатель – «Посёлок Куракинский».

И даже если пассажиры транспортных средств оказывались совсем не сведущими в российской истории, то наверняка слегка изменённая фамилия всплывала в их памяти из школьного курса литературы: князь **Василий Курагин** из романа «Война и мир» Льва Толстого. А прообразом его послужил известный царедворец, видный политический деятель времён Павла I и Александра I **Алексей Борисович Куракин**, один из героев этой книги. О Куракиных – известных помещиках в нескольких губер-

ниях Российской империи, крупных землевладельцах Орловского края, выдающихся государственных деятелях конца XVII – первой половины XIX века и пойдёт далее речь, уважаемый читатель. В начале рассказа я использую архивные документы и справочную литературу.

Куракины – русский княжеский род, о котором в «Дворянской Родословной книге Орловской губернии» записано, что происходит он – **«от владельцев князей полоцких и литовских, ведущих в прямой линии свой род от Великого Князя Владимира Святославича Смоленского, который крестил Русскую землю»**. Правнук Великого князя Литовского Гедимина, князь Патрикий Александрович Звенигородский, согнанный князем Витовтом с удела на Волини, выехал в 1397 году в Новгород. Он стал родоначальником князей Патрикеевых, Хованских, Булгаковых и других.

Его праправнук, князь **Андрей Иванович Булгаков**, по прозвищу **Курака (?-1569)**, положил начало роду князей **Куракиных**, из которых в XVI и XVII веках 12 человек были боярами на Москве, а в XVIII и XIX веках несколько представителей большого семейства стали крупными государственными деятелями.

Наиболее известны историкам следующие персоны:

Иван Семенович Куракин (умер в 1632 году), который участвовал в 1606 году в боярском заговоре против Лжедмитрия II, в 1607 году спас от Тушинского вора Брянск, в 1608 году разбил у реки Москвы отряды Лисовского; при царе Михаиле Федоровиче в 1615-1620 годах служил воеводой в Тобольске, что явилось для него фактически почетной ссылкой.

Федор Семенович Куракин (умер в 1656 году) не раз отличался в царствование Михаила Федоровича в борьбе с поляками и татарами; был воеводой в Астрахани.

Григорий Семенович Куракин (умер после 1679 года) заведовал системой оборонных укреплений, ограждавших Московское государство с «Дикого поля»; участвовал в войнах с Польшей и Крымом; в 1673-1675 годах неоднократно управлял Москвой во время отъезда царя.

Федор Федорович Куракин (умер после 1683 года) в 1662 году способствовал усмирению в Москве Медного бунта; в 1674 году, при «объявлении» царевича Федора, был назначен к нему «дядькой», но в следующем году попал в опалу.

Иван Григорьевич Куракин (умер 15 сентября 1681 года); был женат первым браком на княжне Федосье Алексеевне Одоевской (умерла в 1677 году), дочери князя Алексея Никитича Одоевского; вторым браком – на княжне Марии Петровне Прозоровской (умерла в 1684 году), дочери боярина Петра Меньшого Семёновича Прозоровского.

В 1676 году начал службу стольником (*в древней Руси до XVII века – придворный, рангом ниже боярина, назначавшийся из представителей знатных дворянских родов и занимавший высшие должности в администрации; первоначально – придворный, прислуживавший за княжеским или царским столом* –

А.П.). В том же году назначен **комнатным стольником царя Фёдора Алексеевича**. С 1680 года – кравчий (*придворный чин Русского государства, ответственный за стольников, подающих еду и напитки – А.П.*). В 1681–1682 годах был воеводой в Смоленске с почётным титулом **наместника Псковского**. В 1682 году пожалован боярством. Находился при гробе умершего царя Фёдора Алексеевича (цитирую – А.П.):

«Того ж году мая в 19 день сидел у гроба великого государя боярин князь Иван Григорьевич Куракин...».

Был сторонником царицы Натальи Кирилловны, скончался 15 сентября 1682 года. По всей видимости, именно **Ивану Григорьевичу Куракину** принадлежала **древняя вотчина в Орловском уезде (Преображенское-Куракино)**, которая перешла затем к его старшему сыну Михаилу Ивановичу, а после его смерти, к среднему – Борису Ивановичу Куракину.

Борис Иванович Куракин (20.07.1676, Москва-17.10.1727, Париж), **государственный деятель и дипломат**, действительный тайный советник (1725). **С 1683 года – спальник при Петре I** (*придворный чин в Русском государстве в XV–XVII веках. Спальники дежурили в комнате государя, раздевали и одевали его, сопровождали во время поезда. Обычно спальниками становились молодые люди знатного происхождения – А.П.*), **в 1691-1693 годах участвовал в его воинских «потехах» под селом Семеновское, в 1694 году – в районе деревни Кожухово под Москвой. В 1691 году женился на Ксении Федоровне Лопухиной (?–1698) – сестре супруги Петра I Евдокии. Офицером участвовал в составе Семеновского полка в Азовских походах 1695-1696 годов.**

В марте 1697 года с группой дворянских недорослей послан под именем Бориса Иванова для обучения в Венецию. Изучал математику, механику, фортификацию и другие науки. Получил свидетельство мастера. В 1698 году вернулся в Москву и был назначен под Азов. В 1699 году сопровождал Е.И. Украинцева в Константинополь. В 1700 году участвовал в Нарвском сражении, в 1702 году – во взятии Нотебурга.

Принимал участие в строительстве Санкт-Петербурга. В 1707 году послан к римскому папе Клименту XI с заданием добиться непризнания Станислава Лещинского польским королем. После успешных переговоров посетил Венецию, Австрию, Гамбург, Голландию с целью предотвратить вербовку наемников в шведскую армию.

Участвовал в Полтавском сражении 1709 года, где командовал Семеновским полком. С 1709 года – полномочный министр в Лондоне. Пытался склонить Великобританию к посредничеству при переговорах между Россией, Швецией и Турцией. Во время и после Утрехтского конгресса 1711-1713 годов Куракину удалось удержать Великобританию от проявления открытой враждебности к России. Содействовал превращению в 1714-1715 годах Северного союза в мощную коалицию. С октября 1711 года – полномочный министр в Гааге. В 1712 году стал одновременно послом в Лондоне и Гааге.

Куракин вел также работу по заказу кораблей, приглашению на русскую службу иностранцев; при создании Санкт-Петербургской Академии наук способствовал приглашению в Россию иностранных ученых. В 1717 году сопровождал Петра I в путешествии по Франции. С января 1724 года – посол в Париже.

Куракин оставил путевые записки и автобиографию (доведенную до 1709 года) и составил подробный план для истории России, по которому успел написать лишь «Гисторию о царе Петре Алексеевиче и ближних к нему людях. 1682-1694 гг.». Завещал он свой капитал на устройство «шпиталья» для нуждающихся и отличившихся воинов. Вот как об этом написал Н.И.Новиков в «Древней Российской Библиотеке» (1774, ч.5): «...*Лёжа уже на одре смерти, завещал он сыну своему, князю Александру, построить госпиталь с церковью для 15 заслуженных офицеров и снабдить оную для содержания всеми потребностями сих офицеров, что и было исполнено*» (это учреждение под названием «Странноприимный дом князей Куракиных», «Богадельня Куракиных», «шпиталь» или «госпиталь», построенное по завещанию отца князем Александром Борисовичем Куракиным в Басманной Слободе, стало одним из первых в Российской империи богоугодных заведений и было известно многим в Москве – А.П.).

Борис Иванович Куракин стал первым известным нам владельцем имения Преображенское (Куракино) – с 1693 по 1727 год.

Вот что сказано об этом событии в сборнике «Восемнадцатый век по бумагам фамильного архива князя Ф.А.Куракина. 1905. Том второй, стр.185»:

«Преображенское-Куракино... при реке Неручи и речке Масловке..., составляя часть древней вотчины князей Куракиных, оно досталось в 1693 году князю Борису Ивановичу...».

В 1700 году ему было «отказано по грамоте из Приказа Казанского дворца» до 17 тыс. десятин «дикопорозжей земли» по рекам Хопер и Сердоба в будущей Пензенской губернии, где появилось село Борисоглебское-Куракино. В том же году Борис Иванович купил земли «за рекой Сурою, на речке Юловке, в иных урочищах», где поставил село Павло-Куракино, в настоящее время расположенное на территории Городищенского района Пензенской области.

Вот так сложились огромные земельные владения Бориса Ивановича Куракина, которые позже переходили к наследникам, то делясь на части, то иногда снова объединяясь.

(Использованы материалы книги: Сухарева О.В. Кто был кто в России от Петра I до Павла I, Москва, 2005)

Александр Борисович Куракин (31.07.1697-02.10.1749), **государственный деятель и дипломат**, действительный тайный советник, обер-шталмейстер (с 1736 года). Сын

*Куракин Александр Борисович
(портрет работы Александра
Рослина, 1776)*

князя Бориса Ивановича Куракина. С детства сопровождал отца в заграничных поездках, был одним из первых русских, получивших образование за границей. С 1722 года – камер-юнкер и советник посольства в Гааге, где его отец был послом.

В начале 1724 года Борис Иванович Куракин был назначен послом в Париже, а Александр Борисович 15.05.1724 года пожалован камергером и назначен представителем при Версальском дворце вместе с отцом. После смерти отца назначен в 1727 году послом в Париже. Покровительствовал учившемуся за границей В.К. Тредиаковскому.

В январе 1729 года Куракин возвратился в Россию, как родственник императора Петра II (его мать была родной сестрой бабки императора) занял высокое положение при дворе. Примкнув к противникам А.Д. Меншикова, Куракин способствовал его падению. Свое положение при дворе сохранял и при императрице Анне Ивановне. С марта 1730 года входил в ближайшее окружение императрицы. В июне 1730 года награжден орденом Св. Александра Невского и вскоре назначен обер-штальмейстером. В 1731 основал в Москве госпиталь для содержания отставных офицеров, увечных и раненых солдат.

В 1736 году вместе с А.П. Вольтинским и Д.А. Шепелевым включен в состав Высшего суда (под председательством императрицы Анны Ивановны) по разбору жалоб князя Константина Кантемира на решение Сената по делу его с мачехой. Куракин был ревностным сторонником Э. Бирона, поддерживал его в борьбе против Вольтинского.

В 1739 году назначен послом в Берлин, но в должность не вступил. Во время болезни императрицы одним из первых высказался за назначение Бирона регентом при императоре Иване VI. После прихода к власти правительницы Анны Леопольдовны первоначально сохранял свое положение при дворе. Однако затем, после показаний А.П. Бестужева-Рюмина, попал под подозрение, но указом от 24.04.1741 прощен.

Куракин Борис (Леонтий) Александрович (портрет работы Гроота Георга Кристофора, 1748)

При воцарении Елизаветы Петровны пожалован золотой цепью ордена Св. Андрея Первозванного. С 12.12.1741 года – сенатор. В последние годы жизни постоянно участвовал в особых совещаниях при дворе. Был женат на Аграфене Ивановне Паниной (03.02.1711–11.02.1786) – сестре П.И. и Н.И. Паниных.

Владелец имения Преображенское (Куракино) с 1727 по 1749 год.

(Использованы материалы книги: Сухарева О.В. Кто был кто в России от Петра I до Павла I, Москва, 2005)

Борис (Леонтий) – при крещении – А.П.) Александрович Куракин (11.07.1733 – 22.11.1764) – русский государственный деятель, гофмейстер, сенатор.

Сын обер-шталмейстера князя Александра Борисовича Куракина и Александры Ивановны, урождённой Паниной. О детских и юношеских его годах ничего не известно; в 1761 году – генерал-поручик; в 1762 году – гофмейстер.

Учредив 29 ноября 1762 года комиссию для решения вопроса о монашеских имениях, Екатерина II назначила в эту комиссию из светских лиц: сенатора, графа Ивана Воронцова, князя Сергея Гагарина, обер-прокурора св. Синода князя Козловского, Григория Теплова и князя Бориса Куракина. По учреждении Коллегии экономии 12 мая 1763 года князь Куракин был назначен ее президентом. Это было весьма важное назначение: Коллегия Экономии должна была собирать свыше полутора миллиона доходов, то есть почти десятую часть всего тогдашнего бюджета России.

Указом 30 марта 1764 года его управлению поручена была еще и Камер-коллегия, Куракин стал и сенатором. Из бумаг императрицы узнаем, что она была недовольна «безмолственным положением» Камер-Коллегии и назначением в президенты Куракина надеялась ее оживить. Отсутствие высшего правительственного учреждения, которое бы ведало финансами государства в их целом составе, было весьма существенным пробелом в русском государственном устройстве в течение всего XVIII в., и попытка создания такого ведомства, начатая соединением Камер-Коллегии и Коллегии Экономии, в высшей степени, замечательна. А князю Б. А. Куракину принадлежала в этом отношении, без сомнения, главная роль. В государственном архиве хранятся два доклада, представленные им императрице, по вопросам государственного хозяйства; после них он и был назначен президентом Камер-Коллегии. Императрица Екатерина высоко ценила деятельность Куракина.

Получив в Петербурге вести о серьезной его болезни, она отправила ему 21 ноября 1764 года следующий рескрипт, в котором две последние фразы приписала собственноручно:

«Князь Борис Александрович! Я безмерно сожалею, что вы больны и желаю слышать о вашем облегчении. Рекомендую вам для того оставить все ваши труды по делам, на вас положенные, потому что вы, как слышу, и в болезни их не покидаете. Не беспокойте себя отнюдь ничем, по коих пор совершенно не выздоровеете. Я слышу, что вы лекарства не принимаете, пожалуй, хоть для меня поберегитесь; мне ваше здоровье надобно».

Преемник князя Б.А. Куракина по президентству в Камер-Коллегии, А.П. Мельгунов, вполне усвоил идеи Куракина, и наказ от коллегии для депутата в Комиссию для сочинения проекта нового уложения явился повторением докладов кн. Куракина.

Напечатанные письма кн. Б. А. Куракина к сыну кн. А.Б. Куракину за 1763 и 1764 годы рисуют нам князя Б.А. Куракина человеком очень сердечным, серьезным и строго преданным своему делу.

В браке с Еленой Степановной Апраксиной у Бориса Александровича родилось семеро сыновей и две дочери, из которых пятеро умерли в младенчестве.

Куракина (Апраксина) Елена Степановна (неизвестный художник, 1760-ые годы)

Владелец имения Преображенское (Куракино) с 1749 по 1764 год.

Далее, уважаемый читатель, прежде чем перейти к характеристике князя **Алексея Борисовича Куракина**, следует сказать, что после смерти его отца в возрасте 31 года все его четверо оставшихся в живых детей были ещё несовершеннолетними. Дела по управлению имениями фактически находились в руках матери, Елены Степановны (Апраксиной – до замужества – А.П.), а формально все владения принадлежали Александру, Степану, Алексею и Ивану Борисовичам Куракиным, к которым, по мере наступления совершеннолетия, переходили все имущественные и хозяйственные права. Некоторое время все четверо совместно владели доставшимся от отца наследством. Это было зафиксировано в **«Ревизских сказках дворовых людей и помещичьих крестьян Малоархангельского уезда 1782 года (населённые пункты на буквы «Г-К»)**, ГАОО, ф.760, оп.1, ед.хр.380 (на 986 листах), в которых в Малоархангельском уезде были перечислены вотчины детей гофмейстера, действительного камергера, сенатора и разных орденов кавалера, **Бориса Александровича Куракина: действительного камергера и кавалера Александра, подполковника Степана, камер-юнкера Алексея, лейб-гвардии сержанта Ивана Борисовичей Куракиных.**

Населённых пунктов в списке оказалось 11. Все они сохранились до настоящего времени и территориально находятся в составе Глазуновского, Малоархангельского, Покровского и Свердловского районов. Сразу четыре населённых пункта оказались вообще самыми большими на тот период в Малоархангельском уезде: село Преображенское (1612 крепостных), деревня Гнилуша (1198), деревня Поздеева (1175) и сельцо Алексеевское (932 человека).

Куракин Степан Борисович (портрет из Орловского музея ИЗО)

Благодаря записям этой «сказки» стало известно, что три населённых пункта из куракинских владений – новопоселённые, то есть, появились в промежуток между 1763 и 1782 годом. Это нынешнее покровское село Алексеевка, свердловская деревня Борисоглебская (второе название – Мокрецы – А.П.) и малоархангельская деревня Петровская

(ныне – д.Петровка Каменского сельского поселения – А.П.). Общее число крепостных крестьян и дворовых людей, принадлежавших князьям Куракиным в этих владениях в 1782 году, составляло 7920 человек.

Раздел малоархангельских владений (как и всех остальных) между братьями произошёл в 1783-1784 годах, и здешними землями стали владеть два брата: **Алексей Борисович** и **Иван Борисович Куракины**.

Теперь перейду к биографическим данным князя Алексея.

Алексей Борисович Куракин (19.09.1759 – 30 (или 31, как в некоторых источниках – А.П.) 12.1829) – **российский государственный деятель, действительный тайный советник 1-го класса (1826), который занимал ряд высших постов в царствования Павла I и Александра I (генерал-прокурор и присутствующий в Совете его величества, Малороссийский генерал-губернатор и Министр Внутренних дел – А.П.), прямой предок всех последующих князей Куракиных.**

Сын гофмейстера, сенатора Бориса Александровича Куракина от брака его с Еленой Степановной Апраксиной; внук Александра Борисовича Куракина (1697-1749), брат Александра Борисовича Куракина (1752-1818). В детстве записан был в лейб-гвардии Конный полк. После смерти отца (1764 год) находился на попечении дядей – П.И. и Н.И. Паниных.

В начале 1775 года направлен в Лейденский университет, где слушал курс лекций вместе с братом. Интересовался юриспруденцией, составил библиотеку в 500 томов, которую в 1776 году вывез в Россию. В сентябре 1776 года произведен в прапорщики.

Будучи пожалован императрицей Екатериной II в камер-юнкеры (1779 год), перешел в гражданскую службу в канцелярию генерал-прокурора князя А.А. Вяземского. В 1780 году избран заседателем земского суда, а затем назначен в Экспедицию о государственных доходах. С 1786 года – камергер.

После вступления на престол императора Павла I получил вместе с братом крупные земельные пожалования. С **04.12.1796 по 8.8.1798 – генерал-прокурор и присутствующий в Совете его величества**; управлял делами Тайной экспедиции, а также занимался составлением Общего гербовника дворянских родов.

Одновременно в 1797-1798 годах – **министр уделов и главный директор Государственного Ассигнационного банка**. 05.04.1797 пожалован чином действительного тайного советника и орденом Св. Андрея Первозванного (19.12.1797).

*Куракин Алексей Борисович
(портрет работы Элизабет
Виже-Лебрён, 1799)*

Куракин Иван Борисович (портрет работы Фёдора Рокотова, 1770-ые годы)

После принятия императором Павлом I под свое покровительство Мальтийского ордена (1797) Куракин был назначен казначеем этого ордена, а также других российских орденов. **С декабря 1797 года одновременно – главный управляющий Вспомогательного дворянского банка, проект которого он сам составлял.** С декабря 1796 года осуществлял высшее руководство государственным коннозаводством.

В январе 1797 года по докладу Куракина утверждено новое разделение дел между департаментами Сената, одновременно создано 3 временных департамента. В декабре 1797 года представил доклад об учреждении школы юнкеров из дворян для обучения правоведению (при канцелярии Санкт-Петербургских департаментов Сената). В июле 1798 года Куракину вместе с А.А. Безбородко и А.И. Васильевым поручено обсуждение финансового положения казны. В результате интриг И.П. Кутайсова и Ф.В. Ростопчина Куракин в 1798 году был снят с поста генерал-прокурора и назначен присутствовать в 1-м департаменте Сената.

Вскоре вышел в отставку и жил в своем имении. С вступлением на престол императора Александра I вновь назначен присутствовать в Сенате. С сентября 1801 года – председатель Комиссии для пересмотра прежних уголовных дел. В 1802 году назначен малороссийским генерал-губернатором (в составе Полтавской и Черниговской губерний – А.П.).

По воспоминаниям архитектора В.Бакарева, Полтавскую губернию сам Куракин и открыл. Цитирую: *«Его резиденция была в Полтаве, где по его представлению воздвигнут был памятник бессмертному Петру I. За благоразумное управление сим краем России дворянства обеих губерний поднесли князю в торжественных собраниях: черниговскую золотую вазу, полтавскую табакерку (обе вещи ценились в 100 тысяч рублей)».*

После отставки В.П. Кочубея Куракин **24.11.1807 года был назначен министром внутренних дел.** При Куракине увеличился штат министерства; в 1808 году создано Главное управление мануфактур. В сентябре 1809 года в ведение министерства передан Комитет для приведения в лучшее состояние человеколюбивых заведений. В октябре 1809 канцелярия при министре по штату главного директора почт преобразована в Почтовое отделение. Под руководством Куракина в 1808 году выработан новый устав Медико-хирургической академии, в 1809 году основана газета «Северная почта». В 1809 году по ходатайству Куракина получено разрешение на выдачу ссуд и пособий купцам и мещанам для создания новых фабрик и заводов (около 3 млн руб.). В марте 1810 года Куракин направлен в Париж с чрезвычайной миссией по случаю бракосочетания императора Наполеона I с Марией-Луизой.

А теперь ещё одно добавление из воспоминаний Владимира Бакарева, поскольку об этой деятельности Алексея Борисовича ни в каком другом источнике я не находил: *«Князь Куракин в 1812 году был отправлен Государём в полуденный край России (т.е. в Крым – А.П.), с неограниченным полномочием, для уничтожения свирепствовавшей там чумы... Князь велел потопить несколько кораблей, прибывших в Одессу с зачумленными товарами... За успешное и благоразумное прекращение чумы и за представленный и сочиненный карантинный устав князь удостоился получить благоволение Государя, а Академия наук поднесла ему диплом на докторское достоинство».*

В 1821-1829 годах Алексей Борисович был председателем Департамента государственной экономии, а с ноября 1825 года – ещё и председателем Комитета для пособия разоренным от наводнения в Санкт-Петербурге.

В день восстания 14 декабря 1825 года Куракин находился в Зимнем дворце, весь день провел с членами семьи императора. Входил в состав Верховного уголовного суда по делу декабристов. С 1826 года стал именоваться Канцлером российских орденов.

От брака с Натальей Ивановной Головиной (1766-1831) имел сына Бориса (1784-1850) и двух дочерей: Елену (замужем за графом Николаем Ивановичем Зотовым) и Александру (в первом браке замужем за Николаем Сергеевичем Салтыковым, во втором – за генерал-адъютантом П.А. Чичериным).

Алексей Борисович Куракин – владелец имения Преображенское (Куракино) с 1783 по 1829 год.

Имение Преображенское (Куракино) во времена князя Алексея Борисовича Куракина

После ранней смерти Бориса (Леонтия) Александровича Куракина 22 ноября 1764 года все его дети оставались ещё несовершеннолетними. Старшему, Александру, едва исполнилось 12 лет, а младшему, Дмитрию, не было и года. Поэтому всем большим недвижимым имением Куракиных первое время управляла вдова покойного князя – Елена Степановна, из рода Апраксиных.

По-братски, на четверых

А когда четыре оставшихся в живых сына подросли, то все они некоторое время считались совладельцами имений своего умершего отца. В 1783-1784 годах все четверо договорились о любовном разделе отцовского наследства. Александр Борисович получил вотчины в Вологодском, Воронежском, Пензенском, Саратовском,

*Князь Алексей
Борисович Куракин
(портрет В.А. Бакарева)*

Наталья Ивановна Головина
(портрет Элизабет
Виже-Лебрён, 1797)

Симбирском, Смоленском наместничествах и дом в Санкт-Петербурге, Степан Борисович – имения во Владимирском, Московском, Тверском наместничествах и дачу по Петергофской дороге, **Алексей Борисович – вотчины** в Московском и **Орловском наместничествах, Иван Борисович – в наместничествах** Воронежском, Костромском и **Орловском**.

В Малоархангельской округе Орловского наместничества Алексею Борисовичу первоначально отошли сёла Преображенское и Александровское (Гнилуша тож), селцо Алексеевское, деревни Борисоглебское, Каменка, Мишково, Нижняя Гнилуша и Петровское с 2777 душ крепостных крестьян. Ивану Борисовичу Куракину достались село Богородское (Богородицкое), деревни Верхняя Гнилуша, Степановка, Поздеево,

да ещё село Жирятино в Кромской округе. После смерти Князя Ивана Борисовича в 1827 году его орловские имения достались Алексею Борисовичу, так что к концу жизни число вотчин этого самого знаменитого из Куракиных (наравне с родным старшим братом Александром) заметно увеличилось.

Я сейчас назову все населённые пункты Малоархангельского уезда, которые принадлежали Алексею Борисовичу Куракину в 1827-1829 годах, составляя его огромную вотчину в почти 36 000 десятин (такую цифру приводит в своих воспоминаниях «Где найдёшь Москву другую» архитектор Владимир Бакарев – А.П.). Это **сёла**: Куракино (Преображенское), Александровка (Александровское, Гнилуша тож), Богородицкое (Богородское), Липовка (Алексеевское), Покровское (Дубовик тож); **деревни**: Аленовка (Оленовка, Еленино), Борисовка, Верхняя Гнилуша, Егорьевка (Георгиевское), Елизаветино (Кокорево), Ивановка, Каменка, Константиновка, Миловка, Мишково, Мокрецы (Борисоглебское), Натальино, Нижняя Гнилуша, Никитовка, Панская, Поздеево, Похвальное, Приятное, Степановка (Шевляки, Шевлякова).

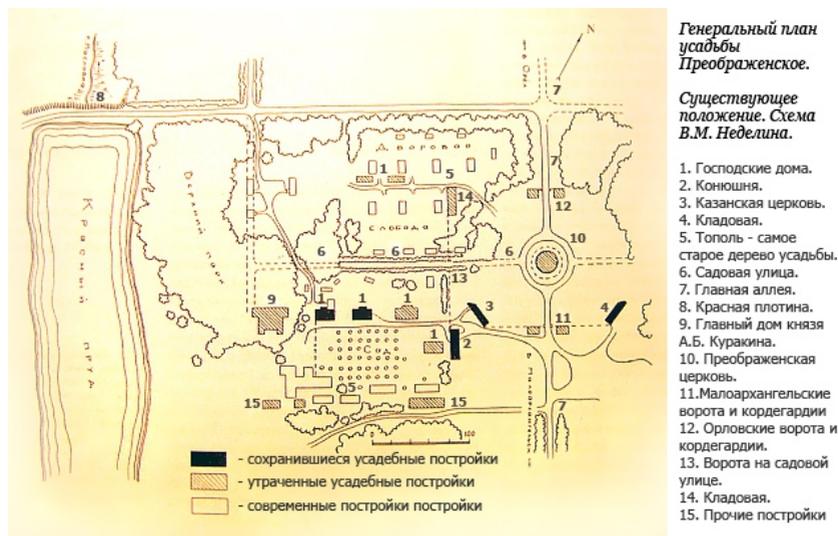
Куракинская «столица»

Из всех перечисленных селений, главным, несомненно, было Куракино (Преображенское) – «столица» обширных княжеских владений. Первое имя село получило по фамилии владельцев, а второе – по названию построенного здесь замечательного храма, о котором речь впереди.

А пока же о самом Преображенском. Оно находилось в 55 верстах к юго-востоку от губернского города Орла и в 18 верстах к северу от уездного Малоархангельска. Через село протекала небольшая речка Масловка (приток Неручи – А.П.) и проходили почтовая дорога из Орла в Малоархангельск и Большая Киевская дорога.

Карта владений князей Куракиных

Генеральный план усадьбы Преображенское (Куракино).

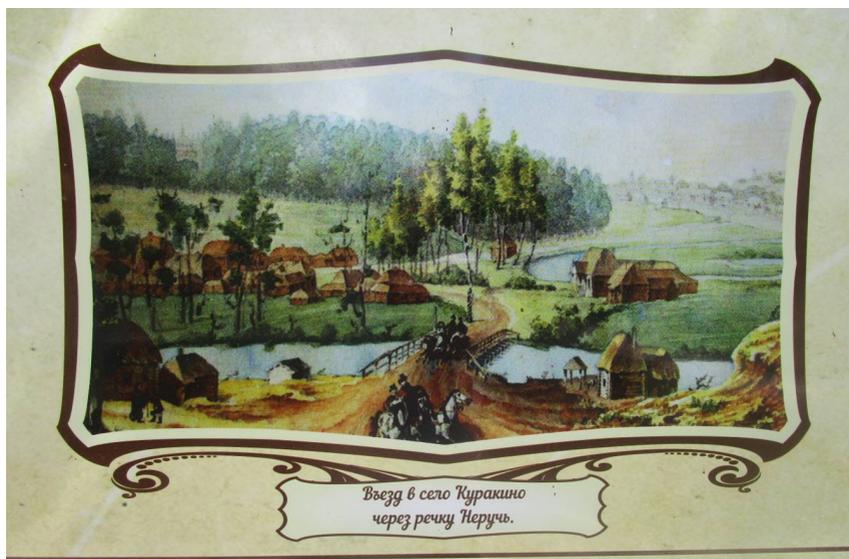
Каждый приезжающий в Куракино – как со стороны Орла, так и со стороны Малоархангельска, мог убедиться в том, что все дороги, не только почтовые, но и соединявшие главные пункты княжеского хозяйства, вместе с их мостами, верстовыми и поворотными столбами, находятся в образцовом состоянии: окопаны, обсажены берёзами и ракетами для защиты от снега зимою и жары летом.

Все усадьбы по ходу движения пассажиров, все сады, огороды и пастбища – были обнесены живыми заборами, канавками и глубокими рвами, улицы усадеб украшались палисадниками – с высаженными перед домами тополями (любимое дерево князя – А.П.), а на других улицах имелись бульвары.

Впечатление от замечательности куракинской вотчины у гостей князя только усиливалось по мере их продвижения и приближения к «столице», селу Преображенскому, которое в ночное время, для порядка, охранялось 25 сторожами под руководством обходчиков и конных объездчиков. Фактически это была местная полиция, которой руководил полицмейстер из числа бывших военных.

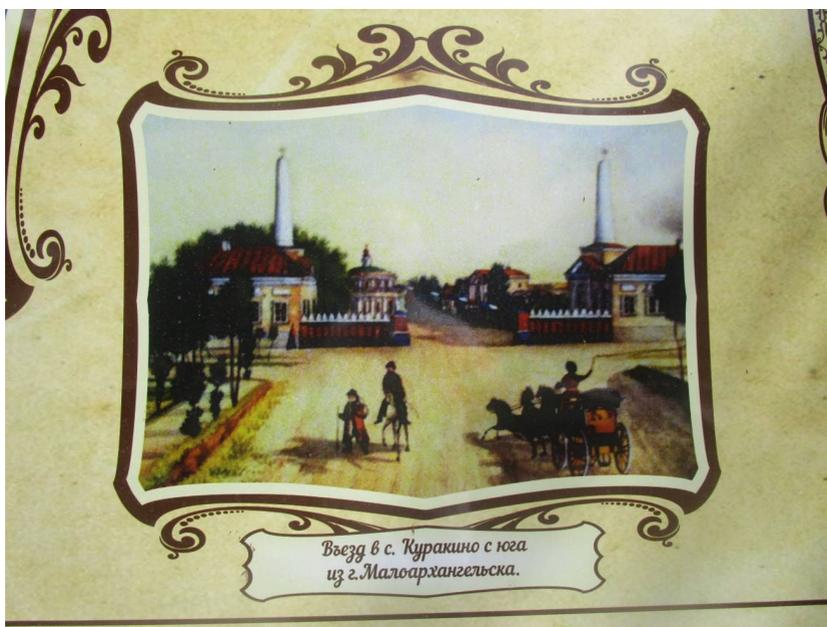
А теперь, дорогой читатель, мы с тобой совершим заочное путешествие по владениям князя Алексея Борисовича, который сразу после совершения раздела наследства с братьями, начал в селе Преображенское масштабные строительные работы, изменившие облик вполне заурядного ранее имения (князь приказал даже перенести кладбище, чтобы оно не портило картины для подъезжающих гостей – А.П.). Ну а что получилось в целом за два десятилетия масштабных преобразований – я сейчас читателю покажу.

Теплая церковь
Казанской Божией Матери.

Въезд в с. Куракино с юга
из г. Малоархангельска.

Главный въезд в усадьбу со стороны Орла поражал великолепием. Дорога, украшенная липовыми посадками, подводила к усадебным воротам, которые с двух сторон обрамлялись одноэтажными зданиями кордегардий, увенчанными обелисками (вообще, кордегардия (от фр. corps de garde) – это помещение для караула, охраняющего крепостные ворота. Является разновидностью фортификационных сооружений. Обычно располагалось у входа или выхода из них, рядом с самими воротами, нередко было приспособлено для обстрела из него (через бойницы) пространства под воротами. Кордегардией также обозначалась гауптвахта или любое караульное помещение, помещение для страж – А.П.).

По всей видимости, аналогичные кордегардии находились и на противоположной стороне площади, при выезде в сторону Малоархангельска. Сразу за воротами, образуя с ними единый ансамбль, стояла Преображенская церковь-ротонда, являвшаяся его композиционным центром (о самой церкви – ниже – А.П.).

От Преображенской церкви аллея поворачивала вправо (если смотреть со стороны Орла), открывая «перспективу» главной – **Садовой улицы**, упиравшейся в садовый партер, за которым виднелись заречные дали.

Садовый «проект» делил имение на две части: господскую и служебно-хозяйственную. Недалеко от Преображенского храма, за службами, находились здания ризницы и вторая усадебная церковь – Казанская, тёплая, предназначенная для зимнего богослужения. Это было *«двухсветное здание с очень скромной архитектурной отделкой, увенчанное небольшой колоколенкой над западным фасадом»*.

Напротив церкви во имя иконы Казанской Матери Божией располагалось абсолютно такое же здание кладовой, отличавшееся от храма лишь отсутствием колокольни. Церковь и корпус кладовой соединялись между собой деревянным штакетником с воротами и служили своеобразным парадным проездом на Садовый проспект.

Дальше, за Казанской церковью, всю левую сторону Садовой улицы занимала господская часть, центром которой являлся большой (38X38 метров) деревянный усадебный дом-дворец из 50 комнат, с залами в два света и галереями (возведённый Алексеем Борисовичем Куракиным – А.П.), за которым располагался регулярный фруктовый сад. В одном из помещений дворца находилась домовая церковь во имя Святителей Московских Петра, Алексия и Ионы, устроенная в 1818 году в верхнем этаже в небольшой круглой комнате диаметром всего 7 метров. Службы в ней велись только по большим праздникам, в основном, – связанным с семейными датами. В 1830 году, после смерти Алексея Борисовича, церковь упразднили, а имущество передали в приходскую Казанскую церковь.

По правой стороне Садового проспекта располагались многочисленные одноэтажные службы и хозяйственные постройки, а ещё какое-то количество служб имелись в различных местах по всей территории усадьбы. Сюда относились: каменные и деревянные дома для прислуги, кладовые, караульные помещения, мастерские, конюшня, каретный сарай, учительский корпус, кузница, вотчинные больница и училище, баня, два скотных двора, оранжереи, теплицы, парковые павильоны и многое другое – всего несколько десятков строений.

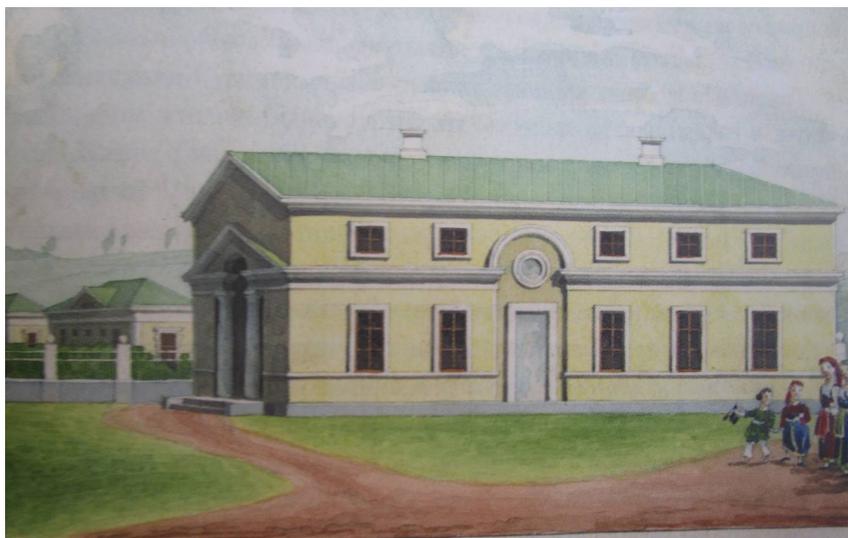

Красный пруд в селе Куракино

Важной частью усадьбы являлся пейзажный парк, разбитый по берегам Красного пруда. Искусствовед Владимир Неделин в своём исследовании «Преображенское (Куракино)», опубликованном в сборнике «Русские провинциальные усадьбы XVIII– начала XX века» (Воронеж, 2001), сделал вывод, что *«Благодаря единству архитектурного облика, продуманности планировки и малых форм – решёток, колодцев, оград, беседок – Преображенское представляло собой живописный классический ансамбль, свидетельствующий как о безупречном вкусе и богатстве хозяина, так и о профессионализме работавших по его заказам архитекторов»*. Среди них особенно большую роль сыграл Владимир Алексеевич Бакарев, прибывший в Куракино совсем молодым, 19-летним, человеком и проработавшим в усадьбе 8 лет – с 1820 по 1828 год. Впоследствии он стал очень известным архитектором, реставратором, преподавателем и автором воспоминаний, уже упоминавшихся выше («Где найдёшь Москву другую?» – Москва, 2012). Часть этих мемуаров посвящена его жизни в Куракино и наполнена живыми и точными подробностями о событиях и людях, имевших отношение к этой знаменитой усадьбе.

Баня в Большом парке.

Руины господского дома.

Сохранившиеся части куракинского винокуренного завода.

От пшеницы и гречихи – до арбузов, дынь и ананасов

Начну, пожалуй, с экономической составляющей – с основных занятий куракинских крестьян, дворовых и даже его наемных работников (были и такие).

Основу хозяйства составляло растениеводство, а главными сельскохозяйственными культурами были пшеница, рожь, гречиха, конопля. И если почти вся рожь использовалась как продовольствие для дворовых людей и на винокурение, то продажа пшеницы, гречихи, пеньки, канатов (изготовленных из выращенной в имениях конопли – А.П.) и поставка в казну вина составляли значительную часть дохода куракинских имений.

Не менее важной отраслью сельского хозяйства было для князя и животноводство. У Алексея Борисовича имелись: конский завод (одиннадцать маток и два английских жеребца), несколько скотных дворов с крупным рогатым скотом (свыше 1000 голов), овчарни (более 3000 голов), пасека (пчельник, расположенный вдали от основных владений, в девственной роще). Большая часть продукции животноводства (молоко, сметана, сыры, так называемое «чухонское», то есть высшего качества, и обычное коровье масло, мясо) шла для внутривладельческих нужд.

Но этими основными отраслями не ограничивалась хозяйственная деятельность куракинской вотчины. В ней имелись прекрасные фруктовые сады (приносившие годовую прибыль до 2000 рублей в год), в отдельном длинном каменном корпусе помещались персиковые, абрикосовые, сливовые и вишнёвые деревья, были разбиты огороды с превосходными грядками клубники, выстроены: померанцевая оранжерея (в которой выращивались цитрусовые культуры), ананасные теплицы и воздушные парники, в которых произрастали прекрасные арбузы и дыни.

Фрукты подавались на стол как в свежем виде, так из них варили и множество самых разных видов вкуснейшего варенья.

Сады резиденции стояли на прудах, из них главный – Красный, созданный на месте бывшего болота, с изумительной чистоты водой, без какой-либо зелени и тростника, давал для куракинского стола огромных карпов и карасей, а из соседних прудов и с реки Неручи привозили щук и другую рыбу.

Помимо улучшенного садоводства и хлебопашества в имении имелись прекрасные огороды и бахчи с парниками, в которых выращивались овощи, арбузы и дыни, частично шедшие на барский стол, частично – в госпиталь, а остальные – продавались на базаре. Собранный на огородах хмель поступал на винокурный завод, а огурцов собиралось так много, что участок с ними сдавался в аренду («на откуп»).

Для постоянного улучшения своей экономии Алексей Борисович следил за новинками сельского хозяйства, и в его вотчине была введена новейшая по тем временам трёхпольная система севооборота, вместо сох для пахоты использовались плуги, выращивались всевозможных сортов и наименований ягоды, фрукты, цветы, появился на полях для корма многочисленного скота клевер, рос редкий для средней полосы лён.

Для лучшей обработки выращенного зерна появились в Куракино веялки и молотилки, новой системы овины.

От кирпича и кружев – до муки и вина

Теперь несколько слов о промышленности в княжеском имении. В нём действовало несколько фабрик: суконная, коверная, кружевная и швейная. Последние три работали для домашнего употребления, а суконная некоторое время производила ткани и для продажи, но спустя полтора года, понеся убытки, была вынуждена закрыться.

Заводов тоже было несколько. Следует назвать, в первую очередь, кирпичные, на которых производили как сырцовый кирпич (без обжига), так и обожжённый. Первый шёл для неотапливаемых зданий и заборов, а второй – на строительство домов, церквей и других зданий. Кирпича в имении всегда требовалось много, потому что постоянно что-то строилось или ремонтировалось. К примеру, на сооружение церкви Петра, Алексия и Ионы в селе Липовка (Алексеевское) ушло около миллиона штук кирпича.

Винокуренных заводов у князя Куракина было два: один – в Орле (потом прекратил свою деятельность – А.П.), второй – в Куракинском имении (если быть точным – то в Хорошевской даче – А.П.) и был одним из самых больших в Орловской губернии. Он приносил князю приличный доход (один из немногих постоянных).

В 1804 году на винокуренных заводах производилось не менее 40 000 вёдер *«горячего хлебного вина»* (тогдашнее название ржаной водки крепостью около 40 градусов – А.П.). Ведро как мера жидкости составляло на Руси 12,3 литра (хотя изредка было равно 15 литрам). Таким образом, объём производства куракинских заводов, – 492 000 литров ежегодно, был очень солиден и сравним с некоторыми из современных ликёро-водочных или спиртовых предприятий.

В начале XIX века, впрочем, как и сейчас, в отношении производства и продажи спиртного существовала строгая регламентация. Князь Куракин на своих заводах мог «курить» вино, но продавать его сам он права не имел. Эти занимались питейные откупщики.

С одним из них, елецким I гильдии купцом Желудковым, главноуправляющий Томсен (*«от лица своего господина»*) в конце 1803 года заключил контракт на поставку 40 000 вёдер *«горячего хлебного вина»* в два места (сейчас это мы называем, наверно, торговыми точками, а тогда это именовалось *«дистанции»* – А.П.) – Разбегаевку и Очки (населённые пункты современных Свердловского и Глазуновского районов – А.П.).

Доставить вино в эти «дистанции» должны были люди князя Куракина, не сразу, а тремя партиями. Сентябрьская треть, к примеру, составила 5000 вёдер. На провоз его в 165 огромных бочках требовалось получить специальное разрешение – ярлык, который и был выдан Томсену 12 октября 1804 года Малоархангельским уездным судом после тщательной проверки затребованного сюда оригинала контракта на поставку вина.

Из промышленных заведений в куракинском имении следует назвать также ветряные мельницы, одна из которых, огромная каменная, вырабаты-

вала до 60 четвертей муки в сутки (более 12 тонн). Имелись также «крупчатка» (мельница для производства самой лучшей пшеничной муки тонкого помола – А.П.) и маслобойный завод.

Несколько слов следует добавить также о добыче большого количества болотного торфа, который шёл на топку печей и на винокурный завод, поскольку лесов в имении имелось не много, и дров на отопление не хватало. Торф, добываемый в одном из мест, сжигался и обращался в красный порошок, который употреблялся на посыпку дорожек садов, а частично – на очень прочную краску для железных и деревянных крыш во всём имении.

В селе Каменка добывали дикий (гранитный) камень, который использовался для фундаментов строившихся в имении больших зданий, в нескольких местах «гасили» известь.

В состав многоотраслевого куракинского хозяйства входили также разнообразные мастерские: столярная, слесарная, шорная, кузнечная, малярная, стекольная. В них работали замечательные мастера, которые не только ремонтировали сломавшиеся вещи, но и изготавливали новые, часто – достаточно сложные изделия: мебель дубового дерева, к примеру, или экипажи.

О тех, кто трудился, и как к ним князь относился

Теперь, когда я рассказал о том, что собой представляло имение князя Алексея Борисовича Куракина с точки зрения хозяйственной, скажу, что весь этот производственный процесс осуществляли от четырёх до семи тысяч крепостных крестьян (после включения в его состав деревень и людей умершего в 1827 году брата, Ивана Борисовича – А.П.) и около 800 душ дворовых людей.

Причём, за сравнительно короткое время, за 12 лет, прошедших с момента вступления в права наследования (1783-1795) как в числе населённых пунктов, так и в общем количестве крепостных крестьян и дворовых людей, работавших в имениях князя Алексея Борисовича Куракина, произошли серьёзные изменения. Перечислю некоторые из них.

1. Появилось несколько новых деревень: **Аленино (Оленино, Еленино** – 237 крепостных душ), **Константиновка** (крестьяне переселены из села Александровка – 114 душ), **Никитина** (крестьяне переселены из сёл Преображенского и Александровского), **Новая Панская (Панская** – крестьяне переведены из села Александровского, 188 крепостных душ), **Сандрина (Сандровка**, крестьяне переведены из села Преображенского).

2. Из принадлежавших князю Алексею дворовых и крестьян в других губерниях Российской империи в Малоархангельский уезд было переселено 15 семей:

из села Архангельское, Павловское тож, Городищенской округи Пензенского наместничества – семьи Горшковых, Морозовых, Чесноковых;

из села Александровского Сердобской округи Саратовского наместничества – семья Шибановых;

из села Борисоглебского, Надеждино тож, Сердобской округи Саратовского наместничества – семьи Долговых и Пегих;

из села Елдигино Богородской округи Московского наместничества – семьи Пожарских, Щукаревых и две семьи без фамилий;

из села Приемково Ростовской округи Ярославского наместничества – семьи Горбуновых и Горшковых;

из деревни Петровенки Донецкой округи Екатеринославского наместничества – семья приказчика Попова;

из деревни Добрановой Любенской округи Ярославского наместничества – семья Колобовых;

из Полатовского винокуренного завода Ливенской округи Воронежского наместничества – семьи Ворошнинных, Дунченковых, Пигалицыных;

из слободы Александровской Валуйской округи Воронежского наместничества – семьи Заикиных и Мамоковых.

Кроме них, из села Лепёшкино Орловской округи Орловского наместничества князю достались по купчей от поручика Ивана Петрова сына Штенбега двое дворовых без фамилий.

И, наконец, очень экзотическое приобретение: *«Купленные с публично-го торгу в Московской губернской канцелярии в 1760 году, выведенные из персиян полоняне, воспринявшие греческое исповедание – Михаил Парамонов (49 лет), его жена Мавра Осипова (21 год) и сын Михаила от первой, умершей жены – Алексей (16 лет)»*, об этих бывших пленных следует сказать, что в будущем они приобрели фамилию – **Персияниновы**, а один из членов этого семейства, Александр Алексеевич, стал управляющим куракинских имений уже после смерти Алексея Борисовича, и все члены его семьи были отпущены на волю в 1857 году – А.П.).

Перехожу, уважаемый читатель, непосредственно к трудовому процессу. Крепостные были заняты, в основном, на барщине (обрабатывали поля и трудились в животноводстве и на винокуренном заводе – А.П.). Дворовые же исполняли самые разные обязанности непосредственно при дворе князя Куракина: были писарями, бухгалтерами, архивариусами, стряпчими в конторах имения, приказчиками, смотрителями, официантами, камердинерами, лакеями, поварами, кондитерами, ездowymi, берейторами, конюхами, кучерами, садовниками, огородниками, скотниками, столярами, кузнецами, слесарями, фельдшерами, лабораторщиками, ключниками, егерями, птичницами, коровницами, мастерицами на фабриках, суконщиками, прачками, пасечниками, рыбаками, лесничими, швейками, портными, парикмахерами и пр. и пр.

Теперь, дорогой читатель, когда я рассказал тебе об имени Преображенское, пора перейти к взаимоотношениям князя с его подданными. По мнению одного из первых дореволюционных исследователей биографии Алексея Борисовича, историка и архивиста, Владимира Николаевича Смольянинова, *«...в куракинских поместьях мы видели ещё в 18 веке школы,*

больницы и богадельни и, за малым исключением, не встречали ни произвола, ни жестокости к крестьянам...», а в его хозяйстве наблюдалась «... мудрая организованность, следствием которой являлись замечательное благосостояние крестьян...».

Примеры этому я приведу на основании воспоминаний архитектора Владимира Бакарева, прожившего в усадьбе Преображенское во времена князя Куракина долгих 8 лет («Где найдёшь Москву другую» – Москва, 2012).

В отношении крестьян, бывших на барщине, когда случались у них неурожайные годы, князь всегда давал им семена для посева и, в дополнение, кормил их хлебом, которого закупал на десятки тысяч рублей. У других помещиков в это время крепостные довольствовались лебедой и дубовой корой. Многие из крестьян Куракина были зажиточны, некоторые торговали пенькой и имели приличное состояние. А нищих в имении не было вовсе.

Его дворовые имели собственные дома или помещались в специально для них устроенных слободах, где они жили в отдельных домиках со всеми удобствами, получая жалованье за службу, харчевые деньги, хлеб и отопление. Всякий из них имел корову, кур, уток и даже гусей. Жёны служивших мужей большей частью избавлялись от работ, в общем, дворовые люди князя Куракины жили вполне припеваючи – по разным причинам, и это была одна из серьёзных статей его расходов.

Каждый год, 5 октября, в День Ангела князя, в Преображенской церкви служилась обедня, после неё – молебен о здравии именинника с многолетием, после чего начиналось венчание заранее избранных князем из пяти бедных семейств пар, каждой из которых князь дарил на свадьбу 50 рублей ассигнациями, лошадь, корову, несколько овец и хлеб. Если князь в этот день был в имении, то все пять пар новобрачных с их родными и знакомыми угощались вином и обедом в палатках на лугу, напротив его дома. Когда князя в имении не было, новобрачных угощал главноуправляющий в том имении, где их венчали.

19 сентября, в день рождения князя, всем младенцам, родившимся в этот день (или на этот день), выдавалось от князя по 10 рублей. На Пасху же для всех проживавших в имении устраивался настоящий праздник, с раздачей пасх и куличей.

В Куракино князь устроил богадельню для одиноких и престарелых дворовых и крестьян. И это лишь часть того, как он помогал своим людям.

Как принимали гостей

А теперь, читатель, перейду к рассказу о гостях, достаточно часто приезжавших в Преображенское (Куракино). Их с самого начала обслуживала многочисленная «дворня», обеспечивая размещение, питание и развлечения. Последние были практически на любой вкус.

Все приезжие, их прислуга и даже лошади «были всем довольны в изобилии». Иные гости жилали по несколько дней и по несколько раз за лето. Каж-

дому из них отводилась отдельная квартира со всеми удобствами и потребностями, назначалась прислуга, а в случае надобности – ещё и экипаж. Всякому гостю ежедневно подавался утром чай или кофе, завтрак и ужин (с приличным вином). Бывали гости, которые лечились у куракинских докторов и, разумеется, жили за счёт князя.

Ежедневный обед начинался во всякое время года в три часа и состоял (без гостей) из горячего и холодного соусов, из зелени, жаркого и хлебного, после подавался десерт; летом – ягоды со сливками, простокваша с разными прибавлениями и фрукты, зимою – варенья, сушёные фрукты и орехи. За столом всегда стояло превосходное олонекское вино (вообще вином были полностью забиты два огромных подвала – А.П.) и превосходное мценское пиво. В постные дни за столом были рыбные блюда (рыба – из астраханских княжеских ловель – А.П.).

При наличии гостей к столу подавали вместо одного по два блюда ежедневного кушанья и вино (с подноса в рюмках): мадера, «Эрмитаж», рейнвейн, ликёр, шампанское (почти всегда – розовое).

Сам князь кушал пять блюд, которые всегда подавались ему на стол в особо сделанном фарфоровом судке и были так легки, что их можно было подавать грудным детям, поскольку у Алексея Борисовича вовсе не было зубов, и он, кроме прочего, соблюдал диету и без совета доктора ничего не делал. Кушанья князь запивал водой с шампанским. За столом всегда играла духовая музыка, а в дни именин его или супруги – инструментальная, которая размещалась в зимнем саду, рядом со столовой. Князь любил угощать гостей и делал это с большим удовольствием.

Во время обеда вся прислуга Алексея Борисовича (особенно – при нём и в доме) всегда была одета в белые камзолы, фракы при белых галстуках, а лакеи – в ливрейную, гербовую, княжескую форму и вела себя чрезвычайно вежливо и с достоинством.

Вечером гости собирались к князю пить чай и слушать музыку его музыкантов. Один из них превосходно играл на скрипке, другой – на виолончели, третий – на флейте и т.д.

Кроме удовлетворения желудка и слуха князь предлагал гостям и другие развлечения, например, охоту. На его землях, болотах и полях водилось множество пернатой дичи: бекасов, вальдшнепов, дупелей, гагар, гусей, дроф, стрепетов, перепелов, голубей и другой. За исключением птиц, охотились также на зайцев, лисиц и волков (эти водились в небольшом количестве – А.П.).

Любителям флоры Алексей Борисович предлагал посетить ботанический сад, рассадник (питомник), оранжерею или зимний сад, в котором даже при 20 градусах мороза зеленели деревья, порхали птички, распевая песни.

Особо приближённых гостей Куракин возил на дачу, в трёх верстах от Куракино – по направлению к селу Липовка (Алексеевское), которую его жена, Наталья Ивановна, назвала «**Киньгрусть**». Здесь у князя был устроен настоящий зверинец – с оленями и кроликами.

Гости, наконец, могли побывать на базаре, который каждую субботу проходил в селе Преображенское, и на который сходились и съезжались не только местные и окрестные жители, но и купцы из Малоархангельска и соседних уездов, а также соседские помещики. Чего здесь только не продавалось: от продуктов здешнего сельского хозяйства до заморских диковинок.

Известные люди, посещавшие усадьбу Куракино

В общем и целом, село Куракино (Преображенское), по словам его владельца, представляло собой «paradis» – настоящий рай. С этим соглашались все приезжавшие сюда – как в гости, так и по каким-то делам: «У князя Алексея недостаёт только зелёной лошади и птичьего молока».

Императрица Елизавета Алексеевна (портрет Элизабет Виже-Лебрён - 1797).

Александр Алексеевич Аракчеев (портрет Джорджа Доу, 1824).

Персона, с которой я начну перечисление известных лиц, побывавших в селе Преображенское (Куракино), практически никогда не называлась в исследованиях орловских краеведов, что само по себе удивительно. Ведь о траурном кортеже с телом Императора Александра I написано много – как о пребывании его в Орле, так и об остановке в Куракино (смотри, читатель, материал о Преображенской церкви из сборника «Восемнадцатый век. Княже-Куракинские церкви» – А.П.). Но именно в указанном сборнике имеется строчка, что **Императрица Елизавета Алексеевна**, уже вдова Императора Александра I, возвращалась из Таганрога тем же маршрутом, что и кортеж с её почившим супругом. Однако Царица побывала в Куракино, будучи, хотя и больной, но живой. Точная дата её остановки и ночлега в Преображенском в той строчке-ссылке не названа (конец апреля 1826 года – это точно – А.П.), и никаких подробностей её пребывания в усадьбе князя мне найти пока не удалось.

Граф Алексей Андреевич Аракчеев, бывший военным министром с 1808 по 1810 год, а потом – основатель известных военных поселений, вельможа, пользовавшийся неограниченным доверием Александра I, посетив имение Куракино в октябре 1823 года, отзывался о нём с большой похвалой и нашёл его в отличном состоянии.

Такого же мнения, естественно, был **его адъютант Пётр Андреевич Клейнмихель**, в последующем – российский государственный деятель из известного немецкого рода и беспрекословный исполнитель воли Николая I. 13 лет, с 1842 по 1855 год он был главноуправляющим путей сообщения и публичных зданий, курировал строительство Николаевской железной дороги.

Те, кто приезжал в Куракино по делам службы, и кого принимали соответствующим образом (к примеру, **орловский губернатор Николай Иванович Шредер, вице-губернатор Иван Семёнович Храповицкий и председатель Орловской Уголовной Палаты, действительный статский советник Федор Филиппович Филиппов** – А.П.), в том же 1823 году, говаривали: *«Только Князь Алексей может иметь это... и это, ...и это»*.

Что уж сказать о многочисленных гостях, особенно тех, кто посещал имение регулярно, а их насчитывалось полтора десятка. **Начну с Якова Ивановича Лобанова-Ростовского**, сменившего А.Б.Куракина в должности Малороссийского генерал-губернатора. В 1810 году он получил чин действительного тайного советника за труды по заготовке продовольствия для Молдавской армии, а в 1812 году им было сформировано, по собственной инициативе, 17 малороссийских казачьих полков, которые отправились в Тулу и Калугу, а для защиты Малороссии Яков Иванович собрал земское ополчение. Позже он занимал должность председателя департамента законов Государственного Совета.

Посещали Преображенское герои Отечественной войны 1812 года: **генерал-лейтенант Карл Фёдорович Корф** (мужественно сражался со своим вторым резервным кавалерийским корпусом под Витебском и Смоленском, проявил исключительную отвагу в Бородинском, Тарутинском, Малоярославецком и Вяземском сражениях, умер и похоронен в Орле, на кладбище мужского Свято-Успенского монастыря – А.П.), **Фёдор Петрович Уваров** (старший генерал-адъютант в свите Александра I, участник многих сражений Наполеоновских войн, генерал от кавалерии, первый шеф Кавалергардского полка – А.П.),

Николай Васильевич Кретов (генерал-лейтенант, в составе 2-й кирасирской бригады 2-й кирасирской дивизии участвовал в Бородинской битве и баталии под Красным, принимал участие в Заграничном походе Русской армии – А.П.), **Михаил Николаевич Мацнев** (генерал-майор, участвовал в Смоленском, Бородинском сражении, где был контужен, был в Заграничном походе, брал Париж, по выходе в отставку жил в своём имении в селе Столбечкое Малоархангельского уезда, совсем рядом с Куракино, там же умер и похоронен – А.П.), **Андрей Андреевич (Гидеон Генрих) фон Засс** (генерал-лейтенант, участник многих сражений, в том числе Бородинского, Заграничных походов и войны с Турцией 1828-1829 годов, обладатель Золотого оружия «За храбрость» – А.П.).

*Генерал-майор
Михаил Николаевич Мацнев,
герой войны 1812 года.*

*Полковник Яков Фёдорович
Скарятин, помещик
Малоархангельского уезда.*

Среди соседей-помещиков, гостивших у князя Куракина, следует назвать, прежде всего, **Якова Фёдоровича Скарятина**, отставного полковника, участника сражения при Аустерлице, обладателя золотого оружия «За храбрость» и одного из убийц царя Павла I, **Ивана Васильевича Журавского**, отставного штабс-капитана, участника войн с Францией, Малоархангельского городничего в 1811-1815 годах, **Николая Афанасьевича и Сергея Афанасьевича Мацневых** (первый – Малоархангельский уездный судья, второй – Малоархангельский уездный предводитель дворянства), **Николая Васильевича Мухортова**, отставного гвардии штабс-ротмистра, владельца имения в селе Фёдоровке, **Ивана Гавриловича Юрьева**, владельца имения в сельце Черёмухова Плота.

И, наконец, стоит сказать о лице духовном: **Иона, архиепископ Тверской**, тоже однажды, проездом, посетил Куракино. Вообще-то, наверняка, владыка бывал здесь и раньше, поскольку с 1817 по 1821 год он был епископом Орловским и Севским (в миру – Иваном Дмитриевичем Павинским – А.П.). По распоряжению князя архиепископа встретили на границе имения, «...где он пересел из дорожного экипажа в четверместную карету, запряжённую в шесть вороных лошадей цугом, в шорах. Он прямо приехал в церковь, где его встретило духовенство, с крестом, в богатых ризах, с певчими. Иона обедал у князя и вскоре после обеда отправился в дальний путь...».

О месте Вечного покоя князя Алексея Куракина и его жены

А теперь, уважаемый читатель, несколько слов о князе **Алексее Борисовиче Куракине как храмостроителе**. Будучи по-настоящему православным христианином, он многое делал для того, что церкви в его владениях не только просто существовали, но и процветали. Он строил новые, ремонтировал старые, приобретал для них необходимое имущество и утварь.

Когда 30 (или 31 – по другим источникам – А.П.) декабря 1829 года князь Алексей Борисович скончался, то тело его погребли в склепе под построенной им Преображенскою церковью. Сын его, князь Борис Алексеевич, приказал «из парчевого покрова, для погребения покойного батюшки приготовленного, сделать для церкви села Куракина ризы; бархатные подушки, на которых при похоронной церемонии несены были ордена, оставить в церкви, употребить на воздух и на прочие церковные утвари; плащи траурные, попоны, трехугольные шляпы и сукно с катафалка хранить в кладовой, а траурное платье оставить у тех, для кого оно было сделано».

В 1831 году в склепе под Преображенскою церковью погребена была супруга князя Алексея Борисовича, княгиня Наталия Ивановна. В стене над склепом вставили медную доску со следующей надписью: «Здесь покоятся бранные остатки Создателя храма сего, Действительного Тайного Советника, Государственного Совета Департамента экономии Председателя, Сенатора, Канцлера Российско-Императорских Орденов, Действительного Камергера и Орденов: св. Апостола Андрея Первозванного с алмазными украшениями, св. Благоверного Князя Александра Невского, св. Равноапостольного Князя Владимира большого креста первой степени, Св. Анны первого класса Кавалера, имевшего знак отличия 45-летней беспорочной службы и Дворянскую бронзовую медаль в воспоминание 1812 г., Князя Алексея Борисовича Куракина, родившегося 1759 г. сентября 19 дня, скончавшегося 1829 г. декабря 31 дня, и Супруги его, Двора Его Императорского Величества Штатс-Дамы, Ордена Св. Великомученицы Екатерины меньшого Креста Кавалерственной Дамы, Княгини Натальи Ивановны Куракиной, урожд. Головиной, родившейся 1766 г. авг. 16 дня, скончавшейся 1831 г. июля 2 дня».

(Здесь я сделаю дополнение на основании находки орловского краеведа Владимира Труханова, который в одном из Санкт-Петербургских музеев обнаружил «Метрику для получения верных сведений о древнеправославных храмах, божих зданиях и художественных предметах». Одна из записей её относится к селу Преображенское Малоархангельского уезда Орловской губернии. Цитирую: «*В Преображенской церкви на юго-западной стороне погребён храмоздатель Князь Алексей Борисович Куракин и супруга его. Над склепом квадратная чугунная решётка, по местам позолоченная, на древе иконы Спасителя и Божией Матери. Ниже икон – медная вызолоченная доска с надписью – кто здесь погребён и когда*» – А.П.).

Доходы, расходы, долг

Теперь, уважаемый читатель, когда я постарался рассказать тебе о наиболее важных моментах жизни князя Алексея Борисовича Куракина в селе Преображенское и о существовании самого имения в 20-ые годы XIX века, ты должен был понять, что затраты на содержание этого обширнейшего хозяйства (включая и оплату труда тех, кто в нём трудился) получались солидные. Но ведь и доходы от имения тоже имелись. Соблюдался ли необходимый баланс того и другого?

По воспоминаниям архитектора Владимира Бакарева, князь Алексей Борисович Куракин был очень пунктуальный человек, все работы в его имении производились по заранее намеченному плану и в соответствии со сметой расходов, отчёт о выполнении которой поступал к нему еженедельно, ежемесячно, ежеквартально. Он эти отчёты внимательнейшим образом изучал и замечал малейшие недоработки и неточности, вплоть до последнего израсходованного гвоздя или сломанной ложки (и это не преувеличение – А.П.). Князь создал разветвлённую систему контроля над процессом всех производимых работ в имении: существо-

вали Главная вотчинная контора и Главноуправляющий (в начале века им был иностранец Джордж (Егор) Томсен, в 1827 году – Н.А.Горшков), в подчинении которого имелся целый штат слуг, следивших за порученным им участком. Казалось, при таких строгостях не возможны были лишние или не нужные траты. Но так только казалось...

Ведь, в конечном счёте, всё определял сам князь. Алексей Борисович долгое время позволял явно излишние траты, в соответствии с давними традициями. Содержать дворню (дворовых людей) в числе 800 душ, было очень обременительно, поскольку многие из них никакого собственного продукта не создавали, были обслугой, «на побегушках», или развлекали князя и его гостей (певчие, музыканты, егеря, сторожа и т.д.). К тому же, у некоторых дворовых, бывших на жалованье, не работали их жёны.

Беспрерывные строительные и ремонтные работы на объектах в имении (включая очень большие по объёму господские здания, церкви, и даже целые деревни, например, 60 домов в деревне Мокрецы – Борисоглебской) требовали найма строительных бригад и оплаты их труда на постоянной основе.

Чуть меньшие затраты требовались на поддержание существования парников, теплиц, оранжерей, парков, зимних садов (доходы с них были минимальны или их не было вовсе – А.П.).

Часть расходов я назвал ранее, говоря о князе как благодетеле для своих крепостных и дворовых (давал, дарил, спасал от голода, обучал, лечил, содержал – А.П.).

Ну и были чисто личностные моменты, связанные с судьбой близких князю Куракину людей. За своего зятя, графа Николая Ивановича Зотова (мужа старшей дочери Елены – А.П.), к примеру, он, как поручитель по долгу, заплатил 500 тысяч рублей, хотя Елена Алексеевна давно с мужем разошлась.

Сёстры Куракины - Елена и Александра (портрет работы Владимира Боровиковского).

300 тысяч рублей ушло у Алексея Борисовича на то, чтобы добиться прав дворянства для незаконнорожденных детей младшей дочери, Александры, которая сбежала от первого мужа, Салтыкова, а в гражданском браке со вторым, героем Отечественной войны 1812 года, генералом Петром Александровичем Чичериным, родила шестерых детей и скончалась в 29-летнем возрасте.

Сын, Борис Алексеевич Куракин, не имея состояния, пока был жив отец, умудрился влезть в долги (любовь и карты виноваты – А.П.) на сумму в 500 тысяч рублей – снова «отдуваться» пришлось папе-князю. Выдача замуж двух внучек, графинь Зотовых, – обошлась ещё 600 тысяч рублей.

Когда в 1818 году скончался старший брат, сенатор, многих орденов кавалер и действительный советник 1-ого класса Александр Борисович Куракин, то вместе с его именными и 7 тысячами душ крепостных Алексею Борисовичу достался и долг более 4 миллионов рублей.

Содержание собственной семьи, как царского вельможи, обходилось Куракину примерно в 600 тысяч рублей ежегодно (ассигнациями или 200 тысяч серебром – А.П.).

Покупка хлеба в голодные годы на семена для своих крестьян и для их прокормления в иные годы обходилась не менее 200 тысяч рублей.

Кроме этого, князю хронически не везло с его «прожектками»: построенные суконная фабрика и сырный завод, которые задумывались для производства товаров на рынок, очень быстро «прогорали» по причине неудачного подбора руководителей.

Даже рыбные ловли в Астраханской губернии, которыми Алексей Борисович Куракин владел совместно со старшим братом, не спасали ситуации: доход от них оказался минимален и не возмещал всех убытков князя. Он был вынужден то и дело брать займы только для *«своего существования и поддержания имени своего знаменитого рода и собою приобретённого титула»* (впервые это случилось в 1795 году, когда князь заложил в банк более двух тысяч своих крепостных – А.П.). В конце жизни Алексей Борисович перезаложил всё своё имение в банк на 37 лет, но ситуации это не спасло.

После смерти князя Куракина 30 декабря (или 31) 1829 года его долг составил свыше 7 миллионов рублей.

Вот что написал в своих воспоминаниях архитектор Владимир Бакарев по поводу этого несчастья с князем Алексеем Борисовичем: *«Он никогда не был игроком, никогда не был бессмысленным мотом, не любил пышности, гордости, тщеславия. Все его удовольствия ограничивались в доведении имения в лучший вид. Для того он ничего не жалел и тут только мотал деньги. И если не всегда получал от сего пользу или прибыль, зато сколько кормилось от его рук семейств, так что деньги его пропадали не даром. Они сушили нередко слёзы бедности, спасали от порока праздности и бездействия, они доставляли многим образовывать себя и понимать, что они такие же люди! Другие благоденствовали, что спокойно могли окончить преклонные свои лета под сенью княжеской мантии, прикрывшей их без тщеславия – из одной только христианской любви (Бакарев имеет в виду созданную Куракиным для одиноких престарелых дворовых и крепостных богадельню – А.П.). Такими и подобными употреблением расходовался годичный доход князя. Он понимал, что деньги есть только средство для счастливой жизни и возможность более делать добра ближнему. Это была высокая его черта!»* (Многим современным олигархам бы так, уважаемый читатель – А.П.).

Вскоре после смерти князя, для расчёта с его должниками, Высочайшим Указом императора Николая I было создано Попечительство над недвижимыми именными Алексея Борисовича Куракина.

В 1839 году Попечительство продало первое из предназначавшихся для погашения долга куракинских имений – село **Богородское**. Его приобрёл за 351 750 рублей (ассигнациями) со всею землёю штабс-капитан Петербургского жандармского дивизиона М.М.Лесник. В том же году село **Алексеевское**, деревни **Натальино** и **Панская** перешли к внукам князя Куракина, сыновьям его дочери Александры – Константину, Павлу и Петру Чичериным.

В 1841 году газета «Орловские губернские ведомости» несколько раз давала объявление о продаже других имений (цитирую – А.П.):

«Орловские губернские ведомости» (1841 год, №39)

О имениях Г.Тайного Советника Князя Куракина, назначенных в продажу

Орловское Губернское Правление доводит до общего сведения, что Попечительство, Высочайше утверждённое над недвижимыми именными Г. Тайного Советника Князя Куракина, для удовлетворения частных его долгов, назначило в продажу в Орловском его имении следующие участки, состоящие в Орловской губернии в Малоархангельском уезде:

1. Село Покровское и деревня Мишково, в семи верстах от Малоархангельска, 313 ревизских мужских душ, земли пахотной, коноплянику, сенокосу, частью лесу и болотной торфяной до 1090 десятин, доходу приносит в год в ассигнациях 14 350 рублей.

2. Деревни Степановка и Берёзовка на реке Неручи, в виду Курского тракта, 185 ревизских мужских душ, земли пахотной, конопляников и сенокосу 730 десятин, да под поселением и выгонами 125 десятин, всего 855 десятин; крестьяне платят оброку 9 250 рублей, и от заведений получается 1260 рублей, вообще годового доходу на ассигнации 10 510 рублей, земли все в круглой меже, нечерезполосные.

3. Деревня Поздеева на реке Неручи, подле Малоархангельского тракта, 891 ревизских мужских души, всей земли 3677 десятин, доходу приносит в год на ассигнации 45 410 рублей; крестьяне оброчные, платят с каждого тягла по 125 рублей ассигнациями. Эта деревня может быть продана с разделением на четыре участка: 1-ый – 62 двора, 260 душ, с 971 десятиной земли; 2-ой – 56 дворов, 242 души, до 834 десятин земли; 3-ий – 52 двора, 227 душ, с 803 десятинами земли; 4-ый – 50 дворов, 188 душ, с 613 десятинами земли. При втором и третьем участках имеются мукомольные мельницы. Все земли в круглой меже, нечерезполосные.

4. Деревня Ивановка, на большой Курской дороге, 124 души мужских ревизских, земли 519 десятин, крестьяне оброчные и доходу получается в год на ассигнации 6250 рублей. Владение в круглой меже, нечерезполосное.

Вообще во всех участках чернозём, крестьяне трудолюбивые и промышленные. Многие из них имеют свои заведения: ветряные мельницы, маслобойни, рушки, красильни, кузницы и прочее. Кроме деревни Ивановки, поголовно оброчной, в прочих участках имеются значительные хозяйственные заведения господской запашки.

Желающие купить означенные участки соблаговолят явиться в контору Орловского имения в Куракино, в 50 верстах от Орла, или в Канцелярию Попечительства в Санкт-Петербурге, по Средней Подьяческой улице, в доме Г.Македонского».

6 апреля 1842 года село Покровское (Дубовик), деревни Мишкова, Степановка и Берёзовка были проданы воспитаннику князя Александра Борисовича Куракина, барону Ипполиту Александровичу Вревскому за 95 тысяч 464 рубля 28 копеек.

Деревню Поздееву в 1848 году купил за 186 900 рублей тайный советник Пётр Дмитриевич Норов, а в следующем, 1849 году, он стал владельцем и деревни Ивановки – за сумму в 26 040 рублей.

Остальные имения в Малоархангельском уезде перешли по наследству к сыну Алексея Борисовича – Борису Алексеевичу Куракину, дипломату и чиновнику (камергеру, сенатору), к концу жизни сосредоточившему в своих руках все сохранившиеся после выплаты долга богатства этого рода.

И в заключение документального рассказа о первых князьях Куракиных и, особенно, об Алексее Борисовиче, приведу одну легенду, связанную как раз с ним.

Золотой Рог *(легенда о князе Куракине)*

Есть в Покровском районе Орловской области населённый пункт с очень интересным названием – Золотой Рог. Я довольно долго пытался выяснить, кто и когда дал малюсенькому посёлку в самом центре Орловщины имя морского залива, на берегу которого стоит Владивосток (впрочем, город Стамбул, бывший Константинополь, тоже расположен на берегу Золотого Рога).

История от Зеленова

Несколько лет назад разговаривал я со старожилками покровского Золотого Рога, и один из них, крепкий тогда ещё старичок лет под 90, по фамилии Зеленов, к сожалению, уже ушедший в мир иной, рассказал мне историю, которая в его семье передавалась из поколения в поколение.

Пращур моего рассказчика был дворовым человеком князей Куракиных. Самые знатные и богатые помещики Малоархангельского уезда (свыше 30 тысяч десятин земли), они обосновались в наших местах в конце XVII века, когда князю Борису Ивановичу Куракину, участнику сражений под Нарвой и Полтавой, досталась огромная вотчина, центром которой стало село Преображенское (Куракино). Большое сельцо Липовка (Алексеевское), расположенное у самого истока речки Липовец, тоже вошло в состав этих владений.

Спустя сто лет хозяйствовал в имении правнук первого владельца – князь Алексей Борисович Куракин. Карьера его не была ровной и гладкой, ведь сегодня царь милостив, а завтра гневен. Павел I, сначала благоволивший к Куракину, быстро к нему охладел и вскоре освободил от всех должностей. Вот тогда-то, чтобы быть подальше от царских глаз, Алексей Борисович перебрался из

столиц в провинциальное поместье, и на несколько лет его судьба оказалась связана с Орловщиной.

Свою усадьбу Преображенское князь быстро превратил в одно из самых выдающихся «дворянских гнезд» Орловской губернии, замечательный по своему архитектурному совершенству «заповедник классицизма». На окраине же сельца Липовки, в 10 верстах от Преображенского, по приказанию князя был выстроен большой комплекс хозяйственных построек. Здесь находилась и огромная княжеская псарня.

Гончие гонят, борзые берут...

Псовая охота являлась одним из любимых увлечений Куракина, для этого он содержал около сотни борзых и гончих. А прашур моего рассказчика был выжлятником – специалистом по обучению, содержанию и подготовке к псовой охоте гончих собак Алексея Куракина.

Охоту на волков, которых множество тогда водилось в нашей местности, князь Алексей особенно любил. Выезжал на неё по первотропу с огромным количеством сопровождающих и сворой своих лучших гончих и борзых (на всякий случай скажу, что гончие зверя загоняют, а борзые волка уже берут – А.П.). Верховые лошади тоже были специально подготовленные – чтобы не боялись ни бездорожья, ни выстрелов, ни дикого зверя.

Охотничью амуницию для князя изготавливали лучшие иностранные мастера. Говорили, что ружьё, к примеру, один французский оружейник чуть ли не 10 лет создавал, оно было очень лёгкое и кучно било дробью. Кроме ружья, Куракин гордился и необычным охотничьим рогом. Какой зверь носил его когда-то – неизвестно, но звук, им издаваемый, был слышен за пару вёрст. Зайцы, по разговорам, оказавшись поблизости, падали замертво, а лисы и волки цепенели. По приказу князя инструмент был украшен золотом по всей поверхности, на которой были изображены несколько картин охоты на волков. И хотя от золотого покрытия рог стал намного тяжелее, но зато такого инструмента не было ни у кого из самых знаменитых охотников начала XIX века.

«Идёт охота на волков...»

В ту осень князь Алексей Борисович пригласил на охоту друзей из соседних губерний, тоже любителей псовой охоты. Началась травля волков. Гончие гнали, а борзые были наготове. Но князь, в горячке увлечёвшись преследованием матёрого волка, оторвался от остальных охотников и всех своих слуг. Огромный вожак, спасаясь от гончих, забрался в такую чащобу, что князь, пытаясь не отстать от собак, потерял сначала головной убор, потом порвал ремень ягдташа и разбил пороховницу. А через несколько минут случилось самое страшное – верный конь Куракина, не одну охоту с ним отбивший, споткнулся вдруг, и Алексей Борисович перелетел через его голову.

Упал мягко, на хвою рухнувшей ели, но любимое ружьё при ударе о ствол переломилось пополам. Конь же сломал ногу и лежал, издавая жалобное

ржание. И никого больше рядом! Не привык к этому князь, растерялся. Волк же вдруг остановился и развернулся в сторону гончих, заглывавшихся отчаянным лаем. Гончие сами волка взять не могли, и матёрый волчище это понимал. А лай их ни борзые, ни выжлятники не услышали – слишком далеко оторвался Куракин со своим авангардом от остальных.

Роговая судьба

Прошло полчаса, глянул князь: у волка уже подкрепление – целая свора серых собралась. Потемнело у Куракина в глазах: «Неужто смерть?» Хорошо хоть, гончие сгрудились, окружили хозяина со всех сторон, лают, не дают волкам сразу наброситься. Но серых хищников всё больше и больше становится. И приготовился князь к гибели верной, молитву шепчет. А в ней – обет даёт: «Матушка Пресвятая Богородица! Жив останусь – церковь в Липовке построю, пусть народ в неё ходит!»

Раз прочёл молитву, другой, и тут вдруг вспомнил о роге своём золотом. За ремень схватился – а его нет, при падении, видно, соскочил с кольца. Стал шарить князь вокруг, под хвойными лапами, и отчаялся было уже, как – вот он, блеснувший в начинавшихся сумерках, его любимый рог.

Прижал Алексей Борисович инструмент к губам – и волки в страхе отскочили: такой устрашающей силы звук раздался. Услышал его первым пращур рассказчика, он ближе всех к месту происшествия находился. Прискакал быстро. А волки ещё быстрее скрылись в глуби лесной. Как только князь Куракин увидел примчавшегося на помощь выжлятника Ивана (так звали пращура Зеленова) – сознание потерял, видно, из последних сил держался. С трудом Иван тяжеленного князя на коня втащил и рысью назад помчался.

Так и закончилась эта история, вполне благополучно. Только вот золотой рог-то на месте том и остался, не подобрал его слуга. И не нашли его позже, сколько ни искали. За это князь Куракин «отблагодарил» спасителя – пятьюдесятью розгами. Но обет свой спасённый выполнил. Через несколько лет появилась в Липовке вместо деревянной новая красивая каменная церковь, для строительства которой князь пригласил лучшего ученика великого русского архитектора Казакова. Называться храм стал именем трёх святителей Московских – Алексея, Петра и Ионы. А село Липовку отныне только селом Алексеевским стали называть, по имени князя. Большое было селение, зажиточное.

Самого Ивана-выжлятника после тех событий прозвали Золотым рогом. И прозвище это закрепилось за дальним концом села, где он проживал. А уже при Советской власти Золотой Рог стал отдельным посёлком, сохранив своё историческое название. Сам главный персонаж событий, князь Алексей Борисович Куракин, скончался в 1829 году в своём любимом Куракино и был погребён в склепе под Преображенским храмом.

Церковь Алексея, Петра и Ионы в селе Алексеевка сохранилась до настоящего времени. Существуют пока и хозяйственные постройки князя Куракина в

посёлке Золотой Рог. Местная агрофирма до недавнего времени использовала их по прямому назначению. А пропавший золотой рог долго, но без особого успеха, пытались найти многие кладоискатели.

Церковь Петра, Алексея и Ионы в селе Алексеевка и её жители (лето 2014 года).

Преображенское и его владельцы с 1830 до 1917 года

После смерти князя Алексея Борисовича Куракина выяснилось, что последующие почти 90 лет, вплоть до революции 1917 года, крупных государственных деятелей его масштаба среди потомков не оказалось, хотя почти все они продолжали оставаться верной опорой трона и были при царском дворе или около него. Но, если быть честным, его единственный сын Борис и последующие внуки, правнуки уже не «дотягивали» до уровня знаменитого Генерал-прокурора и правителя губерний Малороссийских. Всё-таки, в основном, Куракины второй половины 19-ого и начала 20-ого века – это деятели губернского и уездного значения, хотя порой они и на высшие ступеньки карьеры поднимались.

Перечислю всех представителей княжеского рода, которые с 1830 до 1917 года были владельцами имения Преображенское (Куракино), дав им краткие характеристики с некоторыми дополнениями.

Борис Алексеевич Куракин (13 сентября 1784 – 2 октября 1850, Харьков) – сын генерал-прокурора Алексея Куракина от брака с Натальей Головиной, крестник Екатерины II.

В возрасте 15 лет был записан в Коллегию иностранных дел, в 20 лет пожалован в камергеры (старшее придворное звание – для лиц, имевших чин III и IV класса в дореволюционной России и некоторых монархических государствах, а также лицо, носившее это звание – А.П.). В 1810 году Борис Алексеевич состоял при посольстве отца, посланного в Париж с поздравлением к Наполеону по случаю бракосочетания французского императора с Марией-Луизой.

По возвращении в Россию служил в министерстве финансов. 13 января 1822 года Куракин был назначен сенатором с присвоением чина тайного советника. Борис Алексеевич отличался особенной самостоятельностью в решении дел, резкостью суждений, прямоотой и твёрдостью убеждений, неподкупностью и честностью, что снискало расположение императора Александра I. В 1826 года князь Куракин был назначен в Верховный уголовный суд по делу декабристов, а в 1827 году царь поручил ему провести ревизию Западной Сибири, результаты которой комитет министров оценил как «беспримерные».

В 1833 году Борис Алексеевич Куракин навсегда оставил службу. Оставшись единственным продолжателем рода по мужской линии, он сосредоточил в руках огромное состояние с множеством имений, хотя некоторая их часть (в частности, в Малоархангельском уезде Орловской губернии – А.П.) была продана за долги его отца, Алексея Борисовича. Однако Борис Алексеевич продолжил старания своего родителя по благоустройству и украшению села Преображенского, лично вникая во все детали и продолжая держать в имении архитектора.

Владимир Алексеевич Бакарев в своё время, в 1828 году, покинул Преображенское (Куракино), но спустя несколько лет, став владельцем имения, князь Борис Куракин нанял нового. Вот какую запись обнаружил я в метрической книге Преображенской церкви за 1841 год («Часть вторая. О бракосочетавшихся», ГАОО, ф.220, оп.2, ед.хр.812 (на 113 листах, без начала и конца):

*«30 июня 1841 венчались в церкви Орловской Казённой Палаты **архитектор, коллежский регистратор Матвей Николаев Рычков, первым браком, 25 лет, и Малоархангельской округи села Преображенского, что в Куракине из дворян девица Наталья Николаева Гойдукова, 19 лет.***

Поручителями (свидетелями) выступили: по жениху – «...села Преображенского князя Куракина дворовые люди Димитрий Михайлов Головкин и Фёдор Михайлов Волков; по невесте – того же помещика управляющий имением Орловский 3-ей гильдии купец Василий Андреев Горюхин и дворовый князя Куракина человек Александр Алексеев Персиянинов...» (это потомок тех самых «полонян из персиян», купленных Куракиными ещё в 1760 году, спустя ещё несколько лет бывший дворовый Персиянинов будет отпущен на волю и станет управляющим в имении князя – А.П.).

В 1830 году князь Куракин утвердил эскиз фасада решетки, предполагавшейся «устроить у главного господского дома», а также планы и фасады суконной фабрики, двух конюшенных изб и скотного двора. По его указанию в 1832 году вокруг Преображенской церкви устроена ограда.

Скончался Б.А.Куракин 2 октября 1850 года в Харькове. Похоронили его в пещерах Святогорского Успенского монастыря (Изюмский уезд Харьковской

губернии, ныне – православный монастырь Украинской православной церкви Московского патриархата в городе Святогорске Донецкой области – А.П.).

Борис Алексеевич Куракин был владельцем имения Преображенское (Куракино) с 1830 по 1850 год. Ему также принадлежали: село Александровское и деревни: Берёзовка, Борисовка, Верхняя Гнилуша, Георгиевская (Егорьевская), Каменка, Миловка, Нижняя Гнилуша, Никитская (Никитовка), Петровская, Поздеева, Сандровка, Шевляки (Степановка), Экономическая и сельцо Хорошевское (бывшая дача «Киньгрусть» – А.П.).

Родной сестре Бориса Алексеевича Куракина, графине Елене Алексеевне Зотовой в качестве приданого достались деревни Борисоглебская, Еленина, Константиновка и сельцо Приятное.

Село Алексеевское и деревня Натальина перешли внукам Алексея Борисовича Куракина – Петру Петровичу и Павлу Петровичу Чичериним.

Поскольку у Бориса Алексеевича Куракина имелось два сына – Алексей (04.05.1809–20.12.1872) и Александр, то имения после смерти отца они поделили на две части. Орловские владения (в Малоархангельском уезде) достались Александру Борисовичу Куракину (третьему по счёту князю с таким именем-отчеством в роду – А.П.).

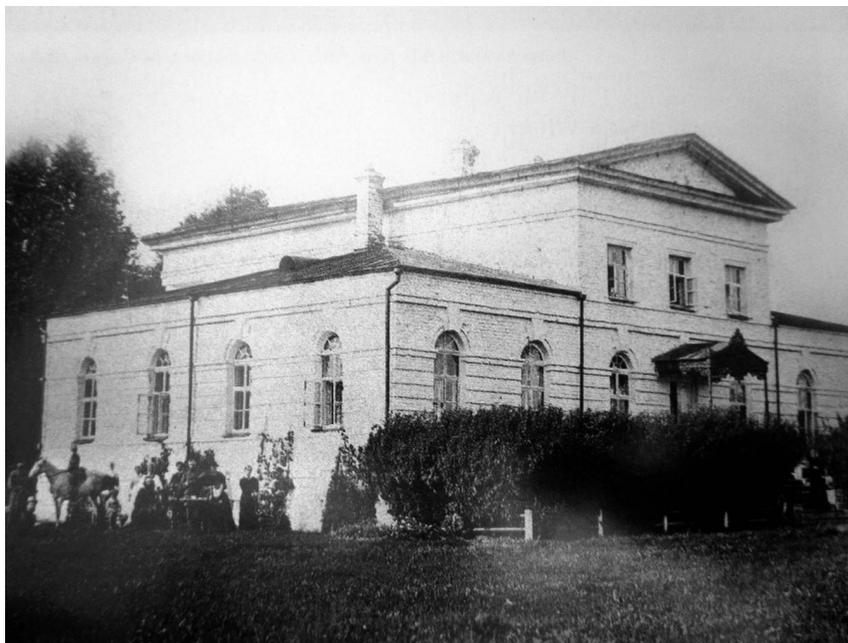
Александр Борисович Куракин (Третий, 1813 – 6 февраля 1870) – генерал-майор, участник подавления Польского восстания, крупный землевладелец Орловской (свыше 7 тысяч десятин земли в Малоархангельском уезде – А.П.) и Пензенской губерний (около 10 тысяч десятин в Сердобском уезде – А.П.).

Младший сын дипломата Бориса Алексеевича Куракина от брака с княжной Елизаветой Борисовной Голицыной.

Воспитывался в частном учебном заведении; в службу вступил в Измайловский полк в июне 1830 года подпрапорщиком. Дослужившись до прапорщика, в апреле 1834 года был переведен в кавалергарды корнетом. Кавалергардскому полку Александр Куракин оставался верен свыше 20 лет, став в нём полковником и командиром 1-ого дивизиона.

В составе Кавалергардского полка Александр Борисович участвовал в Польской войне (1830-1831), в Венгерском походе (1849) и Крымской войне (до 1855 года – А.П.), в ходе которой Куракин был удостоен генерал-майорского чина. После увольнения в запас в 1862 году князь Куракин начал большие работы по ремонту церквей в родовом селе.

В 1861-1863 годах Преображенский храм отделали искусственным мрамором, возобновили позолоту на иконостасе и провели другие работы, а 20 июля 1863 года после ремонта храм вновь освятили. В 1866 году по просьбе Александра Борисовича архитектор М.М.Баранов сделал рисунок нового иконостаса для Казанского храма взамен обветшавшего, чем князь остался чрезвычайно доволен. Однако в следующем году ему пришла в голову другая мысль: сделать новый иконостас из двух – старого Казанского и иконостаса упраздненной домовый церкви в усадебном доме, что и было исполнено орловским цеховым мастером Н.А. Жарковым. Кроме того, в Куракино капитально отремонтировали все здание Казанской церкви с перedelкой интерьеров и снесли внутреннюю галерею.

Усадебный дом князей Куракиных.

Поддерживал материально князь Куракин появившееся здесь ещё при его отце сельское приходское училище.

Очень любопытно, что при князе Александре Борисовиче все его крепостные крестьяне, ещё за несколько лет до отмены крепостного права, имели фамилии, хотя в подавляющем большинстве случаев в Российской империи крепостные стали носить их только после 1861 года.

В 1870 году князь Александр Борисович Куракин был погребен в склепе под храмом обновленной Казанской церкви «как возобновитель и благоустроитель оной». Он являлся владельцем имения Преображенское (Куракино) с 1850 по 1870 год и стал последним из его хозяев, похороненным в своей усадьбе. Останки князя были найдены археологической экспедицией под руководством Александра Иншакова (Липецкая область) в июне 2019 года.

Борис Александрович Куракин (1840-1922) – сын Александра Борисовича Куракина, егермейстер (в Российской империи – придворный чин 3-го класса «Табели о рангах», а также почётное придворное звание, начальник егерей, играл важную роль в организации и проведении придворных охот – А.П.) и обер-церемонимейстер (старший из церемонимейстеров: гражданский, затем – придворный чин, распорядитель придворных церемоний в Российской империи, с 1796 года – придворный чин 5-го класса, достаточно редкий, их к 1916 году насчитывалось в Российской империи не более полутора десятков – А.П.).

Борис Александрович Куракин свыше 40 лет, с 1870 года, владел имением Преображенское (Куракино) и сам управлял им все годы, проживая непосредственно в усадьбе.

У него на 1908 год имелось 4893 десятины земли при сёлах Преображенское, Александровское и Архангельское, на которых выращивались зерновые культуры, и было создано образцовое хозяйство с налаженным животноводством (свиньи, лошади, крупный рогатый скот). Успехи князя Бориса Куракина как коннозаводчика в марте 1911 года были отмечены золотой медалью – «За поставку 30 отличных лошадей для армии», а также в мае 1912 года – золотой и бронзовой медалью «За представленных на Орловскую аукционную выставку животноводства жеребца Хаджи-Мурата и кобылу Разлуку» – А.П.).

Продолжал действовать в имении и винокуренный завод, но вскоре после начала Первой Мировой войны, из-за введённого Указом Императора Николая II «сухого закона», он резко сократил производственную деятельность, и князь лишился значительной части своих доходов.

К этой проблеме прибавлялись другие. Разница между доходами и расходами постоянно росла в пользу последних, тем более, по семейной традиции, Борис Александрович Куракин значительные средства тратил на благотворительность. Будучи церковным старостой Преображенской церкви, он в 1892 году провёл последний в истории этого храма капитальный ремонт: здание было заново оштукатурено и покрашено, отреставрированы нуждавшиеся в этом иконы, и изготовлены металлические кованые ворота.

Отношения с местными крестьянами-арендаторами княжеских земель были напряжёнными, нарастали недоимки за арендную плату, приходилось князю Бо-

рису выбивать их с помощью судов. Когда начались события Первой русской революции 1905 года, они коснулись и куракинских владений. Погромы того и последующих лет обошлись князю Борису в сумму более 50 тысяч рублей.

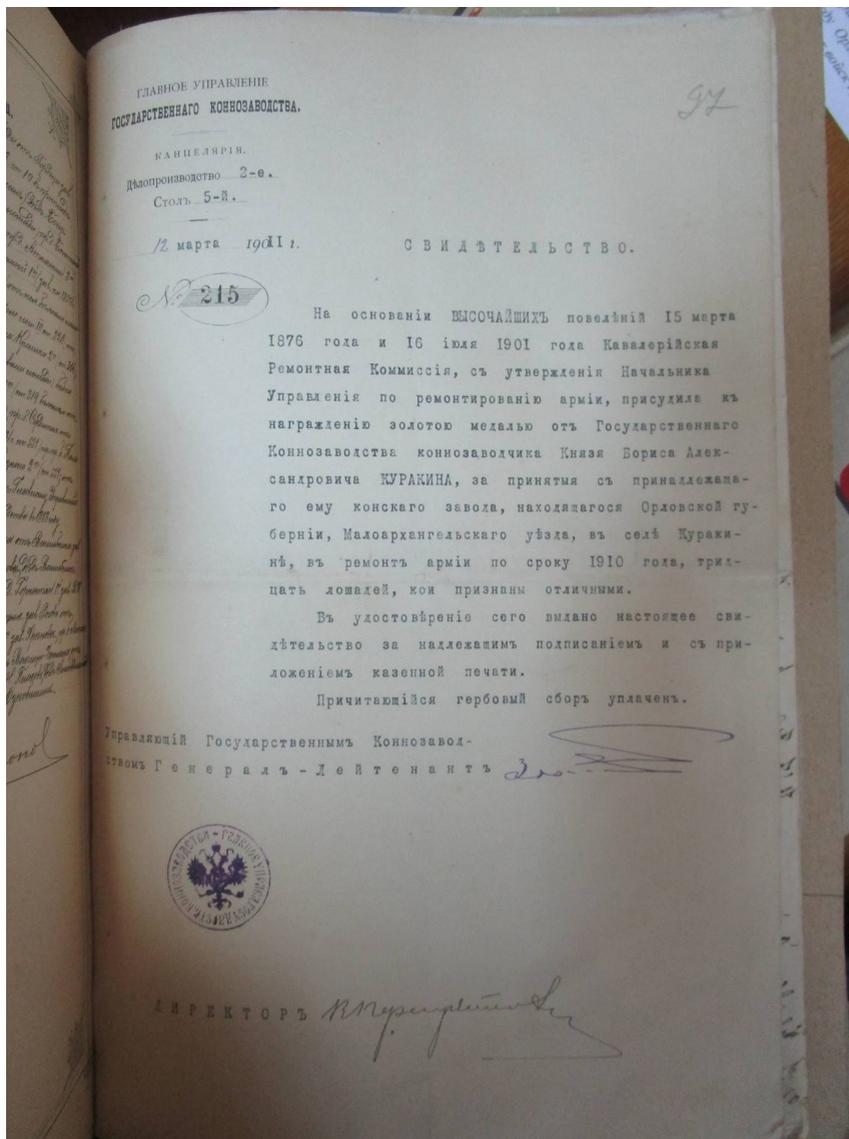
Вот один из фактов, зафиксированный в документах, хранящихся в Государственном архиве Орловской области: «...Хутор Александровский крестьянами дер.Каменки, Петровской и к ним присоединившимся крестьянами с.Александровского к вечеру 20 ноября (1905 года – А.П.) был разграблен под агитацией и руководством возвратившихся с юга крестьян дер.Каменки Бофанова и Филимонова, а ночью сожжён...» (ГАОО, ф.580, д.4154, л.л.1-3).

А вот что написала в своих мемуарах «**Воспоминания русской княгини**» **Мария Александровна Олив**, его сватья (мать жены его сына, Александра Борисовича, мемуары были изданы в Париже в 2016 году на французском языке – А.П.): «Зимой 1908 г. в уезде (Малоархангельском – А.П.) произошло два акта насилия: у Олив и у Куракиных. Князь Борис, много занимавшийся сельским хозяйством, в особенности, любил красивый скот. Так как он много лет сам управлял имением, то у него были самые красивые стада. Он предпочитал французских коров «шароле» из Бургундии – мясную породу, отличающуюся крупным размером (высота 135-150 см, вес 700-1600 кг) и белоснежным цветом шкуры без пятен.

Этих коров Куракин привез из Франции, и вся округа восхищалась белым, как снег, стадом. Крестьяне, поднятые на бунт студентами-евреями, сожгли ферму целиком, но что особенно отвратительно, они топорами изрубили всех коров и, как пьяные дикари разделили коров на крупные куски и разбросали их вокруг фермы... Летом крестьяне во главе со слепым Симоном решили поджечь гумно и ограбить дом. Ночью они крались в стальню, но приняли княгиню в ночной сорочке за привидение и в панике сбежали...».

Прогулочный экипаж в Куракино (конец 19-начало 20 века).

Куракин и лошади

Князя Бориса не выручила даже стоявшая несколько недель в его усадьбе полурота 6-ой роты 224-го пехотного Селенгинского полка, посланная властями для наведения порядка.

Однако вплоть до революций 1917 года князь Борис Александрович Куракин продолжал жить в Преображенском и оставался формальным владельцем имения, хотя ему, по причине преклонного возраста, уже трудно было заниматься хозяйственными делами.

Фактически эти обязанности перешли к его сыну, Александру Борисовичу, с 1911 года вместе с молодой женой, поселившемуся в Преображенском.

Александр Борисович Куракин (Четвёртый) по счёту из княжеского рода с таким именем-отчеством – 17(29) января 1875, Санкт-Петербург-21 ноября 1941, Ницца) – действительный статский советник (1916), церемониймейстер (1911) из рода Куракиных. Член Государственной думы II созыва от Орловской губернии.

Родился в семье князя Бориса Александровича Куракина и Екатерины Алексеевны, урождённой Мусиной-Пушкиной. Имел двух, рано умерших братьев: Ивана (1876–1896) и Бориса (1880–1886). Образование получил в Харьковском и Московском университетах. В 1896 году вступил вольноопределяющимся в лейб-гвардии Преображенский полк, в 1902 году вышел в запас в чине поручика.

В том же году Александр Борисович Куракин был избран Малоархангельским уездным предводителем дворянства, а в последующие годы ещё трижды (1905-1914) переизбирался на эту почётную в среде дворянства должность. Был председателем орловского отделения «Союза 17 октября» и членом ЦК партии.

В 1906 году баллотировался в I Государственную думу, но не прошёл на выборах. В феврале 1907 года был избран членом II Государственной думы от Орловской губернии. Входил во фракцию октябристов.

Зимой 1908-1909 года князь Куракин познакомился к подруге детства Софии Олив, дочери

Куракин Александр Борисович, управлял имением в последние годы его существования (1911-1917).

Куракина (Олив) София Сергеевна, жена А.Б.Куракина.

*Семейное фото Куракиных
(конец 19-начало 20 века).*

генерала Сергея Вильгельмовича Олива, тоже землевладельца Малоархангельского уезда (ему некоторое время принадлежало имение в селе Алексеевское, ранее являвшееся вотчиной Куракиных – А.П.). София с матерью ездили в Париж купить приданое. Свадьба состоялась летом 1909 года в Москве, в домово́й церкви князей Куракиных. В 1913 году у молодых родилась дочь Анна, их единственный ребёнок.

В 1911 году Александр Борисович был пожалован императором Николаем I в церемоний-мейстеры (гражданский, затем – придворный чин, распорядитель придворных церемоний в Российской империи, с 1796 года – придворный чин 5-го класса, достаточно редкий, его обладателей к 1916 году насчитывалось в Российской империи не более полу-

тора десятков – А.П.). В декабре 1913 года Орловское губернское дворянство избрало Куракина своим предводителем на очередное трехлетие, и Александр Борисович стал последним, избранным на эту должность (в 1917 году случились революции, и все чины и сословия ушли в историю – А.П.).

В годы Первой мировой войны Куракин занимал посты председателя Комитета помощи беженцам и главноуполномоченного Российского общества Красного Креста. С 1916 года он получил чин действительного статского советника.

Александр Борисович Куракин – последний (фактический) владелец имения Преображенское (Куракино) с 1911 года, проживал он с семьёй постоянно до 1917 года в Куракино.

В начале XX века: на переломе событий и судеб

Начало XX века – трудные годы в истории не только всей Российской империи, но и Малоархангельского уезда Орловской губернии, население которого всё чаще испытывало материальные трудности: не хватало земли, достойной работы, средств для существования. В 1914 году обобавились пробле-

мы, связанные с Первой Мировой войной. Комплекс долго не решавшихся проблем требовал кардинальных решений.

О ликвидации и не только

В 1917 году в России произошли сразу две революции, результатом которых стали смена власти и строя. Многие куракинцы, возвратившиеся в родные края с фронтов Первой Мировой войны, с шахт Донбасса и заводов Симферополя и Керчи, приняли активное участие в том, что происходило в стране в то переломное время. Слова: «Земля – крестьянам, фабрики – рабочим, мир – народам!» – оказали колоссальное влияние на сознание и жителей нашего края.

После установления Советской власти в Малоархангельском уезде и Куракинской волости (январь 1918 года) начинаются большие изменения в жизни куракинцев.

Уже через полгода решением уездных и волостных властей были созданы так называемые «ликвидационные комиссии», которые обследовали помещичьи имения и решали их судьбу в интересах «трудового народа». Прочитирую документ из Государственного архива Орловской области, в котором речь идёт об имении «Преображенское (Куракино)» («Списки имений Малоархангельского уезда и акты уездной ликвидационной комиссии по регистрации бывших частновладельческих построек сельскохозяйственного назначения», ГАОО, ф.314, оп.1, ед.хр.31 (30 августа – 26 ноября 1918 года), л.4-л.7об. – А.П.)

Акт

1918 года, 16 августа.

Ликвидационная комиссия под председательством Уездного члена Земельного отдела Тихона Михайловича Семиохина, участкового агронома Куракинской волости Абрама Ефимовича Кашенцева, Комиссара по народному образованию Владимира Васильевича Москвитина и члена Куракинского волостного земельного отдела Акима Климовича Пронина произвели ликвидацию и регистрацию экономических построек Куракинской волости, согласно предписанию Малоархангельского уездного земельного комиссариата от 21 мая сего года за №1460, в имении, бывшем наследников Базилевского и князя Куракина.

Комиссия, осмотрев все дома, дворы, сараи, амбары, подвалы и т.д., постановила:

Имение князя Куракина

1. Новый дом Куракина, признавая более годным для школы, остаётся для таковой же или же для других, каких-либо культурных или воспитательных целей.
2. Кухня белая княжеская оставляется для вышесказанных целей.
3. Ледник оставляется как необходимый для вышесказанных целей.

4. Старый княжеский дом остаётся для тех же вышесказанных целей, как вспомогательный (для общежития и т.д.).
5. Прачечная остаётся как необходимая при вышесказанных учреждениях.
6. Квартира заведующего и молочная остаётся для культурного хозяйства данного имения.
7. Контора остаётся для культурного имения.
8. Белая кухня остаётся под квартиры служащих культурного имения.
9. Амбар для хлеба кирпичный с пристройкой из жёлтого камня, крытый железом, оставляется для культурного имения.
10. Амбар для хлеба каменный двухэтажный оставляется для культурного хозяйства.
11. Большая конюшня из жёлтого камня, крытая железом, оставляется для племенного рассадника.
12. Конюшня 2-я же с двумя каретными сараями и жилыми помещениями остаётся для вышеуказанных целей (для рассадника).
13. Кладовая для рабочей сбури, кирпичная, крытая тесом, остаётся для культурного хозяйства, при ней – деревянный свинятник.
14. Рабочая конюшня на кирпичных столбах с дощатою переборкой, крытая железом, оставлена для культурного хозяйства рассадника.
15. Дом рабочих деревянный, штукатуренный, крытый железом, оставить для служащих.
16. Дом рабочих 2-ой деревянный под железом, оставляется для служащих.
17. Кузница кирпичная, деревянная, слесарная мастерская под железом, крытая, остаётся для тех же мастерских их прокатного пункта.
18. Склад для сельскохозяйственных машин и материалов деревянный, крытый железом, оставляется для того же назначения.
19. Машинный сарай деревянный и плотницкая мастерская, крытая железом, оставляются для прокатного пункта.
20. Скотный двор из жёлтого камня, крытый железом, оставляется для культурного имения и рассадника.
21. Свинятник на кирпичных столбах, с потолком, крытый черепицей, оставляется для культурного имения и рассадника.
22. Помещение под водяной мельницей, при ней жилой дом, оставляется для того же назначения. При ней старый деревянный сарай, крытый соломой, оставляется, как необходимый для мельницы.

Хутор Хорошевский

1. Контора деревянная из двух хат, под железом, ликвидируется за 2000 рублей.
2. Два деревянных амбара, крытые железом, оставить для хлебной ссыпки, согласно предписанию Губпромпрода.

3. Скотный сарай кирпичный под черепицей ликвидировать за 5000 рублей.
4. Два срубных сарая, кирпичных, под железом, ликвидировать по 400 рублей каждый.
5. Крахмальный из двух кирпичных помещений оставить как необходимый для винокуренного завода.
6. Дом рабочих деревянный из двух хат, под железом, ликвидировать за 500 рублей.
7. Кирпичные стены старого дома. Ликвидировать за 100 рублей.

Комиссия постановила поставить в известность Куракинского Волостного Земельного отдела, чтобы он позаботился, в первую очередь, снабдить ликвидируемыми постройками общепользные учреждения, как-то: школа, больницы, народные дома и т.д. Потом должны быть наделяемы постройками погорельцы и переселённые на новые усадьбы, и другие нуждающиеся.

О всём вышеизложенном комиссия постановила: уведомить Малоархангельский Уездный земельный комиссариат.

Примечание: принимая во внимание заявление Куракинского волостного комиссара по народному образованию о необходимости для будущего учебного заведения парка, прилегающего к дому князя Куракина, Комиссия выражает желание оставить таковой под будущее учебное заведение, о чём и ходатайствует перед уездным земельным Комиссариатом.

Председатель комиссии Семиохин.

Члены комиссии Москвитин, Кашин, Пронин

С подлинным верно – секретарь...

Настоящую копию Малоархангельский уездный земельный комиссариат препровождает в Орловский Губернский земельный комиссариат для сведения.

1918, августа 26 дня №3770

Комиссар Уземелькома... Секретарь...

Это первый документ по имени князя Куракина, принятый органами недавно созданной Советской власти. Из него видно, что все строения (перечислены 22 объекта) в селе Преображенское (Куракино) было решено использовать под общенародные цели: под школу, культурное имение и племенной рассадник. Ни одно из этих зданий первоначально не было разобрано или разрушено. Такая судьба постигла лишь пять объектов на хуторе Хорошевском, их разобрали и продали за общую сумму 8400 рублей.

В Акте комиссии не назван винокуренный завод князя Куракина (позже он получил номерное название – 41 – А.П.), который стал государственной собственностью и потому местным властям не подчинялся.

Отдельно стоит сказать о судьбе Преображенской и Казанской церквей, ведь это тоже были здания, построенные по инициативе и на средства князей Куракиных. Но в цитированный выше документ они не вошли, поскольку в первые послереволюционные годы Советская власть довольно лояльно относилась к церкви: отделив её от государства, власти первоначально не вмешивались в её дела, но вскоре всё изменилось.

Преображенская церковь, видимо, стала первой, которая была официально закрыта для верующих в Малоархангельском уезде. Это произошло 16 марта 1924 года. Храм передали в распоряжение отдела науки Народного Комиссариата Просвещения. Церковное же имущество, по акту от 4 октября 1924 года, передав местной общине верующих, поместили для хранения в соседний, Казанский храм. Но полгода, проведённых без служб, привели к тому, что часть имущества Преображенской церкви была украдена, а другая – испорчена. В Государственном архиве Орловской области мне удалось обнаружить в фонде Р-1327 (опись 1, ед.хр.49) **«Опись церковного имущества этого храма при передаче его общине верующих».**

В нём говорится, что деревянная часовня при храме уже стоит без окон и дверей, иконостас в самой церкви частично повреждён, некоторые иконы испорчены, а другие украдены. Но основная часть имущества, всё же, поступила на хранение в Казанскую церковь. А вот что с ним случилось далее – пока выяснить не удалось. Так что, когда в августе 1943 года Преображенскую церковь взорвали, ценного и какого-либо другого (кроме фресок) имущества там уже не оставалось.

Последние Куракины при Советской власти.

Жизнь и судьба

Пока шла процедура перехода княжеской собственности в народные руки, сами владельцы имения Преображенское, князь Борис Александрович Куракин и его жена Екатерина Алексеевна некоторое время продолжали жить в собственном доме. Что касается их сына, Александра Борисовича Куракина, его жены Софьи Сергеевны и дочери Анны, то после избрания А.Б.Куракина орловским губернским предводителем дворянства они переселились в Орёл.

Мне в ГАОО удалось найти запись в **«Домовых книгах улицы Борисоглебской»** (ГАОО, ф.1247, оп.1, ед.хр.533), что в доме нотариуса Николая Вениери (№34 по Борисоглебской – А.П.) с 1914 года проживала вся небольшая семья князя (по 1917 год они втроём занимали здесь два с половиной этажа, дом впоследствии стал известен как Дворец Великого князя Михаила Александровича, дом Лясковского, или «Дом со львами» – А.П.).

Сюда же Александр Борисович вскоре после революции сумел перевести часть имущества, некоторые из произведений искусства: картины и

скульптуры, и в здании несколько лет функционировал историко-художественный музей.

А теперь я процитирую отрывки из воспоминаний Марии Олив, уже упоминавшейся мною тещи последнего князя Куракина: *«После революции князь Александр Куракин с женой, дочерью и гостившей сестрой жены жили в Преображенском, так как не могли оставить старых отца и мать.*

В 1919 г. их посадили в тюрьму в Орле, а 5-летняя Анна Куракина осталась на попечение английской гувернантки. Условия тюремного содержания были очень суровые, их почти не кормили, заставляли мыть полы, окна, кабинеты. Любовницы солдат-охранников, лежа на кроватях, кричали: «Эй, гражданка, помой-ка пол под моей кроватью, он грязный». Старый солдат упрекнул их: «Ты видела пол только своей избы, а здесь ты хочешь, чтобы княгиня мыла под тобой?» Затем он обратился к Софии Куракиной: «Не делайте этого, княгиня, они преувеличивают, чтобы над Вами поиздеваться. Я работаю здесь 30 лет, и никогда полы не мылись».

На следующий день их всех в тюремной одежде провели по городу Орлу. Куракины думали, что их ведут на расстрел. Однако вскоре их освободили за недостатком улик».

После этого все Куракины переехали в Москву. Там в пансионате жили престарелые Борис Александрович и Екатерина Алексеевна. Продолжу пересказ «Воспоминаний русской княгини» Марии Олив с отдельными точными цитатами (А.П.):

«Князь Александр нашел работу у частника, снял квартиру из трех комнат, в которых температура не поднималась выше двух градусов. Весной 1920 года они поселились в четырех комнатах особняка княгини Оболенской из-за сада у дома, где могла играть Анна.

Жизнь в Москве была тяжелая, голодная. Спасали продукты (картофель, сыр), которые Куракиным присылали крестьяне из Преображенского.

16 сентября 1920 года Александра Борисовича и Софию Сергеевну Куракиных снова арестовали (на этот раз – вместе с родной сестрой Софии – Елизаветой Сергеевной Мухортовой – А.П.). Мария Олив осталась вдвоем с внучкой. Но девочка была слишком подвижной, непослушной, своевольной, бабушка не справлялась с ней, она не умела готовить, в доме не было еды, кроме корзины соленой сельди. Поэтому племянница Наталья Стахович забрала девочку к себе.

В одиночестве и голоде старая Мария Олив слегла, соседи приносили ей чай утром и вечером. Она очень боялась, что маленькую княгиню Анну заберут в приют, потому написала заявление с просьбой освободить дочь Софию Куракину для ухода за престарелой матерью.

Софию освободили в декабре 1920 года. Она рассказала матери о подробностях пребывания в заключении: их привели на Лубянку, всех закрыли в

холодной грязной комнате с несколькими скамьями, где продержали ночь и утро, затем был допрос.

Александра Куракина на 6 недель закрыли в одиночной камере с маленьким окошечком под потолком, скамьей и столом. Ему запретили читать, писать и курить (а курил он много). София Куракина находилась примерно в таких же условиях. Периодически обоих вызывали на допросы. Каждый день Куракины ждали расстрела. Однажды Александр Куракин спросил: «В чем меня обвиняют? Что я сделал? Что нашли в моих бумагах?» – «Абсолютно ничего, – ответили ему, – но **КНЯЗЬ Куракин нас нервнрует**».

Через несколько недель ему объявили о перемещении в другое место. Князь решил, что пришло его время умирать. Когда его вывели во двор, в толпе заключенных он увидел свою жену, но они не подали вида, что знакомы, лишь перекинулись парой слов. Их перевели в Бутырку на другом конце города и посадили вместе с ворами, проститутками, пьяницами. Однако здесь было тепло, имелась вода, чтобы помыться. Поэтому, по сравнению с Лубянской, Бутырка показалась Куракиным раем.

По возвращении из тюрьмы княгиня София Куракина сама рубила дрова, чтобы протопить комнату хотя бы до 7 градусов. Две комнаты у семьи отняли – в одной поселился комиссар, в другой – две проститутки. Грязь очень удручала Куракиных-Олив. Соседи рубили и хранили дрова на кухне, так что она стала непригодной, стирали нижнее белье в ванне, туда же выливая содержимое ночных горшков, так что Анну Куракину мыли в корыте. Куракины оставили в Преображенском все имущество, поэтому одежду и вещи собирали по знакомым.

«Мы вставали в 8 утра, София ставила самовар и заваривала траву (измельченные листья клубники и яблони), так как чая не было, я много плакала. К 11 часам дочь растапливала печку. Мы ели картофель и муку, присланные нам крестьянами из Куракино-Преображенского. Я давала уроки английского языка за стакан молока для внучки. Дважды в неделю София варила по кастрюле картошки двум нашим заключенным. У Софии не было теплых вещей, только короткий кожаный жакет и фетровые ботинки. В больших перекидных сумках она носила еду в тюрьму. Возвращалась она продрогшей и усталой, согревалась стаканом травяного отвара и овсяной кашей на воде. Ночами, при слабом свете лампы, она шила нижнее белье (сорочки) на заказ».

Зимой 1921 года был собачий голод и обыски каждые две недели, в результате которых украли куракинские бриллианты и коллекцию миниатюр из Преображенского. После очередного обыска у дверей поставили двух солдат и запретили выходить. Шесть дней семья провела взаперти, сидя в креслах и питаясь только картошкой. «Добрые» солдаты позволяли лишь греть самовар. До 1-2 часов ночи Куракины не спали, прислушиваясь к шуму

автомобильного мотора за окнами в ожидании ареста. Еще болезненнее было видеть, как бледнеет и худеет голодная внучка Аня. Бабушка и мама продали все, чтобы купить для нее немного масла или яиц, цены на которые были невероятно высокими.

Одно выручало: черный хлеб власти давали бесплатно, и княгиня Олив стояла в очереди под снегом и дождем. Если она отходила присесть, то теряла место в очереди, иногда ее толкали: «Иди, старуха, тебе пора умирать, а ты все приходишь за хлебом, чтобы продолжать жить!» – и вся очередь одобрительно гудела. Наконец, она получала свои три порции хлеба – по 100 грамм на человека в день.

Пакет с белой мукой у них украли, четыре месяца женщины сидели без сахара и соли. Мария Олив давала уроки французского и английского взрослым людям в обмен на еду.

Весной 1922 года Александра Куракина перевели из Бутырки в «Ново-Песковский лагерь» (барак), где он работал в канцелярии, а сестра жены, Елизавета Мухортова – библиотекарем. Под честное слово князя отпускали домой на выходные.

Елизавету освободили в феврале 1922 года, а Александра Борисовича – в марте. Семья сняла комнату в Подмоскowie, в Химках, в доме священника. Куракин всю неделю бывал в Москве по делам, а на выходные приезжал к семье. Хотя он спал на полу, это его не беспокоило, здесь он отдыхал от тюрьмы, наслаждался недолгим семейным счастьем.

30 августа 1923 года, во время восьмого обыска, его снова арестовали и после нахождения в тюрьме 2 ноября приговорили к ссылке в Усть-Сысольск на три года. София три часа стояла на декабрьском морозе у ворот тюрьмы, чтобы увидеть мужа по дороге на вокзал. Поезд уходил в 11 часов вечера, вокзал был пуст и плохо освещен. В окне вагона стоял князь Борис – бледный, исхудавший, но хранящий самообладание, спокойствие и достоинство. Начальник охраны разрешил Софии и Анне подняться в вагон и попрощаться.

До места ссылки нужно было от конечной станции железной дороги идти пешком 500 километров по колено в снегу. По милости Божьей, у Куракина на колене образовалась язва, и его отправили в госпиталь. Врач осмотрел язву и дал заключение, что Куракин не может идти пешком, поэтому его отправили в Вятку. В мае 1924 года туда к нему на свидание ездили София и Анна».

Пока шли эти трагические события, в Москве один за другим скончались родители Александра Борисовича – князь Борис Александрович Куракин – в 1922 году, его жена Екатерина Алексеевна – в 1923-ем.

Сам Александр Борисович Куракин был освобожден в 1926 году, некоторое время жил в Вятке, но в октябре 1932 года выехал к семье, проживавшей в Тарусе. Работал старшим бухгалтером в артели вышивальщиц. В очередной раз князь был арестован 17 апреля 1933 года («за ведение антисоветской агитации»), но 29 апреля – освобожден, так как «обвинение не подтвердилось». Ор-

ганы советского правопорядка «добивать» Александра Борисовича не стали, позволив ему с семьёй вскоре эмигрировать во Францию.

*Могила Александра Борисовича
Куракина в Ницце.*

Умер последний из князей Куракиных 21 ноября 1941 года в Ницце, похоронили его на Русском кладбище.

София Сергеевна Куракина (Олив) пережила мужа на много лет. Она скончалась в Париже 5 мая 1975 года, похоронили её на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа, где лежат многие русские эмигранты.

Единственная дочь Куракиных, Анна Сергеевна, замуж не выходила, прожила долгую жизнь и скончалась 10 сентября 2012 года (ей исполнилось 98 лет – А.П.), похоронена на кладбище в О-де-Сене (часть Большого Парижа – А.П.).

В её бумагах нашли написанные бабушкой «Воспоминания русской княгини» (**Марии Александровны Олив**), которые она хранила много лет. Мемуары были изданы в 2016 году. Отрывки из них (в переводе кандидата исторических наук Ольги Казаковой – А.П.) я использовал в рассказе о последних Куракиных.

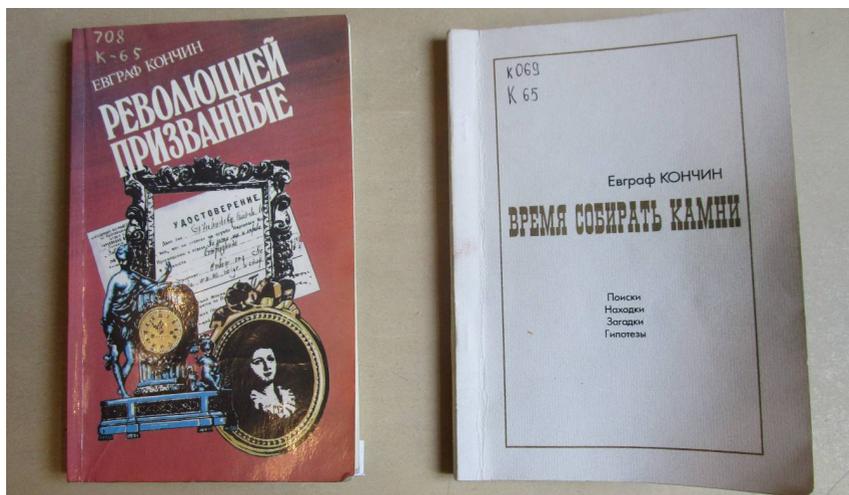
Тот Патенков, который спас...

Теперь, уважаемый читатель, когда о судьбе последних Куракиных я рассказал, несколько слов посвящу бесценному, воистину музейному имуществу, которое много лет собиралось владельцами Преображенского и бережно сохранялось вплоть до 1917 года.

После революций во многих местах Российской империи начался беспощадный грабёж дворянских усадеб местными жителями. В Орловской губернии ему подверглись несколько десятков имений, 17 из которых представляли исключительное культурное достояние.

К счастью, в Куракинской волости среди нового, советского, руководства оказались люди, понимавшие всю ценность памятников искусства и старины. Одним из таких был председатель Куракинского волостного совета по народному образованию Михаил Гаврилович Патенков (отец журналиста и писателя Ивана Михайловича Патенкова – А.П.).

Совет под его руководством взял под свою охрану усадьбу Куракиных со всем находящимся в ней имуществом и сообщил об этом в музейный отдел Народного Комиссариата Просвещения специальным заявлением, к которому была приложена опись наиболее ценного имущества.

Книги Евграфа Кончина, в которых он рассказал о спасении экспонатов из имения Куракиных.

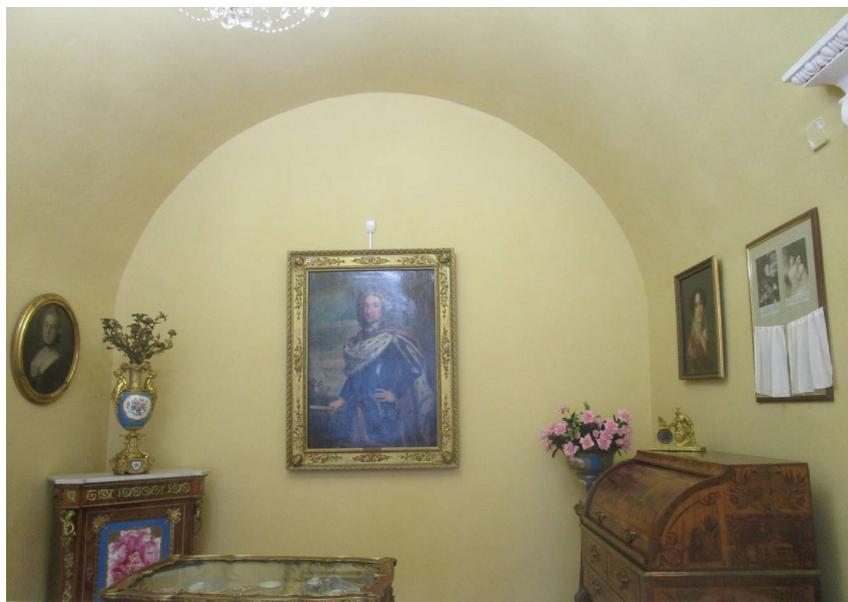
Уже осенью 1918 года самые значительные произведения искусства из Куракинской усадьбы и книги (50 ящиков и тюков – А.П.) вывезли в Москву и Орёл, где они были переданы в фонды и хранилища разных музеев и библиотек.

7 ноября 1918 года, в первую годовщину Октябрьской революции, на Арбате с огромным успехом прошла выставка «произведений искусства, освобождённых пролетарской революцией из царских дворцов, помещичьих усадеб, монастырей и особняков». Были на ней представлены и произведения из Преображенского (Куракино): картина В.Л.Боровиковского «Портрет князя Александра Борисовича Куракина» («выдающийся образец живописи XVIII века»), картина французского портретиста Анри Вуаля «Портрет князя Александра Борисовича Куракина», картина английского портретиста с портретом того же князя, миниатюра Августина Ритта «Портрет княгини Натальи Ивановны Куракиной» и другие работы (всего семь единиц).

Где теперь находятся произведения из куракинской усадьбы? Картины и скульптуры – в Государственном Эрмитаже, в Музее изобразительных искусств имени Пушкина, в Третьяковской Галерее, в Орловском Музее изобразительных искусств, коллекция фарфора – в усадьбе-музее «Кусково» и в Орловском областном краеведческом музее. Там же – часть старинной мебели. Все эти экспонаты являются украшением коллекций учреждений культуры и всегда привлекают пристальное внимание посетителей.

Сохранилась и большая часть книг из усадьбы. Кроме Орла и Москвы, они оказались в малоархангельских Народных Домах и избах-читальнях.

Да, содержимое усадьбы, в основном, сохранилось. Жаль, что сами постройки подверглись разрушению и уничтожению – в силу разных причин.

Экспонаты Орловского краеведческого музея - вещи и портрет из куракинской усадьбы

Возвращение

До недавнего времени о том, что собой представляла бывшая куракинская усадьба в селе Преображенском (Куракино) к началу XXI века, писали примерно так: «...От некогда блестящего и большого комплекса построек сохранились лишь пруд, два господских дома (из четырех), Казанская церковь (без колокольни), здание молочной и кладовая. И без того пострадавшие во время войны корпуса в результате многочисленных перестроек, в основном, утратили прежнюю архитектурную декорацию и нуждаются в серьезной реставрации. Великолепный архитектурный ансамбль усадьбы после революции перестал существовать, да и от парка остались лишь несколько деревьев и 200-летняя липа».

Однако несколько лет тому назад руководитель ЗАО «Куракинское» Владимир Михайлович Мишин решил, что имена известных личностей России XVIII-XX веков, князей Куракиных (и в первую очередь, крупнейшего государственного деятеля Алексея Борисовича – А.П.) нужно извлечь из недр прошлого, а их родовому гнезду придать достойный памяти бывших владельцев облик.

Всё началось с создания экспозиции, разместившейся в здании администрации ЗАО «Куракинское» (а оно ведь представляет собой бывшую кладовую куракинского имения – А.П.), которая в 2017 году превратилась в небольшой музей, посвящённый роду князей Куракиных. Владимир Михайлович Мишин сумел привлечь для его оформления орловского краеведа Владимира Труханова, имевшего опыт в подобных делах.

В том же году администрация ЗАО «Куракинское» приняла решение и об установлении памятника князю Алексею Борисовичу Куракину, а попутно, чтобы он выглядел достойно, было решено разбить сквер, на территории которого и разместился этот бюст. Торжественная церемония открытия памятника состоялась в самом начале 2018 года. Об этом написали многие СМИ Орловщины и соседних регионов. Вот информация с сайта ОГТРК от 22 января 2018 года:

«Памятник известному государственному деятелю, бывшему генерал-прокурору, министру внутренних дел России – князю Алексею Борисовичу Куракину открыли в минувшие выходные по инициативе местных жителей поселка Куракинский и работников ЗАО «Куракинское». В церемонии открытия памятника принимал участие временно исполняющий обязанности губернатора Орловской области Андрей Клычков.

Посещение Свердловского района главой региона началось с возложения цветов к Вечному огню у братского захоронения в п. Куракинский. Затем Андрей Клычков посетил фельдшерско-акушерский пункт. Но главная цель посещения – открытие памятника видному российскому государственному деятелю Алексею Борисовичу Куракину. В административном здании акционерного общества «Куракинское» организован музей семьи Куракиных, представители которой многие годы верой и правдой служили России. Памятник, автором которого стал Алексей Рывкин, как и музей, созданы благодаря усилиям руководителя предприятия Владимира Мишина.

Алексей Борисович Куракин в конце 18 века в царствование Павла I был генерал-прокурором. В начале XIX века, уже при Александре I, он был назначен министром внутренних дел. Он многое сделал для развития законодательства, становления российской государственности.

...Выступая перед участниками торжественного мероприятия, исполняющий обязанности губернатора области Андрей Клычков говорил о необходимости сохранения исторической памяти: «Все государственные деятели – люди своего времени, своей эпохи, поэтому наша задача – не разъединять людей по разным взглядам на истории, а объединять и помнить свою историю. Те, кто не помнит историю, не имеет никакого будущего. И мы

открыли памятник человеку, который жил в Свердловском районе, который показал, как надо управлять».

Выступил перед присутствующими и начальник Орловского УВД, генерал-майор полиции Юрий Савенков: *«Тот, кто не знает своего прошлого, не имеет будущего, – подчеркнул он. – Поэтому для всех нас, современных сотрудников полиции, важно знать свою историю, учитывать опыт предыдущих поколений стражей правопорядка».*

Имя Куракиных в селе Преображенское, так когда-то называлось это село, было образцовым. И сейчас это лучшее сельхозпредприятие района. Кроме памятника, о тех временах напоминает и памятный знак на месте церкви, где был фамильный склеп Куракиных, и которая была взорвана оккупантами в годы Великой Отечественной».

Летом же 2018 года у открытого князю Алексею Борисовичу памятника был разбит сквер, который в течение двух лет приобрёл очень симпатичный вид: благоустроенные дорожки, фруктовые деревья, клумбы с цветами, памятная мраморная плита в напоминание о Преображенском храме и огромные баннеры с портретами всех Куракиных – владельцев усадьбы Преображенское.

И – в дополнение ко всему великолепию – в сквере, в самом начале 2019 года, в преддверии 260-летия со дня рождения и 190-летия со дня упокоения Алексея Борисовича Куракина, появилась часовня во имя Святителя Алексия, в которой поместили останки князя и его жены, найденных во время археологических изысканий на месте уничтоженного Преображенского храма села Куракино.

После открытия памятника Алексею Борисовичу в марте 2018 года Владимир Мишин и начальник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова Сергей Синенко договорились о проведении работ по установлению точного места захоронения князя А.Б. Куракина с привлечением для этой работы курсантов института. Это решение было поддержано исполняющим обязанности Губернатора Орловской области А.Е. Клычковым. Исследовательская группа института, которая была создана из курсантов института специально для проведения поисковых работ, после изучения архивных материалов, определив ориентировочное местонахождение церкви, 7 мая 2018 года приступила к поисковым работам. В первый же день у края северной стороны дороги удалость обнаружить краснокирпичную кладку. После этого были приглашены специалисты-археологи, и дальше исследовательская группа проводила поисковые работы уже в рамках археологической экспедиции под руководством археолога Александра Иншакова и на основании Открытого листа, выданного Министерством культуры

РФ. С июня по сентябрь 2018 года в работе экспедиции также принимали участие бойцы поискового отряда «Огненная дуга» под руководством опытных поисковиков Николая Андреева и Алексея Бодрова. Научное консультирование осуществлял историк-краевед доктор исторических наук профессор Виктор Ливцов.

Обнаруженная кладка оказалась склепом, но не князя А.Б. Куракина, а его праправнуков, которые были похоронены за пределами Преображенской церкви. Поэтому поиск места захоронения Алексея Борисовича был продолжен. Он проходил вдоль северной стороны дороги, но в 2018 году ни склепа А.Б. Куракина, ни частей фундамента церкви обнаружить не удалось.

В мае 2019 года исследовательская группа института под руководством археолога Александра Иншакова продолжила поисковые работы в рамках археологической экспедиции и на основании нового Открытого листа, выданного Министерством культуры РФ. Поиски вели вдоль края дороги уже с южной стороны сплошным порядком с запада на восток. В этот раз они увенчались успехом, и в мае-июне 2019 года были обнаружены фрагменты гроба А.Б. Куракина (детали металлической декоративной обшивки, ножка гроба в виде львиной лапы, кованные гвозди, кости), останки разрушенного краснокирпичного склепа, древесный тлен и часть костей скелета, которые лежали в неанатомической последовательности. Кроме того, курсантом Михаилом Пономаревым был обнаружен особенный артефакт – предмет личного благочестия – двухстворчатая складень-икона из металла желтого цвета (предположительно, из золота) с изображением Иисуса Христа, несущего крест, с одной стороны, и выгравированным фрагментом цитаты из Псалма Давида – с другой.

Локализация обнаруженных предметов указывала на то, что склеп может находиться под асфальтовым покрытием дороги. Это было обсуждено с Губернатором Орловской области А.Е. Клычковым, который поддержал идею вскрытия асфальтового покрытия и окончательного исследования места. По его поручению было организовано вскрытие асфальта, и 9 июля 2019 года исследовательская группа института под руководством археолога Александра Иншакова провела раскопки под асфальтовым покрытием, в результате которых был обнаружен склеп А.Б. Куракина и его супруги Натальи Ивановны Куракиной (Головиной). В этом склепе был обнаружен не вскрытый деформированный, обшитый металлом гроб супруги, в котором находились останки княгини.

Таким образом, было установлено точное место захоронения А.Б. Куракина и его супруги и их останки.

Надо также отметить, что благодаря инициативе ЗАО «Куракинское» и при участии краеведа Владимира Труханова удалось найти документы, указавшие на месторасположение могилы внутри церкви.

А во время археологических раскопок в поселке Куракинский руководитель ЗАО «Куракинское» Владимир Мишин взял на себя материально-техническое оснащение экспедиции: питание участников раскопок, предоставление специальной техники и оборудования.

Торжественная церемония захоронения найденных останков князя Алексея Борисовича Куракина и его жены Натальи Ивановны, в построенной специально для этого часовне, прошла 28 сентября 2019 года при огромном стечении народа и в присутствии многочисленных гостей не только из Свердловского района и Орла, но и из Москвы.

К этому времени очень многое в центре посёлка Куракинский изменилось: преобразились площадь Князя Куракина в центре, само административное здание, даже подъезды к нему, не говоря уже о том, что быстрыми темпами идёт восстановление Казанской церкви. И если уж Преображенскую, полностью уничтоженную и буквально закатанную в асфальт, из-под которого и извлекли княжеские останки, восстановить невозможно, то у сохранившейся церкви есть все шансы. Администрация ЗАО «Куракинское» делает для этого всё.

А прямо за Казанской церковью открывается дорога к частично сохранившемуся бывшему господскому дому. Кто знает, вдруг найдутся обеспеченные, но любящие историю люди? И начнутся тогда большие восстановительные работы. Пока же парковую дорожку к Красному пруду, его плотину и берега благоустраивают своими силами работники ЗАО «Куракинское».

Гости, давно не бывавшие в посёлке, вернувшись сюда спустя какое-то время, удивляются, как преобразилось бывшее куракинское имение.

То ли ещё будет...

Здание администрации ЗАО «Куракинское».

Экспозиция в музее.

Глава первая. Князья Куракины и вокруг них

Владыка Нектарий и настоятель о.Сергий в музее Куракиных (7.06.2019).

Памятный камень с изображением Преображенской церкви села Куракино.

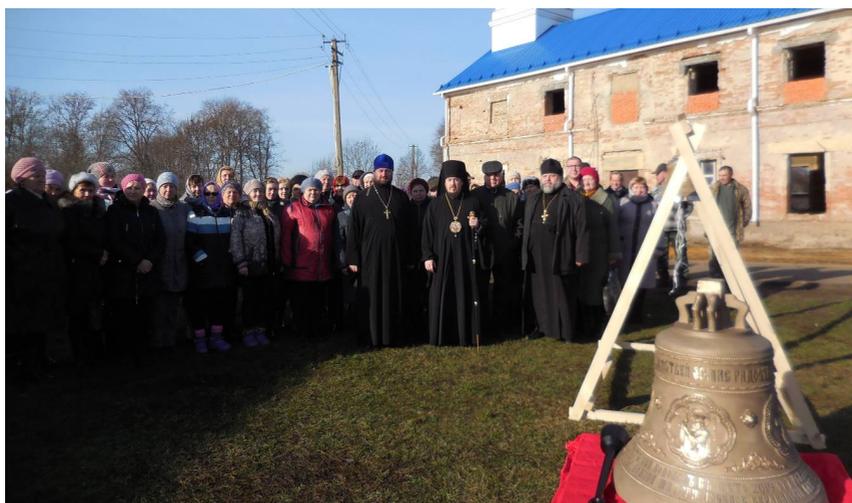
Экспозиция в Куракинском сквере.

*Губернатор Орловской области Андрей Клычков
на открытии памятника князю А.Б. Куракину (20 января 2018).*

И.о. Губернатора Орловской области А.Клычков, начальник управления МВД России по Орловской области Ю.Савенков и генеральный директор ЗАО «Куракинское».

Освящение колоколов Казанской церкви (15.11.2019).

*Бюст князю А.Б.Куракину
(открыт 20 января 2018).*

*Археологические раскопки (поиски
останков князя А.Б.Куракина
и его жены, 2018-2019).*

А.И. Ковешников у макета имения (28.09.2019 г).

Отпевание останков князя А.Б.Куракина и его жены (28.09.2019).

Процесс перезахоронения (28.09.2019).

Часовня во имя Святителя Алексея, где погребены останки князя А.Б.Куракина и его жены.

Внутри часовни.

Памятная доска в часовне-копия той, что была в Преображенском храме.

Генеральный директор ЗАО «Куракинское» В.М.Мишин - во время митинга, посвящённого перезахоронению останков князя и его жены.

Автор книги - на празднике в Куракино (28.09.2019).

Ипполит Вревский и его Юлия

Если бы «Брильянтовый князь», как прозвали Александра Борисовича Куракина современники, жил не во второй половине XVIII-начале XIX века, а в наши дни, я уверен, он и сейчас бы пользовался большой популярностью. Некоторые уважали бы князя (или завидовали ему) за высокие чины, награды и за колоссальное состояние (часть его владений находилась и в Орловской губернии).

«Брильянтовый князь» и его «воспитанники»

Куракин Александр Борисович.

А вот другие постоянно удивлялись бы способностям Александра Борисовича (возможно, выражусь грубо, но суть выражу точно – А.П.) в «детопроизводстве». Проживший сравнительно долгую (66 лет) для того беспокойного времени жизнь, князь ни разу не был женат, но имел многочисленные связи с красавицами из разных слоёв российского общества, в результате чего на свет появилось до 70 (или даже 80) отпрысков «брильянтового». Такому искусству у Александра Борисовича стоило бы, наверно, поучиться очень и очень многим – в целях «не оскудения» нашего российского народонаселения.

Тем более, и это совершенно точно, что князь Куракин о своём потомстве, особенно, – о «воспитанниках» – заботился с самого их рождения и вплоть до своей смерти. «Воспитанники» – это признанные Александром Борисовичем дети, которым он, по законам Российской империи, не имел права дать свою фамилию и передать наследство, но вполне мог обеспечить им комфортное существование и дать приличное образование.

А восемнадцати самым любимым отпрыскам князь добился дворянства и баронского титула, дал своё отчество (Александровичи) и обеспечил им пожизненное содержание. Правда, все они были не Куракины, а Сердобины (11 человек) и Вревские (семеро). О первом из баронских родов я пока умолчу.

Один отец и три матери

Мой рассказ – о Вревских. Их было семеро: Борис, Степан, Мария (от крепостной крестьянки Акулины Самойловой), Павел, Ипполит, Аделаида (от крепостной Ирины Васильевой) и Александр (его мать осталась неизвестной). Первые трое получили баронский титул от австрийского императора, а Александр I спустя два года утвердил пожалование своим указом, четверо же младших Вревских стали баронами уже по русским законам.

Фамилию этих своих «воспитанников» князь Куракин образовал от села Врев, Островского уезда Псковской губернии, в котором находилось одно из его имений, полученное в дар от императора Павла I. Александр Борисович по-

строил свою усадьбу рядом с селом, на восточном берегу озера Евсеево, недалеко от сельского погоста, и дополнил прежнее название своим именем: получилось – Александрово-Врев.

На Орловщине из всех Вревских известна, наверно, только Юлия Петровна – та, которой Иван Сергеевич Тургенев посвятил знаменитое стихотворение в прозе: *«На грязи, на вонючей сырой соломе, под навесом ветхого сарая, – с лишком две недели умирала она от тифа...»*. Этой замечательной женщине, организовавшей на собственные средства санитарный поезд для помощи раненым во время русско-турецкой войны 1877-1878 годов, лично и бескорыстно работавшей в нём и умершей на боевом посту, посвятили стихотворения Яков Полонский и Виктор Гюго, а вспоминали баронессу Вревскую добрыми словами все, кому хоть раз довелось её увидеть. Когда же в обществе заходила речь о семейном положении Юлии Петровны, говорили: «Вдова генерала, с которым до его трагической гибели прожила она меньше года».

Герой Кавказской войны

Об Ипполите Александровиче Вревском чаще писали просто как о муже ставшей известной своей жертвенностью женщины. А между тем этот человек достоин того, чтобы его чрезвычайно интересную и героическую биографию, особенно на Орловщине, знали несколько лучше, чем сейчас.

Ипполит был самым младшим из сыновей князя Куракина: он родился весной 1814 года (в некоторых источниках называется 1813 год), когда любвеобильному отцу было уже за 60.

О детских годах Ипполита Вревского нам мало что известно. А в 18-летнем возрасте он начал военную службу, будучи зачисленным в школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. Ипполит Александрович учился здесь вместе с Лермонтовым, своим одноклассником. Будущий великий русский поэт, по словам одного из соучеников, А.Есакова, относился к Вревскому с большим уважением. В 1833 году Вревский был произведён в прапорщики Лейб-гвардии Финляндского полка и поступил в Военную Академию, по окончании которой был зачислен в Генеральный штаб и направлен на Кавказ, где и протекала вся его дальнейшая служба.

Послужной список Вревского свидетельствует о блестящей карьере молодого офицера. Благодаря исключительным военным качествам, он стремительно продвигался по служебной лестнице. Уже в первой своей боевой экспедиции, предпринятой в 1838 году в составе группы Раевского, Ипполит Алек-

*Вревский Ипполит
Александрович.*

сандрович отличился при штурме Аргуани (восточное побережье Чёрного моря), где получил ранение и удостоился чина капитана.

В 1840 году он участвовал в усмирении Чечни, в 1841 году – сражался с отрядами Шамиля. В 1842 году за постройку укрепления и удачно выполненную операцию был награждён орденом Станислава 2-ой степени и произведён в подполковники. В 1844-1845 годах Ипполит Вревский участвовал в нескольких походах и в первый раз награждён был золотым оружием «За храбрость».

После присвоения в 1845 году чина полковника и назначения командиром Навангинского пехотного полка, Вревский в течение четырёх лет находился с ним на Левом фланге Кавказской линии, участвуя во многих экспедициях вглубь Чечни. В 1849 году Ипполит Александрович был произведён в генерал-майоры, а через год назначен начальником Владикавказского военного округа. В течение трёх лет охранял он пограничную линию от неоднократных покушений Шамиля, за доблесть и распорядительность был во второй раз награждён золотым оружием (с бриллиантами) и надписью «За храбрость», а вскоре удостоился ордена Св. Георгия 4-ой степени.

Русские офицеры, находясь на Кавказе длительное время, обзаводились местными жёнами, не регистрируя свои браки официально. Так было у Алексея Петровича Ермолова, то же самое произошло с героем моего рассказа. Впрочем, у Ипполита Вревского был свой собственный пример для подражания – родной отец.

«Добра – бесконечно...»

Ни один из источников не сообщает нам имя гражданской жены барона. К 1852 году у генерал-майора Вревского было уже трое детей, но вскоре после появления на свет сына Николая жена-горянка скончалась. Незаконнорожденные дети носили фамилию Терских, а их воспитание, в силу занятости службой, генерал поручил родным брату и сестре.

Прошла ещё пара лет и, находясь как-то в гостях в Ставрополе у друга-генерала Петра Варпаховского, Ипполит Александрович увидел знакомую ему с детских лет Юлию, Жюли, дочь хозяина. Увидел – после долгого перерыва – и влюбился: *«Я тебя ещё не известил о моём очень скором браке с Юлией Варпаховской, – писал он вскоре брату. – Жюли...блондинка, выше среднего роста, со свежим цветом лица, блестящими умными глазами;*

Вревская Юлия Петровна.

Ты можешь подумать, что описание это вызвано моим влюблённым состоянием, но успокойся, это голос всеобщего мнения».

Женившись на юной Юлии, Ипполит Александрович увёз её во Владикавказ, где у генерала был собственный дом. 17-летней молодой жене нелегко было выполнять обязанности хозяйки (ей часто приходилось встречать многочисленных посетителей и гостей), но ведь она была дочерью военного, хорошо знала быт кавказских офицеров и потому внесла в быт семьи жизнерадостность, сердечность, тепло, нежность. Не забывала Юлия Петровна и о незаконнорожденных детях мужа, окружив их заботой и вниманием.

Но семейное счастье Вревских было недолгим: генерал-лейтенант (этого звания Ипполит Александрович был удостоен в 1856 году) вернулся к исполнению обязанностей командующего войсками Лезгинской кордонной линии. В 1857 году Вревский предпринял две удачные операции и в третий раз удостоился золотого оружия с надписью «За храбрость», а 20 августа 1858 года, при штурме аула Китური (Мзгинские высоты, ныне – Цунтинский район Дагестана – А.П.) генерал был смертельно ранен ружейной пулей.

Его перевезли в город Телав (Тифлисская губерния, ныне – город Телави в Грузии – А.П.), где 29 августа Ипполит Александрович скончался на руках у своей жены, завещав похоронить себя рядом с братом Павлом в Успенском соборе в Крыму или во Владикавказе около храма, сооружённого на его средства. Однако однополчане и грузинская знать уговорили Юлию Петровну похоронить героя в Телаве, в Свято-Успенском соборе. Через пять лет генералу Вревскому установили здесь, на могиле, памятник из чугуна с решёткой, заказанной в Париже. К сожалению, до наших дней ни могила, ни памятник не сохранились.

Малоархангельские помещики Вревские

А теперь последнее – о тесной связи героя Кавказской войны с нашим краем. Вревский, как и его родной отец, князь Куракин, был орловским помещиком. Согласно данным «Ревизских сказок владельческих крестьян» за 1858 год (10-ая перепись, ГАОО, ф.760, оп.1, ед.хр. 401), в Малоархангельском уезде Орловской губернии генерал-лейтенанту и кавалеру Ипполиту Александровичу Вревскому принадлежали деревни Степановка и Берёзовка, сельцо Мишково и село Покровское – со 152 крестьянскими дворами и 1095 крепостными душами (здесь я напомним читателю один факт, процитировав отрывок из очерка «Село Преображенское (Куракино) во времена князя Алексея Борисовича Куракина», где говорится о продаже части его имений за долги: «6 апреля 1842 года село Покровское (Дубовик), деревни Мишкова, Степановка и Берёзовка были проданы воспитаннику князя Александра Борисовича Куракина, барону Ипполиту Александровичу Вревскому за 95 тысяч 464 рубля 28 копеек» – А.П.).

Памятник Вревской в селе Лески Малоархангельского района.

Памятник Юлии Вревской в селе Дубовик.

Если ты, читатель, обратил внимание, то год, в течение которого проводилась 10-ая перепись населения, совпал с датой гибели генерал-лейтенанта Вревского, но Ипполит Александрович ещё значится в этих документах живым. Поскольку наследников законных, от брака с Юлией Петровной, у героя Кавказской войны не успело появиться, то все орловские имения героя Кавказской войны перешли частью – к вдове генерала, а частью – к его родному брату, Борису Александровичу Вревскому.

Одно из своих имений баронесса Вревская продала для организации санитарного поезда, с которым отправилась на помощь раненым.

И там, в других горах, Балканских, и на другой войне, русско-турецкой, 20 лет спустя, её беспокойная душа соединилась, наконец, с душой любимого мужа, чтобы не расставаться им уже никогда.

Совсем недавно, в мае 2019 года, в селе Дубовик (центральная усадьба ООО «Дубовицкое»), по инициативе Генерального директора сельхозпредприятия Петра Матвейчука, на площади перед зданием администрации, был установлен бюст Юлии Петровны Вревской, первый памятник в России, достойный этой замечательной женщины. Автором его стал известный орловский художник, малоархангелец по рождению, Юрий Михайлович Черкасов.

Александр – Борис – Александр – и далее до бесконечности (Вревские. Часть вторая)

Самыми популярными именами в роду князей Куракиных были, несомненно, Александр и Борис. Целых четыре Александра Борисовича известны историкам на протяжении 17-20 веков. Эту любовь к двум именам Куракины передавали по наследству, в том числе, и незаконно рожденным потомкам.

Знакомые Александра Пушкина

Барон Борис Александрович Вревский, один из семи «воспитанников» «брильянтового князя» с такой фамилией и родной брат героя Кавказской войны Ипполита Александровича (смотри предыдущий очерк – А.П.), своего старшего сына назвал Александром (по традиции, в честь деда – А.П.). Причём, делать ему это пришлось дважды, потому что первый из Александров скончался в возрасте одного года.

Борис Александрович Вревский окончил полный курс в Благородном пансионе при Санкт-Петербургском Университете, причём, обучался на одном курсе с Львом Пушкиным – родным братом великого русского поэта. Прослужив короткое время в лейб-гвардии Измайловском полку, Борис Вревский в ноябре 1827 года вышел в отставку в чине подпоручика и переехал в построенное им имение Голубово в Псковской губернии. В 1827-1832 годах он исполнял обязанности дворянского заседателя Псковского приказа общественного призрения, позже входил в первый состав Островского уездного земского собрания и временно исполнял обязанности Островского уездного предводителя дворянства.

7 июля 1831 года Борис Вревский женился на Евпраксии Вульф, соседке из имения Тригорское (оно находилось в 35 верстах от Голубово). Евпраксия Николаевна родилась 12 октября 1809 года в имении своей матери в Тригорском Опочецкого уезда Псковской губернии в семье тверского дворянина, отставного коллежского асессора Николая Ивановича и Прасковьи Александровны Вульфов.

С раннего возраста Евпраксия была близко знакома с Александром Пушкиным, который являлся их соседом (проживал в имении Михайловское) и дружил с её родителями. Одно время Александр Сергеевич был влюблён в девятнадцатилетнюю Евпраксию Николаевну и называл её «Зина» и «Зизи». Под вторым именем она упомянута поэтом в пятой главе романа «Евгений Онегин»:

Вревский Александр Борисович.

*Да вот в бутылке засмоленной,
Между жарким и блан-манже,
Цимлянское несут уже;
За ним строй рюмок узких, длинных,
Подобно талии твоей,
Зизи, кристалл души моей,
Предмет стихов моих невинных,
Любви приманчивый фиал,
Ты, от кого я пьян бывал!*

*Вульф (Вревская) Евпраксия
Николаевна.*

Когда Евпраксия Николаевна вышла замуж за Бориса Вревского, и молодожёны стали жить в имении Голубово, то Пушкин неоднократно посещал их. По преданию, поэт помогал благоустраивать усадьбу: копал грядки, сажал деревья и цветы; и, как об этом писал биограф А. С. Пушкина В. В. Вересаев, *«даже принимал участие в рытье пруда»*, в который обронил свою трость. Пользовался Александр Сергеевич и библиотекой Вревских, насчитывавшей свыше 3000 томов. Среди них находились и книги самого Пушкина, например, первое полное издание «Евгения Онегина» 1833 года с надписью автора: *«Баронессе Евпраксии Николаевне Вревской. 22 сентября 1835. Михайловское»*.

Упоминание, вкупе с дарственной надписью А.С. Пушкина «Твоя от твоих» к баронессе на томике 4 и 5 глав этого романа, привело к зарождению легенды и последующим спорам в литературоведческих кругах о том, являлась ли Евпраксия Николаевна прообразом героини произведения – Татьяны Лариной? Известно также, что именно ей Пушкин рассказал о своей предстоящей дуэли с Жоржем Дантесом, но, по каким-то причинам, Евпраксия Вревская никого об этом не предупредила.

У супругов Вревских было 11 детей, большинство из которых оставило свой след в российской истории. Евпраксия Николаевна умерла «от чахотки» 22 марта 1883 года в селе Голубово, и похоронили её на семейном погосте Врев. Перед смертью, несмотря на мольбы дочери, Евпраксия Николаевна сожгла все письма Пушкина, адресованные ей. Борис Александрович пережил жену на пять лет. Его могила – рядом с любимой женой.

Прообраз героя Льва Толстого

А теперь перехожу к рассказу об одном из сыновей их многочисленного потомства – Александре Борисовиче Вревском.

Он родился 31 мая 1834 в сельце Голубове Псковской губернии. В детстве, несомненно, маленькому Саше не раз доводилось видеть своего великого тёзку Пушкина – во время его приездов в это имение.

Получив первоначально домашнее образование, Александр Борисович Вревский учился в школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, а с 13 августа 1852 года началась его успешная военная карьера. Отслужив несколько лет в лейб-гвардии Кирсанском Его Императорского Величества полку, Вревский блестяще закончил Николаевскую академию Генерального штаба, после чего занимал высокие должности при этом штабе, в одном из армейских корпусов и в течение пяти лет был начальником штаба Одесского военного округа.

С 28 октября 1889 года Александр Борисович являлся Туркестанским генерал-губернатором и командующим войсками Туркестанского военного округа.

По воспоминаниям одного из современников, *«по своему происхождению, связям, воспитанию и состоянию Вревский принадлежал к высшему обществу Петербурга... это был человек вполне благовоспитанный, всегда одинаково элегантен, в высшей степени корректный, вежливый и внимательный со всеми, уважавший чужое мнение, хотя бы оно шло вразрез с его взглядами. ...Еще одно его свойство – это его постоянное спокойствие и сибаритизм.*

В его управлении краем имели место факты довольно угрожающего свойства; мы все начинали волноваться, но барон никогда, даже в этих случаях, не нарушал своих привычек и своим спокойствием и хладнокровием лучше всяких грозных решений успокаивал всех и направлял события к их нормальному течению».

В 1891 году, перед лицом активных попыток британского проникновения на южные рубежи Российской империи, Туркестанский генерал-губернатор предпринял ряд мер, направленных на то, чтобы предотвратить превращение Памира в антироссийский плацдарм и «восстановить права России» на эту область.

Генерал В.Н.Дрейер в книге воспоминаний «На закате империи», вышедшей в Мадриде в 1965 году, писал, что многие *«говорили совершенно серьезно, что Лев Толстой списал портрет Вронского с барона Вревского».*

17 марта 1898 года Вревский был произведён в генералы от инфантерии и в том же году, 17 августа, его назначили членом Военного Совета. За свою успешную многолетнюю штабную и губернаторскую деятельность Александр Борисович неоднократно получал награды и поощрения от российских императоров.

3 января 1906 года Вревский был уволен от службы «согласно прошению». Умер он 9 ноября 1910 года в городе Ментона (Приморские Альпы, Франция), но похоронили его на родовом погосте Врев (в отдельном склепе, на самом высоком месте).

Крёстный отец для сына священника

А теперь о том, как Борис Александрович и Александр Борисович Вревские связаны с Орловщиной. Дело в том, что после преждевременной смерти в августе 1858 года в результате тяжёлого ранения Ипполита Александровича Вревского его имения в Малоархангельском уезде Орловской губернии перешли по наследству его жене, Юлии Петровне, и старшему брату, Борису Александровичу. Будущая героиня русско-турецкой войны 1877-1878 годов в своих имениях некоторое время проживала – в частности, в селе Мишково.

Бывал ли в орловских владениях Борис Александрович Вревский – пока не известно. Но зато мне посчастливилось обнаружить следы пребывания в селе Дубовик Малоархангельского уезда его родного сына, будущего туркестанского генерал-губернатора, Александра Борисовича Вревского. Вполне возможно, что он занимался здесь хозяйственными делами отца, причём, по всей видимости, находился на орловской земле не один день.

В метрической книге Покровской церкви села Дубовик Малоархангельского уезда за 1869 год я нашёл следующую запись: «24 февраля родился, 27 февраля – крещён и назван Иоанном сын священника церкви села Дубовика Александра Егоровича Скворцова и его законной жены Марии Николаевны. Восприемниками (то есть, крестными родителями – А.П.) для младенца стали полковник, барон Александр Борисович Вревский и села Дубовика помещица Елизавета Васильевна Паппериц».

Генерал-лейтенант Вревский (первый ряд, второй слева) и его штаб: генерал Корольков (справа от Вревского), рядом с ним британский майор Элиот, между Корольковым и Элиотом во втором ряду – Генерального штаба подполковник Галкин, крайние в первом ряду – бухарские чиновники. В третьем ряду крайний справа – военный врач Казанский.

Священник Скворцов наверняка был авторитетным батюшкой, коли его младенца крестили помещики, в том числе, приехавший на какое-то время в отцовские имения полковник Генерального штаба Императорской армии (на тот период). Доводилось ли в последующие годы будущему туркестанскому генерал-губернатору заезжать на Орловщину – ещё предстоит выяснить. Но, вполне возможно, что такое событие могло иметь место, поскольку 18 марта 1885 года (через 16 лет) Александр Борисович Вревский получил в Малоархангельском уезде Орловской губернии во владение село Покровское с деревнями – по купчей от родного отца, став уже полноправным орловским помещиком.

Именем Вревского в своё время были названы посёлок в Ташкентской области, село в пригороде Чимкента и ледник на северных склонах Гиндукуша, откуда берет начало Аму-Дарья, – «ледник барона Вревского». К сожалению, в настоящее время названные населённые пункты переименованы. Что касается могилы туркестанского генерал-губернатора на погосте Врев в Псковской области, то она, как и одиннадцать других склепов, где были погребены Вревские, не сохранилась. Захоронения уничтожили в первые годы Советской власти местные мародёры.

А вот баронская фамилия продолжает жить. Профессор, доктор геолого-минералогических наук, автор шести научных монографий Александр Борисович Вревский возглавляет Институт геологии и геохронологии в Российской Академии Наук.

Чичерины: от Сибири до Парижа

Во всех справочниках и энциклопедиях герой войн с Наполеоном, генерал от кавалерии, кавалер многих российских и иностранных орденов, награждённый золотым оружием «За храбрость» (с алмазами), Пётр Александрович Чичерин, назван дворянином Тульской губернии. А между тем это не совсем так, поскольку обширные его имения находились также в Малоархангельском уезде Орловской губернии, и он, с таким же правом, может считаться нашим земляком.

Сибирский губернатор – «батюшка» или «самодур»?

Причём, Пётр Александрович не был первым из Чичериных, кто имел земельные владения на Орловщине. По всему левобережью речки Фошни (современная территория Покровского и Колпнянского районов – А.П.), уже в середине XVIII века, располагались деревни и земли Дениса Ивановича Чичерина, генерал-поручика, сибирского губернатора в течение 18 лет.

Это была чрезвычайно колоритная и противоречивая личность. Современники Дениса Ивановича донесли до нас сведения о его облике и образе жизни в Тобольске, Чичерин «...был росту среднего, красив лицом, ловок и телосложения крепкого; хотя вспыльчив до бесконечности, однако горячность его была непродолжительна, и, имея сердце доброе, сам изыскивал случаи быть полезным тем, которых оскорблял своею необузданною горячностью. Вставал в 4 часа утра, приступал немедленно к трудам звания своего; просителей принимал без доклада и каждому старался оказать услугу».

За 18 лет управления губернией Денис Иванович Чичерин немало сделал для ее благоустройства. В Тобольске он открыл геодезическую школу, положив тем начало регулярным землемерным работам и Сибири. Учредил аптеку, начал оспопрививание. В 1776 году им был построен каменный госпиталь и открыт рабочий дом для ссыльных и преступников. Он покровительствовал открытию в том же году банковской конторы с капиталом в 1 миллион рублей ассигнациями. При Денисе Ивановиче Чичерине была заселена и тем облегчена дорога от Тобольска до Иркутска, начиналось заселение и освоение Барабинской степи, Алеутские острова стали владением России. Быстрые и решительные меры, предпринятые Чичериным в самом начале пугачевщины, пресекли распространение ее на Сибирь. За заслуги в управлении обширнейшим краем Денис Иванович Чичерин был награжден орденом Святой Анны I степени, орденом Святого Александра Невского и чином генерал-поручика.

Своими заботами о благоустройстве городов и готовностью помогать бедному населению он стяжал себе добрую память и был известен под именем "батюшки Дениса Ивановича", одновременно многие считали его «державным князьком и самодуром» – за заведённые им порядки как в общественной, так и в частной жизни сибиряков.

Губернатор, к примеру, имел обыкновение заходить в дома мещанские и смотреть, что жена варит мужу на обед. Если в избе было грязно, не прибрано, или Денису Ивановичу не нравилось качество кушанья, то хозяйку тут же выводили во двор и секли розгами сопровождавшие его гайдуки.

Особенно не терпел губернатор праздного шатающихся людей и скота на улицах. Мирно роющихся в земле свиней, оказавшихся без присмотра, забирала на гауптвахту, бездельников арестовывали и без суда сажали на цепь.

Как писали современники строгого губернатора: "Денис Иванович, как истый сын своего века, зачастую переходил пределы всякой законности, благоразумия и гуманности, и добивался желаемого неслыханными строгостями, граничившими с беспощадной жестокостью".

Известный бытописатель XIX века Михаил Пыляев в своей книге «Замечательные чудачки и оригиналы» так написал о последних годах жизни бывшего сибирского губернатора:

«По получении отставки (1780 год – А.П.) жил он в орловской деревне, в с. Ильинском, где вначале не бросал своей прежней пышной жизни, но, наконец, деревня стала ему скучна, он сделался угрюмым, задумчивым, начал чуждаться людей, заперся в свой кабинет, никого не видал и умер в 1785 году, отвергая пищу и все услуги своей дворни».

Земельные владения Дениса Ивановича в наших краях унаследовал его сын, Александр Денисович Чичерин, именем которого стала называться деревня, в которой он поселился, – Александровка. Долгое время у населённого пункта имелось и второе название – Чичерина (ныне – д.Александровка в Топковском сельском поселении Покровского района – А.П.). У Александра Денисовича и его жены, урождённой графини Девиер (родственницы светлейшего князя Меншикова – А.П.), родилось семеро сыновей, одним из которых и был герой войн с Наполеоном Пётр Александрович Чичерин.

Генерал Пётр Александрович Чичерин, муж Александры Алексеевны Куракиной.

Командир лейб-гвардии Драгунского полка

Появившись на свет 10 февраля 1778 года, отрок Петруша 8 апреля 1785 года был записан сержантом в лейб-гвардии Преображенский полк, из которого 1 мая 1789 года переведён был вахмистром в лейб-гвардии Конный полк, где за 6 лет из корнетов добрался до полковников (1803 год). Эти, авансом полученные звания, Пётр Чичерин с блеском отработал в последующих боях и сражениях, почти непрерывно следовавших друг за другом в течение четверти века.

Начинал он с Аустерлица (декабрь 1805 года). Потом были бои при Гейльсберге и Фридрихсвальде (1806-1807 годы). За отличие в последнем Пётр Чичерин награждён был орденом Св. Георгия 4-го класса – *«в воздаяние отличного мужества и храбрости, оказанных в сражении... против французских войск, где, находясь у прикрытия батарей, с примерною твёрдостью выдерживал действия неприятельской артиллерии, отдаляя всякое на батареи наши покушение неприятеля».*

А 12 декабря 1809 года полковник Пётр Чичерин стал командиром лейб-гвардии Драгунского полка, которым командовал потом в течение 16 лет – беспримерный случай в истории русской императорской гвардии!

С этим полком, в составе 1-й бригады гвардейской кавалерийской дивизии 1-ого резервного кавалерийского корпуса 1-й Западной армии, Пётр Чичерин встретил начало Отечественной войны. Участвовал и отличился *«в делах при Вилькомире, Витебске, Смоленске, Бородине».* С сентября 1812 года полк находился в составе партизанского отряда генерала Дорохова. За проявленные

4-6 ноября 1812 года в бою под Красным *«отличную храбрость и мужество»* Пётр Чичерин пожалован был 6 декабря 1812 в генерал-майоры и удостоен 3 июня 1813 ордена Св. Георгия 3-го класса.

Воронье кони лейб-гвардии Драгунского полка в конце декабря 1812 года вошли в Европу, а их хозяева-драгуны, под умелым командованием генерал-майора Чичерина, во время Заграничного похода русской армии отличились в сражениях при Люцене, Бауцене, Кульме и Лейпциге. В Битве народов под Лейпцигом (16-19 октября 1813 года), во встречном конном бою, Пётр Чичерин получил ранение французским палашом в щеку.

Оправившись от раны, он вернулся в строй и участвовал в сражении при Фер-Шампенуазе и при взятии Парижа.

После окончания Отечественной войны и Заграничных походов Чичерин продолжил службу. Участвовал в войне с турками в 1828–1829 годах, в подавлении польского восстания 1831 года. 22 апреля 1834 он получил чин генерала от кавалерии.

Украденная княжна

А теперь немного о личной жизни военачальника. Красавец-мужчина, Пётр Александрович пользовался большим вниманием женского пола, но никому из светских дам не отдавал предпочтения, пока однажды, на рождественском балу 1809 года, в промежутке между очередными войнами и походами, не влюбился драгун-полковник без памяти в танцевавшую там красавицу, Александру Салтыкову, жену статского советника. Она, к тому же, была ещё и дочерью знаменитого князя Алексея Куракина.

*Куракина Александра Алексеевна
(Салтыкова - в первом браке,
Чичерина - во втором).*

*Генерал Чичерин
Пётр Александрович*

Томиться и ожидать, страдая, Пётр Чичерин не стал. Он поступил, как привык это делать на войне – быстро и решительно. В один из дней просто увёз свою возлюбленную из дома мужа. Какой переполох тогда поднялся в свете – трудно представить. Николай Салтыков пытался вернуть жену, но ничего у него не вышло, хотя развод супруге он так и не дал.

Пришлось членам новой семьи жить не венчанными – большой грех по тем строгим временам. Князя Куракины прервали всякие отношения не только с генералом, но и с княжной Александрой Алексеевной. Но молодожёны не обращали внимания на сплетни и пересуды. Их счастье продлилось 10 лет, родились один за другим шестеро детей – понятно, что незаконнорожденные. А когда младшему из сыновей, названному в честь отца, исполнилось два года, княжна Александра Куракина скоропостижно, в 31 год, скончалась.

Горе Петра Чичерина было безмерно. Чуть уменьшил его император Александр I, специальным указом причислив всех детей своего боевого генерала к дворянству – уже после смерти их матери.

Петру Александровичу пришлось одному поднимать на ноги, воспитывать и давать образование двум дочерям и четырём сыновьям, трое из которых пошли по его стопам – стали военными. А отношения Петра Чичерина с князьями Куракиными потихоньку наладились, и отобранная ими ранее часть наследства княжны Александры Алексеевны была возвращена её сыновьям Петру и Павлу. Они стали владельцами имения в селе Алексеевском и деревне Натальиной (Малоархангельский уезд Орловской губернии – А.П.).

Генерал от кавалерии Пётр Александрович Чичерин пережил жену почти на 30 лет – он скончался в 1848 году, похоронили его, по завещанию, рядом с любимой супругой, на кладбище Свято-Троицкой Сергиевой пустыни под Петербургом.

Приложение к главе первой «Князя Куракины и вокруг них»

Орловское Дворянское депутатское собрание

Протоколы

(ГАОО, ф. 68, оп. 1, ед. хр. 20)

Л. 115-л. 116об.

1843 года октября 20 дня – слушали дело о дворянстве лейб-гвардии конного полка Ротмистра и кавалера Павла Петровича Чечирина (в «Протоколах» фамилия записана именно так – А.П.) и семейства его.

Командир лейб-гвардии Конного полка Свиты Его Величества генерал-майор Эссен 1-ый при отношении от 9 февраля за №273 препроводил на рассмотрение ДС прошение вверенного ему полка **Ротмистра Чечирина** и приложенные при оном документы, для внесения детей его, Сергея и Варвару, в Дворянскую родословную книгу и выдаче ему копии с протоколом, а дочери – свидетельства о дворянстве.

Документы удостоверяют:

- 1) Формулярный список, данный Ротмистру Чечирину 9 февраля 1843 года за подписанием генерал-майора Эссена 1-ого, что Г.Чечирин происходит из дворян Санкт-Петербургской губернии, **за ним состоит Орловской губернии в Малоархангельском уезде 500 душ крестьян** и за женою его во Владимирской губернии 1000 душ.
- 2) Из пажей произведён Карнетом 1830 января 18 в Литовский Уланский полк, из оного по Высочайшему приказу переведён Лейб-Гвардии в Подольский Кирасирский полк (что ныне Лейб-Гвардии Кирасирский Его Величества полк) 830 января 19, Высочайшим приказом переведён Лейб-гвардии Конный полк 831 Декабря 6, поручиком – 833 мая 29, Высочайшим приказом переведён в Сибирский Уланский полк тем же чином и того же года декабря 4, Высочайшим приказом переведен обратно в Лейб-гвардии Конный полк того же года декабря 6. Назначен Высочайшим приказом Адъютантом к Командиру Гвардейского Резервного Кавалерийского корпуса Генерал-Адъютанту Кноррингу 838 марта 24, Штаб-ротмистром 839 марта 26, с оставлением при прежней должности, Ротмистром 841 марта 30 и с оставлением при прежней должности, по собственному желанию, обращён во фронт своего полка приказом по отдельному Гвардейскому Корпусу 842 апреля 28.
- 3) Имеет ордена: Св.Станислава 4, Св.Анны 4 степени с надписью «За храбрость» и польский знак отличия «За военное достоинство»
- 4) Метрическое свидетельство, данное 30 сентября 1842 года за №810 от Обер-священника Главного Штаба и Отдельного Гвардейского корпуса Николая Музовского, что брак Павла Петровича Чечирина с дочерью Действительного статского советника князя Павла Алексеевича Голицына, девицею Ольгой Павловною совершён 1834 года апреля 28 дня и
- 5) Отношение Санкт-Петербургской Духовной Консistorии...и два свидетельства, данные от священно-церковнослужителей С-П Симеоновской церкви 2 мая 1839 и 18 января 1841 годов, что у Ротмистра Павла Петровича Чечирина и супруги его Ольги Павловны родились дети Варвара – 1839 февраля 27 и Сергей – 1840 годов декабря 13 числ...
- 6) **Определили** – сопричислить к сословию Дворян Орловской губернии и внести в третью часть Дворянской родословной книги...

Глава вторая Скарятины: цареубийца, его предки, потомки и окружение

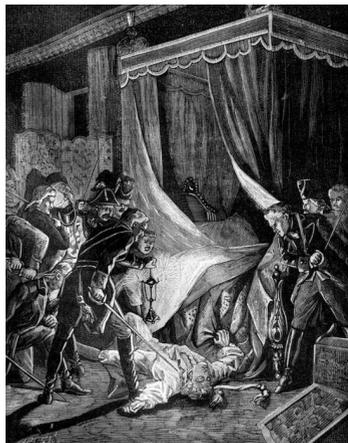
Яков Скарятин, его шарф и предки

В ночь с 11 на 12 марта (по старому стилю) 1801 года в Михайловском замке Санкт-Петербурга двенадцатью заговорщиками был убит император Павел I.

Спустя 50 лет, 23 февраля 1851 года, в Орловской палате гражданского суда была совершена раздельная запись от имени жены полковника, вдовы Натальи Григорьевны Скарятиной и её сыновей – Владимира, Александра, Дмитрия и Николая Яковлевичей. Мать и дети договорились о разделе между ними недвижимого имущества, оставшегося после смерти полковника Якова Фёдоровича Скарятина и гибели в бою его второго сына Григория (старший сын Фёдор умер задолго до этого момента – А.П.) в Малоархангельском, Мценском, Ливенском уездах Орловской губернии и Щигровском уезде Курской губернии.

Какая, казалось бы, связь между этими двумя событиями? Самая прямая. Одним из 12 цареубийц был штабс-капитан Лейб-гвардии Измайловского полка Яков Скарятин. Причём, его роль – откровенно палаческая. Вот как описал те трагические события один из современников, М.А.Фонфизин: «князь Яшивиль, Татаринов, Гарданов и Скарятин яростно бросились на царя, вырвали из его рук шпагу; началась отчаянная борьба. Павел был крепок и силен; его повалили на пол, топтали ногами, шпажным эфесом проломали ему голову и, наконец, задавили шарфом Скарятина». Другой из современников, граф Ланжерон, уточнил, что Скарятин, «сняв висевший над кроватью собственный шарф императора, задушил его им».

Прежде, чем повести речь далее о самом штабс-капитане Лейб-гвардии Измайловского полка, думаю, стоит сказать несколько слов о его дворянском роде. Для начала предоставлю слово известному тургеневеду Николаю Чернову, который в своей книге «Дворянские гнёзда вокруг Тургенева» (Спаское-Лутовиново, 2003) отдельную главу посвятил «Чернозёмным магнатам Скарятиным...». Итак, «Скарятины – дворянский

Убийство императора Павла I
(французская гравюра, 1880-е годы)

род позднего происхождения, восходящий ко второй половине XVI века. Новики, выскочки. Пробылись в верхние слои российской знати благодаря сильным характерам, мужеству, смелости и готовности идти на личный риск. Выходцы из пограничной орловской провинции, из низшего слоя ливенских служилых людей. Участники памятных событий отечественной истории. Люди из круга знакомых В.А.Жуковского, А.С.Пушкина... Богатейшие помещики и коннозаводчики Малоархангельского и соседних уездов...» (указанное сочинение, с.157). Характеристика что надо, показывает масштаб этого рода и его представителей.

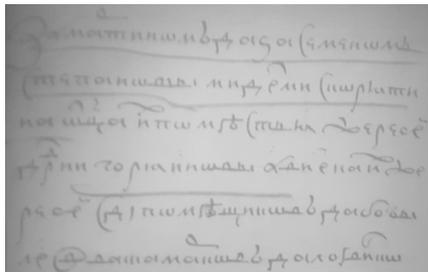
Свой рассказ о них Николай Михайлович Чернов начинает с Тихона Скарятина (примерно 1700-1710 годы), да и о нём почти никаких сведений не приводит.

Между тем, в Государственном архиве Орловской области, в фонде 68 (Орловское Дворянское депутатское собрание – А.П.), сразу в нескольких делах, содержатся очень любопытные сведения, которые позволяют пролить свет на гораздо более древнюю историю рода Скарятиных (я буду придерживаться единообразия написания этой фамилии, которая даже в одном и том же документе могла звучать и как «СкОрятины», и как «СкАрятины» – А.П.).

10 декабря 1824 года Орловское Дворянское депутатское собрание рассматривало заявление полковника и кавалера Якова Фёдоровича Скарятина о внесении шестерых его детей в Дворянскую родословную книгу Орловской губернии (ГАОО, ф.68, оп.1, ед.хр.6, л.л.161-162). И в качестве одного из доказательств, подтверждающих его древнее дворянское происхождение, полковник представил документ из Вотчинного Департамента (выписки из писцовых книг Одоевского уезда за 17136 и 17137 годы, то есть, 1628-1629 годы – А.П.).

В них говорилось о прапращурах Якова Скарятина – Мартине (родном) и Семёне (двоюродном) Степановичах, владевших поместьями, которые они передали по наследству: Мартин Степанович – Трофиму и Ивану Мартиновичам, Иван Мартинович – Якову Ивановичу, Яков Иванович – Тихону и Ивану Яковлевичам Скарятиным. Получается, от

Тихона этот документ позволил опуститься вглубь ещё на четыре поколения до официально признанного родоначальником Степана Скарятина, в первую треть XVII века (впрочем, именно это период и называл Н.М.Чернов – А.П.). Как мне удалось выяснить, оригиналы не только упомянутых писцовых книг, но и дозорных, межевых и платёжных книг Одоевского уезда за отдельные годы XVII века (1615, 1616, 1620, 1628-1629 и 1683 г.г.) не утрачены, а до сих пор хранятся в фондах Российского госу-

Запись о Мартине и Семёне Степановичах Скарятиных в писцовой книге Одоевского уезда за 1628-1629 годы

дарственного архива древних актов (РГАДА), хотя по причине их ветхости и не предоставляются для просмотра посетителям архива. Тем не менее, всё содержимое этих бесценных документов отснято в виде микрофильмов, к которым может иметь доступ любой заинтересованный исследователь, и там действительно присутствуют записи скорописью (старинный вид кириллического письма, употреблявшийся в делопроизводстве того времени – А.П.) как о Мартине и Семёне Степановичах и Якове Ивановиче, так и о других Скарятинных (скорее всего, родственниках по другим веткам – А.П.), получивших там земли в собственность.

Небольшая часть поместий в процессе перехода наследства была продана посторонним владельцам, но основная масса земель и крестьян благополучно дошла до Василия Тихоновича Скарятин, ставшего после создания Орловской губернии первым малоархангельским предводителем дворянства. Василий Тихонович – это родной дед цареубийцы Якова Скарятин, к которому я теперь возвращаюсь.

До недавнего времени о ранних годах жизни штабс-капитана Лейб-гвардии Измайловского полка, кроме самого факта участия его в цареубийстве, было мало что известно. Однако в 2002 году военно-исторический журнал «Цейхгауз» (№1 за 2002 год) опубликовал три небольших документа из фондов Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), которые заметно расширили наши сведения об известном орловском помещике.

Из *«Всеподданнейшего прошения ... об увольнении от службы»*, написанного Я.Ф.Скарятинным 6 сентября 1806 года на имя императора Александра I, стало известно, что он начал военную карьеру подпрапорщиком в августе 1783 года и, проходя по ступеням служебной лестницы, 15 октября 1800 года был удостоен штабс-капитанского звания, в сентябре 1803 года – капитанского, а уже в декабре того же года Скарятин получил звание полковника Лейб-гвардии Измайловского полка. В 1805 году он принял участие в заграничном походе против французских войск и героически сражался с ними в битве под Аустерлицем. Согласно описанию, приведённому в «Истории Лейб-Гвардии Измайловского полка», изданной в 1882 г.: *«Таким образом, шесть батальонов гвардии поддерживали бой со всей французской армией и прикрывали отступление расстроенных русско-австрийских войск... 20-го ноября русская гвардия спасла союзную армию, удержав весь натиск полчищ Наполеона одними своими силами...»*. За *«отличие в сражении 20 ноября»* полковник Яков Скарятин в марте следующего 1806 года был награждён орденом Св. Владимира 4-й Степени с бантом, причём он был единственным офицером Измайловского полка из участвовавших в битве, кто был удостоен именно этого ордена, и среди всего трёх офицеров, получивших высокие награды за свою исключительную доблесть (полковники Талызин и Храповицкий были награждены орденами Св. Георгия 4-й Степени). В своём Высочайшем докладе Цесаревич Константин Павлович выделил именно этих троих, о других же офицерах Измайловского полка,

Яков Фёдорович Скарятин

между прочим, было сказано: *«в рассуждении всех прочих офицеров, я не могу из них одному перед другим приписать особенной похвалы, потому что все они равно исполняли долг свой»*.

И на этом военная карьера гвардейца подошла к концу, что было связано с серьёзными ранениями, полученными как раз под Аустерлицем. Правда, несколькими годами ранее он успел получить ещё орден Св. Иоанна Иерусалимского (Мальтийский крест). Об этой награде нужно сказать отдельно, поскольку до недавнего времени была неизвестна дата награждения им Якова Скарятин; но в ещё одном деле, где за получением дворянства для своих детей в Орловское депутатское собрание обращался в 1853 году уже сын Якова Фёдоровича,

Владимир Яковлевич (ГАОО, ф.68, оп.1, ед.хр.30, л.л.49-52), эта дата названа: 14 января 1799 года. Она удивительна сразу по двум основаниям: во-первых, орден вручён 18-летнему на тот момент, в звании прапорщика и не имевшему (вроде бы – А.П.) никаких заслуг человеку; во-вторых, это случилось меньше чем через два месяца после утверждения Павлом I ордена в качестве практически высшей награды в государстве, то есть, Яков Скарятин стал одним из первых награждённых вообще, и, в свете того, что первые пожалования данным орденом были знаком милости Павла I, стоит поразмышлять о причинах такого Указа Императора, тем более, что всего через два с небольшим года после этого он был убит группой заговорщиков, где Яков Скарятин был не единственным кавалером Мальтийского креста.

Осенью 1806-го года Скарятин просит уволить его на статскую службу, мотивируя это состоянием здоровья. Лекарь полка выдаёт ему соответствующую справку (не может служить из-за *«продолжающегося удушья и лома в бывшей переломанной ноге»*). Бумаги поступают сначала к Великому князю Константину Романову, а от него – к императору Александру I. Царь даёт «добро», лейб-гвардии полковник Скарятин становится гражданским человеком и отправляется в родовое своё имение – село Троицкое Малоархангельского уезда Орловской губернии.

Последней наградой гвардии полковника Скарятин стала золотая шпага с надписью «За храбрость», вручённая Великим князем Константином Павловичем по Императорскому Указу от 29 октября 1806 года (она нигде, в том числе и в послужном списке, не значится, кроме обращения генерал-адъютанта графа Ливена

к Цесаревичу Константину Павловичу от того же числа, так как награда, как говорится, нашла своего героя уже после его выхода в отставку – А.П.).

Помещичья жизнь. Хозяйство, семья, дети

Исполнилось ему в тот момент (согласно сведениям служебного формуляра) 26 лет, и был он год как женат на женщине известной и очень уважаемой в светских кругах – княжне Наталье Григорьевне Щербатовой (Щербатовы – знатный княжеский род, отрасль Черниговских Рюриковичей; родной брат Натальи – Алексей Григорьевич Щербатов был личностью знаменитой, героем войн с Наполеоном 1805-1813 годов, дослужившимся до генерала от инфантерии и занимавшим в течение последних 5 лет жизни должность Московского военного генерал-губернатора, принял серьезное участие в судьбе старших сыновей своей сестры, но об этом чуть позже – А.П.).

Наталья Григорьевна Щербатова

К этому времени в селе Троицкое произошли серьезные изменения, касающиеся семейства Скарятиных, подробности которых мне удалось узнать с помощью метрических книг Троицкой церкви села Троицкое (Скарятино) Малоархангельского уезда за 1783-1827 годы (ГАОО, ф.101, ед.хр.2124).

Начну с того, что отец Якова Скарятин, гвардии капитан Фёдор Васильевич, скончался ещё 21 декабря 1784 года, в возрасте 35 лет, сделав вдовой жену, Елизавету Васильевну, и сиротами – пятерых несовершеннолетних детей: Василия, Якова, Марию, Аграфену и Александру (в существующих источниках датой его смерти называют 1787 год – А.П.).

Елизавета Васильевна несколько лет оставалась вдовой и самолично успешно справлялась с хозяйством и делами имений (ей помогал по мере сил брат умершего мужа – бригадир Иван Васильевич Скарятин – А.П.), а потом вышла замуж вторично – за генерал-майора Фёдора Обухова, довольно известного человека при царском дворе (при Екатерине II он был правителем Нижегородского наместничества – А.П.).

Тем временем сыновья-погодки (но, возможно, даже близнецы – А.П.) Фёдор и Яков подросли, достигли совершеннолетия и вступили в права наследства. Василий Скарятин жил всё время в Троицком (хотя и был записан в списке Измайловского полка с раннего детства в чине подпрапорщика, а затем периодически производим в следующее звание, как это было принято в те времена для детей дворян-гвардейцев, и «отправлен в отставку» в чине подпоручика,

И, наконец, в Щигровском уезде Курской губернии его поместья составили: село Никольское, селцо Ховатка и деревни Репище и Поздеева.

Общее число крепостных крестьян и дворовых душ во всех вышеперечисленных населённых пунктах – 3164 человека. А земельный массив, принадлежавший полковнику Скарятину, достигал 19 650 десятин (в переводе на гектары – 21 418,5 га).

Такое земельное богатство позволяло полковнику Скарятину не стесняться в расходах. В «Протоколах Малоархангельского уездного суда» за январь 1844 года (ГАОО, ф.28, оп.1, ед.хр.487, л.л.79-81об.) сохранились сведения о том, что Яков Фёдорович в начале 40-ых годов взял в Московском опекуном совете (под залог почти 2 тысяч своих крепостных душ в 14 сёлах и деревнях Малоархангельского уезда – А.П.) ссуду на 157 500 рублей сроком на 37 лет.

Яков Скарятин мало в чём уступал даже таким крупным землевладельцам Орловской губернии, каковыми считались князья Куракины. А если говорить в целом о влиянии семей Скарятиных и Куракиных на жизнь Малоархангельского уезда, то первые имели явное преимущество. Предводителями здешнего дворянства (с момента образования Малоархангельского уезда) были представители четырёх поколений Скарятиных.

Впрочем, и на губернском уровне Скарятини не подкачали – они были предводителями дворянства и губернаторами не только в Орловской, но и в Курской, Казанской, Новгородской и Санкт-Петербургской губерниях.

В Малоархангельском же уезде во времена Якова Фёдоровича уездная жизнь кипела, скорее, не в самом Малоархангельске, а в главном имении Скарятиных – селе Троицком (ныне – Верховского района), в 70 верстах от уездного центра. Многочисленные просители со своими письмами приезжали сюда, а не в город, да и малоархангельские чиновники значительную часть времени проводили в Троицком.

Здесь, в старинном и большом селе, поселился в начале XVIII века ещё Тихон Яковлевич Скарятин (наверное, поэтому Н.М.Чернов считал его основателем рода – А.П.), а потом продолжали жить целых 6 поколений его потомков. В Троицком был дедовский дом, который Яков Фёдорович позже целиком перестроил, мельница с толчёй, винокурный завод, пруд с рыбой и знаменитый на всю губернию конский племенной завод русской породы. Скарятини считались одними из крупнейших коннозаводчиков в России. В 1844 году у Якова Фёдоровича в имении имелось 17 кобыл-маток, 53 верховых лошади и 4 заводских жеребца. Ежегодно на соседних ярмарках он продавал не один десяток своих лошадей.

Вообще, полковник Скарятин, начав жить помещицкой жизнью, оказался образцовым хозяином и активным деятелем малоархангельского дворянства (несколько раз избирался предводителем, был почётным смотрителем Малоархангельского уездного училища с 1835 по 1845 год, церковным старостой в течение 3-х лет с 1839 года, посредником полюбовного размежевания земель I

участка Малоархангельского уезда с 1845 года – А.П.), как будто старавшимся за хозяйскими заботами и общественной деятельностью навсегда забыть о своём бурном и буйном прошлом.

И если в молодости он не раз хвастался в частных беседах, как лично участвовал в убийстве царя Павла I, то в зрелые годы предпочитал не говорить об этом, всё чаще его посещали мысли о Боге, который никак не мог одобрить такое преступление.

У Якова Фёдоровича и Натальи Григорьевны родилось шесть сыновей: Фёдор, Григорий, Владимир, Александр, Дмитрий и Николай. Была и единственная дочь – Анастасия, но она умерла в младенчестве, в возрасте одного года (это случилось 27 марта 1811 года).

В уезде и губернии полковник и его жена имели репутацию просвещённых, культурных и верующих людей, примерных родителей, которые старались дать детям и «воспитанникам» (о них – отдельно – А.П.) приличное воспитание и образование.

Не знаю уж, сразу или нет, но по приезду в Троицкое отставной гвардии полковник стал жить жизнью примерного христианина, стараясь делать для ближних своих и не только для них всё, чтобы забыть страшный грех царевубийства.

Яков Фёдорович Скарятин установил тесные связи с многими орловскими помещиками, как очень известными, к примеру, князем Алексеем Борисовичем Куракиным, владельцем имения Преображенское (Куракино) в Малоархангельском уезде, и действительным статским советником, графом Григорием Ивановичем

Григорий Иванович Чернышёв.

Чернышёвым, владельцем имения в селе Тагино Орловского уезда (по воспоминаниям племянника его жены, графа Михаила Дмитриевича Бутурлина, относящимся к 1828 году: *«Тетка моя, графиня Чернышева была разбита параличом, а граф Григорий Иванович убит нравственно семейным горем, так как единственный его сын гр. Захар Григорьевич и его зять Никита Муравьев были сосланы по декабрьскому событию 1825 года. Управлял их имениями и заведовал их домом (до мельчайших подробностей, как напр., заказывал обувь для молодых графинь) давнишний их приятель (и сосед по орловскому имению) Яков Федорович Скарятин»*), так и с такими, как сосед-помещик из ближней деревни Лимовой (того же Троицкого прихода) ротмистр Егор Емельянович Семенихин.

Отставной гвардии полковник бывал у них в гостях, они не раз посещали гостеприимное Троицкое, а ещё Яков Фёдорович очень любил выступать в роли крестного отца (восприемника – по тем временам – А.П.). Я сбился со счёта, выясняя, сколько раз он крестил детей у соседей-помещиков, у священников Троицкого храма и даже у своих дворовых людей. Со временем Скарятин подключил к этому важному, как ему казалось, делу, собственную жену и детей. Они начали выступать в роли восприемников, начиная с малых лет.

Приведу несколько примеров, процитировав записи о рождении из метрических книг Троицкого храма за разные годы:

«26 сентября 1809 года – деревни Лимовой у помещика ротмистра Егора Емельянова сына Семенихина родился сын Димитрий, крещён того ж числа, восприемником был села Троицкого господин Полковник Яков Фёдоров сын Скарятин;

28 октября 1810 года – деревни Лимовой у помещика ротмистра Егора Емельянова сына Семенихина родился сын Димитрий, крещён того ж числа, восприемником был села Троицкого господин Полковник Яков Фёдоров сын Скарятин (да, уважаемый читатель, это не описка и не ошибка: два года подряд у ротмистра Егора Семенихина рождались сыновья, оба раза им давали имя «Дмитрий», и дважды восприемником у обоих выступал Яков Скарятин – А.П.);

30 августа 1811 года – онаго ж Господина Скарятина у управителя Ивана Климова родился сын Александр, крещён того ж числа, восприемником был Господина Полковника Якова Фёдорова сына Скарятина сын Фёдор Яковлев (Фёдору на тот момент шёл шестой год, а он уже в роли крестного отца выступил – А.П.);

16 июня 1813 года – деревни Лимовой у помещика ротмистра Егора Емельянова сына Семенихина родился сын Тихон, восприемником был полковник Яков Фёдорович Скарятин;

29 августа 1822 года – села Троицкого у священника Илариона Андреева родился сын Александр, крещён, восприемником был кавалер Яков Скарятин;

20 июня 1823 года – Господина Скарятина у дворового человека Павла Иванова родилась дочь Агрипена, при крещении восприемницей была полковница Наталия Скарятин.»

Я привёл только малую часть записей, касавшихся отставного гвардии полковника, его жены и детей в качестве крестных родителей. Мало того, регулярно Яков Фёдорович выступал как поручитель (свидетель) на бракосочетаниях, проходивших в Троицкой церкви, особенно, если это касалось близких ему людей. Но об этом я скажу чуть ниже в отдельном очерке.

С чем была связана такая активность бывшего гвардейца? Почти стопроцентно – с его мучениями, угрызениями совести, переживаниями по поводу своего участия в убийстве Павла I. Яков Фёдорович, всеми возможными средствами, пытался свой грех отмотить. Конечно, не только участием в крещениях и брако-

сочетаниях, но и проводя благотворительную деятельность. Большой вклад в денежном выражении Скарятин сделал при строительстве Петропавловского кафедрального собора в Орле, при содержании Малоархангельского уездного училища (он не только был его почётным смотрителем в течение 10 лет, но и пожертвовал для училища двухэтажное каменное здание в Малоархангельске – А.П.).

Варвара Петровна Тургенева.

Следует сказать ещё несколько слов о деятельности Якова Фёдоровича в качестве посредника полюбовного размежевания земель 1-ого участка Малоархангельского уезда. Я процитирую отрывки из его переписки с Николаем Николаевичем Тургеньевым (дядей писателя Ивана Тургенева – А.П.), управлявшим именными Варвары Петровны Тургеньевой (матери писателя; фонд посредника по полюбовному размежеванию земель Малоархангельского уезда 1-ого участка, ГАОО, ф.742, оп.1, ед.хр.2, л.л.45-45об. – А.П.): №1. *«От посредника полюбовного специального размежевания 1 участка Малоархангельского уезда Якова Фёдоровича Скарятина*

Г.г.владельцам дачи села Тапков, не утвердивших нарезок.

10 июня 1845 года.

При рассмотрении планов дачам, переданным по распоряжению Посреднической комиссии в моё заведование от бывшего посредника Г.Горданова я заметил, что г.г.владельцы дачи села Тапков: поручик Николай Иванович Протопопов, полковница Варвара Петровна Тургенева, Александр Степанович Семёнов, князь Николай Алексеевич Костров, Николай Васильевич Пушешников, Фёдор Гаврилович Леонтьев, Пётр Маркович Хитров и малоархангельские купцы Афанасий и Фёдор Микулины в данных посреднику сказках и сведениях пожелали размежеваться по наличному владению, а проактированных по планам нарезок по неизвестным причинам до сих пор не утвердили...

Для утверждения нарезок прошу пожаловать 16 числа будущего июля месяца в г.Малоархангельск.

Я.Ф.Скарятин»

№2. Там же, л.52

15 июля 1845 года управляющий именными В.П.Тургеньевой Н.Н.Тургеньев пишет Я.Ф.Скарятину, что по причине болезни он не сможет быть 16 июля, но обязательно будет 25 июля по вопросу полюбовного размежевания.

№3. ГАОО, ф.742, оп.1, ед.хр.2, л.л.53-54

«Августа 8 дня 1845 года из с. Спасского

Н.Н.Тургенев – Я.Ф.Скарятину:

Милостивый государь Яков Фёдорович!

Получившейся со мною болезни я быть у Вас не могу, по возвращении же моего поверенного известился от него, что земля по дачам села Тапков и села Верхососенья предназначена нарезкою в участок невестки моей и доверительницы Варвары Петровны Тургеневой сообразно желания нашего, в тех же границах ея прежнего владения, к двум местам. Самая большая часть – к населённому селению Тапкам и в малом количестве оставлено под лесом с прилегающею пахотною землёю при сельце Хмелевом, за уступкою из наличного владения при селе Тапках близ церковной земли на часть прочих владельцев с лишком 30 десятин и помещику Лутовину при его мельнице с лишком 17 десятин, а в замену оной принимаем от прочих владельцев с починного пункта – от речки Тапков, крутым верхом, прилегающую к даче Тапковской и граничащей с оной, смежной Верхососенской.

Бывший посредник Г.Горданов не соблюл условия за переселение из Хмелевого крестьянских дворов, к помощи крестьян наших, упустил из виду требование от участвующих владельцев вознаграждения, объяснённое в поданном к нему 25 ноября 1843 года сведении, но ныне, видя из Вашего, пущенного от 13 июля ко мне письма, что сие вознаграждение едва ли может состояться, ибо не от г.Горданова о том не слышали, да и в деле сведения о вознаграждении никакого не имеется и, по мнению Вашему, не стоит быть обязанным другими в сем деле – я с мнением Вашим, Милостивый Государь, соглашаюсь – и вознаграждение требованием прекращаю, для чего к подписанию документов посылаю поверенного, прошу покорнейше приказать к окончанию сего дела его допустить, при составлении полюбовного акта необходимо нужно поместить прежние иные одинаковые наши желании, чтобы участвующие владельцы вместо денежного вознаграждения, которое я оставляю, не препятствовали пользоваться нашим крестьянам до удобрения новых – старыми конопляниками, со дня подписания или учинения сказки три года – и термин переселения дворов положить таковой же; а без сего, ежели упустить из вида, не мудрено крестьян довести до крайнего разорения.

Уверен в Вашем благорасположении, что не отрините сего столь незначительного и для помощи крестьянам нужного желаниа – тем премного одолжите.

С истинным почитанием прибыть честь имею, милостивый государь, покорный к услугам Ник.Тургенев».

№4. Л.л.55-55об.

«Я.Ф.Скарятин – Н.Н.Тургеневу (без даты)

Милостивый Государь Николай Николаевич!

Письмо Ваше от 8 августа я имел честь получить. Благодарю Вас за согласие на переселение крестьянских дворов в Тапковской даче (далее следует зачёркнутое Я.Ф. предложение «Этим Вы развязали узел по всей даче, по которой теперь, кажется, не предвидится препятствий» – А.П.), по которой в скором

времени будет писаться полюбовный акт на раздел земель; в нём будет объяснено по желанию Вашему о сроке на переселение крестьян и о допущении их пользоваться старыми конопляниками до удобрения новых в течение трёх лет.

Назначенные на планах нарезки по дачам Тапковской, Верхососенской и Кононовской утвердить подписно, а акты подписать по изготовлению их... М.Г.».

Яков Фёдорович Скарятин, будучи посредником полюбовного специального размежевания земель, наверняка, хорошо знал не только управляющего именьями В.П.Тургенево́й, Н.Н.Тургенева, но и её саму. Есть некоторая вероятность, что и с писателем Тургеневым он тоже мог быть знаком, хотя бы на этой почве.

Так, проявляя активность духовную и общественную, отставной полковник хотел добиться отпущения грехов. Удалось ли ему это? Читатель сам сделает вывод на основании дальнейших фактов из жизни Якова Фёдоровича и его потомков.

Тут следует ещё сказать, что, живя в Троицком, в основном, в летний период, Скарятин зимой переезжали в Санкт-Петербург, где у них с 1815-го по 1831-й год был собственный дом по адресу Фонтанка, 7 (выкупленный Натальей Григорьевной у гвардии поручика Маркевича и, по иронии судьбы, находящийся в непосредственной близости от Михайловского дворца, где был убит Павел I, а затем проданный графу Мусину-Пушкину), а позже – постоянное, правда, съёмное жильё – на Михайловской площади, рядом с Дворянским Собором, в доме Сумбатова.

А летом в село Троицкое к ним приезжали частенько и гости из столиц. Жили здесь подолгу граф Михаил Юрьевич Вильгурский (Виельгорский), с кем Якова Фёдоровича связывала не только дружба, но и масонство (Вильгурский был председателем в публично существовавшей в Петербурге Великой Провинциальной ложе, имевшей множество завязанных от неё лож в разных городах России и Польши, включая Св. Иоанна Крестителя ложу под названием «Ищущие Манн», в которой Скарятин имел титул 2-го надзирателя), и статский советник Андрей Римский-Корсаков. Брат Натальи Григорьевны Скарятиной, генерал от инфантерии Алексей Григорьевич Щербатов,

Михаил Юрьевич Виельгорский.

отправлял жену и детей погостить на несколько недель и заезжал сам по пути из столиц в Киев, где был штаб 4-го пехотного корпуса, которым он командовал, или обратно. Благодаря таким хорошим знакомствам и тесным дружеским и родственным связям Скарятин своих сыновей отправляли в привилегированные воинские части и столичные учебные заведения, а потом определяли на элитные должности.

Фёдор Скарятин – декабрист и художник

Сыновья служили в гвардии и при дворе, были вхожи в высший свет. Почти все они знали с Пушкиным и его окружением, оставили воспоминания об этом.

Правда, отцовские бунтарские гены сказывались, и самый старший из сыновей, Фёдор (он родился 3 апреля 1806 года), был арестован по делу декабристов. Но, прежде чем говорить об этом, несколько слов посвящу личности Фёдора Скарятина.

Он получил хорошее домашнее образование, и уже в детские годы у первенца проявился дар художника. Не известно, у кого Фёдор учился рисовать, да и почти все созданные им произведения затерялись в пучине времени, но, по отзывам современников, это был "способный молодой человек, который мастерски писал масляными красками".

В апреле 1825 года девятнадцатилетний Фёдор Скарятин поступил на военную службу. Он определился в Нарвский драгунский полк юнкером "с выслугою 3 месяца за рядового". Но уже через месяц на основании отношения военного министра он был "признан из дворян и переименован юнкером", а в конце ноября этого же года за отличие по службе произведён в фанен-юнкеры.

Осенью 1825 года Фёдор Вадковский (кстати, наш земляк-орловчанин) принял Скарятин в тайное общество (это случилось в селе Тагино Орловского уезда – А.П.), а потом новоиспечённый карбонарий направился к месту прохождения дальнейшей службы – в Киев, в драгунскую дивизию, в которую он недавно определился вместе с братом Григорием. Она входила в состав 4-го пехотного корпуса, командовал которым, как я уже упоминал ранее, их родной дядя, князь А.Г.Щербатов.

18 декабря 1825 года последовал приказ об аресте юнкера Нарвского драгунского полка Скарятин. Но как его исполнить, если в полку служили два брата: Фёдор и Григорий Скарятин?

22 декабря главнокомандующий 1-й армией доносил генерал-адъютанту Дибичу: *«Нежинского конно-егерского полка прапорщик Вадковский оказался также участником тайного союза в связи с князем Трубецким и другими сообщниками во 2-й армии. Сей Вадковский недавно принял в союз юнкера Скарятин, племянника корпусного командира князя Щербатова. Скарятинных два брата в Нарвском драгунском полку. Если они живут при дяде, то нужно будет узнать, который из них принадлежит к союзу, и иметь его в наблюдении...».*

Фёдор и Григорий Скарятин, старшие сыновья Якова Фёдоровича Скарятин, в детстве.

Алексей Григорьевич Щербатов.

низации он не играл. Принятый в неё за два месяца до событий 14 декабря, Фёдор Скарятин в момент восстания находился в Киеве.

19 апреля 1826 года его участь была решена. Комитет заслушал высочайшее повеление: освободить из-под ареста, отдать юнкера Фёдора Скарятину "под личный и строгий надзор" командира 4-го пехотного корпуса, генерала от инфантерии князя А.Г.Щербатова. Два месяца спустя (23.06.1826) Фёдора Скарятин перевели в Кавалергардский полк с определением в Школу кавалерийских юнкеров. Закончив её в 1828 году, он продолжил службу поручиком в лейб-гвардии Уланском полку, участвовал в русско-турецкой войне 1828–1829 гг. и в Польской кампании 1831 г.

29 декабря 1831 года Фёдор Яковлевич перешёл в адъютанты к московскому военному генерал-губернатору князю Д.В.Голицыну, другу и родственнику А.Г.Щербатова. Он не только служил, но и находил время на любимое искусство – живопись. В своём стихотворении «К Скарятину» друг Фёдора, талантливый поэт Дмитрий Веневитинов, для которого тот нарисовал его портрет и сделал рисунок комнаты, где он жил (к сожалению, не дошедшие до нас), а также изобразил на его нотной книге богиню Уралию с пятью звёздами, писал так:

Поэт Дмитрий Веневитинов.

*«... Ты сам, прекрасного искатель,
Искусств счастливый обожатель,
Нередко для проказ забыв восторг живой,
Кидая кисть – орудье дарованья,
Пред музами грешил наедине
И смелым углем на стене
Чертил фантазии игривые созданья...»*

В 1832 году в жизни Фёдора Скарятиня произошло сразу два важных события: 22 мая он женился на дочери сенатора Екатерине Петровне Озеровой, а вскоре стал одним из основателей Училища живописи, ваяния и зодчества в Москве, сыгравшего значительную роль в развитии русского реалистического искусства XIX – начала XX вв.

Истоки Училища принято видеть в появлении Натурного класса (позже – Художественного класса), идея создания которого как дружеского сообщества людей, любящих изобразительное искусство, принадлежала художнику-любителю Евгению Ивановичу Маковскому, а инициатива учреждения, согласно официальным документам, – именно Фёдору Яковлевичу Скарятину. Склонный к меценатству Дмитрий Владимирович Голицын под-

Дмитрий Владимирович Голицын.

держал начинание своего адъютанта, что вылилось в основание Московского художественного общества, в ведении которого Художественный класс, в котором Скарятин стал одним из 3-х директоров, а затем и Училище живописи, ваяния и зодчества будет находиться на протяжении всего своего существования.

1833 год, в отличие от счастливого предыдущего, принёс Фёдору Яковлевичу две трагедии: не прожив и года, скончался его первенец, сын Яков, названный в честь отца декабриста, а следом за ним, через несколько месяцев, на двадцать шестом году жизни, ушла в вечный покой и жена, Екатерина Петровна.

Художник ненадолго пережил свою молодую супругу: 11 апреля 1835 года во время путешествия по Италии, в которое он отправился, желая усовершенствоваться в живописи, чахотка свела его в могилу в самом расцвете творческих сил. Ранняя смерть человека передовых убеждений и даровитого художника не оставила равнодушными его соотечественников даже вдали от Родины. *«Приехал во Флоренцию в 9 часов утра. Отпевание Скарятиня...»* – эти строчки сохранились в записной книжке поэта Петра Вяземского от 24 апреля 1835 года. Изначально Фёдор Яковлевич был похоронен на Греческом кладбище в Ливорно, но позже родными было принято решение перевезти прах на родину, где его перезахоронили рядом с женой и младенцем-сыном в Москве на Ваганьковском кладбище.

Смерть сына, его жены и первого внука стали тяжёлыми ударами для отставного гвардии полковника Якова Скарятиня, тем более, что это были не первые наказания Божьи за его участие в цареубийстве: ещё раньше покинули мир земной родной брат Василий и единственная дочка Якова Фёдоровича – Анастасия.

Григорий Скарятин – кавалергард императрицы

Второй по старшинству сын Якова Фёдоровича, Григорий (он родился 1 января 1808 года), сделал блестящую, по понятиям того времени, карьеру. На семнадцатом году жизни он поступил, как и брат Фёдор, юнкером в Нарвский драгунский полк. В ноябре 1825 года за отличие по службе был произведён в фанен-юнкеры (воинская должность, звание в лёгкой кавалерии русской императорской армии до 1856 года, промежуточное по своему правовому статусу между чинами унтер-офицеров и обер-офицеров – А.П.).

Помогали ему, несомненно, природное обаяние и умение легко находить общий язык с самыми разными людьми. С одной стороны, он дружил со многими знакомыми Пушкина, лично знал самого поэта. С другой стороны, все считали Григория Скарятин другом Дантеса. Кстати, о дуэли Пушкина с Дантесом именно Григорий Скарятин сообщил первым Александру Тургеневу.

Не будучи членом тайного общества, он, тем не менее, не избежал ареста. Его родной дядя, командир 4-го пехотного корпуса князь А.Г.Щербатов, получив приказ арестовать и выслать в столицу юнкера Нарвского драгунского полка Скарятин, заключил под стражу двух своих племянников. Следственный комитет быстро убедился в непричастности Григория Скарятин к «злумышленным обществам», и уже 30 декабря 1825 года его перевели в Кавалергардский полк.

Примечательно, что во время службы в Кавалергардском полку, шефом которого была императрица Александра Фёдоровна, очень серьёзно относившаяся к этому роду своих обязанностей, Григорий был в составе группы из 4-х офицеров, которых она особенно выделяла из общего числа. Она их называла:

Григорий Яковлевич Скарятин.

«мои четыре кавалергарда». В своих дневниковых записях Александра Фёдоровна упоминала как фамилии этих избранных, так и прозвища, которые она дала некоторым из них. Вот, например: *«Долго катались на салазках... придумали новую игру – бросаться снежками в лицо друг другу. Маска и Бархат, как всегда, в нашем хвосте, следя, чтобы мы не опрокинулись. После обеда – на гору, Маска всегда на переднем месте, чтобы подать мне руку, Бархат только один раз, по обыкновению помогая другим дамам садиться в санки. Вы знаете: обычно чтобы я не утомлялась, мои казаки вносят меня на гору – но вот Бетанкур и Маска занимают их места и несут своего шефа – потом переодевание, обед, музыка, тирольские песни, игры. Ком-*

плот моих 4 кавалергардов со мной против Орлова, чтобы помешать ему меня схватить». Или ещё: *«Сейчас же салазки, даже солнце напоследок выглянуло... Орлов на корде, безумный, я прямо против него, 4 кавалергарда: Бетанкур, Куракин, Скарятин, Трубецкой...».* После проведённых исследований дневников императрицы обнаруживается, что под прозвищем Маска скрывается Григорий Яковлевич Скарятин. Он её постоянный платонический обожатель, про которого она даже напишет в одном из писем: *«Маска меня занимает и даже вызывает жалость, когда мне это кажется слишком серьёзным».*

Позже Григорий Яковлевич стал флигель-адъютантом императора Николая I (говорили, что, когда он приходил благодарить императора за это назначение, тот произнёс по-французски: *«Скажи своему отцу: вот моя месть»*), участвовал в боевых походах, дослужился до звания генерал-майора. Во время Венгерского восстания, имевшего целью выход Венгрии из Австрийской империи, отряд под командованием Григория Скарятин (в составе корпуса фельдмаршала Паскевича) был по просьбе австрийского императора Франца Иосифа I послан на его подавление. Там, 9 июля 1849 года, в сражении под Шёсбургом (современный город Сигишоара в румынской Трансильвании – А.П.) Григорий Скарятин погиб (с венгерской стороны в этой битве также пал известнейший венгерский поэт Шандор Петёфи – А.П.). На месте его гибели был поставлен ему памятник – постамент со спящим на нём львом.

Памятник генерал-майору Г.Я.Скарятину при Шёсбурге (литография 1853 года).

Сейчас монумент до сих пор существует, но, находясь посреди густо застроенного жилого района, разрушается под воздействием времени и неблагоприятных окружающих условий. Представители общественных организаций из России и Румынии добиваются его срочной реставрации.

Дарья Фёдоровна Фикельмон

В Григория Скарятина долго и безнадежно была влюблена известная светская львица – графиня Дарья Фёдоровна Фикельмон. По её словам, у Скарятина *«было лицо красивое, а во взгляде некая кротость и меланхолия, характер же его был совершенным, всё, что есть на свете самого честного, благородного, наилучшего, сосредоточено было в нём»*. О его смерти она писала сестре: *«Я только что узнала, что ты и я потеряли один из предметов нашей самой нежной привязанности. Григорий Скарятин умер, как герой... Увы, ужас войны чувствуется тогда, когда ты потеряла кого-нибудь, кто тебе дорог...»*.

Смерть второго сына окончательно подкосила Якова Фёдоровича. Продолжали мучить его в последнее время и угрызения совести из-за участия в царевубийстве. Возможно, поэтому, отмаливая грехи, полковник Скарятин стал одним из главных благотворителей при строительстве возводившегося в Орле на средства дворян губернии кафедрального Петропавловского собора (его заложили как раз в день коронации Павла I в 1797 году). Но в процессе возведения стен собор пошёл трещинами и, то и дело, был вынужден ремонтироваться, что послужило распространению слухов среди орловцев о том, что Бог не принял дар именно от Скарятина-царевубийцы.

Яков Петрович готовился к уходу в мир Вечный и оставил завещание похоронить себя в родовом селе Троицкое, но, чтобы обязательно его отпели в Орловском Петропавловском кафедральном соборе. Жена и дети так и поступили.

Во всей справочной литературе о смерти Якова Фёдоровича писалось, что скончался он в 1850 году. Однако мне удалось найти в «Метрических книгах Петропавловского кафедрального собора за 1848-1850 годы» (ГАОО, ф.220, оп.2, ед.хр.1642, Л.Л.123об.-124) запись «Об умерших» под №85, что **«8 декабря 1849 года скончался, а 9 декабря отпет малоархангельский помещик Иаков Фёдоров Скорятин, 85 лет»**. Причина смерти названа – **«от преклонных лет»**, возраст написан явно ошибочно, потому что иначе получится, что он родился в 1764 году, когда его отцу было бы всего лишь 15 лет. Похоронили же Якова Фёдоровича в родовом селе Троицком соборно, то есть, с присутствием многих священнослужителей. К сожалению, могила его утеряна.

В самом начале 1851 года наследники договорились о разделе семейного достояния. Вдова, Наталья Григорьевна, отказалась от каких-либо поместий мужа, взяв с сыновей обязательство выплачивать ей по две тысячи рублей серебром ежегодно. Каждый из детей получил движимое и недвижимое имущество: статский советник Владимир Яковлевич Скарятин – 746 крепостных душ

Орловский кафедральный Петропавловский собор (был уничтожен в 1940 году)

и 7748 десятин земли, надворный советник Александр Скарятин – 790 душ и 7420 десятин земли, губернский секретарь Дмитрий Скарятин – 697 душ и 5483 десятины земли, гвардии подпоручик Николай Скарятин – 931 душу крепостных крестьян и дворовых людей (а вот количество его земли в раздельной записи почему-то не названо – А.П.).

Даже поделённые на четверых, поместья Якова Фёдоровича Скарятина вызывали уважение и зависть многих соседей-помещиков своими размерами. О судьбе этого наследства и судьбах остальных четверых сыновей, а также других потомков полковника-цареубийцы – рассказ далее.

Егермейстер Владимир Скарятин

Владимир Яковлевич Скарятин, третий из сыновей Якова Фёдоровича (он родился 20 января 1813 года, согласно сведениям из «Алфавитного Указателя дворянских родов Орловской губернии»), получив домашнее образование, трудился сначала в Московском архиве Коллегии иностранных дел, затем, недолго, в канцелярии московского генерал-губернатора. С 1834 года, по сдаче экзаменов и получении аттестата Московского университета, служил в звании камерюнкера в канцелярии Его Императорского Величества.

В 1836 году Владимир Скарятин входил в комиссию М. М. Сперанского, в 1843 году участвовал в сенатской ревизии Сибири. В 1844 году получил годичный заграничный отпуск и как раз тогда устроил свою личную жизнь.

В «Метрических книгах Троицкой церкви села Троицкое (Скарятин) Мало-архангельского уезда за 1843-1844 годы» (ГАОО, ф.220, оп.2, ед.хр.864), в записи

№1 «О бракосочетавшихся» от 12 января 1844 года я обнаружил вот это: «Жених – Его Императорского Величества Камер-юнкер, надворный советник и кавалер (ордена Святой Анны 3-ей степени, полученного в 1839 году – А.П.) Владимир Яковлев Скарятин, православного вероисповедания, первым браком, 33 года (не совпадает с датой рождения, что странно, должен быть 31 год – А.П.);

Невеста – Санкт-Петербурга Действительного статского советника, камергера и кавалера, князя Павла Алексеевича Галицына дочь княжна Мария Павлова Галицына, православного вероисповедания, первым браком, 18 лет.

Поручители – по жениху: помещик, полковник и кавалер Яков Фёдоров Скарятин и флигель-адъютант Григорий Яковлев Скарятин; по невесте – гвардии штабс-капитан Сергей Павлов Галицын и коллежский секретарь князь Николай Павлов сын Галицын.

Венчал священник Николай Алексеев сын Аполлонов».

Получается, что торжественный акт объединения двух известных дворянских семей произошёл в селе Троицком Малоархангельского уезда, а свидетелями на венчании были близкие родственники: у жениха – отец и брат, у невесты – два её брата.

В 1846 году Владимир Скарятин вышел в отставку и жил в родовом Троицком, которое после смерти отца и раздела имущества между братьями перешло к нему. Трижды на трёхлетние сроки избирался Владимир Яковлевич орловским губернским предводителем дворянства (с 04.03.1848 по 18.01.1857). Как раз в этот период с ним пришлось иметь дело писателю Ивану Сергеевичу Тургеневу, который «увидел такое самодовольно-спесивое к себе отношение, что больше не захотел с предводителем встречаться». Некоторые современники, как и Тургенев, считали Скарятину «самодуром, человеком грубым и со вздорным характером».

Владимир Яковлевич Скарятин

По другим воспоминаниям, например, Н.Н.Фирсова, Скарятин был «человеком приятным, – как знакомый, и разумным администратором», но «он словно нарочно был сделанный для празднеств».

В 1858 году Владимир Яковлевич вновь вернулся на государственную службу и служил первое время в почтовом департаменте, потом – в Министерстве внутренних дел. В 1862 году его назначили новгородским губернатором, и Скарятин принял активное участие в праздничных мероприятиях по случаю 1000-летия Руси.

С 1864 по 1865 год он был гражданским губернатором Санкт-Петербурга, затем – гофмаршалом двора великого князя Алек-

сандра Александровича (ведал делами по довольствию двора, организации приёмов и путешествий, руководил придворными служителями, содержал стол семьи Великого князя – А.П.).

Богатый и не тщеславный, страстный любитель охоты, Владимир Яковлевич мечтал стать егермейстером императорского двора, и в 1868 году его мечта осуществилась.

Царская охота на медведей (гравюра конца 1860-х годов).

Правда, порадоваться ему довелось недолго. В декабре 1870 года Скарятин, будучи опытным охотником (егермейстер – это как раз крупный придворный чин по этой части – А.П.), погиб в районе Малой Вишеры на одной из царских охот на медведя. Виноватым оказался руководитель проводившегося мероприятия, обер-егермейстер граф Павел Карлович Ферзен. Считается, что он это сделал из ненависти к своему помощнику, к которому Государь особенно благоволил, когда тот взял в свои руки всю организацию царских охот во время длительного отъезда Ферзена по личным делам.

Стоит также отметить, что, согласно запискам князя Д.Я.Оболенского, Ферзен, имея «сомнительную и даже подлую репутацию», в течение 3-х недель после происшествия «не только врал без милосердия, но и старался всякими плутовствами и подговорами скрыть свою вину», рассказывая всем, что «Скарятин сам себя нечаянно застрелил». Только когда следственная комиссия из ана-

Павел Карлович Ферзен

томического исследования трупа, баллистических опытов и допросов егерей *«получила почти несомненное доказательство, что Скарятин пал от выстрела Ферзена»*, он решил сознаться в нечаянном убийстве, но ещё долго в придворной среде ходили слухи, что Скарятин погиб от выстрела самого царя, Александра II, и что это его месть за деда, Павла I. Однако, у этих слухов не было никаких оснований, потому что из воспоминаний Николая Яковлевича Скарятин, младшего брата убитого, который примчался из Казани в Петербург, чтобы отомстить Ферзену, но опоздал (тот уже отбыл за границу) и был вызван на личную аудиенцию к императору, мы знаем следующее: *«Став перед камином, Государь ещё раз взял меня за руку и сказал: “Какое ужасное несчастье постигло всё ваше семейство! Но нас хотели поссорить, пустив слух, что твой брат убит моим нечаянным выстрелом. Ты теперь знаешь, как случилось это несчастье. Но если б оно произошло по моей неосторожности, то я непременно объявил бы об этом”*. У Государя навернулись слёзы; они меня тоже душили, но, поражённый его словами, я молчал». После этого Александр II взял с Николая Яковлевича слово не искать Ферзена и не мстить ему. Нужно также учесть, что, как писал историк П.И.Бартенев, *«охота действительно служила царю освежительным вдохновением, но он к концу царствования перестал уезжать на неё»* именно после описанного трагического события.

В «Правительственном вестнике» от 27 января 1871 года было опубликовано донесение комиссии, на которое император наложил резолюцию: *«Усматривая из дел, что смерть егермейстера Скарятинна произошла от случайного выстрела графа Ферзена и, признавая последнего виновником в позднем сознании, я, во внимание к его более чем пятидесятилетней службе, вменяю ему в наказание настоящее увольнение от службы. Засим считать дело оконченным»*.

У Владимира Яковлевича и Марии Павловны Скарятинных было двое детей: Варвара (1844-1906), фрейлина двора, в замужестве – Арсеньева, и Владимир (1847-1921), который вскоре после смерти отца был пожалован в адъютанты к великому князю Владимиру Александровичу и дослужился до генерал-лейтенанта. О нём – чуть дальше.

Дипломат Александр Скарятин

Александр Яковлевич Скарятин (родился 9 апреля 1815 года) в семье родителей занимал особое положение. Отлично образованный человек, коллекционер и любитель искусства, большую часть своей жизни он провёл за границей, в Италии. Произошло это и по причине его слабого здоровья (ему нельзя было долго находиться в северном климате) и потому, что он, будучи дипломатом, служил русским консулом в Неаполе. На родине (ему принадлежали село Рождественское, Ивановка тож, на речке Фошня, и деревня Ушакова, доставшиеся после гибели старшего брата Григория – территория современного Колпнянского района – А.П.) он бывал очень редко.

Живя в Италии, Александр Яковлевич увлёкся музыкой европейского Возрождения и стал коллекционировать старинные ноты. Манускрипты эти уже и в его время были очень редки и труднодоступны. Если удавалось, коллекционер покупал подлинники, если не получалось, то Скарятин нанимал переписчиков и снимал со старых нот копии. Большинство сочинений были переписаны аббатом Фортунато Сантини, итальянским музыкальным коллекционером и композитором. Так образовалось (это выяснилось позже) редчайшее собрание музыкальных записей, составившее 90 рукописных томов. После смерти в 1884 году Александра Яковлевича (а был он в тот момент уже секретарём русского посольства при папском дворе в Риме – А.П.) коллекцию привезла в Россию и в 1888 году пожертвовала Московской консерватории его дочь – Мария Дембская-Скарятин (единственный ребёнок в семье, она сохранила отцовскую фамилию – А.П.).

Фортунато Сантини

В архиве консерватории хранится копия благодарственного письма к М.А.Дембской от дирекции Русского Музыкального Общества, датированного 10 декабря 1888 г., где, среди прочего, сказано: *«В виду такого дара, дирекция Московского отделения Музыкального Общества долгом считает принести Вам глубочайшую благодарность и, как слабое выражение признательности к Вам, имеет честь препроводить при сём билет для входа во все музыкальные собрания настоящего сезона».*

Современные виртуозы-исполнители, обращающиеся к произведениям А.Вивальди, Г.Генделя и многих других композиторов эпохи Возрождения, часто держат в руках эти драгоценные рукописные книги, хранящиеся в научной библиотеке Московской государственной консерватории.

Из дневников Иосифа (Жозефа) Михайловича Виельгорского (сына М.Ю.Виельгорского, который был большим другом Я.Ф.Скарятин, о чём я уже писал ранее – А.П.) мы узнаём, что Александр Скарятин не только ценил чужую музыку, но в молодые годы сам сочинял романсы и пел, даже с успехом исполнил партию дона Бартоло в благотворительном представлении оперы Дж. Россини «Севильский цирюльник», организованном Московским Обществом любителей музыки 5 апреля 1836 года.

Кроме того, Александр Яковлевич вообще был, судя по всему, разносторонней и высокодуховной личностью со стойкими моральными принципами. Вот лишь несколько записей из дневников Жозефа Виельгорского: *«Что меня обрадовало, это знакомство с Александром Скарятиным. Он говорил мне о путешествии, которое он намеревался сделать по России en société*

Жозеф Виельгорский

без души жалок, он ведёт к отчаянию и гордыне; необходимо, чтобы сердце предводительствовало”. Он совершенно справедлив, я как-то охолодел чувством любви к Богу, к родным, к ближним...

До 1 часа сидел с Александром Скарятиным. Говорили о необходимости быть в обществе и о времени, которое это отнимает для занятий, о Государе, о его принципах, о его солдатомании, о духовенстве, о жалком положении крестьян, о легкомыслии Императрицы, о нравах, о дурном поведении молодых людей. “До сих пор я не знал женщин, – сказал он, – и надеюсь, что так будет и впредь” ...».

Елена Григорьевна Шувалова

(по-французски, “в компании с кем-нибудь” – А.П.), в учёном отношении; я очень этому обрадовался; мы разговаривали об наших характерах, которые имеют много сходного; подружились. Я рад, что нашёл человека, который меня понимает и разделяет мои мысли и чувства...

Скарятин мне показывал свой гербарий, а потом мы разговорились о бессмертии души, о бессмертии животных, о нравственности христианской. “Я был таким же, как вы, находился в состоянии сомнения, неуверенности, из которого смог выйти, только читая Евангелие, где я почерпал утешение и правила жизни. Вы даёте слишком много пищи уму и слишком мало – сердцу, поэтому ваш ум развивается, оставляя сердце холодным; рассудок

Известен также замечательный факт, что будущая жена Александра Яковлевича, графиня Елена Григорьевна Шувалова была в юности вместе с братом «совершена в католичество» их отцом Григорием Петровичем Шуваловым, но, выйдя замуж за Скарятина в 1852 году, вернулась в православие и позже написала в мемуарах о реальной роли ордена монахов-барнабитов, где состоял её отец. И очень показательно, что умерла Елена Григорьевна на следующий же день после смерти мужа, по некоторым данным, от разрыва сердца. Так что в данном случае известное окончание многих русских сказок: «Жили они долго и счастливо и умерли в один день», – как нельзя более применимо.

Упомянутая дочь А.Я.Скарятин, Мария Александровна Дембская-Скарятин, была перед революцией последней «барыней» в скарятинских селе Рождественском и деревне Ушаковой. Правда, она, как и отец, появлялась в здешних местах очень редко, почти постоянно проживая за границей.

Малоархангельский предводитель дворянства Дмитрий Скарятин

Дмитрий Яковлевич Скарятин (родился 28 декабря 1819 года) – был, по словам автора очерка о Скарятинных Николая Чернова («Дворянские гнёзда вокруг Тургенева» – Спасское-Лутовиново, 2003) – «самый незаметный из всех шести братьев». Он являлся владельцем поместий в сёлах Пеньшино и Нижнем Жёрновце. Хозяйничал в своих владениях сам. Трижды на трёхлетние сроки избирался малоархангельским предводителем дворянства.

140 дворян Малоархангельского уезда, желая почтить заслуги Д. Я. Скарятин, оказанные им в продолжение трех трехлетий его служения в этой почётной должности, собрали деньги для изготовления кубка как памятного подарка предводителю.

Корпус кубка был украшен гербом Д. Я. Скарятин и тремя горельефами, покрытыми платиной и изображающими: Ополчение, Освобождение крестьян и Земство: *«Во время этих трех замечательных событий для России, Д. Я. Скарятин служил предводителем дворянства и принимал в них живейшее участие.*

В горельефе, изображающем Земство, на первом план рельефно выдается фигура самого предводителя дворянства Д. Я. Скарятин, замечательная по сходству и отчетливости исполнения. Несколько сзади виден стол с зеркалом. Вокруг стола восседают представители всех сословий. Внизу надпись: 1-е января 1864 г.

Вокруг верхней части кубка сделана выпуклыми славянскими буквами надпись: Дмитрию Яковлевичу Скарятину от дворян Малоархангельского уезда 1868 г».

Читатель понял, что малоархангельское дворянство ценило своего предводителя и отблагодарило вот таким образом, несмотря на очень щекотливую ситуацию с его семейным положением. Дело в том, что Дмитрий Яковлевич Скарятин долгие годы жил гражданским браком с одной из своих крепостных крестьянок, если точнее, дворовых. От этой связи родилось у малоархангель-

Дмитрий Яковлевич Скарятин

ского предводителя дворянства восемь человек детей, которые считались незаконнорожденными и, по законам Российской империи, право на дворянство и наследство не имели.

Но Дмитрий Яковлевич жену свою и детей очень любил, отказываться от них не хотел и много лет писал прошения на имя Императора, пытаясь узаконить свой брак. В 1861 году Александр II именным указом *«Всемилоостивейше дозволил прижитым Скарятиным до брака детям: сыновьям Дмитрию, Якову, Николаю, Фёдору, дочерям Настасье и Елизавете принять фамилию Скарятиных, но без прав дворянства и права наследования в родовом отцовском имении»*.

А в 1865 году Дмитрий Яковлевич добился полноправного признания этих шестерых своих старших детей (на тот момент семья уже включала в дополнение к ним ещё двух дочерей – Наталью и Варвару, которые, к сожалению, не попали в предыдущие прошения – А.П.) и жены в правах дворянского сословия, включая наследование его имений и имущества.

Определил: 1) Домник Комиссарского Советника и Капитана Дмитрия Яковлевича Скарятинна, Дмитрия, Якова, Анастасию, Николая, Фёдора и Елизавету на основании Именного Его Императорского Величества указа и указаний во этом определенном именной, сопричислив к роду отца вместе в шестую часть дворянской родословной книги, и

Фрагмент протокола о сопричислении к дворянскому роду.

Причём, для своей жены он придумал очень хитроумный способ: просто формально (но по документу) продал ей одно из своих имений. Вот объявление в газете «Орловские губернские ведомости» от 2 июня 1856 года, №22:

«О купчих крепостях в апреле 1856 года»

5 апреля 1856 года коллежский секретарь Дмитрий Яковлевич Скарятин продал жене своей Домнике Прокофьевой Скарятиной за 21 000 рублей серебром имение Орловской губернии, Ливенского уезда, в деревне Огороженной Дуброве – 173 души мужского пола с землёю».

Таким образом, ещё за несколько лет до императорского Указа Домника Прокофьевна уже владела землёй и крестьянами и вполне могла претендовать на дворянство, которое чуть позже и приобрела.

В 1858 году, согласно «Ревизским сказкам помещичьих крестьян Ливенского уезда», у помещицы Домники Прокофьевой Скарятиной в сельце Огороженном (это та же самая Огороженная Дуброва – А.П.) имелось 30 семей крепостных крестьян (351 душа обоего пола – А.П.).

Мужу, Дмитрию Яковлевичу, в тот же год в соседнем селе Пеньшино Ливенского уезда принадлежало 43 семьи дворовых людей (147 душ обоего пола)

и 31 семья крестьян (519 душ). Если прибавить сюда его деревни Новая и Степная с 28 семьями (289 душ), то у супругов на двоих только в Ливенском уезде набиралось более 1100 крепостных и дворовых людей. Прямо скажем, очень небедное семейство.

По отношению к Домнике Скарятиной вполне можно применить русскую поговорку: «Из грязи – да в князи», ведь она же была крепостной, а потом вдруг дворянкой стала. Но понять причины такого взлёта вполне можно: ведь, судя по дошедшей до нас её фотографии, Домника Прокофьевна была женщиной очень красивой, и поэтому немудрено, что Дмитрий Яковлевич воспылал к ней страстью, и, кроме того, ещё оказалась доброй и любящей женой и матерью, да и вообще сострадающим человеком – согласно Адрес-календарю Орловской губернии от 1880 года она исполняла обязанности председательницы Малоархангельского комитета общества «Красного креста».

Домника Прокофьевна Скарятина

Пытался Дмитрий Яковлевич после успеха, достигнутого в 1865-ом году, добиться сопричисления к дворянскому роду и двух младших дочерей, так как в фондах Государственного архива Орловской области имеется его соответствующее прошение за тот же год (ГАОО, ф.68, оп.1, ед.хр.40, л.89(об.) – А.П.), откуда мы узнаём даты рождения обеих: Наталья – 4 декабря 1858 года, Варвара – 2 декабря 1859 года. Но, по каким-то причинам, этого так и не случилось.

В «Алфавитный Указатель Дворянских родов Орловской губернии» шесть старших детей Дмитрия Яковлевича Скарятина были внесены – но без дат рождения, почему – не знаю. Возможно, потому что метрические записи на них делались не как на дворян, а как на незаконнорожденных детей. Между тем, уважаемый читатель, я смог, при изучении метрических книг Троицкой церкви села Троицкое (Скарятино) выяснить даты рождения первых двух детей дворянина и крепостной. Здесь выявилась очень любопытная картина.

По всей видимости, все в имении Троицкое, включая отставного гвардии полковника, знали о связи Дмитрия Скарятинина с красивой дворовой девушкой, но ничего с этим поделаться не смогли. И тогда, чтобы скрыть позор, хотя бы на время, эту, уже беременную, сморovou девку Домнику Прокофьеву выдали замуж (формально) за равного ей по положению, дворового же человека, Спиридона Иванова.

И первые дети Дмитрия Яковлевича Скарятинина, Дмитрий и Яков, рождаются от его гражданской жены Домники, но записываются на её фиктивного мужа Спиридона. Почему я так уверенно пишу? Да потому, что оба ребёнка: Дмитрий (17 января 1843 года) и Яков (1 мая 1844 года) имеют одного и того же крёстного

отца – Якова Фёдоровича Скарятина, их деда (это данные из «Метрических книг Троицкой церкви села Троицкое (Скарятино) за 1843 и 1844 годы – ГАОО, ф.220, оп.2, ед.хр.864, Л.Л.1об.2, 52об.-53 – А.П.).

Получается, что он не только простил сына за связь с крепостной, но и поучаствовал в крещении своих собственных внуков. Спустя же какое-то время фиктивность отбросили в сторону, и Домника Прокофьевна (фамилии у неё не имелось) стала настоящей женой Дмитрия Скарятин, хотя и долгие годы не венчанной.

Дмитрий Яковлевич и Домника Прокофьевна прожили жизнь в любви и согласии, но вот даты их ухода из жизни выяснить, пока, не удалось. Правда, в отношении Дмитрия Яковлевича, благодаря одному объявлению в газете «Орловские губернские ведомости», стало точно известно, что он скончался до 1885 года.

Дело в том, что именно в этом году в упомянутом издании было опубликовано объявление, что *«10 августа, с 10 часов утра в здании Елецкого окружного суда состоится публичная продажа недвижимого имения, принадлежащего от- ветчику, отставному гвардии капитану Дмитрию (Дмитриевичу) Скарятину, находящегося Орловской губернии Ливенского уезда, 2-ого мирового участка Жёрновской волости, при селе Пеньшине, Борисоглебское тож, заключающегося в 506 десятинах 1550 саж. Удобной и неудобной земли, оставшейся свободной от крестьянского надела, с домом, флигелями и прочими постройками; в имении находятся 23 рабочих лошади, 20 штук рогатого скота, 20 телег, 20 сох, 20 деревянных борон, 10 железных и два плуга; при доме и усадьбе разного сорта лесу и фруктового саду на 21 десятинах и под лесом разного сорта 35-летнего возраста 100 десятин. Имение это состоит в залогах...»* (и далее перечислены эти залого и долги, общая сумма которых составила 99 тысяч рублей – А.П.). А вот первоначальная стоимость продажи целиком всего имения составила лишь почему-то всего 10 тысяч рублей.

Получается, что к этому времени хозяином имения в селе Пеньшино уже был отставной гвардии капитан Дмитрий Дмитриевич Скарятин, старший сын скончавшегося действительного статского советника Дмитрия Яковлевича Скарятин. Хозяйственная деятельность нового владельца поместья быстро закончилась крахом, но информации о том, было ли продано это имение и кому – у меня нет. Возможно, как это частенько бывало, продажу отменили, поскольку отставной гвардии капитан нашёл возможность заплатить долги.

По поводу других детей Дмитрия Яковлевича Скарятин, родившихся в гражданском браке и потом получивших, всё-таки, дворянство, сведения, большей частью, тоже скудные.

О втором сыне, Якове Дмитриевиче, нигде упоминаний нет.

Николай Дмитриевич Скарятин, третий сын (родился 26 ноября 1846 года – А.П.), по окончании инженерного и артиллерийского училищ Морского Ведомства, успешно служил, пройдя путь от прапорщика до генерал-лейтенанта, начальника 37 пехотной дивизии. Был он участником русско-турецкой войны 1877-1878 годов, на которой получил ранение. У Николая Дмитриевича имелось 8 российских и два иностранных ордена и двое детей. Скончался генерал-лейтенант Н.Д.Скарятин после 1901 года.

Самый младший из сыновей, Фёдор Дмитриевич, тоже успел послужить в армии, но недолго, в чине ротмистра ушёл в отставку и жил помещицкой жизнью в своём имении в Ливенском уезде.

Старшая из дочерей, Анастасия Дмитриевна, вышла замуж за помещика из семейства Киреевских, с которыми Скарятини общались ещё со времён Якова Фёдоровича, жила с мужем в имении Юдинка, недалеко от села Смирные Малоархангельского уезда, скоропостижно скончалась 8 сентября 1894 года и была похоронена на здешнем сельском кладбище.

Вторая дочь, Елизавета Дмитриевна, вышла замуж за отставного штабс-капитана Владимира Александровича Стаховича, который имел поместье в деревне Михайловка Ливенского уезда. Известно, что их дочь Домника была первой женой князя Льва Владимировича Яшвиля, но скоропостижно скончалась в возрасте 24 лет уже через год после свадьбы, после чего князь женился на её кузине из рода Стаховичей. Была у Владимира Александровича и Елизаветы Дмитриевны и другая дочь по имени Любовь, которую, согласно записи в метрической книге Казанской церкви села Пеньшино Ливенского уезда, крестили 19 июля 1884 года, и восприемниками были её дядя Фёдор Дмитриевич Скарятин и полковника Владимира Владимировича Скарятинна жена Мария Михайловна (о них я поведаю в следующих главах – А.П.).

Про третью дочь Наталью, кроме описанного выше прошения её отца от 1865-го года, больше никакой информации найти не удалось. А вот по линии самой младшей из дочерей Дмитрия Яковлевича, Варвары, много чего интересного поведал её потомок, Алексей Белов. О нём и семействе дворян Башкатовых (Варвара Дмитриевна после замужества стала носить эту фамилию, а также была сопричислена вместе с детьми именно к этому дворянскому роду в марте 1898 года – ГАОО, ф.68, оп.1, ед.хр.57, л.л.24(об.)-25 – А.П.) рассказ впереди.

Казанский губернатор Николай Скарятин

Самому младшему из сыновей Якова Фёдоровича, Николаю (он родился 12 января 1823 года в родовом имении Троицкое), при разделе наследства достались земли в Щигровском уезде Курской губернии.

Николай Яковлевич образование получил домашнее. После сдачи экзамена в инженерном училище 30 ноября 1840 года поступил на службу унтер-

Николай Дмитриевич Скарятин

офицером в лейб-гвардии конный эскадрон. Прослужил Скарятин три с половиной года и 16 апреля 1844 года был уволен в чине поручика. Как было сказано в эпитафии, написанной историком, археографом и библиографом Петром Ивановичем Бартевым и опубликованной в журнале «Русский архив» за 1894 год сразу после смерти Николая Яковлевича: *«Первоначальная служба его пионером продолжалась недолго вследствие ушиба ноги, от которого он долго страдал и лечился в чужих краях, где и женился в 1845 году на Прасковье Ивановне Логиновой».*

Вновь поступил на службу в 1854 году в Одесский уланский полк. В том же году был командирован в осаждённый Севастополь, где 8 сентября принял участие в битве при Альме, первом сухопутном сражении времён Крымской войны. Об этом в своих «Воспоминаниях и заметках севастопольца» написал капитан I ранга Дмитрий Ильинский (журнал «Русский архив», 1892 г., №№9-12, стр.459).

Сражение при Альме 20 сентября 1854 года (картина второй половины XIX века).

Вот что он сообщил в главе, посвящённой сражению под Альмой: *«...С рассветом я покинул стрелковый полубатальон в распоряжение начальника его князя Ширинского-Шихматова, оставив в помощь ему лучших офицеров-охотников (то есть, добровольцев – А.П.) из стрелков, Николая Яковлевича Скарятина и Обезьянинова...».* В дальнейшем во время обороны Севастополя судьба не сталкивала Дмитрия Ильинского с Николаем Скарятиным, но и такой мимолётной оценки: «лучший офицер-охотник» вполне достаточно, чтобы понять, что младший из семейства Скарятиных не посрамил чести отца, участвовавшего в битве под Аустерлицем почти за 50 лет до Крымской войны.

4 августа 1855 года Николай Яковлевич участвовал в битве при Чёрной речке, неудачной для русских войск, после которой войска англичан, фран-

цузов и турок смогли приступить к заключительному этапу наступления на Севастополь.

После окончания Крымской войны Скарятин был назначен адъютантом Главнокомандующего 2-й Армией генерал-адъютанта Лидерса, но спустя год (1857) вторично и уже навсегда покинул военную службу в чине штаб-ротмистра.

Возвратившегося в свое имение, село Никольское Щигровского уезда Курской губернии, боевого офицера местные дворяне в 1858 году избрали в члены Курского губернского комитета для составления проекта положения об устройстве быта помещичьих крестьян.

В 1859 году Николай Яковлевич удостоился чести стать предводителем Щигровского дворянства, в 1861 году был произведён в статские, а в 1864 году – в действительные статские советники. В 1865 году Скарятин причислили к Министерству внутренних дел, а на следующий он был назначен исполняющим на должность Казанского губернатора.

Утвердили Николая Яковлевича в должности 19 февраля 1867 года. В 1871 году он стал почётным членом Общества для вспомоществования бедным студентам Казанского университета, в 1873 году – попечителем Казанского комитета императорского человеколюбивого общества (уважаемый читатель, обрати внимание на названия этих обществ – А.П.).

В 1875 году Скарятин был произведён в тайные советники. По ходатайству Чистопольского городского общества его удостоили звания почётного гражданина г.Чистополя с 4 апреля 1875 года.

Николай Яковлевич находился в должности казанского губернатора по 1880 год и неоднократно удостаивался благодарностей императора и наград: орденов Белого Орла, Св. Владимира 2-ой степени, Св. Анны 1-ой и 3-ей степеней, других знаков и медалей.

Как губернатор, Скарятин отличался особой неумностью своего деятельного характера, которая нередко переходила все обусловленные пределы дозволенного. А выливалось все это в лавины разносов, которые обрушивались на головы нерадивых чиновников как лиц, несущих по воле своей определенную общественную службу и допускаявших в ней существенные огрехи. О "зверствах" и "грубости" казанского губернатора ходили легенды.

Впрочем, некоторые из них имели место быть. Одно бесспорно – появление на улицах города губернатора в своей маленькой одноместной пролетке, которую называли не иначе как "эгоистка", ввергало в пучину страха и трепета любого полицейского.

При всем этом в частной семейной жизни он слыл аристократом и джентльменом. И в этом немалую роль играла добрая и любимая всеми жена его Прасковья Ивановна (дочь статского советника Логинова; у них было трое детей: сын Григорий, родившийся 4 июля 1848 года, и дочери-близняшки Ольга и Александра, родившиеся 30 апреля 1850 года – А.П.). Прасковья Ивановна

была известной благотворительницей. Деньги, собранные «от благородного спектакля», устроенного ей в 1868 году, послужили основой капитала для покупки нового здания Мариинской гимназии в Казани.

Удивительно было то, что, несмотря на все его самодурство, грубость и "забвение человеческого достоинства в подчиненном" казанские обыватели относились к нему без озлобления и даже с некоторой долей симпатии. *«Ведь такого образцового порядка, как при Скарятине, город не знал никогда. Характерной чертой в административной деятельности Николая Яковлевича было четкое и обязательное выполнение данного обещания. Тому примером может быть история с перестройкой казанского городского театра».*

В ночь с 3 на 4 декабря 1874 года театр в очередной раз полностью сгорел. После пожара Николай Яковлевич подошел к антрепренеру П.М.Медведеву и торжественно объявил: *"Формируйте оперу: на будущий год 1 октября будете уже играть в новом театре"*.

Казанский городской театр (литография конца XIX – начала XX века)

Скарятин сдержал свое слово. 1 октября 1875 года театр принял первых зрителей. По своим размерам и благоустройству он считался одним из лучших в российской провинции, уступая пальму первенства лишь Варшавскому и новому Одесскому театрам. Обширный пятирусный зрительный зал свободно вмещал до 1150 человек, сохраняя при этом высокий уровень акустики. Но, пожалуй, самым запоминающимся в новом театре был главный занавес, расписанный известным театральным художником, академиком Михаилом Ильичом Бочаровым.

К сожалению, этот, как писали в то время, "удачнейший памятник русской декорационной живописи", как и "скарятинский театр", сгорел в 1919 году.

В своих мемуарах известный педагог, музыковед и хоровой дирижёр Степан Васильевич Смоленский, который в пору губернаторства Скарятин учился в Казанском университете и руководил студенческими хорами, дал самую высокую оценку тогдашнему руководству Казани: *«Как ни странно по нынешним временам, но вполне справедливо записать, вопреки последовавшему, что в Казани в 60-х и 70-х годах был превосходный губернатор Николай Яковлевич Скарятин и не уступавший ему, но, пожалуй, и превосходивший его полицмейстер Хрисанф Николаевич Мосолов... Людей этих, поступавших, может быть, иной раз в ненадобной мере энергично, оклеветали, заплевали и выжили из Казани.*

Степан Васильевич Смоленский

Последовавшая, однако, городская и общественная жизнь Казани, как кажется, вновь вернула всех к мнению, что это были отличные люди и отличные работники на своих местах». Такое признание базируется на том факте, что Скарятин с Мосоловым обеспечивали всестороннюю поддержку не только творчеству в студенческой среде, организации студенческих спектаклей и концертов, но и наведению всестороннего порядка в жизни города, а сравнить С.В.Смоленскому было с чем: *«Будучи страстным, неудержимым (к сожалению – буквально!) “любителем пожарной части”, Скарятин имел обыкновение скакать сломя голову на каждый пожар и лично заражать всех своей удивительной энергией. Казанская пожарная команда при Скарятине была так хороша, так энергична и благоустроена, что я, впервые приехавший в Москву и случайно бывший в ней на пожаре, не мог без досады, частью же без смеха, смотреть на дрянную и ленивую, обдёрганную команду в Москве».*

Нельзя не упомянуть и еще об одном событии, которое, благодаря губернатору Николаю Скарятину, поставило Казань в один ряд с обеими столицами. Речь идет об устройстве в городе конно-железных дорог. 2 октября 1875 года Казань стала первым провинциальным центром, где появилась конка.

И в довершение заслуг Николая Яковлевича в деле благоустройства губернии стоит рассказать о чистопольском парке, устроенном в 1868 году на месте бывшей хлебной площади. В народе до сих пор жива легенда о том, как приехал в город Чистополь в 1867 году грозный губернатор Казани Скарятин и был сильно разгневан, увидев около хлебной площади рядом со складами захламлённую территорию.

Он мгновенно собрал купцов, всё руководство города, именитых горожан-старообрядцев и, построив их по струнке, тоном, не требующим отлага-

тельство, используя ненормативную, крепкую лексику, приказал на этом месте заложить сад, пригрозив, что через год придет и сам лично проверит, как выполняется его приказание. После отъезда губернатора, когда после такого масштабного разгона бедные чистопольцы пришли в себя, им ничего не оставалось делать, как, засучив рукава, скорёхонько собрать деньги, заказать проект, выписать саженцы лучших парковых деревьев. Когда работа была завершена, в город, сдержав своё обещание, приехал сам Скарятин. Сад ему очень понравился, он был доволен чистотой и порядком, понравились ему и деревья; и тогда, немного осмелившись, купцы попросили у Николая Яковлевича разрешения присвоить его имя этому саду. Николай Яковлевич не возражал.

Скарятинский сад в Чистополе (фотография наших дней)

Чистопольская городская дума обратилась в правительствующий Сенат с ходатайством о наименовании сада «Скарятинским». 29 декабря 1872 года предложение было принято, и на главных входах в парк на улицах Архангельской (ныне ул.Ленина) и Екатерининской (ныне ул.К.Маркса) были установлены соответствующие вывески: «Скарятинский общественный сад».

Чуть позже специально для Скарятина в Чистополе был выстроен дом, в народе его прозвали домом исправника (в этом здании долгое время размещался городской суд), когда губернатор приезжал в Чистополь, он обедал и отдыхал в этом доме, приглашал «на ковёр» для очередной проработки городское руководство.

В 1918 году, по инициативе Чистопольского отделения партии эсеров, Скарятинский сад был переименован в парк имени Карла Маркса. Переимено-

вание это не помогло спасти деревья и кустарники, оставшиеся без профессионального внимания, от гибели, а затем двери парка и вовсе закрылись для посетителей. Только после Великой Отечественной войны удалось его в какой-то мере возродить. Квадратный участок, заросший хвойными и лиственными породами деревьев, с тех пор сохранял следы регулярности и продолжал выполнять функцию городского парка, но без должного финансирования и ухода в 1990-х – 2000-х годах пришёл в запустение. В 2013-ом году после масштабной реконструкции парк приобрёл новый облик, и старое название, связанное с деятельным губернатором Скарятиним, было ему возвращено.

Какой след оставил губернатор Скарятин в казанской истории? Сторонники демократических начал его осудят, а любители "твердой власти" с умилением прослезятся. И каждый по-своему будет прав. Ведь и сегодня объективно определить место личности в истории очень сложно.

Кроме Казани, успел Николай Яковлевич короткое время побывать ещё и санкт-петербургским губернатором, и курским предводителем дворянства. И всюду показывал свой горячий характер, стараясь «*пользы для...*». Умер Н.Я.Скарятин в 1894 году в своём имении Тесове (Сыченского уезда Смоленской губернии), похоронили его на кладбище села Мелюкова.

За год до своей смерти в журнале «Русский архив» (1893, №5) отставной военный и бывший губернатор опубликовал несколько страничек воспоминаний о своей молодости, когда он служил юнкером в гвардейском корпусе. Короткие заметки показали ещё одну грань таланта Николая Яковлевича Скарятинна – писательскую. Также вместе с эпитафией П.И.Баргенева на его смерть, уже упомянутой в начале этой главы, в журнале «Русский архив» (1894, №8) был напечатан короткий рассказ покойного про его встречу с императором после убийства на охоте его брата Владимира (фрагмент оттуда я уже приводил в главе про Владимира Яковлевича Скарятинна – А.П.). С этими мемуарами ты, читатель, можешь ознакомиться в приложении к очерку о Скарятинных.

Что же касается детей Николая Яковлевича и Прасковьи Ивановны, то о них известно следующее: Григорий был женат на княжне Варваре Борисовне Черкасской, оба похоронены в родовом имении Шуваловых в селе Вартемяги Санкт-Петербургского уезда; Александра была художницей, замуж так и не вышла, эмигрировала вместе с сестрой Ольгой на родину её мужа, итальянского кавалериста Галлиано, где обе и похоронены на Новом Греческом кладбище в Ливорно.

Об усадьбе Троицкое и её последних владельцев

Родовую столицу Скарятинных, село Троицкое Малоархангельского уезда, унаследовал после трагической смерти на охоте Владимира Яковлевича Скарятинна его сын, тоже Владимир, сделавший карьеру на военной службе: дойдя до звания генерал-лейтенанта, он превзошёл даже своего героического дядю Григория.

Слева направо: В.В.Скарятин,
С.А.Романов, Д.С.Арсеньев

Родился Владимир Владимирович Скарятин 2 декабря 1847 года. Общее образование получил дома, военное – на службе, в которую вступил 2 февраля 1865 года корнетом Лейб-гвардии Конного полка.

30 августа 1869 года он стал поручиком, а после смерти отца получил почётную должность адъютанта Великого князя Владимира Александровича и занимал её свыше 20 лет, продвигаясь по чинам: штабс-ротмистр, ротмистр, полковник. В этом чине принимал участие в русско-турецкой войне 1877-1878 годов. Из того периода до нас дошло несколько фотографий, на которых Владимир Скарятин запечатлён вместе с Великим князем Сергеем Александровичем (младшим братом своего начальника) и его попечителем контр-адмиралом Дмитрием Сергеевичем Арсеньевым, который являлся мужем родной сестры Владимира Владимировича Варвары, фрейлины двора. В своих воспоминаниях Д.С.Арсеньев очень

тепло отзываясь о «Володе Скарятине», а также отмечает, что «Сергей Александрович его очень любил».

Генеральского звания В.В.Скарятин удостоился в 1892 году и тогда же из адъютантов Великого князя Владимира Александровича перешёл на должность егермейстера, которую занимал четверть века назад его отец. Но это, как оказалось, была не единственная историческая взаимосвязь. Особенно примечательна причина отставки Владимира Владимировича с должности адъютанта, которую удалось узнать из дневников А.А.Половцова, государственного секретаря в эпоху правления Александра III: «При дворе вел. кн. Владимира Александровича разыгралась новая история: вел. князь взял к себе в адъютанты гр. Ферзена, и вследствие того состоявший при вел. князе ген. Скарятин подал в отставку, потому что отец Ферзена убил отца Скарятина и притом, как думает последний, намеренно. Дело это было лет 20 тому назад, но столько наделало в то время шума, что мне до сих пор весьма памятно...

Зная Ферзена, я отрицаю возможность намеренного убийства; это была такая мелкая натура, что никогда не решилась бы на такое крупное преступление и притом в таких условиях, исключавших почти вполне возможность скрыть поступок. Но не таково мнение семейства Скарятиных, и вот теперь, когда вел. кн. Владимир Александрович взял Ферзена в адъютанты, ни слова не

сказав Скарятину, последний немедленно заявил ходатайство об увольнении его от службы при вел. князе.

По этому поводу у меня был продолжительный разговор с вел. кн. Владимиром Александровичем, который доказывал, что Скарятин не прав, потому что сыновья не могут быть ответственными за деяния отцов. Соглашаясь с этим, я настаивал на том, ...что все дело во внимании к тому, что происходит в душе окружающих нас лиц, что невнимание отталкивает, ...что если у Скарятини в этом случае проявилась чрезмерная чувствительность и раздражительность, то она, во всяком случае, происходила из чистого источника и между людьми, связанными 20-летней дружбой, заслуживала по меньшей мере своевременного объяснения».

Кроме усадьбы в Орловской губернии Владимир Владимирович ещё владел домом в Санкт-Петербурге, где часто устраивались званые обеды и ужины, на которые приглашались многие высокопоставленные люди столицы. Племянница генерала, княжна Кантакузина-Сперанская, вспоминала о нём так: «Больше всего из наших домов мне нравился старинный дворец Скарятинных на Фонтанке, 25. Он был построен еще при Петре Великом, и в его больших залах стояла громоздкая старинная мебель, венецианское стекло, висели портреты предков. Большая мраморная лестница была покрыта темно-красным ковром, красные бархатные портьеры висели в коридорах, вдоль которых стояли лакеи в ливреях. Дядюшка Володя Скарятин был высок ростом, говорил басом и

Дом на набережной реки Фонтанки, 25
(фотография наших дней)

очень громко, так как был глуховат. Тетушка, по контрасту, была хрупка, носила изящные платья, и от нее всегда пахло фиалками». Уважаемый читатель, пожалуйста, обрати внимание на адрес описанного дома. Это уже третье здание, находящееся на набережной реки Фонтанки и исторически связанное с родом Скарятинных, в дополнение к дому на Фонтанке, 7, которым в первой половине 19-го века владели Яков Фёдорович и Наталья Григорьевна Скарятини, и к Михайловскому замку, где при участии Якова Фёдоровича был убит Павел I. Примечательно, что все три можно видеть одновременно из одной точки на мосту Белинского (в описываемые времена он назывался Симеоновским – А.П.).

За отличия по службе 6 декабря 1901 году В.В.Скарятин получил чин генерал-лейтенанта, с ним и ушёл в 1916 году в отставку, окончательно обосновавшись в родовом имении Троицкое. Кавалер восьми российских и шести иностранных орденов, многих медалей и почётных знаков, Владимир Владимирович Скарятин многое сделал для того, чтобы троицкая усадьба процветала.

Владимир Владимирович Скарятин.

Мне удалось найти её описание тех лет, сделанное той же княжной Кантакузиной-Сперанской, постоянно гостившей у дяди в этом любимом ею месте: *«Это чудесное поместье принадлежало семье Скарятиных в течение 300 лет, первым владельцем его был татарский мурза Скарятя. Современный дом был построен в середине XIX века – огромный, двухэтажный, с более чем сотней комнат, некоторые из них были расписаны знаменитыми итальянскими мастерами. Знаменитая липовая аллея вела к парадному входу, фасад выходил в парк. Парадные залы... были поистине прекрасны, очень пропорциональны и обставлены мебелью, доставшейся от Наполеона предку хозяев, генерал-фельдмаршалу графу Петру Румянцеву-Задунайскому...»*

Даже конюшни в имении были построены в той же пышной манере, что было не свойственно для России, где подобные помещения усадеб мало чем отличались от крестьянских домов... Троицкое строил прадед Скарятин, которому эти земли были пожалованы в подарок – как Зубову, Панину, Бенигсену и прочим – Александром I за участие в убийстве безумного Павла I.

...Сразу после охоты я отправилась поездом в Троицкое – через Москву и Орел. Мы сошли на маленькой станции Верховье, оставшиеся 20 миль ехали в экипаже и, наконец, за деревьями увидели наш чудесный дом. Громадная прихожая вся была увешана охотничьими трофеями – оленьими и волчьими головами, чучелами убитых медведей и лис. Парадные комнаты были обставлены *à la française*; по вечерам, освещенные мягким светом масляных ламп, они выглядели очень уютно, отблески огня отражались в роскошном паркете, инкрустированном перламутром – этому паркету было уже более 80 лет, и сделан он был руками талантливых крестьян-плотников».

А теперь, уважаемый читатель, это эмоциональное, восторженное описание скарятинской усадьбы в селе Троицкое я дополню документами, которые сумел извлечь из недр Государственного архива Орловской области житель подмосковного Королёва Алексей Белов, потомок дворян Скарятиных.

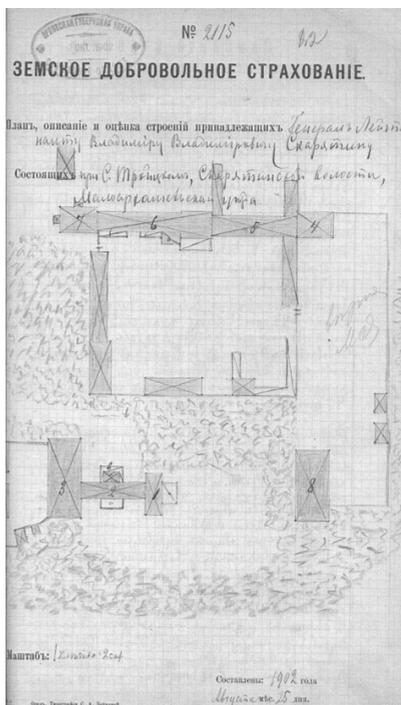
В начале XX века в России земское добровольное страхование от огня переживало пик популярности, очень многие владельцы самых разных строений заключали договоры со страховыми агентствами на случай возможных

пожаров. С 1902 года вплоть до революционных лет своё многочисленное недвижимое имущество постоянно страховал владелец усадьбы в Троицком, генерал-лейтенант В.В.Скарятин. Документы страхования (план, описание и оценка строений) сохранились, и благодаря им я расскажу читателям, что же собой представляло то самое «чуждое поместье».

Итак, на сравнительно ровном, с небольшим уклоном в сторону речки Синковец (притоке реки Труды – А.П.), пространстве, на левом её берегу, в большом регулярном парке, располагались девять сооружений большого скарятинского имения: три дома, три флигеля (фактически – тоже дома), контора, конюшня и скотный двор. Общая площадь, которую они занимали вместе с парком, составляла более пяти десятин.

Все строения, кроме одного деревянного дома, были кирпичными, с железными крышами и достаточно приличных размеров. Самое маленькое здание (двухэтажный деревянный дом) в длину достигало 30 аршин (21,3 метра), самое большое (конюшня) – 83 аршина (60 метров). В страховых документах дано описание всех объектов, но я ограничусь рассказом о строении под №2: «Дом двухэтажный, кирпичный, на каменном фундаменте высотой один аршин (71 см), крыт железом. Длина 57 аршин (40,5 метров), ширина – 24 аршина (17 метров). Высота стен – 13 аршин (9,1 метра), толщина – 1 аршин (71 см). Стены с обеих сторон проштукатурены, потолки оштукатурены с карнизами и в комнатах на 13 кв.аршин покрашены масляной краской. Полы в 4-х комнатах по 30X8 аршин крашеные, в поварской на 13X12 аршин пол цементный, в остальных комнатах – дубовый паркетный».

Нижний этаж: стены в одной комнате на высоту два аршина с четвертью обшиты дубовыми филёнками (филёнки – это декоративный элемент, часть поля стены, двери или пилястра, заглублённая или имеющая обрамление, по форме близкая к прямоугольнику – А.П.), равно и откосы в окнах, в трёх комнатах на 31X12 аршин стены обтянуты материей, а в остальных стены крашеные. Окна створчатые, с дубовыми рамами – 25, дверей филечатых,

План строений усадьбы в Троицком

створчатых, дубовых – 15, крашенных – 7, однопольных филенчатых дубовых – 3 и 4 простых. 6 печей кирпичных, крашенных, один камин дубовый с мрамором и один мраморный, две дубовых лестницы на второй этаж.

Верхний этаж: стены крашенные, окна створчатые с дубовыми рамами – 30, дверей филенчатых крашенных створчатых – 3, однопольных – 7 и 4 однопольных дубовых. Печей (названо иностранное имя автора) кирпичных – 4, две ваннных комнаты и три ватерклозета. В доме две продольных капитальных стены...».

Если судить по количеству дверей, то в этом доме на двух этажах имелось не менее 40 комнат (а если прибавить к ним комнаты в пяти остальных жилых строениях имения, то их количество наверняка достигнет ста, о чём и писала княжна Кантакузина-Сперанская, правда, в отношении только одного большого дома – А.П.).

Общая сумма ежегодных страховых выплат генерала Скарятин за все здания в его усадьбе составляла 47500 рублей – большие деньги по тем временам. Но Владимир Владимирович считал это оправданным, потому что жил в Троицком вместе с женой после ухода в отставку постоянно, управлял большим и процветающим хозяйством (у генерала имелся даже зверинец, в котором выращивались и продавались желающим ручные олени, даниэли – А.П.) и никуда не хотел уезжать вплоть до событий 1917 года.

Комплекс основных зданий усадьбы в Троицком (фотография конца XIX века)

О последних годах жизни своего родственника написала княжна Кантакузина-Сперанская: «...Дядя Володя и сестра моей матери тетя Мария, оставались в своем огромном доме до 1921 года, когда дядя умер. Тогда тетя, еще сохранившая свою красоту, только страшно похудевшая и бледная, попыталась уехать к дочери Ольге в Англию, но не доехала; она умерла в одиночестве среди чужих людей в Ревеле (ныне Таллин). Там она и похоронена, под простым крестом вместо роскошной семейной гробницы. На ее могиле надпись: “Мария Михайловна Скарятин, урожденная княжна Лобанова-Ростовская. Родилась в 1851 г., скончалась в 1921 г. Я емь путь, правда и жизнь. Иоанн, 14.6”».

P.S. К сожалению, от роскошной усадьбы в селе Троицкое не осталось почти ничего. В послереволюционные годы вокруг родового имения Скарятинных развернулась целая эпопея, в которой сначала речь стояла о том, чтобы просто спасти имущество от разграбления (сохранилась телеграмма Малоархангельского уездного комиссара начальнику гарнизона г.Орёл со следующим исполненным отчаяния текстом: *«Культура веков гибнет. Имение Скарятино накануне разгрома. Спасите богатство родины. Ради Бога, вышлите солдат... для охраны имения...»*), а затем конфликтовали между собой различные новоявленные советские учреждения, пытавшиеся заполучить все ценности оттуда *«для использования их в культурно-просветительных целях»*. Страсти кипели нешуточные, и дело доходило до арестов одних участников противостояния другими, так что конфликт даже привлек внимание председателя ВЦИК Якова Свердлова, повелевшего орловскому Губисполкому разобраться в ситуации и доложить о результатах.

Изд. ОРЕЛ МОСКВЫ 33429 СР 20 27 14 3Е		№	
Принята 17/9	ю 191 г.	Разр.	Счета слов.
Отв. Скарятин	№ 43		По о а н а.
Принял Идремин	1/2		..... т.
			..... сл.
			..... ш.
		Служебная о п л а ч е н о	
		№ 10831	
		Отбычено	
		№	
РАЗБЕРИТЕ КОНФЛИКТ МЕЖДУ ГУБЪЕКОМ И СКАРЯТИНСКИМ			
СТАРШЕЙ ОДИНОЖИТЕЛЬНО ИМЕНИЯ СКАРЯТИНА РЕЗУЛЬТАТ СООБЩИТЕ =			
ПРЕДСЕДАТЕЛ ВЦИК С ВЕРДЛОВ № 2Е030 ;			

Телеграмма председателя ВЦИК Якова Свердлова

Позже всё имущество было вывезено и распределено по разным инстанциям, а восемь из девяти капитальных сооружений национализированного имения были разобраны по брёвнышку и кирпичику. Сохранилась только часть главного здания – первый этаж из того, что я описал выше. В настоящее время в нём, с надстроенной сверху крышей, помещается зерносклад местного фермера. Когда в 1999 году в Орёл приехала из-за границы Наталия Михайловна Грин-Скарятинна, внучка последнего владельца Троицкого, местные власти смогли показать ей только сохранившийся и действовавший на ту пору спиртзавод, построенный когда-то её предками. Но сейчас и он закрыт. И нам остаётся только любоваться фотографиями старинной усадьбы из альбома, подаренного областному краеведческому музею последней хранительницей традиций старинного орловского дворянского рода.

Родные и близкие В.В.Скарятина в Троицком (фотография конца XIX века)

Скотная, конюшня и контора в Троицком (фотография конца XIX века)

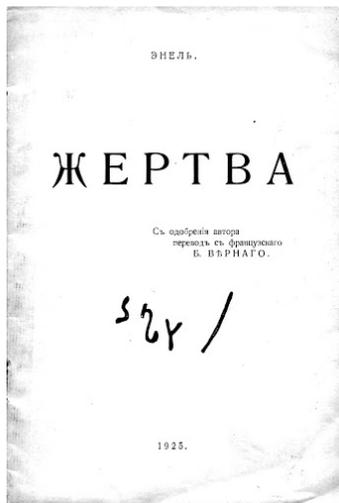
Михаил Скарятин – открыватель тайн Каббалы и его «Жертва»

О расстреле царской семьи за 90 с лишним лет, прошедших с этого трагического события, написаны горы литературы, – как документальной, так и художественной. Но среди огромного числа самых разнообразных книг не затерялась маленькая брошюра, под названием «Жертва», выпущенная ещё в 1925 году в городе Новый Сад в Югославии. Автор её, подписавшийся псевдонимом «Энель», на 20 страничках рассказывал читателю о странной надписи, начертанной на стене комнаты, в которой были убиты Николай II и его семья.

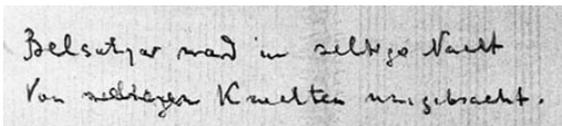
Вообще-то, если быть точным, надписей имелось две. Они обе были потом изучены белогвардейским следователем Н.А.Соколовым. Первая из них, двухстрочная, на немецком языке, цитировала стихотворение Г.Гейне «Валтасар»:

*Belsazar ward in selbiger Nacht
Von seinen Knechten umgebracht.*

(«В эту самую ночь Велсацар был убит своими слугами»).

Обложка брошюры «Жертва»

Фрагмент обоев с надписью из подвала Ипатьевского дома

Другая надпись представляла собой четыре каббалистических знака (каббалá – мистическое направление в иудаизме, появившееся в XII веке и пытавшееся осмыслить роль и цели Творца, природу человека, смысл его существования – А.П.). Три из них – буквы «л» разных алфавитов, «ламед» арамейского, «ламед» самаритянского и «лямбда» греческого. Четвертый знак – косая черта. Причем, буквы изображены были перевернуто, «*вверх ногами*».

Расшифровке второй надписи и посвятил свою книгу «Жертва» неизвестный тогда никому Энель. Дело это было очень непростое и неоднозначное. Поскольку в каббалистике буквы имеют и символическое, и цифровое, и астрологическое значение, особое значение могут иметь и сочетания букв, и сочетания самих значений, «суммирующихся» разными способами. Нужно было обладать большими знаниями в оккультных науках и древних языках, чтобы решиться на это. Но автор решился – и довёл дело до логического завершения.

Не буду пересказывать цепочку его рассуждений (каждый может найти эту книгу в интернете – А.П.), но приведу результирующий итог по расшифровке надписи, сделанный Энелем: *«Здесь, по приказу тайных сил, Царь был принесен в жертву для разрушения Государства. О сем извещаются все народы»*.

В советские времена о разного рода религиозных, мистических и каких-либо потусторонних вещах предпочитали не говорить вообще. Поэтому и о каббалистической надписи в Ипатьевском доме почти нигде не упоминалось, тем более, о её расшифровке. Об Энеле и его «Жертве» в российских изданиях стали писать совсем недавно, оценивая этот труд по-разному: от резкого неприятия всего произведения как ненаучного – до полного признания правоты содержащихся в нём аргументов и выводов.

Я не буду присоединяться к тем или иным сторонникам. Но то, что внимание сейчас к Энелевской «Жертве» велико – это факт.

А теперь, наконец, пришла пора раскрыть псевдоним автора, оставшегося неизвестным до начала XXI века, пока русский православный историк Сергей Фомин в изданной им книге *«Граф Келлер»* (Москва, «Посев», 2007) не привёл данные о настоящем имени Энеля: **Михаил Владимирович Скарятин**.

Мика Скарятин в детстве

Да, уважаемый читатель, **Михаил Скарятин**, и он не просто однофамилец тем, о которых я рассказывал в предыдущих очерках, а сын последнего из этого знаменитого семейства владельца родовой усадьбы Скарятиных в селе Троицкое Малоархангельского уезда.

Появился на свет Мика (так звали его родные и близкие) 6 мая 1883 года в семье генерал-лейтенанта Владимира Владимировича Скарятин и его жены Марии Михайловны, урождённой княгини Лобановой-Ростовской. У них было четверо детей, но Михаил оказался единственным сыном.

Обучался он на дому, потом – в гимназии, после окончания которой поступил на юридический факультет Санкт-Петербургского Императорского университета. Способный юноша, овладевший в гимназические годы изучавшимися тогда древнегреческим языком и латынью, Михаил Скарятин самостоятельно сумел изучить также древнееврейский язык, санскрит и научился читать древнеегипетские иероглифы (это, не считая французского и английского языков, которыми он владел в совершенстве – А.П.). Увлечение Востоком отразилось на оформлении мастерской его усадебного дома в селе Троицкое: она вся была заставлена античными статуэтками, низкими диванами, увешана восточными тканями, и всюду лежали книги на

древних языках. Кузина Михаила и его ровесница, княжна Мария Кантакузина-Сперанская, дала такую характеристику мастерской и её хозяйину: *«Естественно, здесь собиралась молодежь, особенно привлекал нас сам Мики... Странно, но ровесники не любили его; возможно, виновата была их зависть, или его нежелание подстраиваться под окружающих»*.

Кроме того, судя по семейным фотоальбомам, подаренным в 1999 году Орловскому краеведческому музею его дочерью, Натальей Грин-Скарятиной, Михаил был страстным охотником (похоже, любовь к этому занятию передавалась ему чуть ли не генетически от деда и отца, побывавших егермейстерами при дворе) и, бывая в Троицком, уделял очень много времени и внимания псовой охоте.

Псовая охота в Троицком, М.В.Скарятин посередине (фотография начала XX века)

Одним из первых в Петербурге, он стал заядлым автомобилистом, но, одновременно, увлекался скаковыми лошадьми, и, видимо, это сподвигло его после окончания курса в университете в 1905 году поступить вольноопределяющимся в Лейб-гвардии Кавалергардский полк. В следующем году он получил чин корнета и остался на военной службе, карьера на которой шла успешно: Михаил Скарятин добрался до чина полковника. Перед Первой Мировой войной он был откомандирован по состоянию здоровья в часть, остававшуюся в Санкт-Петербурге, но через некоторое время отправился на фронт, успел поучаствовать в боевых действиях и получить тяжёлое ранение.

Не прерывая службы, он умудрялся заниматься наукой. Так, проведя зиму 1908 года в Египте и возвратившись потом в Россию, Скарятин опубликовал во французской прессе несколько статей под псевдонимом **Энель**. Труды русского офицера обратили на себя внимание в зарубежных научных кругах, что позволило ему после того, как в ходе гражданской войны Скарятин эмигрировал, переехать в Египет и продолжить свои исследования.

Михаил Владимирович Скарятин

Сочинения Михаила Скарятина по египтологии, публиковавшиеся в сборниках Французского археологического восточного института и в специализированных издательствах в Лондоне, снискали ему международную известность (но не принесли особого богатства). Многие тексты на непрочитанных до этого папирусах расшифровал именно Скарятин.

Однако издавались у него и другие книги, связанные с увлечением всей его жизни – с оккультными науками (ещё в юности, по словам его кузины Кантакузиной-Сперанской, у него была какая-то степень за заслуги в них – А.П.). Самой известной из книг на мистическую тематику стала **трилогия «La Trilogie de la Rota»**.

Но, несмотря на внешнее увлечение оккультизмом, это, всё-таки, было скорее научное стремление, поскольку до конца своей жизни Михаил Скарятин оставался православным человеком и в течение нескольких лет избирался старостой русской церкви в Каире.

Научный же авторитет его был неоспорим. Долгие годы Михаил Владимирович являлся директором Русского отдела Министерства внутренних дел Египта.

Женат Михаил Скарятин был на очаровательной Леонтине Пуни, внучке итальянского композитора и дирижера Цезаря Пуни, работавшего с 1851 года при петербургских императорских театрах, автора музыки к знаменитым балетам «Конёк-Горбунок», «Эсмеральда», «Царь Кандавл» и многим другим. В молодости она и сама была балериной, окончившей Императорское театральное училище и состоявшей в труппе Мариинского театра. Юрий Павлович Анненков, живописец и график, создававший декорации для многих театральных постановок, оставил такое воспоминание о ней, относящееся к 1913 году – периоду его работы в сатирическом театре «Кривое Зеркало»:

«Театр “Кривое зеркало” прославился в первые же дни своего существования

Леонтина Цезаревна Пуни

знаменитой “Вампукой”, пародией на оперную постановку (музыка Эренберга, либретто Волконского). Успеху “Вампуки” в значительной мере способствовала танцовщица Леонтина Пуни, исполнявшая с большим юмором роль прима-балерины и танцевавшая “Танец семи покрывал”».

Верная и любящая супруга сопровождала мужа всюду, куда заносила их эмигрантская судьба: от Югославии и Франции до Египта и Швейцарии, где, в конце концов, и завершился жизненный путь большого учёного Михаила Скарятинина. Он умер в ноябре 1963 года и похоронен был на кладбище деревушки Глион, приютившейся на высоком холме над городом Монтрё, находящимся на самом берегу Женевского озера. Там же нашли своё последнее пристанище его жена Леонтина в 1980-ом году и дочь Наталья в 2001-ом году. К сожалению, на сегодняшний день могила Михаила Владимировича Скарятинина утрачена, потому что, по швейцарским законам, через 50 лет после погребения, при отсутствии потомков покойного, имеющих документы на могилу и ухаживающих за ней, участок передаётся под новое захоронение.

Эмигрируя из России в 1920 году, Скарятин сумел увезти только семейный архив и несколько реликвий, которые бережно хранил все годы заграничных странствий. Единственная дочь Михаила Владимировича, не оставившая потомства, Наталия Михайловна Грин-Скарятинина (она всю жизнь проработала в Швейцарии водителем такси и возила многих известных русских, приезжавших туда, в частности, актрису Ольгу Бакланову, снимавшуюся в Голливуде в 1920-х – 1930-х годах, и писателя Владимира Набокова – А.П.), посетив летом 1999 года (за 2 года до своей смерти – А.П.) Орёл, большую часть семейных ценностей подарила землякам. И теперь в Орловском краеведческом музее хранятся подлинные фотографии и документы, альбомы с фотографиями усадьбы жизни села Троицкого, орден Св. Иоанна Иерусалимского (принадлежавший Якову Скарятину – А.П.) и книги Энеля – Михаила Владимировича Скарятинина: «**Священный язык**» и «**Загадка Сфинкса**», изданные в Париже в конце XX века.

А одной из лучших картин, экспонирующихся ныне в Орловском музее изобразительных искусств, является портрет Марии Михайловны Скарятининой, урождённой княгини Лобановой-Ростовской, матери Михаила Скарятинина.

Портрет Марии Михайловны Лобановой-Ростовской

Три сестры

Дети В.В.Скарятина: Ольга, Ирина, Мария (вверху слева направо) и Михаил

Теперь, когда я рассказал о последнем известном представителе скарятинского рода, несколько слов посвящу сёстрам египтолога и оккультиста – Марии, Ольге и Ирине. Как и все женщины скарятинского семейства, они были замечательно красивы и всегда являлись объектами повышенного мужского внимания. Между старшей и младшей сёстрами – 14 лет разницы. Самое, пожалуй, любопытное в их судьбе, что все трое побывали фрейлинами при Императорском дворе, и одна за другой умудрились выйти замуж за дворян из знатных родов немецкого происхождения, но старшая Мария и младшая Ирина со своими первыми мужьями развелись.

Мария Врангель

Мария Владимировна Скарятина родилась на следующий год после венчания родителей – 4 августа 1874 года. Получила домашнее образование, училась ли дальше – не знаю. В июне 1894 года в дрезденской православной церкви венчалась с Николаем Врангелем, на тот момент – корнетом Лейб-гвардии Конного полка, но за 13 лет совместной жизни Николай Александрович дослужился до полковника. У Врангелей за это же время родилось пятеро детей: Мария, Вера, Владимир, Ксения и Георгий.

Марию Врангель (Скарятину), как представительницу сразу двух знатных родов России, пригласили в феврале 1903 года на костюмированный бал в Зимнем Дворце, на котором она блистала в наряде боярыни XVII века (все приглашённые должны были пошить себе костюмы, в ко-

Мария Владимировна Скарятина

торых ходила знать во времена восшествия Романовых на престол). Всех участников этого самого яркого события времён Николая II сфотографировали, а некоторые из них впоследствии оказались запечатлены на игральных картах в колоде «Русский стиль», выпущенной к 300-летию дома Романовых. По некоторым источникам, в роли Дамы Пик выступила там Мария Врангель, хотя не все исследователи с этим согласны (по крайней мере, такой высокий кокошник, который изображён у дамы на данной игровой карте, был на балу только у Марии – А.П.). Впрочем, самой Марии вскоре стало не до своего образа на картах, потому что весь Санкт-Петербург потряс её громкий развод, причиной которого явилась открытая измена баронессы не с кем-то из представителей «высшего света», а с дворником Дмитрием Бажуновым, служившим в поместье Врангелей Терпилицы.

Да, Мария Владимировна не дождалась, когда её служак-муж станет генералом и будет самым верным и надёжным помощником, адъютантом Великого князя Михаила Александровича, брата царя. Получается, что в реальной жизни для Николая Врангеля она как раз и стала «коварной пиковой дамой». Брак Врангелей был расторгнут в 1907 году. Оба бывших супруга спустя некоторое время вступили во вторые браки: мужем Марии стал Иоганн Берриш, а женой Николая – баронесса Елизавета Гойнинген-Гюне, с которой он тоже вскоре развёлся. Генерал Николай Врангель, эмигрировав после революции 1917 года за границу, проживал в Италии, где в 1927 году покончил жизнь самоубийством. Очень символичным выглядит, что в его жизни 3 года, разделённые десятилетиями и заканчивающиеся на цифру 7: 1907, 1917 и 1927, – стали роковыми (как не вспомнить пушкинского Германна, сошедшего с ума и повторяющего: «Тройка, семёрка, туз! Тройка, семёрка, дама!»).

Позволю себе небольшое отступление, чтобы показать тебе, дорогой читатель, что это – не первая аналогия с повестью Пушкина «Пиковая дама», которая возникает при изучении истории рода Скарятиных. Некоторые исследователи творчества известнейшего русского поэта приходят к выводу, что в этой повести за сюжетом о картёжной игре скрыт исторический подтекст – тема борьбы за трон и связанных с ней дворцовых переворотов, а конкретнее – убийств Петра III и Павла I. Не вдаваясь глубоко в детали этих исследований, приведу только отрывок из работы В.М.Есипова «Пушкин в зеркале мифов», изданной в 2006 году: «Тема цареубийств всегда сильно занимала Пушкина, в

Николай Александрович Врангель

частности в период опубликования повести, что прослеживается по дневниковым записям 1834 года:

28 февраля... На бале явился царевубийца Скарятин...

8 марта... Жуковский поймал недавно на бале у Фикельмон... царевубийцу Скарятину и заставил его рассказывать 11-ое марта. Они сели. В эту минуту входит государь с гр. Бенкендорфом и застаёт наставника своего сына, дружелюбно беседующего с убийцей его отца...

17 марта... Третьего дня... Сидя втроём с посланником и его женою, разговорился я об 11-ом марте. Недавно на бале у него был царевубийца Скарятин; Фикельмон не знал за ним этого греха. Он удивляется странностям нашего общества.

Далее, буквально через две записи:

7 апреля... Моя «Пиковая дама» в большой моде. Игроки понтируют на тройку, семёрку и туза...

Это соседство упоминания о «Пиковой даме» с записями об убийстве Павла I представляется весьма симптоматичным».

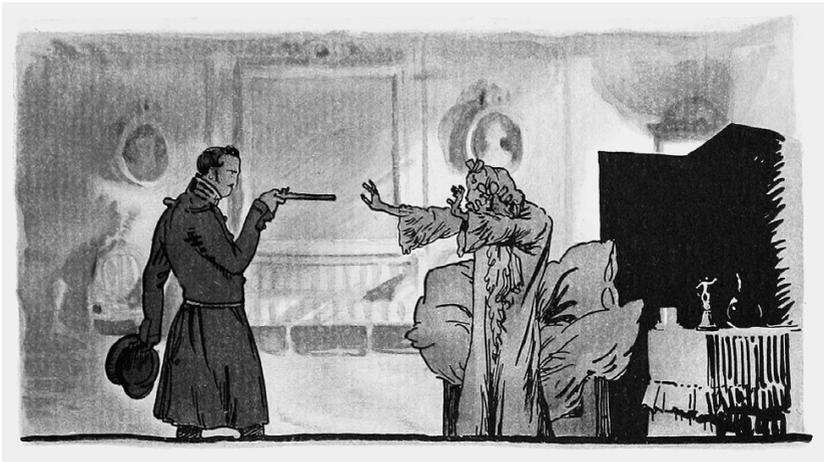

Иллюстрация А.Н.Бенуа к повести А.С.Пушкина «Пиковая дама»

Но вернёмся назад. В фондах Российского государственного исторического архива (РГИА) хранится «Архив барона Николая Александровича Врангеля», состоящий из 106 единиц хранения, из которых 12 так или иначе связаны с документами по бракоразводному процессу и перепиской между Врангелем и членами семейства Скарятиных (а также и любовное письмо, посланное Марией дворнику) и проливают свет на случившееся. Информацию об этом архиве я получил от гражданки Нидерландов по имени Карин Бернинк, которая, как оказалось, является правнучкой Николая и Марии Врангелей (внучкой их сына Владимира Врангеля и его жены Аннемари Томсон, одной из детей которых была её мама Анна Лизелот-

та Врангель). Несколько лет назад она заинтересовалась поиском информации о своих предках, начала изучать русский язык и посещать Россию, и так случилось, что в какой-то момент она ознакомилась с моими заметками о роде Скарятинных, размещёнными в интернете, и вышла на связь со мной.

Информации о том, где и как закончила свой жизненный путь Мария Врангель (затем Берриш), урождённая Скарятинна, мне пока найти не удалось (как и Карин Бернинк).

Ольга Беннигсен

Ольга Владимировна Скарятинна

Вторая из дочерей Владимира Владимировича, Ольга, родилась 31 марта 1879 года, получила домашнее образование, некоторое время (до замужества) была фрейлиной императрицы Александры Фёдоровны, на одном из балов познакомилась со своим будущим мужем – ровесником, офицером Лейб-гвардии Преображенского полка Георгием Беннигсеном (кстати, праправнуком Леонтия Леонтьевича Беннигсена, который был активным участником заговора против Павла I вместе с прадедом Ольги, Яковом Фёдоровичем Скарятинным – А.П.).

Одно из имений этого знатного семейства находилось в селе Богородицкое Орловского уезда, где часто бывала не только Ольга,

но и её младшая сестра Ирина. В браке Ольга Владимировна была вполне счастлива, хотя муж после шести лет службы ушёл в запас в чине всего лишь штабс-капитана. Её вполне устраивала помещичья и светская жизнь, балы и развлечения, которые закончились с началом Первой Мировой войны.

Георгий Беннигсен был мобилизован в армию, в составе Невского полка участвовал в боях в Восточной Пруссии, попал в плен. В годы гражданской войны он стал участником Белого движения на Севере России; с конца 1918 года сражался в качестве добровольца в английских частях в Мурманске. С 1920 года капитан Георгий Беннигсен жил в эмиграции, в Лондоне, куда к нему сумела выехать и жена. Именно к ним, как я писал ранее, пыталась

Георгий Павлович Беннигсен

добраться и мать Ольги, Мария Михайловна Скарятина, урожденная княжна Лобанова-Ростовская, после смерти мужа в 1921 году, но, не доехав, умерла в Ревеле (так раньше назывался Таллин).

Георгий Павлович в Англии вёл активную общественную жизнь, был генеральным секретарём Общества помощи русским беженцам. По мере сил ему помогала и Ольга Владимировна. Кроме этого, она писала статьи для академического журнала о музыке «The Musical Quarterly», которые публиковались в Оксфорде во второй половине 1930-х годов и рассказывали о переписке Петра Ильича Чайковского с Надеждой Филаретовной фон Мекк и об окружении известных музыкантов братьев Рубинштейн.

В конце 50-ых годов XX века Георгий Павлович Беннигсен перебрался в США, где в 1962 году и скончался. Но его любимой жены Ольги уже не было рядом – она умерла в Лондоне и была похоронена 22 декабря 1947 года на знаменитом кладбище Хайгейт.

Ирина Келлер

И, наконец, о самой младшей дочери – Ирине Скарятиной. В семье и близкие предпочитали называть её «Эра». Родилась она 7 ноября 1888 года, по примеру старших сестёр приняла предложение императрицы Александры Фёдоровны стать фрейлиной Двора Её Императорского Величества. Кузина Эры, княжна Мария Кантакузина-Сперанская, так описала общение с ней в юности: *«Я отправилась к Скарятиным в Троицкое, где меня уже ждали Эра и Мики. К несчастью, месяц, проведенный с ними, не отличался спокойствием. Эра, отчаянно избалованная своей матерью и старой няней, была невыносима, так как в тот момент страдала от любви к молодому кавалергарду Сержу Кантакузину, с которым познакомилась зимой в Петербурге. Она все время спрашивала, почему я не вышла замуж, а я терпеливо отвечала, что выйду только по любви, а пока никто еще этой любви мне не внушил. Тогда она воскликнула: “Когда ты увидишь Гишу (Сержа), ты непременно влюбишься и выйдешь за него!” Так и случилось...».*

Александр Фёдорович Келлер

Замуж сама Ирина вышла 2 февраля 1907 года – за героя русско-японской войны, кавалера четырёх российских орденов, Александра Фёдоровича Келлера, в это время – поручика Генерального штаба. Сын генерал-лейтенанта Фёдора Эдуардовича Келлера, геройски погибшего в русско-японскую войну, Александр и сам был человеком храбрым, порой до безрассудства, кроме того, заядлым коллекционером-нумизматом, археологом, фотографом, мистиком и масоном (тут сыграло свою роль его знакомство с Михаилом Скарятиным, а также, думаю, тот факт, что его

прадедом по материнской линии был не кто иной, как Михаил Юрьевич Виельгорский, о котором уже шла речь в рассказе про Якова Фёдоровича Скарятинина – А.П.). Та же кузина невесты, присутствовавшая на церемонии во дворце Скарятинных на Фонтанке, 25, о котором я уже упоминал ранее, вспоминала: *«Среди всего этого великолепия прошла и свадьба Эры, хотя мне не понравилось выражение ее лица – на нем был написан лишь триумф от того, что она добилась своего и выходит замуж так рано: всего в 18 лет».*

Для алхимических опытов Келлер приобрёл ценную коллекцию минералов всех континентов, которая находится ныне в музее Вернадского и «включает бразильские алмазы, саксонское серебро, уральское золото и драгоценные камни, благородный опал из Австралии, редкие минералы: теллуриды золота и серебра, самородное железо, метеориты, урановые минералы». Имелась у него и обширная нумизматическая коллекция (около 3000 предметов из неё, в основном, греческие монеты, в 1919 году оказались в Государственном Эрмитаже – А.П.).

Возможно, эти увлечения Александра Келлера никак не сказались бы на крепости его семейных уз с Эрой Скарятининой, если бы она любила мужа по-настоящему. Во всяком случае, брат Михаил отговаривал её от этого замужества, но сестра не послушала: сыграло роль честолюбие, что вот, мол, какого она «завидного жениха отхватила». У Келлеров родилось двое детей, и вроде бы всё первоначально было нормально. Но после трагической смерти в три года сына Фёдора между супругами пролегла глубокая трещина, которая всё ширилась, пока не превратилась в настоящую пропасть. Когда же Александр Келлер, после начала Первой Мировой войны, уходит на фронт и храбро воюет в составе Чеченского полка, получая чины и ордена, стало ясно, что вместе супругам уже не быть. 20 июня 1916 года брак Эры Келлер был официально расторгнут.

Некоторое время она жила вместе с родителями, в их петроградском доме на Фонтанке. В наступившие после событий 1917 года тяжёлые времена, когда её старые родители мёрзли и голодали в огромной неотопляемой квартире, Ирина Владимировна достала роскошный, на 50 персон, столовый сервиз из золота и аметиста, который перешёл к ней по наследству от бабушки, и выменяла на него мешок картошки и немного дров.

После того, как в Питере стало совсем плохо, Ирина Владимировна отвезла родителей в родовое село Троицкое. О том, что случилось с ними дальше, я уже написал ранее. Здесь я ещё раз процитирую упомянутую кузину Эры: *«Несмотря ни на что, мне приятно вспомнить Эру, так как я большие никогда ее не видела. Много лет спустя я*

Ирина Владимировна Скарятинина

узнала подробности о ее неудачном замужестве, бедности и одиночестве, о смертельной болезни, сразившей ее уже после революции 1917 года, и о том, как ей удалось, наконец, уехать в США, выйдя замуж за моряка в начале 30-х годов».

Могилы Виктора и Ирины Блэкли

Похоронена Ирина Владимировна Скарятинна рядом со вторым своим мужем, капитаном ВМС США Виктором Блэкли, которого она пережила на 15 лет, на знаменитом Арлингтонском кладбище в пригороде Вашингтона.

Однако, этот рассказ был бы не совсем полным, если бы, благодаря правнучатой племяннице нашей героини, голландской гражданке Карин Бернинк,

мы не узнали о том, что, уже живя в США, Ирина Владимировна написала на английском языке и издала там несколько книг, основанных на своих воспоминаниях, а Алексею Белову, о котором пойдёт речь в следующей главе (получается, шестиорудному брату голландки, так как их общим предком является царевича Яков Скарятин – А.П.), не удалось бы раздобыть раритетные экземпляры этих изданий с дарственными надписями самой писательницы и доставить их из США в Россию. Перечислю их названия и годы выхода в печать:

- «A World Can End» («Мир может закончиться»), 1931
- «A World Begins» («Мир начинается»), 1932
- «First to Go Back» («Первые на возвращение»), 1933
- «Little Era in Old Russia» («Маленькая Эра в старой России»), 1934
- «New Worlds for Old» («Новые миры вместо старых»; написана в соавторстве с мужем Виктором Блэкли), 1934-1935

Так как эти книги на другие языки, включая русский, не переводились и никогда не издавались в России, то у Алексея есть замысел сделать это в ближайшем будущем и дать российским читателям возможность детально познакомиться с описаниями «от первого лица» как дворянского быта дореволюционной России, так и бурных событий первых трёх декад XX века в нашей стране, в мире в целом и в судьбах конкретных людей, которые были вынуждены покинуть родину.

Книги Ирины Скарятинной

Алексей Белов – потомок дворян Скарятиных и его поиски родословных корней

24 мая 2017 года мне по электронной почте пришло письмо, основные моменты которого я процитирую:

«Здравствуйте, Александр Михайлович!

Меня зовут Алексей Белов, я родом из подмосковного Королева, но, как выяснилось, являюсь потомком орловских дворянских родов Скарятиных и Башкатовых.

Из подмосковного Королёва – на Орловицу

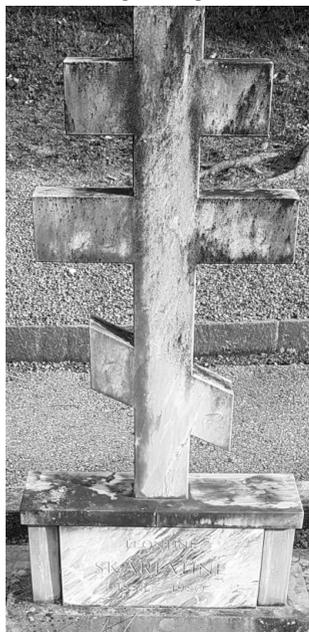
На протяжении последнего года (после смерти своей мамы и в её память) я занимаюсь созданием генеалогического древа своей семьи. В приложении Вы можете увидеть файл под названием "Потомки Тихона (Скаряты) Скарятинина", в котором показана часть этого древа, относящаяся к упомянутым родам. В моих исследованиях я во многом опирался и на данные из Ваших статей, найденных мной в интернете (здесь Алексей привёл ссылки на эти статьи – А.П.).

Сегодня я впервые на своей машине приехал в Орел, чтобы встретиться со специалистами краеведческого музея и наладить связи, которые могут помочь мне в моих дальнейших изысканиях. В свою очередь, я тоже могу быть полезным в плане обогащения коллекции экспонатов музея (например, я привез в подарок фотографии могил Натальи Грин-Скарятиной и ее матери Леонтины, сделанные мной полтора месяца назад на кладбище деревушки Глион в Швейцарии, которые Вы тоже можете видеть в приложении).

Я познакомился с директором музея Минаковым Андреем Сергеевичем (который и дал мне Ваш почтовый адрес). К сожалению, основного специалиста по Скарятиным, Филмоновой Валентины Кузьминичны, не было на месте, поэтому я планирую встречу с ней в музее на 10 утра завтра. Кроме того, в моих планах на завтрашний день значится посещение Государственного архива Орловской области

Могила Натальи Грин-Скарятиной

Могила Леонтины Скарятиной

для подачи заявления на розыск любой информации, касающейся Скарятиных и Башкатовых, а также автоволяж по родовым землям (Троицкое, Скарятинно, Коротенка, Пеньшино, Огороженное и т. д.).

Было бы замечательно, если бы и Вы нашли возможность для личной встречи со мной завтра или в пятницу. Мне кажется, что нам будет, о чем поговорить. Мой мобильный телефон...

С уважением, Алексей».

Встреча и начало путешествия

На такое послание я не мог не откликнуться, поскольку не каждый день с тобой на связь выходят родственники героев твоих произведений, события в которых удалены по времени на сто и даже двести лет. Мои очерки «Цареубийца Яков Скарятин» и «Скарятины – дети цареубийцы» были опубликованы в «Орловском вестнике» в конце августа 2011 года (их можно было легко отыскать на сайте газеты: <http://www.vestnik57.ru/> – А.П.). Чуть позже появился там же ещё один очерк – «Жертва» Энеля», посвящённый судьбе Михаила Скарятинина, последнего из этого известного на Орловщине дворянского семейства владельца родовой усадьбы в селе Троицкое Малоархангельского уезда.

После названных публикаций прошло довольно много времени. Я успел за прошедшие годы отыскать некоторые новые подробности по скарятинскому семейству и разместил эти очерки (с дополнениями) в вышедшей в 2013 году в издательстве «Картуш» первой книге моего трёхтомника «Орловщины родные очертанья» (трёхтомник стал победителем в номинации «Самая читаемая книга» на празднике «Орловская книга-2016» – А.П.).

У меня нашлось время, и я позвонил Алексею Белову, договорившись с ним о встрече. Но не в Орле, а в посёлке Покровское, откуда он мог бы начать запланированное им путешествие в село Троицкое, находящееся в Верховском районе, но на самой границе с Покровским. Житель Королёва легко согласился, и на следующий день, 25 мая, во втором часу дня мы уже пожимали друг другу руки. С Алексеем приехала его дочь Алёна, как показали наши последующие разговоры и обследования объектов, сама очень заинтересовавшаяся генеалогией своего семейства, а не просто сопровождавшая папу по его просьбе.

Алексей рассказал, что ему удалось-таки встретиться с Валентиной Кузьминичной Филимоновой, которая поведала ему о некоторых подробностях приезда в Орёл в 1999 году Натальи Грин-Скарятинной, показала и её подарки Орловскому краеведческому музею. В музее Беловы приобрели один из краеведческих сборников (выпуск восьмой 2010 года), посвящённый сословной истории Орловщины. В нём была помещена большая статья Валентины Кузьминичны об орловском дворянстве, где в числе прочих персон две страницы она посвятила семейству Скарятинных.

По моей «наводке» в издательстве «Картуш», куда Беловы заехали специально, они приобрели и мой трёхтомник «Орловщины родные очертанья» с очерками об их предках. Вот так, с приятного разговора и последних новостей

началось наше знакомство, которое продолжилось затем в течение второй половины дня 25 мая до позднего вечера.

В усадьбе Троицкое. Наши дни

По пути в Троицкое, родовую усадьбу помещиков Скарятиных, Алексей Белов рассказал, что интерес к своей родословной в нём зрел давно, а подтолкнул его к этому альбом родной бабушки, Тамары Григорьевны Головиной, которая ещё в 70-ые годы XX века приготовила подарок своим внукам. Алексей в детстве не раз просматривал старинные фотографии в этом фолианте (многие размещены здесь – А.П.).

Но только после ухода из жизни в 2016 году мамы, Маргариты Алексеевны, Белов приступил к практическим действиям и тогда снова обратился к бабушкиному альбому. А там – целое богатство...

Алексей стал «раскапывать свои корни» сразу в нескольких направлениях. Но я пока поведу речь о Скарятиных: родная прапрабабушка нашего исследователя по материнской линии, Варвара Дмитриевна, оказалась дочерью Дмитрия Яковлевича Скарятинина и – соответственно – внучкой того самого «Цареубийцы Якова Скарятинина».

Ну и, естественно, Алексею Белову, как заядлому автопутешественнику (он объехал на своём автомобиле за несколько лет буквально пол-Европы – А.П.), захотелось побывать в родовой усадьбе предка.

Наш путь из посёлка Покровское в село Троицкое пролегал через большое село Берёзовку (бывшее Ворова), а в паре километрах от него протекает река Труды. Так вот, небольшой деревянный мост через реку издавна назывался Скарятинским. Имеет ли это название отношение к дворянам Скарятиным, я пока не выяснил, но Беловым такое начало путешествия показалось символическим, и они сфотографировались здесь на память.

А потом, достаточно быстро, хотя и с небольшими приключениями (умный навигатор никак не смог сориентироваться на грунтовых дорогах и показать точное направление на Троицкое, пришлось прибегать к старому способу – опрашивать местных жителей – А.П.) мы добрались до бывшего большого волостного села Троицкое, которое свыше 200 лет служило родовой усадьбой Скарятиных.

На Скарятинском мосту

Вид на спиртзавод «Троицкий»

Мы оказались прямо напротив их винокуренного завода (в советские годы он именовался спиртзаводом – А.П.). Вид издали был очень красочен, и мы все втроём принялись дружно фотографировать исторический объект: сначала – издали, а потом и вблизи. Из прошлых своих поисков я выяснил, что винокуренный завод в послевоенные годы был единственным сохранившимся объектом помещичьего имения. Он действовал ещё и в 1999 году, когда село Троицкое посетила Наталья Михайловна Грин-Скарятина.

Когда мы с Беловыми подъехали к воротам спиртзавода «Троицкий», то поняли, что и этому знаменитому для здешних мест предприятию пришёл конец. Заводские здания и труба пока ещё стояли, но всё оборудование несколько лет назад было вырезано и продано на металлолом (об этом нам поведал товарищ сторожа, охранявшего объект).

У ворот закрытого спиртзавода «Троицкий»

Здания выкупил один из местных фермеров, который их использует (или хочет использовать) под складские помещения. Спиртзавод «Троицкий» прекратил производственную деятельность 10 лет назад (сначала провели процедуру банкротства, а потом и ликвидировали его).

И Беловы, и я были очень расстроены такой новостью. Но, на всякий случай, у этого словоохотливого жителя села Троицкого спросили, а сохранилось ли в селе что-то ещё из скарятинских усадебных построек. Он сразу сказал: «Да, только не в двухэтажном виде, а один первый этаж помещичьего здания».

Мы этот объект нашли довольно быстро, хотя могли и «проскочить» мимо, поскольку со всех сторон большое кирпично-каменное здание окружено деревьями. Как ни странно, оно оказалось действующим – как хозяйственная постройка, с большими, закрытыми на замок воротами, заложенными окнами и целой, уже современной крышей. Кто-то (мы не стали выяснять, кто именно) использует его под склад (следы зерна мы заметили у дверей).

Панорама усадебного здания в Троицком, переделанного под склад.

Но нас ждал приятный сюрприз с противоположной стороны здания: здесь мы обнаружили вход в подвальную, неиспользуемую в настоящее время часть здания, в которую без раздумий спустились. Да, это оказалось что-то! Настоящие средневековые стены, сводчатые потолки и метровые перекрытия – три отдельных части. Видно, что делалось это всерьёз и надолго.

Панорама подвального помещения усадьбы в Троицком.

А когда ещё раз обследовали всё здание, вместе с цокольными помещениями, то поняли, что перед нами – сохранившаяся часть усадебного дома Скарятинных, которого, я был до данного момента уверен, просто не существует. Ан нет! Вот он: длиной около 50 метров, шириной – 18 метров, высотой – не менее 6 метров, с глубиной подвальной части – более трёх метров.

Старая усадебная липовенница

И ещё один замечательный экспонат полуторавесковых времён мы обнаружили прямо напротив входа в подвал, метрах в тридцати от него: огромная липовенница, чудом сохранившаяся, не спиленная, не пущенная на дрова...

В последнее время на Орловщине набирает обороты движение за возрождение старинных дворянских усадеб, но обычно называется один и тот же ряд: Сабуровская крепость, усадьба Шатиловых в Моховом, усадьба Новосильцевых в Первом Воине, Голицыных в Голуни, Охотников замок в Яковке. Про усадьбу Скарятиных в селе Троицкое не вспоминают, а зря. Здесь очень живописное место, вполне пригодное для привлечения туристов.

Село Троицкое современного Теляженского сельского поселения Верховского района – несомненно, самый известный в здешних местах населённый пункт, в котором более двухсот лет существовала и процветала родовая усадьба помещиков Скарятиных. Гораздо меньше известно село Красное того же поселения, расположенное от Троицкого в шести километрах.

О селе Красном-Скарятини и его Крещенской церкви

А между тем, этому населённому пункту тоже есть чем гордиться. В советские годы о нём говорили и писали, как о родине двух знаменитых братьев – Героя Советского Союза Василия Ефимовича Чернышёва и Героя Социалистического труда Григория Ефимовича Чернышёва.

В дореволюционные же годы у села Красное было ещё и второе имя – Скарятини тож, и оно, как сразу становится понятным, долгие годы было владением знаменитого орловского дворянского рода. После смерти Якова Фёдоровича это имение перешло одному из сыновей цареубийцы – Владимиру Яковлевичу Скарятину. Напомню читателю, что это – родной брат предка Алексея Белова, жителя подмосковного города Королёва, с которым мы совершили автотуристическое путешествие по Орловщине.

Из родовой усадьбы Скарятиных мы направились как раз в расположенное неподалёку село Красное (Скарятини). Приличная шоссейная дорога быстро вывела нас на окраину Троицкого, и с правой стороны по ходу движения, километрах в трёх, сразу же показался купол какой-то церкви. Это и была следующая наша цель.

Крещенская церковь села Красное

Дело в том, что храм Богоявления Господня в селе Красном (второе название – Крещенская церковь – А.П.), по мнению кандидата искусствоведения В.И.Плужникова, – «*один из лучших памятников барокко Орловской области*». Высокая кирпичная церковь, стоящая на открытом возвышении в центре села, у дороги, хорошо видна отовсюду, потому мы её заметили ещё от Троицкого.

Строился храм в 1760-1770-ые годы, а в 1843 году он был обновлён, и сделал это на свои средства помещик Дмитрий Яковлевич Скарятин (почему это случилось – не знаю, ведь в эти годы был жив ещё и Яков Фёдорович, его отец – А.П.). Художник Вячеслав Ромашов и искусствовед Владимир Неделин, описавшие Крещенскую церковь села Красное-Скарятино в своей книге «Архитектурные древности Орловщины» (издательство «Вешние воды», Орёл, 1998), упомянули, что «*...на северной и южной стенах храма, по сторонам порталов, под забелкой, сохранились надписи о его строительстве и поновлении*».

Надписи на стенах Крещенской церкви

У въезда в посёлок Скарятино

Когда мы основательно налюбовались на замечательное, несмотря на значительные разрушения (к примеру, колокольня не сохранилась), православное сооружение снаружи, обойдя его со всех сторон, то решили отыскать эти самые надписи, упомянутые авторами книги.

Не скажу, что сразу, но достаточно быстро нам это удалось. Надписи сохранились не полностью, и потому читается не всё, но в двух надписях на соседних порталах чётко видны слова, что «...храм возобновлён октября 1843 года усердием Дмитрия Яковлевича Скарятинна» ...

Некоторые неизвестные подробности его жизни удалось выяснить благодаря изучению найденных мною и Алексеем Беловым документов из фондов Государственного архива Орловской области. Об этом, уважаемый читатель, я

тебе уже поведал ранее. Напомню, что Варвара Дмитриевна Скарятинна, младшая дочь Дмитрия Яковлевича и Домны Прокофьевны, родившаяся 2 декабря 1859 года в селе Борисоглебском (Пеньшино тож) Ливенского уезда – это родная прапрабабушка Алексея Белова по материнской линии.

Вот так, уважаемый читатель, я возвратился к инициатору поездки и человеку, извлекающему из недр архивов ГАОО, РГВИА, РГАДА и хранилищ оцифрованных материалов в интернете документы, книги и журналы, на основании которых я и сообщил тебе в предыдущих главах некоторые новые факты из жизни разных представителей рода Скарятинных, включая трёхкратного малоархангельского уездного предводителя. Но о Дмитриии Яковлевиче Скарятине ещё многое предстоит уточнить. Например, когда он умер и где похоронен. Наша скоротечная попытка найти какие-либо старинные захоронения на кладбище села Красное-Скарятино успехом не увенчалась.

О Казанской церкви села Пеньшино и её строителях

А теперь, уважаемый читатель, из села Троицкое (Скарятино) мы перенесёмся с тобой за 20 километров от него, на юго-восток – в село Пеньшино того же Верховского района (но до 1928 года – уже Ливенского, а не Малоархангельского уезда – А.П.). Село расположено в самом начале большой излучины реки Труды, на правом её берегу, и если к населённому пункту подъезжать со стороны Русского Брода, то и всё живописное пространство, и село, и даже полуразрушенная Казанская (Борисоглебская) церковь замечательно просматриваются с верхней точки, от заброшенной территории бывшей воинской части ПВО.

Сюда, в Пеньшино, в бывшее имение Дмитрия Яковлевича Скарятин, мы прибыли с Алексеем Беловым 25 июля, когда он совершал второе путешествие по местам жизни его орловских предков-дворян. Главным объектом осмотра в этом селе стала для нас, конечно же, церковь во имя иконы Казанской Матери Божией. У храма есть и второе имя – Борисоглебский (по названию придела Святых Бориса и Глеба), и построен он был ещё в середине XVIII века в стиле барокко. Но через сто лет владевший селом Пеньшино помещик Дмитрий Скарятин, с разрешения епархиального начальства, задумал не только отремонтировать церковь, но и капитально её перестроить. По словам В.Неделина и В.Ромашова, авторов книги «Архитектурные древности Орловщины», «в ходе перестройки была изменена декорация фасадов, растёсаны окна, удлинена к западу трапезная и выстроена массивная пирамидальная колокольня».

Колокольня Казанской церкви

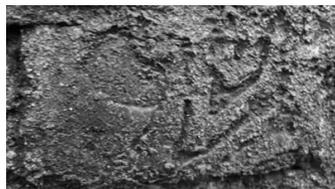
Казанская церковь перестала принимать прихожан в первый раз в начале 30-ых годов XX века, в послевоенные годы она вновь стала действующей. Но в 60-ые годы её закрыли вторично. Местный колхоз какое-то время использовал часть храма как хозяйственную постройку, за которой был присмотр. Но потом церковь была окончательно заброшена и подверглась значительным разрушениям, хотя её и не уничтожили полностью, как многие другие православные сооружения области.

Панорама интерьера Казанской церкви

При входе в Казанскую церковь

*Знак на кирпиче в склепе
Казанской церкви*

Мы с Алексеем Беловым внимательно обследовали Казанский храм, обойдя его по периметру со всех сторон, хотя сделать это оказалось не просто, поскольку в отдельных местах выросшие деревья буквально прижимаются к церкви своими стволами и обнимают её своими кронами.

Потом мы зашли внутрь церкви, удивившись её размерам и частично сохранившимся каменным плитам на полу, при входе. Общая длина всего православного сооружения – почти 50 метров. Вячеслав Ромашов и Владимир Неделин в упомянутой мною книге «Архитектурные древности Орловщины» написали, что «под алтарём церкви устроили склеп храмостроителей Скарятиных». Кто именно из представителей этого известного дворянского рода был погребён в склепе – точных данных нет. Вполне возможно, что в последний приют сюда отправились Дмитрий Яковлевич Скарятин и некоторые члены его семьи, проживавшие в Пеньшино.

К сожалению, выяснить какие-то детали в настоящее время довольно сложно, поскольку и алтарь, и склеп, вход в который с восточной, наружной стороны, сохранился, сильно повреждены. Борцы с религией и мародёры (часто это были одни и те же лица) в 30-ые и 50-ые годы «потрудились» здесь на славу. Всё склепное пространство заросло молодыми деревьями, которые, заменяя разрушенную крышу, создают здесь подходящую для захоронения атмосферу. Единственное открытие, которое мы с Алексеем Беловым сделали, – это за-

гачочный рисунок (или знак) на одном из кирпичей с левой стороны склепа. Вот он на снимке.

Кроме этой фотографии, было сделано и множество других. Алексеем Беловым по итогам посещения Пеньшино и храма его предков овладела навязчивая идея попробовать организовать инициативную группу для сбора средств на восстановление Казанского храма. А ближайшей целью станет ещё одно посещение Пеньшино – с целью выяснения истории его разрушения и попытки найти следы от надгробий Скарятиных: ведь не могли они исчезнуть бесследно?

А теперь, дорогой читатель, я плавно перейду к событиям и судьбам, тесно связанным с этим известнейшим орловским дворянским родом, но составляющим особую страницу в нашей истории.

Панорама алтарной части Казанской церкви

При входе в склеп Казанской церкви

Панорама внутри склепа Казанской церкви

Андрей и Софья: история одной любви

В самом начале сентября 1821 года в село Троицкое Малоархангельского уезда, где располагалось имение отставного полковника Якова Фёдоровича Скарятина, пожаловал один из любимых гостей хозяина, – чиновник по особым поручениям при Министерстве Внутренних Дел Андрей Петрович Римский-Корсаков. Почти ровесники, гость и хозяин познакомились в Санкт-Петербурге в самом начале XIX века, и тесное их общение не прекратилось с момента ухода Скарятина с военной службы.

Вопреки всем обстоятельствам

Андрей Петрович Римский-Корсаков

Андрей Петрович частенько, как только позволяли дела, навещался в Троицкое, где его принимали всегда радушно и убеждали подольше оставаться, когда он начинал готовиться к отъезду. Но этот визит для отставного полковника стал неожиданным. Всё объяснилось при первом разговоре с гостем за вечерней трапезой.

Оказалось, что Андрей Петрович Римский-Корсаков с 29 августа 1821 года вынужден был прервать свою служебную карьеру и стал числиться уволенным в отпуск на неограниченное время. В дополнение к этой неприятности у него полгода назад скоростипжно умерла жена. Излечить свои душевные раны Римский-Корсаков решил в имении своего лучшего друга. Но не только беседами с Яковом Фёдоровичем.

Оказывается, в предыдущие посещения Троицкого чиновник МВД обратил самое пристальное внимание на воспитанницу помещика Скарятина – красавицу Софью. Вначале Андрей Петрович просто любовался девушкой, которая жила в доме Скарятиных, вместе с хозяйками сживала за одним столом, иногда играла на пианино и замечательно исполняла русские романсы.

А чуть позже Римский-Корсаков с Софьей стал частенько прогуливаться по тенистым аллеям большого скарятинского парка, ведя неторопливые беседы на самые разные темы, вплоть до астрономии, и не только на русском, но и на французском языке, которым воспитанница владела в совершенстве. Сам не заметил министерский чиновник, как влюбился «по уши». И ничего с собой поделать не мог. Но при живой жене предпринимать какие-либо шаги Андрей Петрович, как настоящий джентльмен, не хотел.

Однако вскоре обстоятельства поменялись. В разговоре с Софьей во время предыдущего посещения троицкого имения выяснилось, что и она равнодушна к Андрею Петровичу, хотя и моложе его на 24 года. И теперь Римский – Корсаков прибыл, чтобы просить руки своей избранницы у её «воспитателя», Якова Фёдоровича Скарятин. Новоявленного жениха ничуть не испугало то, что он уже узнал о предполагаемой невесте: «незаконнорожденная». Дело в том, что он и сам до 20 лет имел точно такой же статус, и лишь близкое знакомство его отца с всесильным графом Аракчеевым позволило ему стать полноценным дворянином и сделать карьеру на государственной службе.

Софья Васильевна Римская-Корсакова

В одном из разговоров с Римским-Корсаковым Яков Фёдорович Скарятин сказал, что его рано скончавшийся (в 23 года) брат-близнец Василий жениться так и не успел, но имел многомесячную любовную связь со своей дворовой девицей Ксенией, в результате которой и появилась на свет Софья.

После такого вступления, уважаемый читатель, процитирую выписку из документа, найденного мною в фондах Государственного архива Орловской области (Метрические книги Троицкой церкви села Троицкое (Скарятин) Малоархангельского уезда за 1783-1827 годы, ГАОО, ф.101, оп.1, ед.хр.2124):

«17 сентября 1802 года дворовая девица Ксения Артемьева (фамилия отсутствует – А.П.) родила дочь, незаконнорожденную Софию, крещена, воспитанницей была помещица Аграфена Фёдорова Скарятин».

Яков Фёдорович Скарятин в тот год ещё в Санкт-Петербурге служил и о связи брата с дворовой даже и не догадывался. Но сестра их родная, Аграфена, чуть позже об этом ему рассказала. Она, хоть первое время и осуждала Василия, видела, какая любовь у него с Ксенией, и потому сама вызвалась стать крестной матерью у новорожденной Софьи.

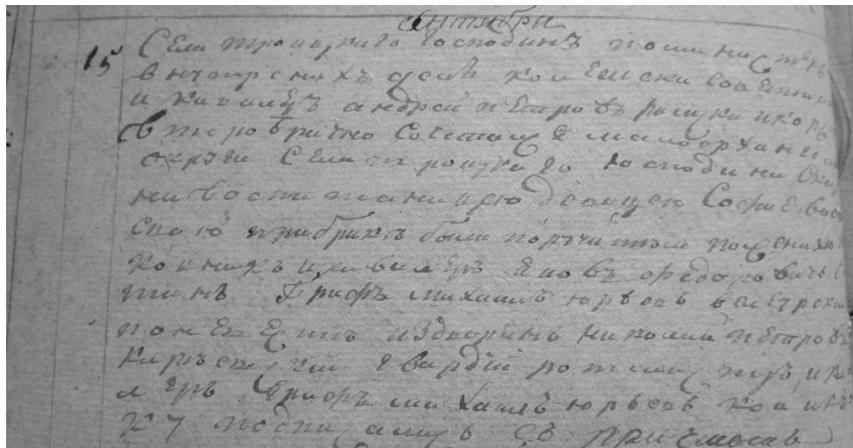
Василий Фёдорович Скарятин не успел порадоваться даже первым шагам дочки, скоропостижно скончался 28 июня 1803 года. Яков Фёдорович долго не мог «отойти» после смерти брата, а когда душевные раны стали затягиваться, переговорил с сестрой, и она с радостью одобрила возникшее у брата желание стать «воспитателем» Софьи.

Свадьба в Троицком

С тех пор в течение 18 лет помещик Скарятин, вскоре женившийся, у которого один за другим стали рождаться собственные дети, не оставлял без внимания и «воспитанницу». Софья получила прекрасное домашнее образование, и

приезжавшие в Троицкое гости даже не подозревали, что она – не дворянского происхождения. Яков Фёдорович мечтал устроить её будущее, но на замужество с чиновником такого ранга он и не рассчитывал.

Скарятин не только дал согласие на венчание воспитанницы со своим старинным другом, но и убедил того сделать это в селе Троицкое, а не в имении жениха, в Тихвине. Цитирую ещё одну, найденную мною, выписку из тех же метрических книг Троицкой церкви – «Часть вторая. О бракосочетавшихся»: «15 сентября 1821 года – села Троицкого Господин по Министерству Внутренних дел коллежский советник и кавалер Андрей Петров Римский Корсаков второбрачно сочетался с Малоархангельской округи села Троицкого Господина Скарятина воспитанницею девицею Софией Васильевою. При браке были поручители: по жениху – полковник и кавалер Яков Фёдорович Скарятин, граф Михаил Юрьев Велегурский; по невесте – из дворян Николай Петров Киреевский, гвардии ротмистр, и кавалер Михаил Юрьев, кои к обыску и подписались с причтом».

Запись в метрической книге о бракосочетании Римских-Корсаковых

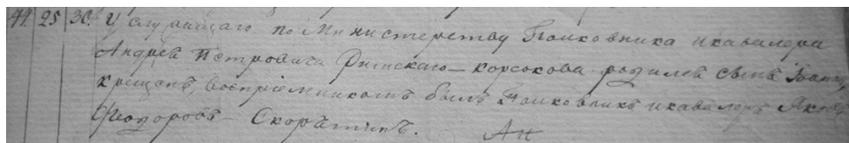
Запись эта позволяет опровергнуть существующую в различных источниках версию о том, что Андрей Петрович Римский-Корсаков тайно увёз из троицкого имения будущую жену и обвенчался потом с нею то ли в Санкт-Петербурге, то ли в Тихвине.

Как раз наоборот, Яков Фёдорович Скарятин сделал всё, чтобы венчание его «воспитанницы» прошло как можно торжественнее. Он не только сам выступил в качестве свидетеля (поручителя) со стороны жениха, но и пригласил выступить в этой же роли графа Михаила Велегурского (Виельгорского – у фамилии имелось несколько написаний – А.П.) – своего сослуживца по Министерству Внутренних Дел, человека, близкого к Императорскому Двору и – одновременно – очень неплохого самодеятельного композитора.

Со стороны невесты поручителями выступили тот же граф Виельгорский и один из самых крупных землевладельцев Малоархангельского уезда, гвардии ротмистр Николай Киреевский, имение которого находилось в селе Богородицкое (Успенское тож, в настоящее время – село Смирные Покровского района – А.П.)

Об Иоанне-Воине и малой родине

Мало этого, по всей видимости, молодожёны после венчания прожили в селе Троицкое ещё почти год, потому что дождались здесь рождения первенца. Привожу ещё одну запись из метрической книги Троицкой церкви («Часть первая, о родившихся»): «25 июля 1822 года у служащего по Министерству Полковника и Кавалера Андрея Петровича Римского-Корсакова родился сын Иоанн, крещён 30 июля, восприемником был Полковник и Кавалер Яков Феодоров сын Скорятин».

Запись в метрической книге о рождении Иоанна Римского-Корсакова

В этой записи содержатся сразу несколько интересных моментов. Первый заключается в том, что полковник Скарятин и год спустя после свадьбы продолжал заботиться о своей воспитаннице и любить её. А второй и третий моменты касаются, собственно, родившегося младенца Софьи Васильевны Римской-Корсаковой. Дело в том, что это – будущий известный русский мореплаватель, географ, гидрограф, писатель, реорганизатор системы военно-морского образования и старший брат выдающегося композитора Воин Андреевич Римский-Корсаков. Но во всей имеющейся о нём литературе сказано, что родился он 14 июля 1822 года. В метрической же записи речь идёт о 25 июля, то есть на 11 дней позже.

Воин Андреевич Римский-Корсаков

И, наконец, по поводу его имени. Мореплавателя, географа, гидрографа и писателя Римского-Корсакова мы знаем только как Воина (это чисто славянское имя – А.П.). Между тем, в метрической записи Троицкой церкви села Троицкое (Скарятини) от 25 июля 1822 года он значится Иоанном (имя по Святым, каноническое – А.П.), но родители с самого начала звали его Воином – по известному прадеду-моряку... Это имя и осталось в истории...

Николай Андреевич Римский-Корсаков

Спустя 22 года у супругов Римских-Корсаковых родился второй сын – Николай, ставший прославленным русским композитором. О последующих житиях обоих сыновей я говорить не буду, поскольку они достаточно хорошо известны (читатель может посмотреть хотя бы «Википедию» – А.П.). А вот об их матери, орловчанке Софье Васильевне Римской-Корсаковой несколько слов скажу.

Начну с того, что у неё была ещё и старшая сестра, Александра, которую тоже воспитал Яков Фёдорович Скарятин. Отставной полковник и её благополучно выдал за муж – за поручика Псковского кирасирского

полка Николая Ивановича Тевяшова. Римские-Корсаковы и Тевяшовы впоследствии тесно общались – не только родители, но и дети.

Софья же Васильевна, уехав из родного Троицкого за тридцать земель, сохранила с малой родиной и её людьми тесные и тёплые связи. И хотя не любила она, по воспоминаниям современников, касаться факта своего незаконного рождения, избегала говорить на эту тему со своими детьми и внуками, но пока был жив её приёмный отец – Яков Фёдорович Скарятин, регулярно приезжала с мужем в Троицкое, где так счастливо началась её семейная история. Здесь Софья Васильевна отдыхала душой и телом, нисколько не стесняясь общаться со своими хорошими знакомыми из числа дворовых людей помещика Скарятина.

В метрических книгах Троицкой церкви уже за 30-40-ые годы 19 века мне удалось найти несколько записей, в которых жена действительного статского советника Римская-Корсакова названа крестной матерью (восприемницей) родившихся младенцев, к примеру, – 30 июля 1837 года – у дворового человека Афанасия Денисова и его жены Натальи (дочь Олимпиада) и 29 апреля 1841 года – у дворового Сергея Афанасьева и его жены Елены (дочь Пелагея).

Замечательной матерью стала Софья Васильевна и двум своим сыновьям – Воину (Иоанну) и Николаю Римским-Корсаковым. Первый прославил Россию на море, второй – в музыке.

И оба они, наверняка, много раз благодарили судьбу за то, что когда-то, в селе Троицком Малоархангельского уезда, встретились их родители и полюбили друг друга наперекор всем сословным предрассудкам.

Орловские дворяне Башкатовы

Кладбище – не лучшее место для знакомства с той или иной исторической личностью. Но иногда выбирать не приходится, или обстоятельства складываются таким образом, что путь поиска ведёт к местам упокоения.

Для меня именно так началось знакомство с семейством, фамилия которого мне уже была знакома, но только не как дворян, а как служилых людей Ливенского и Малоархангельского уездов.

Потомки служилых людей

В Покровском районе, в километре от села Дросково, расположена небольшая деревня под названием «Башкатово». Названа она была по имени первопоселенца, прибывшего сюда со своими товарищами в конце XVII века для охраны южных рубежей Русского государства. Потомки Башкатовых до сих пор проживают в этом населённом пункте, да и в окрестных селениях тоже. Один из уроженцев и носителей данной фамилии в настоящее время занимает должность главы Ивановского сельского поселения Покровского района.

А теперь я перейду к другим Башкатовым – не однодворцам или (чуть позже) – государственным крестьянам, а средней руки дворянам, имевшим в XIX-ом – начале XX века усадьбы и земли в Ливенском и Мценском уездах Орловской губернии. Именно представителей этого семейства мы с Алексеем Беловым искали на кладбище вымирающего села **Корытинка** (в настоящее время – Верховский район, в дореволюционные годы – территория Ливенского уезда – А.П.).

Да, уважаемый читатель, я вновь обращаюсь к имени моего знакомого из Подмосковья, чьи корни глубоко зарыты в благословенной земле Орловщины. Ведь среди предков Алексея Белова – не только дворяне Скарятини, о которых я уже рассказал в нескольких предыдущих очерках, но и Башкатовы, которые, среди прочего, владели селом Татарский Брод в приходе села Корытинка и, по найденным Алексеем в интернете косвенным данным, должны были быть похоронены на местном кладбище, рядом с Рождественской церковью.

У въезда в деревню Башкатово

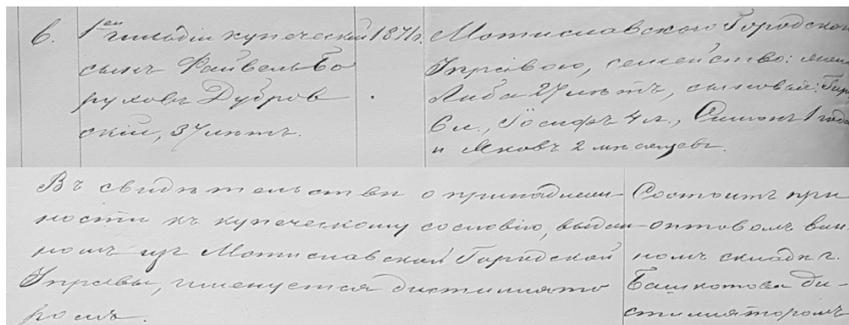
*Надгробный камень
Д.Н.Башкатова*

Мы побывали в Корытинке весной 2017 года и нашли тогда надгробный камень одного из предков Алексея Белова – Дмитрия Никаноровича Башкатова, хотя предполагалось, что здесь лежит его сын – Орест Дмитриевич.

Дистиллятор из Мстиславля и его работодатель

Собственно, именно **Орест Дмитриевич Башкатов** (Башкатов – так иногда писалась его фамилия – А.П.) был первым из дворян этого семейства, с кем я невольно познакомился в ходе одного из своих архивных поисков. Произошло это не совсем обычно. Я тогда изучал документы, связанные с революционером Иосифом Дубровинским, – «**Список евреев, проживающих в городах и уездах Орловской губернии (31 августа 1881-13 апреля 1882 – Государственный архив Орловской области, ф.4, ед.хр.6036 – А.П.)**».

Дело в том, что отец революционера Дубровинского, 1-ой гильдии **купеческий сын Файбель Барухов сын Дубровский** (это не описка и не ошибка, именно такую фамилию, носил он тогда – А.П.) поселился в 70-ые годы XIX века в Малоархангельском уезде. Мне удалось обнаружить в архивном документе любопытные подробности о семействе будущего революционера.

Запись в списке евреев Орловской губернии о Файбеле Дубровском и его семье

Прибыли Дубровские на Орловщину в 1871 году из города Мстиславля (тогда – в составе Могилёвской губернии Российской империи, ныне – Могилёвская область в Белоруссии – А.П.), небольшого городишка, в котором из 8 с небольшим тысяч жителей более 5 тысяч составляли евреи. Недавно женившийся Файбель в поисках работы покинул тогда родные места. Сам ли он так удачно нашёл себе работодателя, или ему кто помог в этом деле, но судьба свела местечкового еврея из Могилёвской губернии с русским дворянином Орестом Башкатовым. Ореста Дмитриевича привлекло то, что 27-летний на тот момент Дубровский оказался «дистиллятором» со стажем (вид деятельности был прописан в паспорте Файбеля Баруховича, или Фёдора Борисовича, как его стали звать здесь, и как он сам предпочитал, чтобы его звали, хотя вплоть до своей смерти Дубровский оставался приверженцем иудаизма – А.П.).

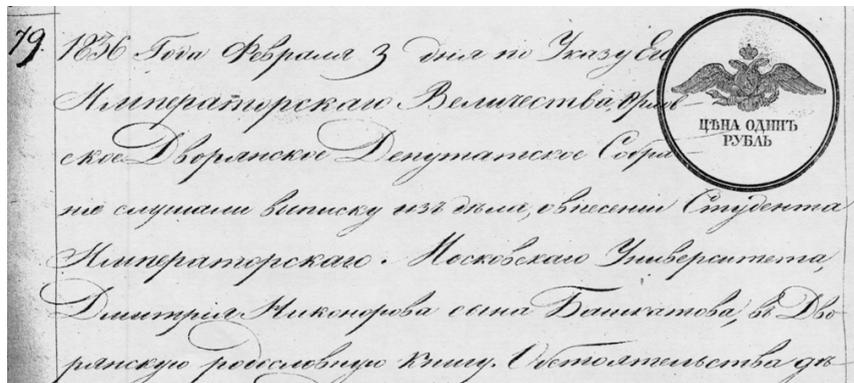

К сожалению, **Фёдор Борисович Дубровинский** (когда произошло изменение в фамилии – неизвестно, но все дети уже писались, как «**Дубровинские**» – А.П.) последние несколько лет тяжело болел, но Орест Башкатов вошёл в положение многодетной семьи и не только не уволил своего опытного и верного работника, а сохранил ему зарплату как главному дистиллятору и принял на винный склад в Покровское ещё одного специалиста – в качестве его помощника.

Вскоре после рождения Якова, четвёртого сына, Фёдор Борисович Дубровинский скончался. И вдова его, оставшись с четырьмя несовершеннолетними (от года до восьми лет) детьми, навсегда покинула Малоархангельский уезд. Кстати, уже после смерти главы семейства Дубровинские приняли православие. Переселись ли позже их пути и орловского дворянина Башкатова – не известно.

Из Ельца – в Ливенский уезд

А теперь – после вступительной истории, несколько слов, собственно, о Башкатовых. Слишком глубоко в прошлое я забираться не буду, начну с конца XVIII века. Никанор Иванович Башкатов, родной дед владельца винокуренного завода, происходил из орловских дворян города Ельца. В июле 1792 года он начал военную карьеру, поступив рядовым в Царицынский гарнизон. Дослужившись до сержанта, перевёлся в марте 1795 года в Казанский мушкетёрский полк, в котором довольно быстро поднялся по нескольким офицерским ступенькам – от прапорщика до штабс-капитана к концу 1803 года.

Фрагмент протокола о причислении Д.Н. Башкатова к дворянскому роду

Не довелось Никанору Башкатову за 10 лет военной карьеры повоювать, и в походах он не был. По этой или по какой иной причине, но посчитал штабс-капитан этого вполне достаточным и решил перейти на службу гражданскую («к статским делам»), что и произошло «по Высочайшему Его Императорского Величества приказу, отданному в 28-ой день декабря того 1803 года», и последующему указу об отставке, который подписал 16 февраля 1804 года шеф Казанского мушкетёрского полка, генерал-майор Мейер.

Поселился Никанор Иванович Башкатов в имении своём в Ливенском уезде. Его единственный сын Дмитрий закончил Московский университет, но, получив чин коллежского регистратора, провёл на гражданской службе чуть более трёх лет, после чего занялся хозяйственными делами в сельце Татарский Брод, доставшемся ему после смерти отца, которая по неизвестной пока причине произошла вдали от этих мест. Согласно информации, на которую Алексею Белову во время его исследований удалось наткнуться на нескольких историко-генеалогических веб-сайтах, «*Башкатов Никанор Иванович (1778 – 12.12.1834) – штабс-капитан. Похоронен в сл. Алексеевка Старобельского уезда*» (теперь это село, расположенное на территории Луганской области Украины. К сожалению, на сегодняшний день попытка найти захоронение предка представляется Алексею технически сложным и неоправданно рискованным предприятием, так как данная местность находится в зоне конфликта между вооружёнными силами Украины и ополченцами Луганской Народной Республики, но это, тем не менее, остаётся в планах на будущее – А.П.).

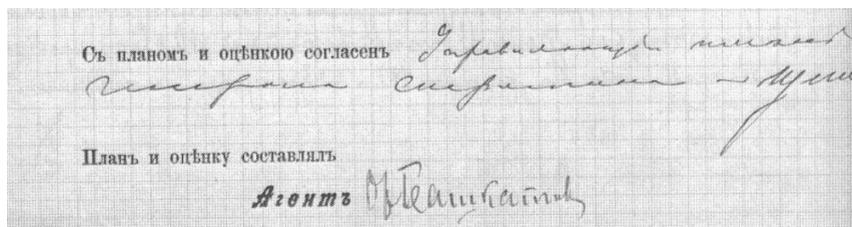
Дмитрий Никанорович оказался хорошим хозяином и примерным семьянином. Имение приносило стабильный доход, а любимая супруга, Варвара Ивановна, родила ему четырёх сыновей и четырёх дочек.

Коммерсант, агент по страхованию и любитель музыки

Орест Дмитриевич Башкатов, с которого я начал это повествование, был пятым по старшинству ребёнком дружного помещичьего семейства. Родился он 10 ноября 1850 года, получил вначале домашнее, а потом и вполне достойное образование в Орловской мужской гимназии. Имелось ли у него высшее образование – сведений нет, но знаний ему точно хватало в самых разных областях. Первое время, как ты, читатель, уже знаешь, в 30-летнем возрасте, Орест Башкатов занимался производством и продажей спиртных напитков. Но, женившись в конце 1881 года на представительнице известного дворянского рода Скарятиных, Варваре (самой младшей дочери трёхкратного предводителя дворянства Малоархангельского уезда Дмитрия Яковлевича Скарятин – А.П.), он постепенно отошёл от виноделия, переквалифицировавшись в страховые агенты по линии земского страхования. Именно Орест Дмитриевич в 1902 году составлял и подписывал страховые документы, включавшие планы, описания и оценку строений, принадлежавших генерал-лейтенанту Владимиру Владимировичу Скарятину в селе Троицкое, о чём я рассказывал в главе, посвящённой родовой усадьбе Скарятиных.

Орест Башкатов

Фрагмент страхового документа В.В.Скарятина с подписью О.Д.Башкатова

С начала XX века, после официального расторжения брака с Варварой, совершённого Орловской Духовной Консисторией «с дозволением Варваре Дмитриевне ныне же вступить в новое супружество», и вплоть до 1917 года Орест Дмитриевич Башкатов жил постоянно в Карачеве, где был очень популярен и авторитетен в своей сфере деятельности. Попутно он участвовал и в общественной деятельности, занимал в разные годы должности старшины и даже председателя Карачевского коммерческого собрания. По всей видимости, имелся у него музыкальный слух и опыт в этом деле, поскольку в 1907 году Орест Дмитриевич избирался секретарём Карачевского музыкально-драматического общества. Как сложилась его судьба после 1917 года – неизвестно.

У супругов Башкатовых до их развода родилось шестеро детей. Одна из дочерей, Татьяна Орестовна (в замужестве – Головина) – это родная прабабушка Алексея Белова. Кстати, муж Татьяны Григорий являлся представителем очень известного в городе Ливны и его окрестностях купеческого рода Головиных, как владевшего своими мельницами, так и арендовавшего их у других собственников. Так вот, родители Григория, Георгий Фёдорович и Ольга Ивановна Головины, арендовали мельницу на реке Труды в селе Красное у двоюродного дяди Татьяны, Владимира Владимировича Скарятина, а её страховани-

Татьяна Орестовна с матерью Варварой Дмитриевной Башкатовой (Скарятиной)

ем занимался как раз отец Татьяны Орест Дмитриевич Башкатов. Наверное, именно благодаря этим интересным взаимосвязям (найденным в страховых делах, хранящихся в фондах ГАОО – А.П.) молодые люди встретились и полюбили друг друга.

Татьяна Орестовна обучалась в начале XX века в Орловском Александринском институте благородных девиц, о чём свидетельствует замечательный, очень профессионально для того времени сделанный выпускной фотоальбом,

хранящийся в семейном архиве. Благодаря Тамаре Григорьевне Головиной, дочери Татьяны Орестовны и Григория Георгиевича, и, соответственно, бабушке Алексея, он получил в наследство не только рассказы о своих предках, но и фотоальбомы, на которых навечно запечатлены лица дворян Башкатовых. Несколько снимков я предлагаю твоему вниманию, читатель.

Обложка выпускного альбома Т.О.Башкатовой и лист с её фото (вторая слева)

Обложка семейного альбома Т.Г.Головиной и лист со Скарятинными и Башкатовыми

Листы из семейного альбома Т.Г.Головиной с Г.Ф., О.И. и Г.Г.Головиными

Орловские дворяне Башкатовы (часть вторая)

Представь себе, уважаемый читатель, что фантастическая машина времени занесла тебя вдруг в губернский город Ливны 1904 года, и ты прогуливаешься пешком по одной из четырёх его основных улиц – Казанской. Доходишь до пересечения её с Елецкой улицей, и открывается перед тобой солидный двухэтажный каменный дом под №27.

Как жили ливенские нотариусы...

И только начинаешь ты рассматривать всё это сооружение, как открываются вдруг со двора ворота, из которых выходит прилично одетый пожилой мужчина, вежливо здоровается и, видя твой интерес, приглашает к себе в гости (странно конечно, первого встречного, и в гости, но не забудь, что это, всё-таки, фантастическое путешествие – А.П.).

Мужчина представляется: «**Ливенский нотариус Константин Дмитриевич Башкатов**» и проводит для тебя экскурсию сначала по дому, так тебя заинтересовавшему, а потом рассказывает и обо всех остальных строениях большой усадьбы.

Дом у Константина Дмитриевича только снаружи казался полностью каменным. А на самом деле он был построен как смешанный: первый этаж – из кирпича, а второй – деревянный, но обложен красным кирпичом. В здании имелось семь больших жилых комнат, оклеенных хорошими обоями. Отапливался дом тремя голландскими печами и камином. Резные деревянные лестницы с первого на второй этаж и стеклянная галерея имели не только прикладное назначение, но и являлись украшением здания.

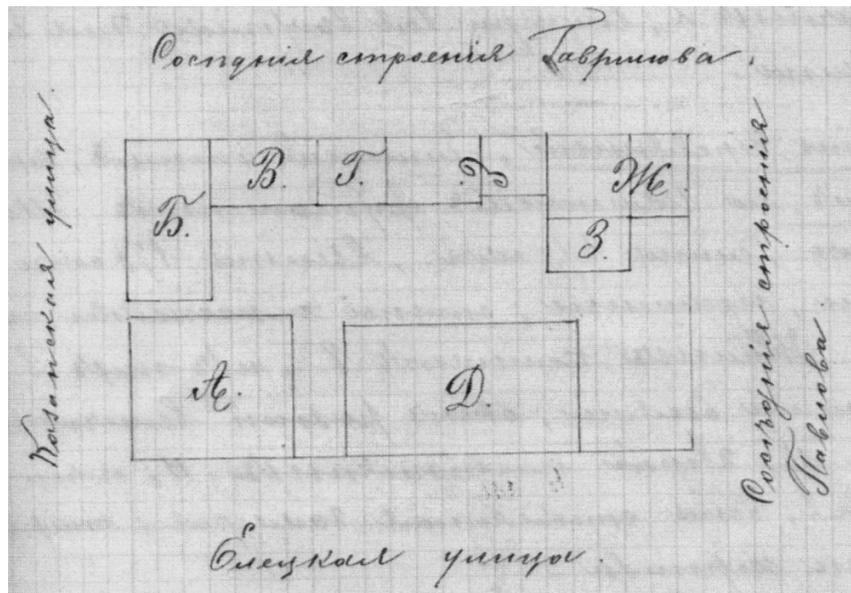
Рядом, во дворе, размещался у Башкатова ещё один каменный, одноэтажный, но с подвальным этажом, дом на 8 жилых комнат с кухней. А если к ним прибавить деревянный флигель (мы привыкли этим словом называть пристройку к основному зданию, но в дореволюционные годы под «флигелем» имели в виду дом меньшего размера, расположенный во дворе главного строения – А.П.) тоже из 8 комнат и со стеклянной галереей, то ты, читатель, оценишь владения ливенского нотариуса как небольшой гостиничный комплекс.

В нём имелось всё необходимое не только для проживания, но и обслуживания: отдельно стоящая кухня, ледник, сарай, конюшня и амбары. Жаль только, что Константин Дмитриевич не рассказал тебе – действительно ли он использовал свои строения для приёма гостей на коммерческой основе или он просто жил «на широкую ногу» с женой, Софией Николаевной, и пятью своими детьми.

Кроме перечисленной недвижимости на пересечении Казанской и Елецкой улиц, у семьи Башкатовых в Ливнах имелось и ещё одно усадебное место – на Солдатской улице, где располагались дом, кухня, коровник, конюшня и ка-

ретный сарай. Лошадьми в те годы в городах удивить было трудно: как-никак, основное средство передвижения, а вот коровы, принадлежащие нотариусу – это, конечно, вызывало изумление.

Ну а теперь, уважаемый читатель, я вернусь вместе с тобой из нашего приятного путешествия – в современность и, на всякий случай, уточню, хотя ты и сам, наверное, догадался, что владелец многочисленных строений в Ливнах – родной брат дворянина Ореста Дмитриевича Башкатова, о котором я рассказал в предыдущем очерке.

Фрагмент страхового документа К.Д.Башкатова с планом строений

Губернский секретарь К.Д.Башкатов, проживая в собственном доме по улице Елецкой, с 1900 по 1911-ый год исполнял обязанности ливенского нотариуса (в иные годы – единственного, но чаще их было двое на двадцатидвухтысячный город – А.П.). Судя по всему (и тому, с чем ты, читатель, познакомился во время экскурсии – А.П.), Константин Дмитриевич был квалифицированным и успешным специалистом в своей сфере деятельности. Его хорошо знали, и к нему часто обращались в случае необходимости многие жители города и уезда. Услуги, естественно, были платные, и состояние нотариуса Башкатова росло. Сам ли он покинул прибыльное место или был вынужден сделать это по возрасту (в 1911-ом году ему исполнилось 67 лет – А.П.) – история умалчивает, как и о том, где и когда закончил Константин Дмитриевич свой жизненный путь...

Попечитель школы и Почётный мировой судья

Вторым по старшинству из сыновей Дмитрия Никаноровича Башкатова был Иван (он родился 14 сентября 1848 года – А.П.). Так получилось, что не старший, Константин, а именно он стал владельцем имения в сельце Татарский Брод после смерти отца, которому до отмены крепостного права принадлежало там полторы сотни крепостных крестьян.

Иван Дмитриевич стал успешным сельским хозяином, успевал он заниматься благотворительностью и общественной деятельностью. В память об отце Дмитрии Никаноровиче Башкатове, первом попечителе двухклассной Министерства народного просвещения школы в селе Корытенка Ливенского уезда (приходское село – А.П.), он продолжил это благородное дело. В те годы должность «попечитель» обязательно налагала существенные материальные обязанности, в данном случае, по содержанию школы, которая была построена не столько на деньги государства, сколько на средства благотворителя Дмитрия Башкатова, почему и получила почётное название – Дмитриевская.

Земскія школы.

Двухклассныя М. Н. П. училища: Барановская—Попечитель—над. сов. Ив. Кирил. *Мишинъ*, законоуч.—свящ. Ив. Вас. *Горюховъ*, учит.:—Пав. Алекс. *Жилкинъ*, Георг. Егор. *Якушинъ* и Валент. Ив. *Нецвѣтаева*. Дмитриевское—Попечит.—Ив. Дм. *Башкатовъ*, за-

Фрагмент адрес-календаря Орловской губернии с упоминанием И.Д.Башкатова

Школа была большая, с пятью учителями и более чем сотней учеников, и на снабжение её школьно-письменными принадлежностями надворный советник Иван Дмитриевич Башкатов ежегодно выделял определённую сумму.

Пользовался он также авторитетом у соседей-дворян, поэтому был избран в 1905 году Почётным мировым судьёй Ливенского уезда и занимал эту должность вплоть до 1910 года (работа ответственная, но не оплачиваемая, поэтому заниматься ею мог только человек, материально обеспеченный – А.П.). Женат Иван Дмитриевич не был и наследников не оставил.

Скончался И.Д.Башкатов во время своего нахождения в Германии 1 мая 1910 года, похоронили его на православном кладбище Тегель в Берлине. Как судьба «занесла» ливенского помещика в иноземные края – история пока умалчивает.

Другие дети Дмитрия Никаноровича

Из протоколов о сопричислении детей Дмитрия Никаноровича Башкатова к дворянскому роду от 1856 года (ГАОО, ф.68, оп.1, ед.хр.33, листы 97 и 123 с оборотами) и из записей во второй части дворянской родословной книги Орловской губернии от 1856 и 1861 годов (ГАОО, ф.68, оп.1, ед.хр.58, листы 13(об.), 14, 19(об.) и 20), известно о том, что у Константина, Ивана и Ореста был ещё младший брат Виктор (1854 г.р.), а также четыре сестры: Суссана (са-

мая старшая из всех детей, 1843 г.р.), Наталья (1846 г.р.), Мария (1852 г.р.) и Анна (1853 г.р.). К сожалению, пока никаких других сведений об этих людях найти не удалось.

Директор Московской художественной школы

И закончить повествование об орловских дворянах Башкатовых я хочу рассказом о самом младшем из сыновей Ореста Дмитриевича – Николае. Он родился в 1899 году и не попал по этой причине в Алфавитный Указатель дворянских родов Орловской губернии, так что непонятно, получил ли он наследственное дворянство. О судьбе же Николая удалось узнать благодаря настойчивости Алексея Белова, нашедшего в альбоме своей бабушки его снимок, а потом сумевшего выяснить некоторые подробности биографии младшего Башкатова благодаря помощи Заслуженного художника Российской Федерации, Действительного члена Российской Академии Художеств М.Ю.Кугача.

Дело в том, что Михаил Юрьевич в 40-50-ые годы XX века учился в Московской средней художественной школе (ныне – Московский академический художественный лицей Российской Академии художеств – А.П.). И запомнились Кугачу только два преподавателя, одним из которых и был Николай Орестович Башкатов. Вот что известный художник вспоминал о нём уже в зрелые годы:

«Однажды Лидия Константиновна – она была нашим классным руководителем, – хорошая, замечательная женщина, очень добрая, в общем, душа-человек, говорит нам: "Сейчас к вам придет новый педагог по литературе и русскому языку". Ну а мы, хотя и учились во втором классе, хулиганистые были. Сидим, ждем. Шкодить собираемся. Входит высокого роста мужик с какими-то белесыми глазами чуть навывкате. Впечатляющая такая фигура. И вся охота шкодить пропала после первых же произнесенных им слов: "Я бывший белый офицер". Тут мы рты разинули, и – тишина в классе. А он, рассказывая о себе, дал понять, что какое-то время сидел где-то в лагерях... Никто позже никогда не спрашивал у него, где он был. "А теперь я работаю и буду вам преподавать русский язык и литературу". Не думаю, что он осознанно так тогда говорил, чтобы произвести впечатление, но, так или иначе, он добился своего и произвел впечатление неизгладимое. У нас потом не было желания шкодить на его уроках. Тем более, что он не признавал установленных учебных правил. Вел уроки по-своему. Подростки это чувствовали и уважали его за это. Он сначала был рядовым педагогом, а вскоре стал директором школы».

Николай Орестович Башкатов

В мастерской М.Ю.Кугача

Николай Орестович Башкатов остался в памяти всех его учеников суровым, справедливым и всегда готовым прийти на помощь и защитить. Когда однажды двух ребят начальство решило (за выдуманные проступки) исключить из учебного заведения, то единственный из преподавателей, кто заступился за них, был именно Николай Орестович. И такой поступок глубоко врезался им в души. Михаил Юрьевич Кугач в разговоре с Алексеем Беловым вообще признался, что считает его практически вторым отцом, человеком, который выделял его среди других однокашников, относился к нему с особенной теплотой и оказал очень сильное влияние на его становление как личности.

Через несколько лет после окончания школы Михаил Юрьевич вместе с несколькими друзьями решил навестить своего любимого учителя, но жена Николая Орестовича сообщила им горестную весть, что его уже нет в живых.

Н.О.Башкатов преподавал в Художественной школе с 1949 по 1957 год. Получается, что, покинув школу, он прожил очень недолго и умер на рубеже 1950-х – 1960-х гг.

Сельцо Татарский Брод (оно находится в Коньшинском сельском поселении современного Верховского района – А.П.) местные жители гораздо чаще и до сих пор называют Башкатово – да-да, в честь помещиков, которые владели им в XIX веке. В соседнем селе Корытенка (Рождественское тож, Васильевского сельского поселения Верховского района – А.П.), неподалёку от кладбища, где был похоронен Дмитрий Никанорович Башкатов, сохранилась ещё, хотя и в сильно пострадавшем виде, та самая бывшая Дмитровская двухклассная школа Министерства Народного Просвещения, попечителем которой он был долгие годы.

Панорама Дмитровской школы

«Выселить...»: Башкатовы после революции

Когда я впервые публиковал очерк о дворянах Башкатовых, то этим и закончил. Но прошло совсем немного времени, как появились новые данные. И сразу из двух источников: из фондов Государственного архива Орловской области и от появившихся новых потомков Башкатовых.

В «Протоколах заседаний комиссии по выселению бывших помещиков (18.09.1925-18.09.1926г., ГАОО, ф.р-1168, оп.1, ед.хр.7, на 48 листах)», в «Протоколе №4 заседания губернской комиссии по выселению бывших помещиков» от 7 октября 1925 года, в котором фиксировались материалы о выселении бывших помещиков по Ливенскому уезду, я обнаружил пункт, где:

«Слушали:

5. Башкатовы Яков, Николай и Мария Арестовичи, дворяне, до революции имели 900 десятин земли, проживали при с. Огорожено Жёрновской волости.

Постановили:

Выселить из занимаемой усадьбы, согласно Декрета о выселении бывших помещиков, так как хотя и один из Башкатовых служил в Красной Армии, но активного участия в борьбе не принимал».

Итак, в послереволюционные годы трое детей Ореста Дмитриевича Башкатова целых 8 лет ещё проживали в бывшем родовом имении, пока их оттуда силой не выпроводили.

А теперь, уважаемый читатель, о втором источнике, который нашёл благодаря интернету и моим публикациям на сайте «Мастера». На связь вышел город Энгельс Саратовской области: *«Меня зовут Наталья Николаевна Бородкина. И проживаю я в г.Энгельсе Саратовской области».* Наталья Николаевна просила у меня электронный адрес Алексея Белова как её родственника по одной из линий. Вот как она описала их родственную связь в последующем письме Алексею: *«Поводом для обращения стали, как я уже отмечала в послании А.М.Полынкину, его интернет-публикации по теме родословной истории орловских дворян Скарятиных и Башкатовых. Судя по всему, у нас (меня и моей сестры Ирины Николаевны) есть общие корни с Вашим семейством по линии нашей прауродительницы Варвары Дмитриевны Башкатовой и ее детей: Вашей прабабушки Татьяны Орестовны Головиной-Башкатовой и ее брата, нашего прадеда Якова Орестовича Башкатова».* Я, конечно же, такую возможность предоставил. Между потомками дворян Башкатовых развернулась активная переписка, плодами которой я сейчас и воспользуюсь, дословно цитируя отдельные выдержки из писем жительницы Саратовской области.

Яков Орестович Башкатов

Для начала приведу фрагмент из записанных Натальей Бородкиной воспоминаний её бабушки Ирины Никитичны (это конец 1970-х – начало 1980-х гг.) с описанием усадьбы Башкатовых и ее хозяйки. Итак: *"Бабка Варвара Дмитриевна была очень трудолюбива: зимой вязала одеяла, летом сушила яблоки. До революции она имела огромное имение – 500 десятин земли, большую усадьбу, 50 коров, лошадей, овец. Во время революции всё имущество было реквизировано, а усадьбу разгромили. Дом был большим, двухэтажным, с колоннами, балконами; перед домом – клумбы с цветами, аллеи деревьев. В стороне от дома стояли 8 амбаров, каменные конюшни, прачечная. Аллеи располагались по порядку: аллея сирени, аллея пионов, у дома аллея жасмина, дальше аллея елей (здесь росли грибы рыжики). За аллеями был ручей, орешник, вокруг сосны, молодой сад с крупными бергамотами. Росли берёзы, вишни, сливы. Всё было красиво, ухожено; за этим следил садовник Василий Иванович; он был низенького роста, его очень боялись все окрестные ребяташки. Около старого сада была саженка, где плавали утки и гуси. Вокруг было очень много родников"*.

А теперь второй фрагмент из ещё одного письма Натальи Николаевны, напрямую касающийся жизни и судьбы Варвары Дмитриевны Башкатовой (в девичестве Скарягиной) и её детей после её развода с мужем, Орестом Дмитриевичем. По семейным воспоминаниям, Варвара Дмитриевна после отъезда мужа из имения жила в гражданском браке с Осипом Игнатовичем Бернадом (или Бернардом – это требует уточнения – А.П.), управляющим её имения.

Далее цитирую: *«...В начале XX века сын Варвары Дмитриевны, Яков, связал свою судьбу с простой крестьянкой из Жёрновской волости Ливенского уезда, Ириной Захаровной (г.ж.1887-1964). С того момента они жили, как сейчас говорят, в гражданском браке, вплоть до 1926 года, когда их брак стал официальным (это состоялось уже в нашем Покровске, ныне Энгельсе). У Ирины и Якова родилось 5 детей – Яков, Харетинья, Ирина (наша бабушка), Надя и Серёжа. Харетинья и Серёжа умерли во младенчестве. Наша прабабушка, Ирина Захаровна, до связи с Яковом уже вышла замуж – за Никиту Александровича Фролова, который был намного старше ее, и за которого она была выдана родителями против ее воли. С Никитой Ирина Захаровна прожила всего полтора месяца (!), и жили они на станции Русский Брод. Затем Ирина Захаровна бросила мужа и ушла на жительство в село Огороженное, в поместье дворян Башкатовых. Нанялась работать коровницей, затем горничной в хозяйский дом. Здесь она и встре-*

Ирина Захаровна Фролова

тилась с Яковом. Их дети – Яков (1908 г.), Ирина (1911 г.) и Надежда (1914 г.) по отчеству были записаны как Никитовичи (по имени официального мужа прабабушки), хотя в нашем роду все всегда знали, что их подлинное отчество – Яковлевичи. Свою бабушку я буду именовать так, как мы привыкли – Ирина Никитична, всё остальное – семейные секреты. Кстати, Ирина Захаровна и ее дети жили не в поместье Башкатовых, а в деревне, поскольку, по словам бабушки, Варвара Дмитриевна "их не признавала и не считала своими".

От бабушки известно, что её отец и наш прадед Яков Орестович был образованным человеком. Он учился в военном училище. Известно также, что Варвара Дмитриевна любила Якова больше других детей, баловала его. По характеру Яков был очень добрым, имел весёлый нрав, быстро сходился с людьми. Сохранилась забавная семейная история: предположительно в послереволюционные 1920-е годы Яков Орестович работал учётчиком в местной сельской «артели» и однажды "со товарищи" отмечал какой-то "корпоратив"; все хорошенько "набрались" и по дороге домой прадед потерял свой рабочий портфель (со всеми деловыми бумагами и кучей денег!). Так вот этот портфель нашли посторонние люди и принесли ему домой – настолько он был в округе весьма известной и уважаемой личностью (согласитесь, что для нашего времени подобная история – почти сказка!).

Революционные события 1917 год очень многое изменили. Поместье Башкатовых было реквизировано, хозяева переселились в деревенский дом (чуть ли не "в конюшню"). Сестра Якова Орестовича, Мария Орестовна, вышла замуж за простого крестьянина – Василия Ефимовича Блиникова, что, видимо, и спасло ее от многих "революционных крайностей".

Варвара Дмитриевна Башкатова со своим гражданским мужем, Осипом Игнатовичем Бернадом (или Бернадом?) жили в доме её дочери – Марии Орестовны вплоть до 1921 года. Вначале ушла из жизни она, а через год и Осип Игнатович. Бабушка говорила, что похоронена она была ("вместе с дедом") в деревне Колчанка, рядом с Огороженным ("в Колчанке раньше было имение князей Голицыных").

До 1925 года семьи Якова и Марии проживали в деревне Огороженное (тут воспоминания как раз совпадают с вышецитированными «Протоколами заседаний комиссии по выселению бывших помещиков» – А.П.). Затем началась новая волна "реквизиций" (уже не по имущественному, а по сословному принципу). Всем "бывшим" было предписано покинуть губернию. В 1926 году прадед

Мария Орестовна Блиникова
(Башкатова) с мужем и сыном

Яков Никитич Фролов

приехал в Покровск (ныне Энгельс), купил здесь небольшой дом на улице Подгорной, а затем перевёз семью. Яков Орестович устроился работать бухгалтером-кассиром на местную "бесконную фабрику" и был для всех весьма уважаемым человеком. Увы, прожил Яков Орестович недолго. Он ушел из жизни в ноябре 1931 года (за несколько недель до рождения нашей мамы Зои Алексеевны), и умер, судя по всему, от чахотки (туберкулеза?). Роковое стечение обстоятельств – та же болезнь настигла и его сына Якова (ум. 1962 г.). Прадед Яков Орестович был похоронен на старом кладбище, которое снесли в начале 1960-х годов (сейчас здесь жилой массив). Но его могилку мы с сестрой помним – бабушка всегда водила нас с сестрой Ириной (нам было по

5-7 лет) на это кладбище и показывала могилу отца, наряду с захоронениями других родственников.

Прабабушка Ирина Захаровна прожила сложную жизнь, пережила Великую Отечественную войну, будучи в оккупации в Ставропольском крае с внучкой Галей (дочерью Надежды Никитичны), и фактически спасла ее от гибели: в начале 1943 года (накануне освобождения этих земель Красной Армией), вместе с другими людьми, немцы вывели их на расстрел – прабабушка чудом осталась жива, закрыв собой Галю. После войны прабабушка жила с дочерью Надеждой Никитичной и внучкой Галей в Энгельсе на улице Первомайской, недалеко от места, где жили в своем доме наши бабушка, дед и мама. Скончалась Ирина Захаровна в 1964 году, похоронена на нынешнем "старом" городском кладбище. В 2002 году мы с сестрой Ириной Николаевной установили на ее могиле хороший памятник (при случае вышлю фото). Вот такая история. Интересный момент – в нашем роду все называли прабабушку Ирину Захаровну "Старка" или "Старочка" (откуда это пошло – выяснить не удалось). А её имя – Ирина (так же, как Яков и Дмитрий) передавалось в нашем роду из поколения в поколение.

Надежда Никитична Фролова

Наша бабушка Ирина Никитична (по мужу Иващенко) была замечательной женщиной – трудолюбивой, доброй, отзывчивой, фактически – хранительницей нашего семейно-

го очага, а дед Алексей Петрович – его надеждой и опорой. Дед прошёл всю Великую Отечественную войну рядовым красноармейцем-санёром, за боевые заслуги награжден орденом «Красной Звезды» и медалями. Воспоминания о них у нас – самые тёплые и благодарные. Светлая им память!».

Ирина Никитична Иващенко (Фролова) с мужем и дочерью

Наталья Николаевна привела краткую справку и о двух старших детях Варвары Дмитриевны и Ореста Дмитриевича Башкатовых: Дмитриии (Мите) и Домнике. Вот, что она написала о них: «*моя бабушка Ирина Никитична всегда*

называла старшую сестру своего отца "тётёй Димой" (имя "Домника" вообще не упоминалось). По воспоминаниям бабушки (на момент их записи, т.е. в конце 1970-х – нач. 1980-х гг.), ещё до революции 1917 года "тётя Дима" вышла замуж за учителя Петра Ивановича Зеленина. Они жили в родовом имении матери – селе Пеньшино. У них было 6 детей...

Также по воспоминаниям бабушки известно, что старший сын Варвары Дмитриевны – Митя "умер молодым в 19-20 лет, еще до революции (у него болели ноги)". Именно Мите Ваша прабабушка Татьяна Орестовна написала в 1902 году свою фотографию (которая хранится в архиве Натальи – А.П.) – "дорогому Митичке" (так в источнике)».

Домника Орестовна Зеленина (Башкатова) (вверху справа) с мужем, дочерью и матерью Варварой Дмитриевной Башкатовой (Скарятиной)

Пожалуй, этими живыми воспоминаниями я теперь и закончу рассказ о судьбе семейства дворян Башкатовых, дополнив повествование несколькими фотографиями из двух семейных архивов.

В общем, уважаемый читатель, память о дворянах Башкатовых ещё теплится в орловских и не только краях.

**Приложение №1 к главе
«Скарятини: цареубийца, его предки, потомки и окружение»**

Метрические книги Троицкой церкви села Троицкое (Богословское) Малоархангельского уезда за 1783-1827 годы

ГАОО, ф.101, оп.1, ед.хр.2124 (на 242 листах)

1784 год

Об умерших

Л.4об.

Декабря 21 числа 1784 года

Умре гвардии капитан Фёдор Васильев по христианской должности, 35 лет (выше он назван гвардии капитан Фёдор Васильев сын Скарятин)

1802 год

О родившихся

Л.71об.

№30

17 сентября 1802 – Дворовая девица Ксения Артемьева родила дочь незаконнорожденную Софию, крещена, восприемницею была помещица Аграфена Фёдорова Скорятинна

1803 год

Об умерших

Л.76об.

№11

28 июня 1803 года – умре помещик Василей Фёдоров сын Скорятин – 23 года

О родившихся

Л.105

№35

26 сентября 1809 – деревни Лимовой у помещика ротмистра Егора Емельянова сына Семенихина сын Димитрий, крещён того ж числа, восприемником был села Троицкого господин Полковник Яков Фёдоров сын Скорятин.

1810 год

О родившихся

Л.110об.

№32

28 октября 1810 года – деревни Лимовой у помещика ротмистра Егора Емельянова сына Семенихина сын Димитрий, крещён того ж числа, восприемником был села Троицкого господин Полковник Яков Фёдоров сын Скорятин.

**1811 год
О родившихся**

Л.117

№18

30 августа 1811 года – Онаго ж Господина Скорятина в управителя Ивана Климова сын Александр, крещён того ж числа, **восприемником был Господина Полковника Якова Фёдорова сына Скорятина сын Фёдор Яковлев (ему – 5 лет)**

О бракосочетавшихся

Л.119

№6

3 февраля 1811 года – господина полковника Якова Фёдоровича Скорятина вольноотпущенный дворовый человек Иван Климов сын Каханов принял англичанку Марью Барисову, обоим первым браком. Поручители по женихе онаго господина дворовые люди Семён Николаев, Иван Силаев, Василий Фёдоров, Тимофей Леонов, кои и к обыску подписались (этот Иван Климов Коханов был управителем имения Якова Скарятинна – А.П.)

Об умерших

Л.119об.

№13

27 марта 1811 года – Господина Якова Фёдоровича Скарятинна дочь Анастасия – 1

**1813 год
О родившихся**

Л.127

№14

16 июня 1813 – деревни Лимовой у помещика ротмистра Егора Емельянова сына Семенихина родился сын Тихон, **восприемником был полковник Яков Фёдорович Скорятин.**

**1821 год
О бракосочетавшихся**

Л.179об.

№6

15 сентября 1821 года – села Троицкого Господин по Министерству Внутренних дел коллежский советник и кавалер Андрей Петров Римский Корсаков второбрачно сочетался с Малоархангельской округи села Троицкого Господина Скарятинна воспитанницею девицею Софией Васильевою. При браке были поручители: по жениху – полковник и кавалер Яков Фёдорович Скарятин, граф Михаил Юрьев Велегурский; по невесте – из дворян

Николай Петров Киреевский, гвардии ротмистр, и кавалер Михаил Юрьев, кои к обыску и подписались с причтом.

1822 год

Часть первая, о родившихся

Л.186

№44

В июле месяце

25/30 июля 1822 года

У служащего по Министерству Полковника и Кавалера Андрея Петровича Римского-Корсакова родился сын Иоанн, крещён, воспитанником был полковник и кавалер Яков Феодоров Скорятин.

Л.186об.

№56

29/30 августа 1822 года – села Троицкого у священника Илариона Андреева родился сын Александр, крещён, **воспитанником был кавалер Яков Скарятин.** Совершил сию тайну крещения Ливенской округи села Покровского-Речица священник Александр Трудковский.

1822 год

Об умерших

Л.190об.

№37

16 октября 1822 года – Скорятин, вдова села Троицкого Феодосия Герасимова, умре с покаянием и погребена по христианскому долгу, 101 год.

1823 год

О родившихся

Л.194

№29

20/23 июня 1823 – Господина Скарятин у дворового человека Павла Иванова родилась дочь Агрипена, **при крещении воспитанницей была полковница Наталия Скорятин.**

1825 год

О бракосочетавшихся

Л.217об.

№10

1 июля 1825 года – Псковского Кирасирского Полка поруччик Николай Иванов сын Тевятов (35 лет) первоначально сочетался с девицею Орловской губернии Малоархангельской округи села Троицкого Господина Полковника и Кавалера Якова Феодоровича Скорятин воспитанницею из дворян Александрю Васильевою (24 года). При браке были поручители по жениху и

невесте: полковник и кавалер Яков Феодоров сын Скорятин, штабс-ротмистр Павел Иванов сын Тевятов, гвардии прапорщик Николай Киреевский, кои и обыск подписали.

1826 год

О родившихся

Л.223об.

№31

26/26 апреля 1826 – у священника Илариона Иоаннова родились близнецы Василий и Симеон, крещены, **восприемники были Господина Полковника и Кавалера Якова Фёдоровича Скорятина дети Владимир и Александр.**

Л.224

№45

24/24 июня 1826 – села Троицкого пономаря Петра Раевского родился сын Иаков, **восприемником был Господин Яков Фёдоров сын Скарятин (Василий умер 18 июля 1826 года)**

Л.226

№101

2/2 декабря 1826 – села Троицкого Господина Скарятина дворового человека Ивана Силаева родился сын Андрей, **восприемником был оного Господина сын Владимир.**

1827 год

О родившихся

Л.233об

№27

9/9 марта 1827 – Обер-шерга Государственного дворца, ДСС и разных орденов кавалера графа Григория Ивановича Чернышева дворового его человека Никифора Васильева родился сын Александр, **восприемником был полковник Яков Фёдоров сын Скарятин.**

№95

14/14 октября 1827 – господина подпоручика Александра Васильева Боуршмета родилась дочь Евдокия, **восприемницею была полковница Наталия Григорьева дочь Скорятина.**

О бракосочетавшихся

Л.239об.

№16

6 ноября 1827 – Орловской округи села Тагина графа Григория Чернышова дворовый человек Тихон Степанов (25 лет) первобранно сочетался Малоархан-

гельской округи села Троицкого Господина Скорятина дворовой девицею Настасьей Пахомовою (20 лет), **при браке поручитель был по жениху и невесте упомянутой Господин Скорятин, которой и подписал обыск.**

Метрические книги Троицкой церкви села Троицкое (Скарятин) Мало-архангельского уезда за 1836-1839 годы

ГАОО, ф.220, оп.2, ед.хр.862 на 110 листах)

(на 110 листах)

1836 год

О родившихся

Л.6

№26

18 июня 1836 – господина Скарятин дворового человека Спиридона Осипова от жены его Варвары Павловой сын Тихон.

Восприемниками были господина Скарятин сын его Александр Яковлев и помещица Раиса Фёдорова.

Л.6об.

№30

2 июля 1836 – города Ельца купца Дмитрия Иванова Селиванова от законной жены его Пелагеи Васильевой – дочь Ольга

Восприемники: полковника Якова Фёдорова Скорятин сын Николай и полковника жена Наталия Григорьева.

Л.9об.

№49

16 октября (шестого на десять числа) 1836 – села Троицкого дворового человека Афанасия Андреева от жены его Ксении Захаровой родился сын Андрей.

Восприемники были: Г.Скарятин сын Димитрий Яковлев и жена Наталия Григорьева.

1837 год

О родившихся

Л.26

№37

30 июля/30 1837 – села Троицкого помещика Скорятин у дворового Афонасия Денисова от законной жены его Натальи Ивановой дочь Алимпиада.

Восприемники: помещика Скорятин сын Владимир и генерала Андрея Петрова Корсакова-Римского жена София Васильева.

Л.26

№38

1/2 августа 1837 года – у помещика поручика Александра Васильева Боуршмидта от законной жены его Екатерины Егоровой дочь Екатерина.

Поручители: полковника и кавалера Якова Феодорова Скорятина сын Николай и его же жена Наталья Григорьева.

Л.26об.

№40

20 августа/22 1837 – села Троицкого помещика Скорятина у дворового Петра Авксентиева от законной жены его Акилины Ирадионовой дочь Наталья.

Восприемники: господина полковника и кавалера Якова Феодорова Скорятина сын Димитрий и жена его Наталья Григорьева.

Л.26об.

№43

2 сентября 1837 – села Троицкого помещика Скорятина у дворового Сергея Ананьева от законной жены его Елены Ивановой дочь Марфа.

Восприемники: полковника и кавалера Якова Феодорова сын Николай и жена его Наталья Григорьева.

1838 год

О родившихся

Л.39

№1

1/3 января 1838 – из дворян у домашнего учителя Высочайшего постановления Российского языка Прокофия Захарова Безпалова и законной жены его Настасьи Ивановой сын Василий.

Восприемники: полковник и кавалер Яков Феодоров Скорятин и Тульской губернии Новосильского уезда помещика полковника Александра Темерязева дочь девица Екатерина.

О бракосочетавшихся

Л.55об.-л.56

№11

15 июля 1838

Жених – Английский подданный сын Сандерсон Ришард Ришардов протестантского исповедания, служащий в доме господина Якова Фёдоровича Скарятин, первым браком, 40 лет.

Невеста – вывезенная из киргизских степей Раиса Фёдорова Авесова, православного исповедания, жительствующая в доме Господина Якова Фёдоровича Скарятин, первым браком, 32 года.

Таинство совершил села Троицкого священник Иларион Иванов Андреев с диаконом Василием Островым и причетником Сергеем Раевским.

Поручители: по жениху – полковник и кавалер Яков Фёдоров сын Скарятин, действительный статский советник и кавалер Андрей Петров Римский-Корсаков; по невесте – ливенский помещик майор Григорий Евгениев сын Лавров, Двора Его императорского Величества камер-юнкер коллежский секретарь Владимир Яковлев сын Скарятин.

1839 год
О родившихся

Л.74об.

№20

9 июня 1839 – Ольга

Родители: Английский подданный Ирадион Ирадионон Сандерсон, протестантского исповедания, и законная его жена Раиса Фёдорова дочь Авесова, православного вероисповедания.

Восприемники: Г.Якова Фёдоровича Скорятин сын Николай Яковлев, одного жена Наталия Григорьева Скарятинна.

Метрические книги Троицкой церкви села Троицкое (Скарятинна) Мало-архангельского уезда за 1840 – 1842 годы
ГАОО, ф.220, оп.2, ед.хр.863 (на 129 листах)

1840 год
О родившихся

Л4об.-л.5

№15

9/11 апреля 1840 – Василий

Родители: полковника Якова Фёдоровича Скорятин дворовый человек Петр Авксентиев и законная жена его Акилина Иродионова.

Восприемники: помещика полковника и кавалера Якова Феодоровича Скорятин сын Дмитрий Яковлев и жена его, полковника, Наталия Григорьева.

1841 год
О родившихся

Л.46об.-л.47

№21

27/29 апреля 1841 – Пелагея

Родители: помещика Скарятин дворовый человек Сергей Афанасьев и законная жена его Елена Иванова.

Восприемники: помещика полковника и кавалера сын Дмитрий Яковлев и действительного статского советника и кавалера Андрея Петровича Римского-Корсакова жена София Васильева.

1842 год
О родившихся

Л.87об.-л.88

№6

3/10 февраля 1842 – Анна

Родители: села Троицкого священник Андрей Петров сын Бунин и законная жена его Мария Иларионова.

Восприемники: помещик полковник и кавалер **Яков Феодорович Скорятин** и С-Петербургского мещанина Абрама Ефимова Добровольского жена София Петрова.

№8

8/11 февраля 1842 – Феодор

Родители: помещика Скорятин дворовый человек Понтелеймон Авксентиев и законная жена его Мавра Антонова.

Восприемники: села Троицкого помещик **Дмитрий Яковлевич Скорятин** и С-Петербургского мещанина Абрама Ефимова Добровольского жена София Петрова.

Метрические книги Троицкой церкви села Троицкое (Скарятин) Мало-архангельского уезда за 1843-1844 годы
ГАОО, ф.220, оп.2, ед.хр.864 (на 92 листах)

1843

О родившихся

Л.1об.-л.2

№2

17/18 января 1843 – Дмитрий

Родители: помещика Скарятин дворовый человек Спиридон Иванов и законная жена его Домника Прокофиева.

Восприемники: помещик полковник и кавалер **Яков Фёдоров Скарятин** и Санкт-Петербургского мещанина Абрама Ефимова Добровольского жена София Петрова.

Л.13об.-л.14

№27

16/19 августа 1843 – Александр

Родители: помещика Скарятин дворовый человек Иван Павлов и законная жена его Татяна Прокофиева.

Восприемники: гвардии поручик **Николай Яковлев Скорятин** и дворового человека Спиридона Иванова жена Домника Прокофиева.

1844 год

О родившихся

Л.52об.-л.53

№12

1/3 мая 1844 – Иаков

Родители: села Троицкого помещика полковника Якова Феодоровича Скарятин дворовый человек Спиридон Иванов и законная жена его Домника Прокофиева.

Восприемники: села Троицкого помещик полковник и кавалер **Яков Феодорович Скарятин** и Петербургского мещанина Абрама Ефимова жена София Петрова.

Л.56об.-л.57

№26

8/11 июня 1844 – Агрипина

Родители: села Троицкого помещика полковника Скарятин дворовый человек Феодул Истратьев и его законная жена Екатерина Иларионова.

Восприемники: помещик полковник и кавалер Яков Феодоров Скарятин и его дворового человека Спиридона Иванова жена Домника Прокофиева.

Л.67об.-л.68

№49

24/30 сентября 1844 – Неонила

Родители: священник села Троицкого Феодор Казанский и законная жена его Анфиса Гаврилова.

Восприемники: полковника Якова Фёдоровича Скарятин сын Дмитрий Яковлев и Наталья Григорьева Скарятин

О бракосочетавшихся

Л.70об.-л.71

№1

12 января 1844 года

Жених – Его Императорского Величества Камер-юнкер, надворный советник и кавалер Владимир Яковлев Скарятин, православного вероисповедания, первым браком, 33 года.

Невеста – Санкт-Петербурга Действительного статского советника, камергера и кавалера, князя Павла Алексеевича Галицына дочь княжна Мария Павлова Галицына, православного вероисповедания, 18 лет.

Поручители – по жениху: помещик, полковник и кавалер Яков Фёдоров Скарятин и флигель адъютант полковник Григорий Яковлев Скарятин; по невесте – гвардии штаб-капитан Сергей Павлов Галицын и коллежский секретарь князь Николай Павлов сын Галицын.

Венчал священник Николай Алексеев сын Аполлонов

Метрические книги Петропавловского кафедрального собора за 1848-1850 годы

ГАОО, ф.220, оп.2, ед.хр.1642

1849 год

Часть третья – Об умерших

Л.123об.-л.124

№85

8/9 декабря 1849 – малоархангельский помещик Иаков Феодоров Скарятин, 85 лет, от преклонных лет.

**Исповедовал и приобщал ключарь Протоиерей Павел Покровский.
Кто совершал погребение и где погребён
Священник Алексей Богословский с диаконом Афанасием Азбукиным и
звонарём Александром Поповым?
В селе Троицком-Скарятине Соборне.**

Метрическая книга Троицкой церкви села Троицкое (Скарятино) Малоархангельского уезда за 1905 год
ГАОО, ф.101, оп.2, ед.хр.3430 (на 50 листах)

О бракосочетавшихся

Л.32об.-л.33

№12

9 ноября 1905

Жених – Подольской губернии Проскуровского уезда Юринецкой волости села Юринец крестьянин Самуил Тихонов Пронь, православного исповедания, первым браком, 28 лет.

Невеста – деревни Лимовой крестьянка девица Татяна Родионова Корогодина, первым браком, 17 лет.

Поручители: по жениху – генерал-лейтенант Владимир Владимирович Скарятин и Харьковской губернии Кунянского уезда Тарасовской волости крестьянин Зиновий Николаев Бедусенко; по невесте – деревни Лимовой крестьяне: Иван Родионов Корогодин и Василий Евдокимов Корогодин.

Метрическая книга Троицкой церкви села Троицкое (Скарятино) Малоархангельского уезда за 1914 год
ГАОО, ф.101, оп.2, ед.хр.3433 (на 48 листах)

О родившихся

Л.9об.-л.10

№22

17/25 марта 1914 – Алексей

Родители: Каменец-Подольской губернии Проскуровского уезда села Юринецкого крестьянин Самуил Тихонов Пронь и законная жена его Татьяна Родионова.

Восприемники: местный священник Иоанн Иоаннович Тихомиров и графиня Ирина Владимировна Келлер (в девичестве – Скарятинна, дочь генерала Владимира Владимировича Скарятинна – А.П.).

Приложение №2

Николай Скарятин

«Из воспоминаний молодости»

(журнал «Русский архив», 1893 год. №5, стр.18-22)

В 1840 году гвардейским корпусом командовал великий князь Михаил Павлович. Он был человек крайне вспыльчивый и за самое небольшое упущение по службе или неисправность в форме одежды взыскивал чрезвычайно строго. Взгляд у него до того был наметан, что, едучи в экипаже, он тотчас замечал малейшее отступление от формы в проходящем по тротуару офицере или нижнем чине, даже нечаянно расстегнувшуюся пуговицу или крючок. Когда он распекал, то терпеть не мог, чтобы ему отвечали; но в обыкновенном разговоре любил ловкий, удачный ответ, хотя бы иногда и резкий. Великий князь имел обыкновение ходить или ездить для того, чтобы изловлять неисправности караульных или дежурных офицеров, а также упущения в форме одежды, в отдании чести и проч. Прогулки эти продолжались долго, и великий князь в эти дни возвращался во дворец очень поздно. А между тем он был очень добр, никогда не отказывал, в чём мог помочь, и всякий гвардейский офицер мог к нему обращаться по своему личному делу в определённые на то часы и принимался совершенно частно, через камердинера, в кабинете. Бедным молодым людям, которые выходили в офицеры из кадетских корпусов и были известны великому князю с хорошей стороны, он помогал в обмундировке; бывали и такие, которым он ежегодно оказывал пособие. Не ошибаясь, можно сказать, что его чрезвычайная строгость и беспощадная взыскательность были отчасти напускные; они истекали из той основной мысли, что пусть за них его бранят как корпусного командира, но лишь бы не роптали на Государя. Он обожал своего августейшего брата и во всём был его первым верноподанным.

В то время, о котором я вспоминаю, юнкера принимались в гвардейские сапёры и конно-пионеры, в пешую и конную артиллерию. После двухлетней службы юнкерами, для производства в гвардию прапорщиками, саперы держали экзамен в Инженерном училище, в старшем офицерском классе (ныне – Николаевская Инженерная академия), а артиллеристы – в Артиллерийском училище. Не выдержавшие этих специальных экзаменов выходили в армейские полки по своему выбору. В остальных гвардейских полках тогда ещё юнкеров не было, а выпускались они из разных кадетских корпусов, Пажеского корпуса, Юнкерской школы, и только около половины 1840-ых годов стали принимать юнкеров во все гвардейские полки.

Юнкера, как нижние чины, носили мундиры и шинели из толстого сукна, суконный галстук, солдатские кивера и сабли; разница была лишь в том, что юнкера не могли носить усов и, выходя на улицу, должны были быть при сабле и в кивере, солдаты же – без оружия и в фуражке. Юнкерам воспрещено было ездить в экипажах, и как солдаты, они должны были ходить пешком; театры, балы и вообще все общественные собрания им строго запрещено было посещать. Почти все

поименованные строгости были излишни; запрещение же ездить в экипажах, а ходить всегда и всюду пешком было положительно неисполнимо. Юнкера жили у своих родителей, большей частью в центре города, а казармы находились, например, конно-пионерные, у Измайловского моста, в так называемом Гарновском доме, и каждое утро к 7-8 часам требовалось быть уже там. Затем, по окончании учения конного или пешего, около 11 часов, нужно было возвращаться домой и заниматься приготовлением уроков для выдержания в своё время весьма серьёзного экзамена в старшем офицерском классе тогдашних Инженерного или Артиллерийского училищ. Вот и приходилось под большим риском, могущим испортить всю будущность молодого человека, обходить этот закон. Для этого, недалеко от казарм, в каком-нибудь глухом переулке, юнкера все вместе нанимали одну комнату у бедного семейства. Рано утром, когда наступало время отправляться в казармы, они одевались в штатское платье, приезжали туда, переодевались в надлежащую форму и шли на учение. По окончании учения, кто был посмелее, несмотря на поздний час, таким же образом возвращался домой; ну а кто не обладал такой смелостью, тот шёл домой пешком. Да ещё должно добавить, что в то время готовляли юнкеров по разным предметам к экзамену большей частью инженерные офицеры, но они не иначе соглашались заниматься с ними, как у себя на квартире. Всё это были люди очень небогатые и жили, кто на Васильевском острове, кто в Коломне и тому подобных отдалённых местностях города. Спрашивается, была ли возможность ходить пешком на эти уроки? И вот устраивали так, чтобы урок приходился вечером, и тогда сверх мундира надевалась штатская шинель и такая же фуражка на голову.

В декабре 1840 года я поступил юнкером в лейб-гвардии конно-пионерский дивизион. В Рождественский сочельник я был зван к дяде моему князю Сергею Григорьевичу Щербатову на семейную ёлку. Как новоиспечённый юнкер, я ещё не освоился с солдатской формой: она ещё не пришлась мне, так сказать, по костям; в особенности, давил мне голову тяжёлый кивер, да и тяжёлая солдатская сабля на толстой ременной португее порядком потирала бок. Я вздумал не надевать ни кивера, ни сабли, а просто, по-солдатски накинув шинель и надев фуражку, отправился в 7 часов вечера на ёлку. Жил я с матушкой и братьями на Михайловской площади, рядом с Дворянским Собранием, в доме Сумбатова, что ныне, кажется, Лазарева. Вышел я, повернул на Михайловскую улицу и только сошёл с тротуара, чтобы обойти широкое крытое крыльцо, как с другой стороны (точно также, чтобы обойти тоже самое крыльцо) сошёл с тротуара навстречу мне великий князь. Можно представить, что я почувствовал и как у меня, 17-летнего мальчика, душа ушла, кажется, уже не в пятки, а дальше сквозь пятки. Ну да делать нечего: я стал во фронт и по-тогдашнему снял фуражку. Великий князь сначала, должно быть, принял меня за солдата, но тут рядом предательский газовый фонарь выдал меня. Великий князь громко крикнул: «Ты, подойди сюда!» Я подошёл. «Кто ты?» Сейчас же узнал меня, громко и весьма сердито проговорил: «Как ты смеешь в такой форме ходить?» И начал меня всячески распекать. Вокруг в почтительном отдалении собралась порядочная толпа народу разного звания. Покричав на меня-таки довольно долго, с угрозами, что сошлёт меня в Оренбургские линейные батальоны или на Кавказ, он приказал мне идти за ним.

Поплёлся я к его дворцу. Дорогою он не раз останавливался и опять принимался меня бранить; всякий раз приходилось снимать фуражку и стоять перед ним, вытянувшись в струнку; а мороз-то был сильный, и ушам порядочно доставалось. Наконец, пришли мы во дворец с его особенного маленького подъезда, на его половину. Великий князь приказал мне оставаться в приемной, а сам ушёл. Как я узнал после, он ушёл обедать; он в это день ходил именно на ловлю неисправностей, и охота оказалась удачною: поймано было за разные упущения 11 офицеров, да я двенадцатый. Ожидал я около 2 часов, но мне показалось целой вечностью это томительное ожидание. Я знал, что будет строго взыскано, но не мог только знать, как и чем. Тут на память мне пришли рассказы о том, как за несоблюдение надлежащей формы случалось, что юнкеров немедленно переводили в армию. У великого князя в числе прислуги были седые инвалиды унтер-офицеры, почтенной и внушительной наружности; двое из них подошли ко мне, расспросили меня, добродушно ободряли и удивлялись моей неосторожности. Наконец, вошёл великий князь в сопровождении состоявшего при нём генерал-майора Николая Матвейча Толстого (впоследствии генерал от инфантерии и генерал-адъютант), ещё какого-то полковника и своего дежурного адъютанта, Василия Сергеевича Шереметева (впоследствии свояка моего брата Владимира Яковлевича, который, будучи егермейстером, был в конце декабря 1870 года убит на царской охоте обер-егермейстером, графом Ферзенем),

Подойдя ко мне, великий князь обратился к сопровождавшим его, указал на меня и сердито сказал: «Вот встретился со мною, как следует стал во фронт, но оказался юнкером, и посмотрите, в какой форме!» Затем, приблизившись, осмотрел мой мундир, галстук и, видя, что я, хоть и без кивера и сабли, а всё-таки, одет по-солдатски в толстое сукно и суконный галстук, спросил: «Ты ведь знал, что так ходить запрещено?» Я слышал, что он не любит, чтобы ему отвечали, а потому молчал. Он опять повторил: «Я тебя спрашиваю, ты знал?» Я только что начал было: «Ззн...». «А, ты ещё разговаривать вздумал со мною, – опять ещё запальчивее закричал великий князь и, повернувшись к Шереметеву, приказал: «Вези его к начальнику инженеров, пусть полюбуется, как у него ходят юнкера, а оттуда, чтобы его отправили в дивизион и посадили на конюшню; эскадронного же его командира на три дня на гауптвахту». Это последнее приказание было для меня самое чувствительное и тяжёлое: из-за меня сажали на гауптвахту моего ближайшего начальника, добрейшего Фёдора Петровича Ставицкого, а он в это время был женихом и, может быть, готовился весело провести праздники со своей невестой.

Шереметев поехал со мною в дежурных санках в саперные казармы, где жил начальник инженеров генерал-майор Павел Александрович Витовт (впоследствии – начальник штаба гвардейского и гренадерского корпусов, когда ими командовал в Бозе почивший Государь Император Александр Павлович, будучи тогда наследником престола). Это был честный, обходительный, добрый человек. Дорогою я просил Шереметева дать знать моей матушке, куда я попал и как я очутился не на ёлке, а на конюшне. Генерал Витовт, выслушав сперва Шереметева, а потом меня, где и как я попался, сделал мне очень добродушно выговор и окончил его словами: «Вы-с пошли не по форме одетые-с, в фуражке по такой-с улице, по

которой мы и в шляпах-то боимся ездить, и действительно так-с (генерал имел привычку в разговоре прибавлять слова: и действительно так, и частику «с»). Видя, что я совсем переязб, схав в сильный мороз в холодной солдатской шинели, он приказал подать мне чаю, покуда в канцелярии писали обо мне бумагу. По изготовлении её генерал подписал, и адъютант саперного батальона Фитингоф повёз меня в казармы конно-пионерного дивизиона, где сдал дежурному офицеру Александру Николаевичу Лонгинову (впоследствии был адъютантом Кавказского наместника графа Воронцова и убит в экспедицию 1845 года. Это брат известного писателя М.Н.Лонгинова), который отвёл меня к командиру дивизиона полковнику Петру Михайловичу Дарагану (впоследствии был тульским губернатором). Тут я выслушал очень строгую распекацию и отправился в конюшню.

Тогда кавалерийских нижних чинов арестовывали сажанием в конюшню на более или менее долгий срок, смотря по проступку или, лучше сказать, по произволу начальства. Посаженный таким образом считался дневальным, и когда начальство приходило, он обязан был брать метёлку и, держа её у ноги, как ружьё, вытянуться, не снимая фуражки. Всё это проделывать досталось и мне. Подобный арест был отчасти и физическое наказание, не слишком полезное для здоровья: приходилось безотлучно находиться в конюшне порядочно-сырой, сидеть на передвижной небольшой узенькой скамейке, на ней и обедать, и чай пить, так как, конечно, стола не было; спать в пустом стойле. В Петербурге зимою, особенно в декабре месяце, с третьего часа становится темновато, в конюшне же гораздо ранее; свечки, разумеется, зажечь нельзя, и свет приходил только от фонарей, вверху, около потолка повешенных; этого свету так недостаточно, что читать и писать нет возможности. Вот и сидишь в полусвете между лошадьми, почти с двух часов ничего не делая!

Так и просидел я с вечера Рождественского Сочельника, встретив тут праздники и Новый год, до утра Крещенского сочельника. В это утро мне объявлено было, что арест мой окончился, и я свободен. Я пробыл 12 дней и, освободившись, был весьма доволен; но всё-таки долгое сиденье под арестом при такой обстановке оставило во мне некоторое озлобление, по тогдашним моим летам, разумеется, не на долго.

Около недели спустя, идя по Дворцовой набережной возле Летнего Сада, увидел я великого князя, который пешком шёл мне навстречу. Будучи безукоризненно одет по форме, я смело стал во фронт. Великий князь поздоровался со мною, как здоровается начальство с нижним чином, остановился и спросил, куда я иду? Я промолчал; он опять повторил вопрос: «Куда же ты идёшь?» «Не знаю, Ваше Императорское высочество». – отвечал я. «Как не знаешь?» – возразил великий князь. «Ваше Императорское высочество, – сказал я, – в Рождественский Сочельник я шёл на ёлку, а попал на конюшню; теперь же не знаю, куда я попаду». Великий князь молча улыбнулся, слегка погрозил пальцем и пошёл, а я отправился своею дорогою.

Да, в 53 года (с 1840 до 1893 года – А.П.), куда как много всё изменилось. Кажется, и тени прежнего не остаётся.

Н.Скарятин

«Из воспоминаний Н. Я. Скарятин»
(журнал «Русский архив», 1894 год. №8, стр.600-602)

В 1870 году покойный брат мой егермейстер Владимир Яковлевич Скарятин заведовал императорскою охотою за отсутствием обер-егермейстера графа Ферзена, который, хотя и возвратился в конце осени или в начале зимы, но брат мой, по приказанию Государя, продолжал распоряжаться на царских охотах. В то время я находился губернатором в Казани. Утром 31 декабря получил я телеграмму, в которой сын моего покойного брата извещал меня, что отец его накануне, на охоте, нечаянно ранен в спину. Почти сейчас-же пришла и другая телеграмма от моего сына, в которой сообщалось, что брат мой убит на охоте. По случаю болезни мне запрещено было выезжать из дому, а потому я не мог немедленно отправиться в Петербург. Я проклинал мою болезнь, мешавшую мне ехать; в разрешении-же отпуска я не сомневался. На мои вопросы по телеграфу и письма получались ответы более ясные, но все-таки недостаточные для совершенного уяснения, как произошел роковой случай. В «Правительственном-же Вестнике» было напечатано так, что можно было понять только, что брат мой застрелен, но кем и как, нельзя было определить ничего. Наконец, из писем я узнал, что мой брат убит графом Ферзеном. Оправившись от болезни и получив отпуск, я приехал в Петербург во второй половине января 1871 года. Там я узнал все подробности убийства и, хотя комиссия, расследовавшая это дело, и пришла к выводу, что брат мой пал от нечаянного, неосторожного выстрела, но почти все ближайшие родственники и я мы остались в убеждении, что граф Ферзен умышленно застрелил моего брата.

По приезде в Петербург, по званию губернатора, я должен был представляться Государю Императору, и вот очень скоро мне было назначено представление, как это обыкновенно бывало, в Зимнем дворце, в воскресенье, после обедни. Прибыв в назначенный день во дворец, я ожидал окончания богослужения в круглой зале, возле самой церкви. Тут находились разные лица, которым, как и мне, было назначено в этот день представляться. Перед окончанием обедни ко мне подошел камердинер Государя и спросил, не я ли Казанский губернатор Скарятин; на мой утвердительный ответ он мне объявил, что Государю Императору угодно меня принять особо на своей половине. Я тотчас отправился туда и в приемной перед кабинетом Его Величества стал ожидать.

Через несколько времени тем-же камердинером я был приглашен в кабинет. Вошед, увидел я Государя, стоявшего возле письменного стола. Его Величество изволил протянуть мне руку и очень милостиво поздоровался. Затем он сказал: «Поди сюда» и отвел совершенно в сторону, на сколько припомню, кажется, в небольшую комнату возле кабинета, где топился камин. Став перед камином, Государь еще раз взял меня за руку и сказал:

«Какое ужасное несчастье постигло все ваше семейство! Но нас хотели посорить, путив слух, что твой брат убит моим нечаянным выстрелом. Ты те-

перь знаешь, как случилось это несчастье. Но если б оно произошло по моей неосторожности, то я непременно объявил бы об этом.»

У Государя навернулись слезы; они меня тоже душили, но, пораженный его словами, я молчал.

Государь продолжал: «Охота окончилась, но я еще не сходил со своего места, как послышался выстрел; затем стон и голос твоего брата, звавшего меня: Государь! Государь! Я направился по голосу и увидел твоего брата, лежавшего на снегу и продолжавшего меня звать. Я подошел к нему; он посмотрел на меня, хотел что-то сказать, но уже не мог и тут же скончался.» Помолчав немного, Его Величество добавил: «Теперь все выяснилось, и ты знаешь, что твой брат убит по неосторожности Ферзенем.»

– Государь, отвечал я, мне известно, что брат убит графом Ферзенем; но только он его убил...

– «Нет это не так, прервал: меня Государь. Выстрел Ферзена был нечаянный». Его Величество, смотря прямо мне в глаза, спросил: «Ну, а ты, что же намерен делать?»

– Отыскать графа Ферзена и поступить с ним, как он поступил с покойным братом...

– «Нет, ты этого не сделаешь! Дай мне слово, что ты этого не сделаешь».

– Ваше Императорское Величество, повеление моего Государя для меня священо. Как Ваш подданный, я обязан исполнить волю Вашу; но в этом ужасном случае...

– «Я тебе не приказываю, прервал Государь: я прошу тебя».

Вздрогнув и едва выговаривая слова от подступивших слез: Государь, сказал я, встретясь с графом Ферзенем, могу ли я отвечать за себя?..

– «Ферзена здесь нет!» И положив обе руки мне на плечи, Государь продолжал: «Ты мне обещай: не искать его. Дай мне слово, что исполнишь мою просьбу».

Взволнованный, растроганный до глубины души, я отвечал, что исполню его волю. Государь притянул меня к себе и поцеловал в голову. Я вышел из кабинета. Долго волнение мое не утихало, и долго я не мог прийти в себя после всего мною пережитого; а слова покойного Императора звучали в моих ушах, крепко и глубоко врезавшись мне в сердце. Какое по истине человеческое чувство руководило Монархом, чтобы принять так близко к сердцу семейное горе и так просто обойтись со своим подданным, обойтись не как Государь, а как частный человек, искренно сочувствующий несчастию, постигшему другого человека, как будто ему равного. Воспоминание дорогое для сердца верноподданного!

Н.Скарятин

Глава третья.
«Сроднясь в земле, сплетаясь ветвями...»

**Мацневы: герои и создатели,
транжиры и Плюшкины, злодеи и судьи
(300-летняя история одного помещичьего семейства)**

Вместо вступления

Помнишь, читатель, сказку про кота в сапогах? Про то, как этот мошеник дурил короля, провозя его по дорогам королевства и показывая владения маркиза Карабаса? На чьи б поля и деревни ни бросал король свой взор, оказывалось, что всё это – маркиза Карабаса.

Я думаю, читатель, и тебе не раз вспомнилась бы эта сказка, когда б ты знал о том, о чём я только-только собираюсь тебе рассказать.

Итак, представь себе, что ты – путешественник первой половины XIX века и добираешься (на лошадах, естественно) из Орла в Ливны. Так вот, как только минуешь ты Змиёвку и, переправившись по хлипкому мосту через речку Неручь, начнёшь оглядывать окрестности и спрашивать своего провожатого, что это за селения по сторонам от дороги тянутся, и кому они принадлежат, то на протяжении 30 вёрст будешь слышать один и тот же ответ: деревня Каменка – помещика Мацнева, село Успенское – помещиков Мацневых, деревни

Николаевка, Бехтеевка, Афанасьевка, Каланча, Коровий Верх, Медвежка, Грязное, Козловка, сельцо Моховое – снова их же, село Столбецкое, деревня Вышне-Столбецкая, сельцо Толстое, сельцо Карповец, сельцо Васильевское, село Троицкое, село Покровское, что на речке Липовице – опять Мацневых. Четыре церкви встретятся тебе по дороге – Владимирская в селе Столбецком, Успенская, Троицкая и Покровская – в одноимённых сёлах – и к строительству всех имели отношение помещики Мацневы.

Такой вот была многочисленная и разветвлённая помещичья фамилия, огромным гнездом расположившаяся в этой части Малоархангельского уезда Орловской губернии (ныне – часть территории Покровского и Залегощенского районов – А.П.).

И это – не считая других Мацневых, живших и хозяйничавших во Мценском, Орловском уездах и самом Орле. Одиннадцать отдельных семейств их значились в «Алфавитном указателе, утверждённом Правительствующим Сенатом дворянских родов, внесённых в Дворянскую родословную книгу Орловской губернии». Но... нельзя объять необъятное в рамках отдельного рассказа (для того, чтобы описать всех Мацневых, потребуется целая повесть, а то и роман), поэтому речь я поведу вначале о столбецком семействе. Почему именно о нём? Ты поймёшь это, читатель, чуть позже.

Начало истории рода: Софрон Мацнев – участник Чигиринских и Крымских походов

21 сентября 1836 года Орловское Дворянское депутатское собрание рассматривало заявление генерал-майора Михаила Мацнева о выдаче ему вместо копий из журналов Дворянского собрания копий из протоколов того же собрания о причислении к дворянству его сыновей Ивана и Михаила и дочери Марии. Для доказательства обоснованности своей просьбы генерал представил несколько документов, два из которых подтверждали его древнее дворянское происхождение.

Согласно справке Вотчинного департамента, прапрапрашуром Михаила Мацнева был Назар Софронович Мацнев, которому ещё в 1617 году царь Михаил Фёдорович пожаловал поместье в Мценском уезде и поместный оклад в 300 четвертей. Внук Назара, Софрон Прохорович, в Боярской книге 1676 года значился в дворянах с поместным окладом уже в 920 четвертей и 58 рублей деньгами. Софрон Прохорович Мацнев несколько раз отличился в боях и походах русско-польской войны 1676-1681 годов.

Кульминационным моментом той войны стали Чигиринские походы, когда турецкие войска предприняли две осады города Чигирина, важнейшего политического и военно-стратегического центра Южной Украины. И в первом из этих походов, и во втором принимал участие Софрон Мацнев, получивший ранение в одной из многочисленных схваток летом 1678 года. В награду «за полное терпение и за Чигиринскую рану» в 1680 году он был назначен воеводой в Белополье (сейчас это – районный центр Сумской области Украины – А.П.).

В 1683 году Софрон Прохорович принял участие в Троицком походе (так со времён Дмитрия Донского назывались торжественные многодневные выезды великих князей, а потом и царей на богомолье в Троице-Сергиеву лавру – А.П.). Впереди царского выезда посылался вооружённый отряд с пушкой – для охраны от «лихих людей». В состав такого отряда как раз и входил Софрон Мацнев. Ко всему прочему, поход 1683 года получился особым: надо было позаботиться о малолетних правителях Петре и Иване, уезжавших из Москвы от творившихся в городе «смут».

Когда же в 1687 и 1689 годах фаворит царевны Софьи, князь Василий Голицын, с многочисленным войском дважды пытался разгромить в Крыму регулярно вторгавшихся на русские земли татар, то оба раза в составе войска находился храбрый воин Мацнев. Довелось Софрону понюхать запах сожжённой крымцами степной травы и победствовать без хлеба в первом крымском походе, столкнуться в схватке с татарами и дойти до Перекопских укреплений во время второго похода, а потом, без всякой славы, вернуться обратно. Неумелым полководцем оказался князь Голицын. Но царевна Софья щедро наградила любимца по возвращении в Москву, да и участников путешествия в Крым и обратно не обидела: за Крымские походы получил Софрон Мацнев прибавку к своему поместному окладу – деньгами, 51 рубль 50 копеек, почти столько же, сколько до этого получал.

А всего, за все заслуги по совокупности, Софрон Прохорович придач царских (добавок к основному поместному окладу – А.П.) заработал 80 четвертей и 85 рублей. С него, Софрона, и стало прирастать мацневское поместье, находившееся в деревне Столбцкой Мценского уезда и насчитывавшее первое время только девять крестьянских дворов.

Спиридон Мацнев – орловский Плюшкин

Внук Софрона, Спиридон Тимофеевич Мацнев (мне удалось узнать, что родился он в 1703 году – А.П.) служил уже по гражданской части: секретарём провинциальной канцелярии в Орле. Именно он первым выяснил древнее своё происхождение, делая запрос в Кантору герольдмейстерских дел, где хранился Указ Правительствующего Сената по Мацневым. Именно он, уйдя со службы и поселившись в своём имении в Столбцком, начал разными способами увеличивать помещичий достаток.

Делал он это так, что вызывал удивление у своих соседей-помещиков.

Вот что о нем написал А.К.Юрасовский в книге «Былые чудачки Орловской губернии», вышедшей в 1909 году: *«Он служил секретарем в Орловской провинциальной канцелярии, затем вышел в отставку и принял хозяйничать; и за несколько лет нажил и заработал так, что имел более шести тысяч душ и лесную дачу в восемнадцать тысяч десятин. Хозяйство его было почти беспримерное: ему были ведомы все нужды его крестьян, ни один из его крепостных ни за чем не должен был ездить в город, всё нужное для себя он находил в экономии своего барина, и всё от него покупал. Но у Мацнева, по пословице*

«Лёг и встал», надзор за всем был самый рачительный. Помещики называли его «хлебной маткою».

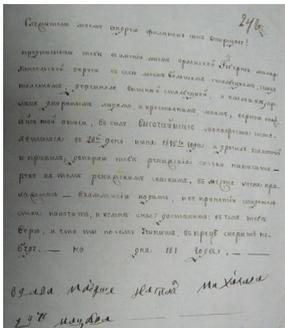
Сам он, при всем богатстве, по внешности не отличался ничем от своего мужика. Ходил в лаптях и простом мужицком наряде, ел на деревянных тарелках и деревянными ложками, и больше от скупости, морил себя голодом. Самый парадный его выезд в поле был в холстинном халате, облитом масляною краскою, часто без седла, на одном потнике. Нравственности он был невысокой, со всеми ссорился и притеснял соседей. Все его богатство не пошло впрок! Был у него один сын, но и тот при нем умер...».

Конечно, и почти наверняка, что-то тут пером «орловского старожила» (так подписал своё сочинение при выходе из печати А.К. Юрасовский – А.П.) приукрашено, но большая часть сказанного – правда, видная из точно названных деталей семейной истории Мацневых.

Сын «хлебной матки», этого накопителя и прообраза гоголевского Плюшкина, Михаил Спиридонович, делал карьеру по военной части, до звания секунд-майора дослужился. Но вышло так, что умер он даже раньше отца. После смерти Спиридона Тимофеевича и Михаила Спиридоновича Мацневых, согласно раздельной записи, писанной в Орловской провинциальной канцелярии 19 ноября 1778 года, недвижимое имение покойных, наследовали «родной внук первого – Николай Михайлович, и родительница последнего, вдова, майорша, Наталья Михайловна, Мацневы».

Наталья Мацнева, «...в своём роду не последняя...»

Что досталось вдове по раздельной записи, я выяснил, работая с фондом №6 Государственного Архива Орловской области (документы Орловской палаты гражданского суда – А.П.), где мне удалось обнаружить «Дело по прошению помещицы Мацневой Н.М.», в котором она сама перечислила принадлежащее ей имущество: «...Состоит за мною недвижимое имение с людьми и со крестьяны, которые по нынешней пятой ревизии, написаны за мною Орловского наместничества Мценской округи, в селе Большом Столбцеком – 257 душ, в селце Толстом – 139, в деревнях Вышней Столбцекой – 180 и Козловке – 41, всего 617 душ...»

Доверенность вдовы-майорши
Натальи Мацневой.

(Тут я сделаю два примечания. **Первое:** в конце XVIII века эта самая Мценская округа была обширной территориальной единицей, включавшей в себя населенные пункты, которые входят ныне в состав разных районов Орловской области. Названные помещицей Мацневой село Большое Столбцекое, или просто Столбцекое, селце Толстое, деревня Вышне-Столбцекая и деревня Козловка – это селения современного Покровского района, находящиеся неподалеку друг от друга, а первые три – так вообще входят в Столбцекое сельское поселение.

Второе, любопытное и самое удивительное – Наталья, Михайлова дочь, Мацнева, с этим своим «недвижимым имением» оказалась соседкой Лутовиновых, которым принадлежала половина деревни Столбецкой и которая в 1855 году, при разделе имений В.П. Лутовиновой между Николаем и Иваном Тургеневыми, отошла к Николаю Сергеевичу – А.П.)

В том же деле № 2167 из фонда 6 ГАОО имеется купчая от 9 апреля 1796 года, по которой Н.М. Мацнева продала пяти разным помещикам 18 душ своих крепостных за общую сумму в 140 рублей.

А еще через два года вдова-майорша осуществила ту самую продажу, благодаря которой ее имя впервые попало на глаза историкам. В 1798 году Наталья Михайловна за 600 рублей ассигнациями продала тульскому помещику Василию Шатилову (тоже известная личность – А.П.) двенадцать своих человек. Был среди них и будущий выдающийся русский скульптор Борис Орловский, которому исполнилось на тот момент 7 лет.

Большую, в семь человек, семью его отца Ивана Смирнова (такой была настоящая фамилия этих дворовых людей помещицы Мацневой – А.П.) она разделила, отпустив четверых Смирновых на волю, а троих продал. Эта сделка «прославила» имя Натальи Мацневой в истории русской культуры.

Своему родному сыну Николаю *«вдова, майорша, в своём роду не последняя»*, не доверяла (почему, станет ясно в следующей части – А.П.), и потому 16 сентября 1808 года в Малоархангельском уездном суде она завершила духовное завещание, по которому доставшееся ей по разделу *«с сыном ея, статским советником и Кавалером Николаем Михайловичем Мацневым, имение отдала в вечное и потомственное владение внуку своему, Михаилу Николаевичу Мацневу»*.

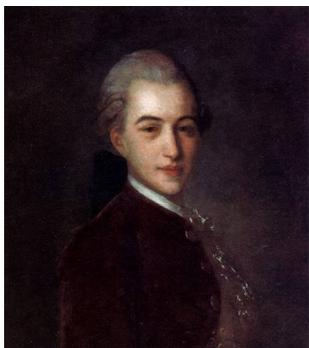
Мне не удалось найти сведений о хозяйственной деятельности Натальи Михайловны, но, по всей видимости, эта деятельность, несмотря на продаваемых время от времени крепостных и дворовых людей, была успешной, поскольку вдова-майорша, судя по известным нам документам, не растратжирила, а увеличила богатство своего имения.

Пока внук продолжал службу, Наталья Михайловна продолжала хозяйничать ещё несколько лет – об этом говорят нам «Ревизские сказки владельческих крестьян Малоархангельского уезда» за 1816 год. Из них видно, что вдова-майорша по-прежнему числится владелицей села Столбецкое, сельца Толстое, деревни Вышне-Столбецкой и деревни Козловки, в которых ей принадлежат 16 дворовых людей и 1090 крепостных (т.е. за двадцать лет их число увеличилось более чем на 400 человек – А.П.). К сожалению, даты смерти Натальи Михайловны я пока не выяснил, но к 1836 году в живых её уже не было.

Николай Мацнев, губернский прокурор

Тургеневед Николай Чернов в своей книге «Дворянские гнезда вокруг Тургенева» сообщил о нем: *«...губернский прокурор, красавчик, повеса и мот...»*.

Да, забравшийся на довольно высокую должность, внук хлебного спекулянта, даже женившись на аристократке, фрейлине Варваре Ланской, родной сестре фаворита Екатерины II, не избавился от дурных привычек и начал понемногу «спускаться» свое и женино состояние.

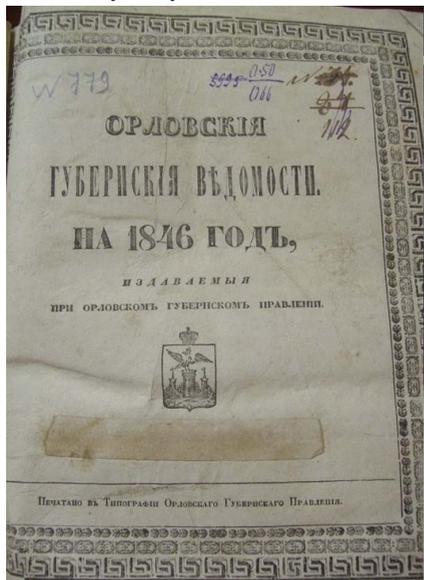

Орловский губернский прокурор
Николай Мацнев (портрет работы Фёдора Рокотова).

Я нашёл подтверждение этому опять-таки в деле № 2167 фонда 6 ГАОО, где приводится следующий факт. Николай Михайлович Мацнев (пытаясь, наверное, походить на деда – «хлебную матку» – А.П.) взял подряд на поставку муки из своего имения в Санкт-Петербургские запасные магазины. Поручителем в этой сделке выступили мать – Н.М. Мацнева и близкий родственник – А.С. Мацнев.

Однако, получив за предполагаемую поставку семи тысяч кулей муки 11200 рублей, Николай Мацнев деньги растратил, а санкт-петербургские магазины так ничего от него и не получили.

Чтобы данную неустойку погасить, губернский прокурор был вынужден продать с аукциона принадлежавшую ему деревню Грязное (она находится сейчас на территории Покровского района – А.П.) за 12400 рублей, большая часть которых и пошла на уплату долга.

и разным надворным строениям, оцененное в 319 руб. сереб., приносящее годового дохода 53 р. на продажу этого имения, день торга определен будущаго Июля 8 числа; 3) в Какурскомъ за неплательщикомъ Советникомъ Николаемъ Михайловымъ Мацневимъ разнымъ лицамъ долговъ 27598 р. 60 коп. ассиг., будущаго Июля 23 дня, съ переторжкою чрезъ три дня, описная его Мацнева земля, состоящая Жндриискаго уезда въ дачь села Веселити, удобной подъ сѣнными покосами, между дровянымъ и кустарниковымъ лѣсомъ въ разныхъ мѣстахъ 4 десята. 1536 саж., подъ лѣсомъ строевымъ, еловымъ, сосновымъ, осиновымъ и березовымъ, въ урочищахъ: Доскаревскомъ верху и Дамиской степки 35 десята, подъ дровянымъ кустарниковымъ разнороднымъ лѣсомъ болѣе еловымъ, осиновымъ и березовымъ обгорѣвшимъ въ 1841 году и самовольно вырубленнымъ въ урочищахъ Уловинъ беззаконномъ озерномъ верху, съ находящимся въ оныхъ пастбищными мѣстами 848 десята. 470 саж., пахатной между тѣмъ же дровянымъ и кустарниковымъ лѣсомъ 4 десята, неудобной подъ проселочными дорогами 1 дес. 2130 саж., подъ рѣчкою, полурѣчкою и истоками 1 десята. 664 саж., итого въ одной окружной межѣ 895 десята; оценена въ 9991 руб. 114 коп. сереб.; дохода съ луговъ и

Орловские губернные ведомости - о долгах статского советника Н.М.Мацнева

Точной даты рождения и смерти губернского прокурора я пока не выяснил, но просто *«красавчик, повеса и мот»* никогда бы не привлек нашего внимания, если бы с ним не оказалась связана история русской живописи: выдающийся русский портретист Фёдор Рокотов оставил нам его портрет, написанный в 1779 году (смотри, читатель, он перед тобой – А.П.). Искусствоведы долгое время почти ничего не знали о человеке с этого портрета, находящегося в экспозиции Саратовского государственного художественного музея имени А.Н.Радищева.

Вот, к примеру, что написала сотрудница этого музея А.В.Жукова о Мацневе: *«Как из старинного зеркала, туманного и покрытого вековой пылью, смотрит на нас лицо молодого человека с одной из картин, на ней представлен Николай Михайлович Мацнев, московский дворянин (тут искусствовед ошибается, поскольку это, всё-таки, орловский и не просто дворянин, а ещё и прокурор – А.П.). Изображён молодой человек на нейтральном фоне, одет в тёмно-коричневый кафтан и светло-коричневый камзол. Остальные детали костюма лишь обозначены автором – чёрный бант в пудрёном парике, серебряные пуговицы на кафтане, кружевное жабо. Мы знаем о Мацневе только то, что он служил по штатской части и имел чин статского советника (это совершенно точно – документ подтверждает – А.П.). Его судьба остаётся загадкой, Рокотов эту загадку разгадывать не спешит. Напротив, его герой полон таинственности, автор избегает любой конкретности: нет на портрете ни орденов, ни аксессуаров, ни предметов обстановки, которые бы указали на занятия или пристрастия персонажа. Окутывая Мацнева мглистым полумраком, Рокотов намеренно прерывает свой рассказ о герое на полуслове».*

Я думаю, читатель, что сумел, хоть в какой-то степени, дополнить рассказ выдающегося русского художника, оставившего нам образ человека то отстранённо мечтательного, то участливо внимательного, а на самом деле, как вы убедились, очень ненадёжного для друзей и родственников: не зря ведь мать сделала наследником своего столбцецкого имения не его, а внука.

Генерал Мацнев, герой Отечественной войны 1812 года

А теперь мой рассказ – о человеке, о котором почему-то до недавнего времени на Орловщине не упоминали, который долго укрывался за спинами других, менее прославленных, но более «прозвучавших» родственников. Я имею в виду генерал-майора Михаила Николаевича Мацнева, того самого, с которого я и начал повествование о большом помещицьем семействе.

Он был сыном упомянутого мною губернского прокурора, Николая Михайловича Мацнева, и внуком «вдовы-майорши» Натальи Михайловны Мацневой. В Военной галерее Зимнего Дворца (ныне – Государственном Эрмитаже – А.П.), среди портретов 342 генералов-героев Отечественной войны 1812 года помещён портрет и генерал-майора Мацнева, принадлежащий кисти художников из мастерской Джорджа Доу. Ты можешь тоже увидеть этот портрет, чита-

тель. Генерал изображён здесь в общегенеральском мундире образца 1817 года, почти со всеми своими боевыми наградами (не хватает только ордена Святой Анны 3-ей степени – А.П.)

*Генерал-майор Михаил Мацнев
(портрет работы мастерской
художников Д. Доу).*

Точная дата рождения Михаила Мацнева нам до настоящего времени не известна. Его биографы называют 1785 (чаще) или 1786 год. В 12 лет Михаил был «взят пажем к Высочайшему Двору», а 23 сентября 1802 года произведён в подпоручики и направлен в лейб-гвардии Егерский батальон (позднее преобразованный в полк). Сражаясь в его составе, сумел он отличиться в сражении под Аустерлицем, за что 20 ноября 1805 года удостоился ордена Святой Анны 3-ей степени. В мае 1806 года стал поручиком.

В 1807 году с милиционным батальоном стрелков Санкт-Петербургской губернии, к которому был прикомандирован, Николай Мацнев сражался под Гутштадтом, на берегах реки Парсарги и при Гейльсберге. Наградой за эти сражения стали орден Владимира 4-ой степени с бантом и золотая медаль на Георгиевской ленте

– как участвовавшему в боях офицеру милиции.

24 апреля 1809 года Мацнев был произведён в штабс-капитаны, а 14 сентября 1810 года – в полковники. В начале 1812 года лейб-гвардии Егерский полк, в котором он служил, в составе 3-ей бригады гвардейской пехотной дивизии входил в 5-ый резервный (гвардейский) корпус 1-ой Западной армии, вместе с которой Михаил Николаевич сначала отчаянно бился за Смоленск, а потом храбро сражался на Бородинском поле. За отвагу в генеральном сражении был награждён орденом Святой Анны 2-ой степени с алмазами. Тяжёлая контузия артиллерийским снарядом в левое плечо надолго вывела его из строя.

Вернувшись к лету 1813 года в армию, Мацнев 2 июля стал шефом 11-ого Егерского полка, а вскоре получил бригаду в 24-ой пехотной дивизии, с которой 6 октября участвовал в «Битве народов» под Лейпцигом. За кампанию 1813 года шведский король наградил его орденом Военного меча 4-ой степени.

В феврале 1814 года с 19-ым Егерским полком полковник штурмовал Суассон (награждён орденом Владимира 3-ей степени). В Краонском сражении он несколько раз водил егерей в штыковые атаки. В конце заграничных походов принимал участие в сражениях под Лаоном и Парижем. 1 декабря 1814 года был награждён чином генерал-майора (со старшинством с 22 февраля того же года), а прусский король отметил его орденом «За заслуги».

Михаил Николаевич имел также ещё две медали – серебряную, за кампанию 1812 года, и установленную в память вступления Русской армии в Париж 19 марта 1814 года.

После окончания войны Мацнев командовал 2-ой бригадой в 12-ой пехотной дивизии, 3-ей бригадой в 7-ой пехотной дивизии, с декабря 1819 года состоял при начальнике 7-ой пехотной, а потом – при начальнике 10-ой пехотной дивизии. С конца июня 1821 года и до оставления военной службы 30 января 1823 года командовал 1-ой бригадой в 9-ой пехотной дивизии.

По словам знавшего Михаила Мацнева русского композитора Николая Ивановича Бахметева, тот *«закончил службу бригадным генералом в Варшаве, в бывшем Литовском корпусе, состоявшем под командою Великого князя Константина Павловича, и, выйдя в отставку, поселился в Орловской губернии, где имел имения»*. Мы-то, читатель, знаем уже, что это как раз село Столбцеком и окрестные деревни.

По словам того же Бахметева, Михаил Николаевич Мацнев был женат на *«красавице Емерике Адамовне, кажется, рождённой Абрамович»*, а то, что у них имелось трое детей (Иван, Михаил, Мария) я узнал как из заявления самого генерала, обратившегося в Дворянское собрание, так и из «Алфавитного указателя дворянских родов Орловской губернии».

Как жилось генеральскому семейству в Столбцеком, мы можем только предполагать, но об этом периоде из биографии героя Отечественной войны 1812 года известна нам одна интересная подробность. Генерал-майор Мацнев из своего имения регулярно выезжал в Орёл, где посещал театр Каменского, причём, не только как зритель. Композитор Н.И.Бахметев, которого я вспоминаю уже третий раз и который проходил службу в Павлоградском гусарском полку, с декабря 1826 года и до весны 1828 года находившемся в Орле, несколько раз наблюдал в этом театре генерал-майора Мацнева за удивительным занятием: *«Михаил Николаевич Мацнев, прелестный скрипач школы Лафона, с его коротеньким, но блестящим смычком, и даже впоследствии я не встречал подобного лёгкого смычка; широкий стиль не был в его духе»*. Мацнев очень любил играть квартеты модных тогда композиторов Онслоу и Феска.

Умер герой Отечественной войны в Столбцеком 27 марта 1842 года. Насчёт места захоронения утверждать не буду, но, скорее всего, это было рядом с местной Владимирской церковью.

Отец и сын - Николай Михайлович и Михаил Николаевич Мацневы.

Владимирская церковь села Столбцекое.

В «Протоколах заседаний Мало-архангельского уездного суда (1-29 февраля 1844 года, ГАОО, ф.28, оп.1, ед.хр.488, на 508 листах – А.П.), обнаружил я любопытнейший документ, касающийся «Завещания генерал-майора Мацнева». Я его процитирую в полном объеме, поскольку документ не большой:

«Л.114-Л.114об.

№№411/90

Отношения: *1-е* – *Московской Управы благочиния от 21 января настоящего года за №6699, при котором, вследствие такового же сего суда присланного свидетельства, отобранного от генерал-майорши Емерики Адамовой Мацневой, которым она доводит до сведения сего суда, что подписавшись под духовным завещанием, данным*

ей мужем ея, генерал-майором Мацневым, свидетели, Действительный статский советник и кавалер Александр Михайлович Дубинский умер, от-

Обломок взорванной в 1964 году Владимирской церкви села Столбецкое.

ставной гвардии ротмистр Аполлон Евграфович Мерлин живёт в городе Москве, в Тверской части, действительный статский советник Фёдор Игнатович Прянишников находится на службе в Санкт-Петербурге, почт-директором, а по справке оказалось: при указе Орловской палаты гражданского суда от 12 июня прошлого 1843 года за №4739 прислано Духовное завещание, данное здешним помещиком, уволенным от службы генерал-майором Михаилом Николаевичем Мацневым жене своей и детям, в том числе, разным лицам на движимое и недвижимое родовое и благоприобретённое имение, и капиталы для отобрания от подписавшихся под ним свидетелей показаны, а потому приказали: об отобрании о действительности того завещания показаний от Г.Мерлина в Москве и от Г. Прянишникова в Санкт-Петербурге управам благочиний сообщить.

29 февраля 1844 года».

Перечисленные в качестве свидетелей лица, от которых требовалось подтвердить подлинность «Завещания», были известными в первой половине XIX века лица, **особенно это касается действительного статского советника Фёдора Прянишникова** (в этом «Протоколе» его отчество названо как «Игнатович», хотя везде в справочной литературе он числится «Ивановичем» – А.П.).

Поклонный крест и беседка на месте Владимирского храма села Столбцкое.

Фёдор Иванович Прянишников – русский государственный и общественный деятель, благотворитель, библиофил, **почт-директор (1857–1863)**. В «Википедии» перечислены его заслуги в развитии российской почты: повсеместно в России ввёл одинаковую плату за письма и одинаковый счёт, для облегчения почтовых сношений составил и заключил почтовые конвенции с Австрией и Пруссией (1843), Швецией (1846), Грецией (1848), для удобства частных перевозов учредил почтовые кареты (1839), устроил срочное почтовое пароходство между Кронштадтом и Штетином (1845), учредил городские почты в столицах, учредил выписку из-за границы газет и журналов за умеренную цену, построил новые почтовые здания, преобразовал внутреннее устройство почтамтов.

Вот таким был один из свидетелей «**Духовного завещания**» генерал-майора Мацнева, которое, после подтверждения подлинности документа, вступило в силу. Вдова Михаила Николаевича, Емерика (Эмерика) Адамовна, его сыновья Иван и Михаил поделили между собой его движимое и недвижимое родовое и приобретённое имущество

Иван Мацнев, первый военный воздухоплаватель России

При рассмотрении в Орловском Дворянском депутатском собрании заявления генерала Мацнева Орловская и Киевская Духовные консистории представили отношения от 1 и 17 мая 1824 года за № 1404 и № 1588, в которых сообщали, что сыновья просителя Иван и Михаил родились от законного брака, первый – 24 июня 1820 года, второй – 18 февраля 1823 года.

О старшем сыне героя Отечественной войны, Иване Михайловиче Мацневе, нам известно очень немного, зато какое значимое это многое! Как и отец, Иван выбрал военную карьеру, но служил недолго, уйдя в отставку в чине штабс-ротмистра лейб-кирасирского полка. Будучи несколько раз за границей, в Париже, он увлёкся полётами на только что начавших входить в моду воздушных шаров.

В период Крымской войны (1854-1856 г.г.) Иван Мацнев находился в осаждённом союзниками Севастополе. Весной 1855 года над севастопольскими бастионами и над вражескими стоянками несколько раз появлялся аэростат. Управлял им находившийся в специальной «корзинке» отставной штабс-ротмистр. Он, видя с высоты расположение вражеских позиций и считая важным то, чем занимался первое время просто для удовольствия, 15 мая 1855 года написал докладную записку на имя военного министра, князя В.А.Долгорукова, предложив использовать воздушные шары для рекогносцировки вражеских позиций.

Мацнев достаточно подробно расписал те преимущества, которые будет иметь использование воздушных шаров, и даже предложил свои услуги в налаживании их массового производства. Военный министр направил докладную записку Мацнева в Департамент Генерального штаба, который вскоре представил о ней своё мнение. Заключалось оно в том, что если вдруг русские войска используют для наблюдения за вражескими позициями воздушные шары, то вскоре такие же могут появиться и у англичан с французами, которые с помощью этих летательных аппаратов быстро узнают все слабости русских укреп-

лений. Но Департамент не отверг, тем не менее, идею Ивана Мацнева, найдя в ней и значительные преимущества перед обычным способом ведения разведки.

После этого князь Долгоруков представил докладную записку Мацнева, с заключением Департамента Генерального штаба по ней, императору Николаю I. Вопреки распространённому заблуждению, что царь отозвался об этом как о «нерыцарском способе ведения войны» и потому отверг его, Николай, после изучения записки, предложил Главнокомандующему Южной армией, военно-сухопутными и морскими силами в Крыму, М.Д.Горчакову самому решить вопрос о возможности применения воздушных шаров.

Ни один из русских документов, по свидетельству первого историка отечественной авиации А.Родных, не сообщает нам о применении летательных аппаратов нашей армией при защите Севастополя, однако некоторые английские источники упоминают об использовании русскими войсками аэростатов для наблюдения за их позициями. Что ж, наверно, всё-таки, бывшему штабс-ротмистру удалось несколько раз сообщить разведанные о неприятеле. Сумели ли защитники Севастополя воспользоваться этой информацией – нам не известно.

На почве увлечения воздухоплаванием Иван Мацнев основательно «подрастря» своё состояние, доставшееся от отца-генерала, даже влез в долги, и несколько его имений были выставлены на продажу. Других сведений о себе Иван Михайлович Мацнев не оставил.

Михаил Мацнев, «орловский злодей»

Что касается второго, младшего, сына прославленного генерала, то о нём – отдельная и страшная история. Что же натворил Михаил Мацнев? Передо мной – «Дело о предании суду помещика Мацнева» за жестокое обращение с крепостными крестьянами. Дело начато 4 сентября 1856 года, а закончено 26 мая 1875 года, это пухлая папка почти в двести страниц.

Вчитываясь в официальные, бесстрастные строчки рапортов, донесений, допросов, и постепенно вырисовывается картина более чем полуторавековой давности.

Вступив во владение именем, Михаил Михайлович (4-й – таким по счёту Михаилом он был в своём роду, и так его называли в официальных дворянских бумагах – А.П.) Мацнев почувствовал, вероятно, сильное головокружение от свалившегося на него богатства и власти.

Начинал с малого. Проявив недовольство крепостными, он без промедления отправлял их в рекруты без очереди или добивался наказания и отправки в Сибирь. Потом помещик женился, родилась дочь Софья, но остепениться Мацнев не захотел. Наоборот, распоясался так, что в события в Столбечком вынужден был вмешаться Орловский гражданский губернатор В. Сафонович. По его распоряжению штаб – офицер корпуса жандармов Орловской губернии Житков произвел следствие о злоупотреблениях помещичьей властью.

15 октября 1856 года им была подана губернатору краткая записка о поступках помещика. Цитирую из неё только часть свидетельских показаний.

«Тимофей Морозов показал: помещик Мацнев постоянно находится в пьяном виде и обходится с крепостными своими людьми бесчеловечно, а в последний год дошел до неистовства: мне выбил зубы, а на руке сломал палец. Волнонаемную няньку Аксинию так же бьет, а барыню Софью Павловну бьет немилосердно. Крестьян разорил и довел их до нищеты штрафами денежными. Скот брал, свиней и все это потом продавал. Приказал мне кучера Андрея Герасимова раздеть до рубашки, потом заставил меня бить его по щекам и драть за волосы».

Федор Евсеев, 15 лет, повар на кухне, показал: *«Барин пять раз меня бил, зубы и челюсти сбил на сторону, и зубы теперь не сходятся. Барин в три дня ведро водки выпивает, а как напьется, собьет с ног – и бьет ногами. От жестокости я бежал в лес, а когда вернулся, то меня камни заставили таскать на дорогу и плотину».*

Давыд Тимофеев, 13 лет, показал: *«от побоев барина я два дня в лесу скрывался, а на третий, когда от голода вернулся, меня высекли, а теперь третий месяц таскаю камни на дорогу. Барин меня за волосы, за уши, то кулаками, то чем попало бьет».*

Аксинья Матвеева Веселова, воспитанница Санкт – Петербургского воспитательного дома, показала: *«Барин Мацнев характера буйного и бьет всех, кто ему попадает. Бил и меня по зубам, а однажды с ног сбил и коленом придавил».*

Про избивание и физическое насилие дали показания также Иван Шахурин, Василий Ефимов, Николай Гуцин, Егор Скворцов, Алексей Емельянов. Многие из них показали также, что барин за любую провинность по 5-10 рублей штрафа брал и многих крестьян из-за этого довел до разорения.

Если эти показания майор Житков выслушивал хотя и с отвращением, но, все же, с некоторым пониманием, то когда начались опросы женщины, он, навидавшийся уже разных преступников, всё-таки ужаснулся – от омерзения, услышав от них многочисленные признания.

Итог всем взаимоотношениям Мацнева с крестьянскими девушками и женщинами как бы подвел один из допрошенных, крестьянин Петр Гуцин: *«Если заметит барин у кого из крестьян красивую дочь, то берет ее на скотный двор и потом лишает девства, а смазливых баб заставляет мыть полы и творит с ними блуд».*

Жена владельца имения, Софья Павловна, на первом допросе не хотела говорить о муже чего – либо плохого, но затем не выдержала и рассказала все.

«За честь мою и моей дочери не могу ручаться, пока буду продолжать жить с моим мужем. Он совершенно безнравственно поведением и бил меня до бесчувствия», – так в кратком изложении выглядят ее показания.

Этого перечня «гнусных злодейств» было достаточно, чтобы наказать Михаила Мацнева. Его, в конце концов, и посадили в тюремный острог, а потом лишили всех прав и сослали в Сибирь, но произошло это четыре года спустя, в 1860 году, когда о «художествах» помещика доложили самому Александру II.

За четыре года имя Мацнева узнали в соседних губерниях, а слухи и сведения о его злодеяниях дошли до заграницы. 1 декабря 1860 года Александр

Иванович Герцен в своей Вольной русской типографии в Лондоне выпустил очередной, 86-й номер газеты – журнала «Колокол», в котором рассказал о том, как своеобразно российские помещики понимают необходимость отмены крепостного права. Примеры Герцен привел из Орловской губернии, из Малоархангельского уезда (помещики Акатов, Михаил и Владимир Мацневы).

Получилось так, что указ Александра II о лишении дворянства и о ссылке Мацнева в Сибирь и выход из печати «Колокола» со статьей о злодеяниях этого помещика совпали по дате – 1 декабря 1860 года.

Каким злодеем был Михаил Мацнев, его крестьяне и дворовые знали с начала 50-ых годов XIX века, до губернского Орла весть дошла в 1853-ем, а герценовский «Колокол» развонил сведения об этом помещике (и других, ему подобных – А.П.) на всю Россию и даже Европу в 1860 году.

Михаил Мацнев скончался в ссылке в начале 1875 года, а его имение, находившееся в опеке, вернули наследникам: жене Софье Михайловне и сыну, Михаилу Михайловичу (пятому).

Михаил Мацнев, мировой судья и благотворитель

Михаил Мацнев (пятый, внук прославленного генерала – А.П.) родился 7 ноября 1860 года, за три недели до указа императора о наказании его отца. Самого родителя сын так и не увидел вплоть до его смерти.

Новый владелец имения в селе Столбецкое, Михаил Михайлович Мацнев, с 90-х годов XIX века и до самой революции 1917 года постоянно являлся гласным Малоархангельского уездного земства, с 1897 года он был еще и почетным мировым судьей уезда. В 1913 году Михаила Мацнева избрали и губернским гласным от Малоархангельского уезда. К этому году, кстати, на подаренной им земле и в значительной мере на его средства была построена уездным земством Столбецкая больница – последнее из учреждений здравоохранения, появившееся в Малоархангельском уезде непосредственно перед I Мировой войной и революциями.

Яблочко далеко укатилось от яблони. Михаил Михайлович Мацнев-пятый, сын прославившегося на всю Россию помещика-злодея, но, одновременно, внук героя Отечественной войны 1812 года, стал уважаемым человеком в тех же самых местах, в селе Столбецкое и во всём Малоархангельском уезде. Наверняка, он никогда не хотел вспоминать о своём отце-садисте, а вот о деде, что ж, возможно, хотя я точно и не знаю.

В 1917 году последнему из семейства Мацневых, живших в одном и том же имении на протяжении 300 лет, исполнилось 57 лет, но его послереволюционная судьба мне не известна.

P.S. От старинного мацневского имения к настоящему времени не осталось ничего, кроме обмелевшего и полузаросшего каскадного пруда, на дне которого, по сохранившейся у местных жителей легенде, было выложено когда-то огромное зеркало. Кто из помещиков Мацневых учудил его там поместить, мы уже не узнаем, да и было ли оно на самом деле?

Комплекс зданий Столбечкой земской больницы, построенной помещиком М. Мацневым.

Столбечкое. Основное здание земской больницы, построенной помещиком М.М. Мацневым.

Зато сохранились, почти не изменившись, несколько зданий Столбечкой земской больницы, которая несколько десятилетий и после исхода из здешних мест всех помещиков работала на благо сохранения здоровья жителей села и окрестных деревень. Несколько лет назад, в связи с реформированием системы здравоохранения Орловщины и сокращением численности населения Покровского района, больница была реорганизована во врачебную амбулаторию, поместившуюся в одном из капитальных кирпичных строений, а потом и её ликвидировали, ограничившись ФАП-ом. Фельдшерско-акушерский пункт перенесли в здание закрытой Столбечкой школы, так что теперь все больничные здания заросли со всех сторон крапивой и бурьяном, но ещё стоят – как памятники нескольким поколениям Мацневых – героям и созидателям, транжирам и Плюшкиным, злодеям и судьям. И всё это – часть причудливой, героической и трагической истории нашего славного края. Я постарался, читатель, довести эту историю до тебя. Надеюсь, что-то у меня получилось.

Как помещик Мацнев после своей смерти земляков спас

Зима 1943 года. Части 48-й армии Брянского фронта вели наступление, освобождая от фашистов территорию Покровского района. Отступая под ударами наших войск, гитлеровцы стремились нанести максимальный ущерб населению тех мест, которые они покидали.

В один из февральских дней жители небольшого села Троицкого, надеявшиеся на скорое освобождение от вражеской кабалы, узнали о готовящейся над ними расправе. Сообщил им об этом местный переводчик, хоть и немец, но из числа сердобольных.

Самым надежным местом для сельчан казались подвалы, куда и попрятались вначале жители Троицкого. Но с наступлением темноты фашисты устроили обыски всех домов и подвалов. И тогда бабы, старики и ребятишки, пользуясь начавшейся метелью, перебежали в такое укрытие, о котором гитлеровцы даже не подозревали – в большой каменный склеп, находившийся в зарослях сирени у полуразрушенной церкви.

Здесь, в склепе, и застал измученных жителей Троицкого час освобождения. Помещик, живший когда-то в селе и фамилию которого жители давно забыли, сам того не ведая, спас земляков от гитлеровского расстрела.

После войны Троицкую церковь окончательно разобрали на кирпичи (их возили в село Покровское для строительства здания райисполкома). Попытались проделать то же самое и со склепом, даже взрывали его изнутри. Но то ли заряд слабоват оказался, то ли своды этой гробницы были воистину непробиваемы – склеп остался цел, хотя внутри него после этих мероприятий уже ничего не сохранилось.

Эту историю о спасении жителей села Троицкого рассказал мне один из старожиллов – Михаил Михайлович Гаврюшин. От него же я узнал и фамилию местного барина. Чуть позже в Государственном архиве Орловской области удалось найти подтверждение этому: да, в Троицком строил церковь здешний помещик Николай Родионович Мацнев.

В заключение документального повествования о Мацневых я приведу три легенды, уже несколько десятилетий передаваемых из поколения в поколение жителями нашего края.

Село Трощкое (Столбцкое поселение). Склеп помещиков Мацневых.

**Сражение на реке Липовец: сказание о 50 ливенцах,
которые сами погибли, но войско татарское остановили**
(легенда первая)

В конце мая 1623 года отряд казаков 12-й сторожи (трое детей боярских и трое казаков), находившейся в 150 верстах от Ливен, на Меловом броду через Быструю Сосну, постоянно дежуривший на самом краю русских земель, обнаружил татарскую орду. Крымцы находились в двух-трех поприщах (днях конного перехода) от Ливен.

Готовились стоять насмерть

Для ливенских воевод Засекина и Язвенцова, знавших, что незваные гости в этом году появятся обязательно, это известие оказалось все же неприятным сюрпризом. Были отправлены гонцы, чтобы уездные жители, спрятав свое добро, поспешили в город, в осаду. К засекам, т.е. местам, заваленным лесом, перекопанным рвами, приказано было собрать окрестных служилых людей.

На одной из засек, расположившейся на крутом, заросшем густым лесом берегу реки Липовец (это один из притоков реки Труды, впадающей в Сосну), усердно трудились около полусотни детей боярских и казаков. Засаку устроили

в этом месте потому, что проходил здесь удобный, хотя и неширокий, брод через реку Липовец – она узкая, зато глубокая была, илистая и с крутыми берегами. За бродом шла дорога, расходившаяся через пару верст на две – в сторону Ливен, на Орел и на Мценск.

Стучали топоры – причем, те, кто рубил деревья, делали это так, чтобы они падали не у корня, а повыше, на высоте человеческого роста (такие деревья труднее потом оттащить в сторону). Длинный и глубокий ров был заполнен водой, из которой торчали вбитые в дно заостренные толстые колья.

Конечно, эта засека не могла надолго задержать большой отряд воинских людей (слишком невелико было число ее защитников), но вот против передовых, разведывательных групп она подходила вполне.

К тому же засека находилась выше истока Быстрой Сосны, в 60 верстах от сожженного к этому времени Орла, и если татары появились здесь, это означало, что они целью ставят не захват или грабеж Ливен и Ливенского уезда, а другие, ближе к Москве расположенные города – Болхов, Мценск, Белев.

Несмотря на то, что Ливны, сожженные в 1618 году гетманом Сагайдачным, были слабо защищены, и острог не успели еще отстроить, однако 600 с небольшим защитников – все ливенцы: дети боярские, казаки, стрельцы, пушкарки, затинщики (стрелки из затинных пищалей) готовились стоять насмерть.

Прошло несколько дней, возвратились назад в Ливны пять станиц, посланных в разведку – татары словно растворились в бескрайней засосенской степи и бесследно пропали.

Ночь перед боем

На второй неделе июня прискакал в Ливны казак с шестой сторожи, стоявшей от города в 40 верстах, и сообщил, что большая татарская орда прошла мимо них, поднимаясь вверх по Быстрой Сосне, но не пытаясь переправиться через нее.

Князь Засекин и воевода Язвенцов вздохнули с облегчением: стало понятно, что не на их уезд направлен этот набег крымский.

Однако радость ливенских воевод оказалась преждевременной. В начале третьей недели июня голова полусотни, сторожившей засеку у Липовца, выехал с несколькими казаками в разведку за реку и с трудом смог незаметно вернуться обратно: большое татарское войско двигалось по сакме к его засеке. Крымцы частью отряда вышли к Липовцу уже вечером и разбили здесь лагерь.

Никифор Мацнев (так звали голову) одного из своих казаков немедленно отправил в Ливны – сообщить, что, очень возможно, татары, обойдя всю Быструю Сосну без бродов, развернули свою орду и хотят выйти к Ливнам с северо-запада, со стороны Орла, где их меньше всех ждут.

Другой казак поскакал во Мценск – нужно было сообщить и туда: слишком велика казалась татарская орда, и выглядела она очень свежей и страшной. Остальные защитники засеки ночь провели беспокойно, в полудреме, поочередно

наблюдая за горевшими в 300 метрах от них, на другом берегу реки, татарскими кострами. И, судя по ним, крымцев было никак не меньше двух тысяч.

Мацнев, всю ночь размышлявший, как с 48 воинами против этих тысяч продержаться, так и не прилег ни на минуту. Защитники засеки, дети боярские и казаки, вооружены были пищалями и саадаками (лучников было 30, а владельцев пищалей – почти в два раза меньше). Стрел к саадакам имелось достаточно, а вот свинца и пороху к пищалям хотелось бы побольше, да у самих воевод, пославших их сюда, запасов для «огонька» не хватало.

Расстрел татар на засеке

Рассветало. Вдоль речной долины стоял сильный туман, и только когда с подъемом солнца довольно высоко туман рассеялся, передовой отряд крымцев начал спуск к реке.

Мацнев уже заметил: у татар пищалей нет – луки, стрелы, мечи, и это была единственная хорошая новость для русских воинов. Голова поэтому в самом начале боя решил напугать противника и – по возможности – деморализовать его.

Брод через Липовец здесь не широкий, и татары это знали. Пять передовых всадников на низкорослых лошадках находились уже посередине реки, когда Мацнев махнул рукой: «Пали!»

Пятеро казаков, лежавших на краю засеки за срубленными огромными дубами, выстрелили почти одновременно. В воду упали трое крымцев, одна лошадь, и лишь пятый всадник не пострадал, но напуганная лошадь так резко рванула в сторону, что и он свалился с коня. Так начался бой полусотни Никифора Мацнева с татарской ордой.

Еще трижды, уже гораздо быстрее и в большем количестве ордынцы пытались переправиться через Липовец и каждый раз, с большими потерями, были вынуждены отступать. Причем, экономя свинец и порох, Мацнев чаще выставлял вперед лучников, умело поражавших татар в незащищенные места.

Крымцев особенно бесило то, что стрелявших в них они совсем не видели – умело построенная засека надежно укрыла защитников, не давая возможности татарам хотя бы приблизительно узнать, сколько же перед ними противников. Пару раз – после четвертой неудачной попытки переправиться – ордынцы пускали тучи стрел в сторону засеки, правда без особого успеха (трое детей боярских и двое казаков были ранены, но из боя не ушли).

К концу дня в лагере татар началось какое-то движение. Наблюдавший за полем боя Мацнев увидел, как, оставив у речки солидное прикрытие, основная часть татарского войска двинулась вверх по течению реки – к ее истокам.

Голова понял, что татары решили обойти реку (благо до ее начала было всего 6-7 верст) и окружить защитников засеки с незащищенной стороны.

Да, Мацнев это понял, но и просто уйти, спасаясь, он не мог – это увидели бы татары из числа тех, что находились напротив, за рекой.

Неравный бой

Наутро татарское войско полукольцом охватило засеку и ее защитников с сухопутной стороны и блокировало от реки.

Неизвестно, сколько времени продолжался этот смертельный последний бой русских воинов с огромной татарской ордой, но не один час – точно. Крымцам пришлось спешиться, поскольку в лесу на лошадях не повоюешь, а в пешем бою ливенцы дрались, аки барсы. И только изнемогшие от ран, окруженные каждый десятком врагов, они пали на поле боя, забрав с собой в мир иной по нескольку противников.

Понеся большие потери на берегу неизвестной речушки и узнав о том, что к месту боя сразу с двух сторон – из Мценска и Ливен – спешат русские отряды с пищальями и пушками (посланные Мацневым казаки свою задачу выполнили), татары решили судьбу не испытывать и тем же путем, но теперь по течению Быстрой Сосны, ушли в степи. Своих погибших воинов перед уходом они похоронили у леса, рядом с местом боя.

Ливенский воевода князь Засекин с отрядом в 300 человек, вооруженных пищальями, с двумя небольшими полковыми пушками подошел к Липовцу на следующий день. С ним возвратился и посланный Мацневым ливенский казак.

Каждый из погибших детей боярских и казаков имел не одну рану, многих уже после смерти татары в ярости исполосовали холодным оружием.

Воевода приказал перенести павших воинов по тому же броду через реку, которую они защищали, на другую сторону Липовца. И уже здесь, напротив засеки, выкопав каждому из 48 отдельную могилу, их похоронили.

Татарское кладбище

Это место жители небольшого села Троицкое (находящегося в Покровском районе. – А.П.) называют до сих пор Татарским кладбищем, но не потому, что похоронены здесь татары, а как раз наоборот – русские воины, погибшие в бою с татарами. Кладбище, которому уже почти 400 лет, имеет форму прямоугольника, внутри которого хорошо видны маленькие холмики над могилами. Их, если посчитать, как раз около 50.

Легенду же о событиях четырехвековой давности, передававшуюся из поколения в поколение, рассказал мне ныне уже покойный житель Троицкого Михаил Михайлович Гаврюшин. Он же показал точное место нахождения Татарского кладбища.

Честно скажу, я ему не поверил. Но два года спустя мы пришли сюда с учащимися – членами краеведческого кружка и провели пробное вскрытие одного из холмиков. Это действительно оказалась могила, а в ней уже истлевшие останки. Значит, правдой было все рассказанное троицким старожилом? (Останки мы бережно закопали обратно. – А.П.)

И еще. В начале XIX века жил неподалеку от Троицкого, в деревне Родионовке, один помещик – Родион Мацнев, тоже узнавший об этой истории. Выяснил он подробности тех событий и решил, что Никифор Мацнев – ливенский голова, командир той славной героической полусотни, погибший в полном составе в бою с татарами, его предок. В память о нем построил Родион Мацнев церковь в Троицком и усадьбу свою сюда перенес.

Церковь Святой Живоначальной Троицы просуществовала до начала 30-ых годов XX века. Ходил молиться в нее Родион Мацнев, потом его дети и внуки, и почти все они у стен ее похоронены.

В 30-ых годах церковь закрыли, а потом взорвали, используя битый кирпич для строительства общественных зданий в райцентре Покровское. От всех мацневских могил остался фамильный пустой склеп без дверей и надгробие одной из Мацневых – Елизаветы Васильевны. Да еще легенда, прожившая 400 лет. Она, думаю, проживет еще столько же.

Долина реки Липовец под селом Троицкое, где состоялся легендарный бой.

Вид на с.Троцкое и Татарское кладбище (на переднем плане).

Вид на бывшую д.Родионовка, где находилось имение Родиона Мацнева.

Место в селе Троицкое, где стояла церковь Святой Живоначальной Троицы.

Церковь с. Троицкаго-Богословскаго, Малоярослав. у. Орл. губ., 1749 г.

Троицкая церковь села Троицкое, построенная на средства помещиков Мацневых.

Надгробная плита Елизаветы Мацневой (с.Троицкое).

Спасение капитана Мацнева, или ночь перед Рождеством близ хутора Калабина (легенда вторая)

Не думал – не гадал Генерального штаба Российской императорской армии капитан Владимир Мацнев, отправляясь в середине декабря 1845 года в короткий рождественский отпуск, что коренным образом меняет свою судьбу. Начиналось то всё довольно прозаично.

Бог и тётя подарили Богдановку

Закончив несколько лет назад Императорскую Военную академию, Владимир Мацнев успешно служил при Генштабе. В военных кампаниях участвовать ему не доводилось, поскольку в польскую (1831 года) по причине юного возраста он опоздал, а других на его время пока не выпадало. Впрочем, Владимир Николаевич не особо по этому поводу переживал, благо заняться ему было чем.

Тридцать третий год уже шёл капитану, но ходил он холостым. Имелась у Мацнева невеста, звалась Елизаветой, из знатного рода князей Голицыных, да вот вести разговоры о свадьбе с её родителями капитан стеснялся по причине отсутствия у него хоть какого-то состояния. От рано скончавшихся родных папёнки и мамёнки имений по наследству Владимир Николаевич не получил, да, честно говоря, и перспективы с этим не предвиделось никакой.

Но тут вдруг Бог подарок капитану сделал. Умерла его родная и бездетная тётка Варвара Богданова, и завещала она любимому племяннику имение её в Ливенском уезде, деревню Богдановку, со всем движимым и недвижимым имуществом.

Вот во время отпуска и собрался капитан Мацнев познакомиться с неожиданно свалившимся на его голову наследством, провести, так сказать, ревизию. К тому же, его на Рождество пригласил к себе в гости родственник, муж двоюродной сестры Надежды, Александр Лилиенфельд, имение которого находилось неподалёку от Богдановки.

О том, как Мацнев от Санкт-Петербурга до Ливен добирался, я умолчу. Но скажу, что ехал не торопясь, на собственном возке (крытый зимний экипаж на полозьях – А.П.) и со своим кучером, вольноотпущенным Михайлой Антоновым.

Успел капитан передохнуть на постоялом дворе неподалёку от Ливен, и целый день 24 декабря посвятил потом знакомству с хозяйством доставшегося ему имения. Отчёт управляющего, назначенного ещё покойной тёенькой Варварой, Мацнева не вполне устроил, но, тем не менее, он остался доволен осмотром хозяйственных постро-

*Генерального штаба Российской
Императорской армии
генерал-лейтенант Владимир
Николаевич Мацнев.*

ек в Богдановке, видом дворовых людей и крестьян (вполне справные, не запуганные, а самостоятельные мужики). Да и сумма годового денежного дохода от имения радостно удивила небогатого капитана.

«Чёрт нас водит...»

Взмывленный от навалившихся хлопот и новых впечатлений, Мацнев о поездке к родственнику вспомнил только к вечеру. Ехать куда-то, на ночь глядя, ему, честно говоря, не очень хотелось. Но, после беседы с управляющим, Владимир Николаевич успокоился, поскольку до неизвестных ему Ломигор от Богдановки было всего 5 вёрст.

Погода стояла тихая, спокойная, с лёгким морозцем. Дорогу, хорошо укатанную и даже утрамбованную многочисленными копытами, капитану и его кучеру показали. Мацнев так расслабился от предстоящего у Лилиенфельдов рождественского сочельника, что даже не стал одеваться потеплее.

Кучер только успел подать голос: «Н-н-но, милый!», как накормленный, застоявшийся и отдохнувший за день конь Буланый резво рванул вперёд. Минут за пятнадцать он отмахал две версты, когда на ясном небе показалась первая звезда. Владимир Николаевич стал уже представлять себе накрытый родственником стол *с сочнями* (пирогам с начинкой из гороха, гречки, чечевицы, капусты – А.П.), *с кутьёй* (поминальное блюдо наподобие пшеничной или рисовой каши с мёдом, изюмом, щедрым сладостным конопляным маслом – А.П.). И Мацнев, плотно покушав, запиная всё это богатство *взваром* (компотом из сушёных фруктов – А.П.).

Но тут сладостные мечты капитана Генштаба о разговении после долгого поста прервал внезапно налетевший ветер, нагнавший снеговые тучи, из которых снег даже не пошёл, а буквально повалил целыми лепёшками. Стало не видно не только звёзд на небе, но и дороги: её заметало на глазах. Мацнев толкнул кучера: «Гони быстрее!» Но слуге уже и так было ясно: надо спешить. Пока ещё можно было ехать быстро, Буланый «рвался из всех сил и сухожилий».

Однако прошло полчаса, а признаков населённого пункта или жилья не появилось. Мало того, Антонов вдруг испуганно прокричал сквозь бушевавшую метель: «Барин! Барин! Да нас чёрт водит!»

Мацнев не сразу понял своего кучера, а тот объяснил, что Буланый уже трижды за эти полчаса к одному и тому же месту возвращается – к упавшей у обочины дороги раздвоенной сосне. Значит, кружит их здесь сам чёрт, «не хочет он, чтобы мы из метели к Рождеству попали, заморозить пытаются».

Хотел было разозлиться на своего слугу капитан, да в этот момент конь и вовсе остановился, застряв по брюхо в сугробе. И как ни пытался Антонов Буланого понукать и даже бить кнутом, толку из этого не вышло.

Что случилось дальше, капитан Мацнев потом описал в своём обращении в Ливенский земский суд: «...*Все средства к отысканию способа выехать на дорогу или прибиться к какому жилью оказались тщетными, я решился стоять на месте с лошадей, которая утопла в глубине снега, а кучера послал искать спасения, коего определения зависело от одного Бога. Около двух часов оставаясь я уже один, оклики кучера не стали мне слышны, я приходил в отчаяние, имея притом лёгкую одежду...*».

Прекрасная Аксинья и Гоголь

И вот когда капитан уже почти потерял надежду выбраться из снежного плена, но отчаянно, онемевшими губами, продолжал молиться, обращаясь к Богородице и Спасителю, спасение пришло.

Однородец села Крутого Елецкого уезда Дмитрий Лыков, управлявший хозяйством елецкого I гильдии купца Калабина на его хуторе, возвращался из Ливен на этот самый хутор. Ехал он с тремя своими работниками и собственной дочерью – девицей Аксиньей (упросила она отца взять её в Ливны на базар, подарочек ей батюшка обещал к Рождеству, а она сама себе хотела его выбрать). В начавшейся метели спешил Лыков с попутчиками побыстрее до тёплого дома добраться, дороге они и в темноте хорошо различали. Но так бы и проехали мимо уже полностью замётённого капитана Мацнева и его лошади (они, оказывается, в овраг свалились), да Аксинья вдруг закричала: «Батюшка, батюшка, остановитесь! Там кто-то есть!»

Откопали уже почти окоченевшего Мацнева Лыков и его работники, вытащили на себе и на хутор доставили. Заставили капитана выпить чего-то горького и горячего, укутали его в тулуп и на русскую печь положили.

Отогрелся Мацнев и проспал весь сочельник. Проснулся утром, на Рождество, мокрый от пота, но совершенно здоровый. Его кучера Антонова с лошадей тоже спасли Лыков с помощниками и сюда же доставили.

Перед тем, как отправить капитана в дальнейший путь, Дмитрий Андреевич Лыков усадил спасённого гостя за стол и угостил его от души – «на всю катушку». Блюда на стол ставила и ухаживала за Мацневым Аксинья. «Вот, барин, если б не она, мы бы тебя и не заметили бы. Сгинул бы ты в овраге», – сказал, между рюмками и закусками, Лыков.

И тут капитан Генштаба первый раз взглянул на свою спасительницу. Взглянул и почувствовал, что пропал. Был он мужчина видный, статный, с пышными усами и пронизывающим взглядом, всегда знал, что нравится женщинам. Собственно, свою невесту, Елизавету Голицину, не он выбрал, а она его. А тут Мацнев растерялся и не знал, что сказать и как действовать.

В общем, быстро-быстро он собрался и к родственнику помчался. Погостил у Александра Лиленфельда и своей двоюродной сестрицы, Рождество отметил на славу, но с удивлением обнаружил, что про красавицу Аксинью Лыкову думает постоянно.

Возвращаясь к себе в Богдановку, заехал Мацнев – как бы попутно – на хутор Калабина. Поблагодарил ещё раз Лыковых за своё спасение, спросил Аксинью, не хочет ли чего в подарок. Порозовевшая и ещё более прекрасная Аксинья вдруг спросила: «Барин, а ты не читал писателя Гоголя – «Ночь перед Рождеством?»

Капитан от удивления едва не поперхнулся. На глухом хуторе в тысяче вёрст от столицы деревенская девица спрашивает его о Гоголе, да ещё об очень популярной в Петербурге повести!

«Читал, конечно. А что, ты тоже, как Оксана, черевички хочешь от царичи?» – он спросил это с лёгким сарказмом, почти уверенный в ответе. «Нет, барин, черевички мне не нужны. А вот книжку Гоголя почитать! Читать я умею! А про чёрта, ведьму, кузнеца Вакулу и Оксану мне в Ливнах на базаре рассказали».

Владимиру Николаевичу стало неудобно: «Хорошо, обещаю!»

«Да, барин!»

Уехал он после Нового года в Санкт-Петербург, очень надеясь забыть как саму историю, так и Аксинью. Хотел было навесить однажды невесту, но почувствовал, что не надобно этого ему. Как отрезало!

Зато сны стали сниться капитану Генштаба чудные: то Аксинья в черевичках с золотым шитьём, то кузнец Вакула на метле, то чёрт, который ведёт под уздцы его коня Буланого куда-то в глухую чащобу. В общем, чёрт-те что!

Понял Мацнев, что спасать свою душу надо. Для начала отправил «Объявление» Министру внутренних дел, в котором просил, описав случившиеся с ним события, «наградить Дмитрия Андреева Лыкова за человеколюбивый подвиг».

Не дожидаясь ответа и взяв очередной «отпуск от начальства», отправился капитан в Ливенский уезд, добрался на хутор Калабина и вручил Аксинье Лыковой купленную им книгу «Вечера на хуторе близ Диканьки». Как сияла девушка в ту минуту, – и не описать. Тут Мацнев понял окончательно, что другого выхода нет и, робея, краснея и запинаясь, спросил: «Аксинья, замуж за меня пойдёшь?»

Она ответила не сразу, потому что справлялась с сильнейшим волнением, краска брызнула на щёки, ставшие прекрасно-пунцовыми, и тихо, прерывисто: «Да, барин!»

И капитан Генерального штаба понял тогда, что такое счастье. Он возвратился в Санкт-Петербург и написал рапорт об увольнении с военной службы по семейным обстоятельствам.

Молодые поселились в Богдановке и жили в любви и согласии много лет, родив и воспитав девятерых деток. Один из их потомков и рассказал мне красивую семейную историю, передающуюся из поколения в поколение вот уже полтора века.

Прямое подтверждение этому я нашёл в документах 580 фонда Государственного архива Орловской области...

**Как брат у брата невесту отбил
(легенда третья)**

Эту историю я услышал лет тридцать тому назад, а потом, через несколько лет, в том же селе, уже от другого рассказчика, получил подтверждение этой легенде, правда, с некоторыми вариациями.

Братская любовь

Итак, «...почти двести лет тому назад поселился в Столбечком, уйдя в отставку, боевой генерал, участник Бородинского сражения, по фамилии Маслов. Жена у него молодая была, нерусская, из полячек, Имрика её звали. Жили они дружно, хозяйство вели да детей растили. Но скончался вскоре генерал, оставив большое наследство двум своим сыновьям – Ивану и Михаилу. Младшему Михаилу досталось родовое столбечкое имение, а старший Иван получил участок с домом в Орле. Разъехались братья по своим владениям, мать скоро замуж вышла за питерского богача и уехала в столицу, забыв о первом муже-генерале. Но Иван и Михаил в Столбечком, на годовщины смерти любимого родителя, всегда встречались на местном кладбище у Владимирской церкви.

И встретили здесь однажды братья скромно и траурно одетую молодую девушку, стоявшую неподалёку от них у одной из могил. Так получилось, что вместе все трое с кладбища уходили. Познакомились. Выяснилось, что отец Софьи, помещик сельца Емельяновка, недавно умер, и живёт девушка с мамочкой и младшим братом. Хозяйство у них небольшое, но им на содержание хватает.

С тех пор неженатые братья потеряли покой и сон, влюбившись, как мальчишки, с первого взгляда, в совершенно им до этого незнакомую и очень молодую особу. Софье ведь только-только 16 лет исполнилось.

Но если Михаил Маслов в Столбечком жил и мог в соседнюю Емельяновку, чтобы повидать красавицу, хоть каждый день (якобы, ненароком) заезжать, то Ивану из Орла приходилось сотню вёрст каждую поездку делать. Время шло, и между прежде неразлучными братьями как будто чёрная кошка пробежала.

А избранница их Софья никак не могла определиться – кому предпочтенье отдать: братья были похожи ростом, статью, обхождением. Короче, год прошёл, а всё оставалось на том же месте. И договорились однажды Иван и Михаил, что предложат красавице выбор, всё-таки, сделать – но после показа ей чуда дивного. И чьё чудо глянется Софье больше – тот и сделает ей предложение, а другой больше не станет рядом мельтешить. На том и порешили.

Как в Столбечком воздушного шара испугались

Прошло ещё полгода, прежде чем устроили братья настоящее народное представление, которое всё село Столбечкое помнит и 150 лет спустя. Но главным зрителем и критиком была, конечно же, Софья.

Иван Маслов привёз в Столбечкое на трёх вместительных телегах какое-то необычное имущество, и когда он стал всё это выгружать, а потом и собирать, то народ ахал, охал, кричал и визжал от восторга и удивления. Когда же к большой плетёной корзине Иван привязал полотно, зажёт горелку, и полотно на глазах зрителей стало превращаться в шар, то столбечкие мужики, бабы и ребятишки от страха разбежались в разные стороны.

Красавица Софья не убежала, хотя ей тоже было не по себе. Она дождалась картины подъёма воздушного шара вместе с сидевшим в корзине Иваном Масловым в небо – высоко-высоко. Но картина эта – как зрительнице – Софью совершенно не впечатлила, тем более что сильный ветер унёс шар за несколько вёрст, и первый орловский воздухоплаватель возвратился в Столбечкое только поздно к вечеру. Как раз к началу представления, которое подготовил младший брат Михаил.

Файер-шоу 150 лет назад

За полгода его крестьяне в глубокой балке рядом с помещичьим домом соорудили большой пруд почти идеально круглой формы, который за несколько месяцев наполнился чистойшей, изумрудно-прозрачной водой. На

берегах этого пруда и разместились многочисленные зрители, уже отошедшие от испуга, которому их подверг старший Маслов.

Как только стемнело, спектакль начался – именно спектакль, в котором все действия были тщательно продуманы и отрепетированы. По периметру пруда, у берегов, стояли восемь лодок с вытянутыми носами, к которым были прикреплены длинные шесты. На концах этих шестов наиболее зоркие из жителей рассмотрели что-то привязанное.

Пруд помещика М.М.Мацнева в селе Столбецкое.

Уже стемнело, когда появился Михаил Маслов. Дворовые принесли кресла, в которые усадили почётных гостей-помещиков, а в центре – красавицу Софью. Михаил взмахнул рукой, и представление началось.

На всех восьми лодках одновременно появилось по два человека. Один садился за вёсла, а другой подносил имевшийся у него в руках факел к тому, что было привязано на длинном шесте на носу плавучего средства. Оказывается, это были приготовленные заранее факелы, которые загорелись ярким пламенем, осветив берега пруда.

Факельщики, выполнив свою работу, покинули лодки, а оставшиеся гребцы заработали вёслами, направляя лодки в центр пруда, навстречу друг

другу. Когда плавательные средства сблизились друг с другом так, что образовали круг диаметром примерно 20 метров, зрители дружно ахнули, поскольку вода в центре пруда вдруг вспыхнула языками огня. Огонь взметнулся вверх, к кронам деревьев, которые тоже загорелись, и зрители чуть было не рванулись бежать, но...громкий смех Михаила Маслова всех остановил.

Это была только иллюзия – и пруд не горел, да и деревья тоже. Но каким-то неведомым способом свет горящих на носах лодок факелов отражался дважды – и в воде, и на 20-метровой высоте парковых деревьев.

А когда гребцы на лодках стали вращать их вокруг собственной оси, работая одним веслом, факельное зрелище стало ещё фантазмагоричнее (наверное, было почище, чем современные файер-шоу – А.П.).

Всё продолжалось около полудня, а потом внезапно наступила на пруду полная темнота, которая поглотила всю огненную красоту. Софья была в восторге, и объяснять что-либо братьям ей не было необходимости.

Жизнь в зазеркалье

Секрет прудового спектакля Михаил Маслов объяснил молодой жене вскоре после свадьбы. Всё дело было в двух десятках больших зеркал, уложенных на дне созданного пруда, и таком же их количестве, прикрепленных к большим веткам деревьев. Расчёты помог сделать один из питерских инженеров, родственник нового мужа матери.

Иван Маслов после этих событий покинул Столбечкое навсегда и, по слухам, потом разорился, увлечшись производством воздушных шаров.

А Михаил, оставшись хозяином столбечкого имения, через некоторое время совершенно изменился, превратившись в пьяницу и изувера, издевавшегося крестьянами, над собственной женой и маленькой дочерью. В конце концов, царь лишил его дворянства и отправил в ссылку в Сибирь, где он и умер.

Что касается масловского пруда, он цел и до сих пор. Правда, зеркал на его дне давно нет. Их вытащили местные предприимчивые мужики во времена НЭПа и выгодно продали. А те, что висели на деревьях, были сняты сразу же после представления. Вот так!» – завершил повествование мой второй рассказчик.

Достаточно скоро я многому из рассказанного нашёл подтверждение в документах Государственного архива Орловской области. Правда, **фамилия генерала, героя Бородинского сражения, и его сыновей Ивана и Михаила оказалась чуть другой – Мацневы**. Но генерал Михаил Николаевич Мацнев действительно умер в селе Столбечкое, и жена его действительно была нерусская – Эмерика (Емерика) Адамовна. Старший сын генерала Иван стал первым орловским воздухоплателем и первым русским воздушным разведчиком. А младший, Михаил, – на самом деле превратился в садиста, которого наказали точно как в легенде. Об этом я рассказал тебе, уважаемый читатель, чуть ранее.

Мухортовы: несколько фактов из жизни одного помещичьего семейства

В наше время люди среднего возраста, пожилые и старики часто ругают молодёжь – за то, что она не такая, какими были они в молодости, что вообще у современных молодых людей нет идеалов, и многие из них – уголовники, наркоманы, алкоголики и аморальные типы. И, если следовать этой логике умудрённого опытом поколения, то выходит, что чем глубже опускаться в историю, тем моральнее в веках становятся представители молодёжи.

А между тем, люди (и молодёжь, естественно, тоже), с точки зрения своего поведения, мало изменились. Всегда были и есть те, кто следует закону (их большинство), и те, кто его нарушает (явно или тайно).

Послушай, читатель, историю, случившуюся давным-давно, когда ещё и Орловской губернии-то не было.

Река Сосна в окрестностях села Фёдоровка.

«Дело о нещадном наказании розгами...»

30 ноября 1772 года у ливенского помещика, секунд-майора Фёдора Яковлевича Мухортова пропала малолетняя дочь Анна. Поиски, в которых принимали участие все дворовые люди помещика, долго не давали результатов, пока не проговорилась одна из крепостных малолетних девок, Дарья Михайлова, что знает о судьбе пропавшей.

Она, а потом и её подружки рассказали, что случилось вечером 29 ноября. Помещицья дочь Анна любила (за неимением подруг из своего круга) играть с ровесницами из числа дворовых, и отец, Фёдор Мухортов, особо этому не противился.

Из-за чего произошла ссора помещицье́й дочки и крепостных девчонок, никто потом на следствии не упоминал. Может быть, всё и закончилось бы, в крайнем случае, выдираaniem клока чьих-нибудь волос, да подключились к делу увидевшие ссору взрослые крепостные мужики этого имения – Фёдор Фролов, Иван Осипов и «новокрещённый из турок» Павел Иванов. Они-то и подговорили малолеток и сами помогли страшное дело сделать: задушили помещицью дочь. А потом, чтобы скрыть следы преступления, все вместе отнесли тело убитой к реке, где бросили под колёса работающей водяной мельницы.

Немедленно к месту водосброса были Мухортовым посланы крепостные крестьяне, и через несколько часов тело Анны было найдено. Будь Фёдор Яковлевич обычным крепостником, наверное, он наказал бы и взрослых убийц, и девчонок-малолеток самостоятельно, ведь лишился единственной дочери. Однако помещик поступил по закону и написал «прошение» в Ливенскую воеводскую канцелярию.

Сразу же об этом событии узнал Воронежский губернатор, генерал-поручик и кавалер Алексей Михайлович Маслов.

И закрутилось дело, перипетии вокруг которого длились целых 10 лет, поскольку уж очень необычным оказалось оно для чиновников и судей.

Для начала, конечно же, всех преступников заключили под стражу («под караул»). Но если со взрослыми было всё понятно, и их быстро осудили отдельно (как обычных убийц), то с малолетними ни ливенские чиновники из Воеводской канцелярии, ни судьи Ливенского уездного суда дел никогда не имели и очень сильно затруднились.

Поэтому Ливенская воеводская канцелярия, после первичного рассмотрения *«дела малолетних дворовых девок Дарьи и Елены Михайловых, Агафьи Ивановой, Авдотьи Марковой, Натальи Семёновой, Афимьи Герасимовой, Пелагеи Осиповой, Дарьи Ивановой и Дарьи же Максимовой дочерях»*, направила прошение по инстанции, в Воронежскую губернскую канцелярию.

Воронежские чиновники сделали запрос в Крутицкую духовную консисторию, выясняя, сколько же лет преступницам, однако оттуда пришёл ответ, что метрических книг с записями о рождении названных лиц нет.

Не решившись на самостоятельные действия, Воронежская губернская канцелярия обратилась во Второй Департамент Правительствующего Сената.

Пока шла переписка, шли и годы. А малолетки, подрастая, продолжали сидеть «под караулом». Уже и губернатор в Воронеже сменился (им стал генерал-поручик Николай Лаврентьевич Шетнев), когда, наконец-то, из Правительствующего сената поступил указ:

подвергнуть принимавших участие в *«задушении помещичьей дочери дворовых девок нещадному наказанию розгами»* – и вернуть их хозяину, секунд-майору Фёдору Мухортову.

Вот так и закончилось это неординарное дело, хранящееся в фондах Государственного архива Орловской области (ф.28, оп.1, ед.хр.6).

А все ли малолетние (хотя и подростки уже) преступницы выжили после того наказания, бумаги умолчали.

Я рассказал тебе, читатель, об истории, случившейся с дочерью Фёдора Мухортова, основателя дворянского рода, о котором поведаю дальше, рода, хорошо известного как в Орловской губернии, так и в России. Представители этого семейства дружили со многими известными деятелями российской культуры и оставили в ней заметный след. Итак, обо всём по порядку.

Захар Мухортов, знакомый Ивана Тургенева

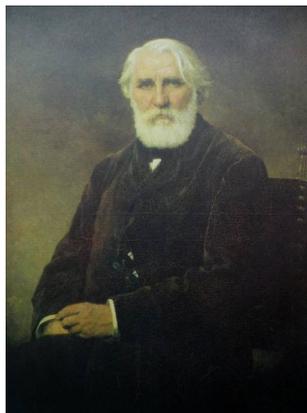
29 октября 1854 года Иван Сергеевич Тургенев пишет письмо Николаю Алексеевичу Некрасову, в котором спрашивает: *«Женился ли Захар Николаевич Мухортов?»*

Если один великий писатель задает вопрос другому великому писателю в отношении третьего лица, значит, этот персонаж достоин внимания знаменитых личностей.

В примечаниях к Полному собранию сочинений и писем И.С. Тургенева сказано, что Захар Николаевич Мухортов – знакомый Тургенева, вице-президент Вольного экономического общества, гофмейстер двора, владелец имения в Орловской губернии.

Иван Сергеевич очень ценил Мухортова как экономиста и хозяйственника и когда с начала 70-ых годов XIX века начал подумывать об аренде или продаже своих имений, чтобы улучшить экономическое положение, то уповал на помощь и советы опытных соседей – И.Ф. Кутлера и, конечно, З.Н. Мухортова.

Когда же Тургенев в 1875-ом году начал практическую реализацию этих планов, то свое имение Топки он предложил взять в аренду опять – таки Захару Николаевичу. Сделка не состоялась, но на хороших отношениях писателя и

Иван Сергеевич Тургенев (портрет работы А.А. Харламова, 1875).

вице-президента Вольного экономического общества это никак не сказалось – тем более, что уже в следующем году Мухортов скоропостижно скончался.

Хорошо знал писатель и Александру Николаевну Мухортову (Юханцеву – в девичестве), с которой регулярно общался и в Санкт-Петербурге, и за границей, в Париже. В одном из писем Тургенев называет ее «приятельницей». Иван Сергеевич и Александра Николаевна приезжали друг к другу на чай и теплую беседу.

Особенно сблизились Тургенев и Мухортова в последние годы жизни писателя. В письме М.М. Стасюлевичу от 8(20) декабря 1882 года из Парижа Иван Сергеевич просит его передать отписки «Стихотворений в прозе» пяти адресатам, в том числе и Александре Николаевне.

Судя по всему, была в эти годы и переписка между Тургеневым и А.Н. Мухортовой. Доказательством этому служит письмо Ж.А. Полонской, в котором она сообщала писателю: *«Мой муж был у Александры Николаевны Грот, бывшей Мухортовой, и слышал от нее, что будто бы Вы писали ей, что хотите вернуться навсегда в свое Отечество – честь Вам и слава, если это правда, а не просто фраза из желания помазать по губам».*

Имена Тургенева и Мухортовых в Малоархангельском уезде Орловской губернии находились по соседству. От Федоровки, принадлежавшей Мухортовым, до Топков всего 12 верст.

В августе 1878 и в августе 1881 года (в свой последний приезд в Россию) страстный охотник Тургенев приезжал поохотиться именно в мухортовское имение, в котором в это время проживали сама Александра Николаевна и два ее сына – Николай и Захар, не меньше писателя уважавшие одно из любимых помещичьих занятий.

Шуточное упоминание о первой из этих охот содержится в письме А.А. Фету, которому из Буживаля 30 сентября (12 октября) 1878 года Тургенев сообщал: *«В течение последних двух лет я убил всего одну галку, и то не здесь, а в России, в Малоархангельском уезде, в имении госпожи Мухортовой, у которой я гостил».*

Пожалуй, именно этими сведениями и ограничиваются те знания о Мухортовых, которые мы могли бы почерпнуть из писем самого Ивана Сергеевича или литературы о нем.

Нам неизвестны произведения Тургенева, в которых отразилась бы в том или ином виде биография Захара Мухортова или кого-либо из членов его семьи.

Однако я думаю, что судьба Захара Николаевича, его жены и детей (впрочем, и истории их рода) достойна была такого отражения. Впрочем, я не литературовед, а краевед, и мой материал – о семье, имевшей какое-то отношение к великому русскому писателю.

Пруд Мухортовых в селе Фёдоровка.

Один из мухортовских островов.

Малоархангельские помещики Мухортовы

Согласно ливенским писцовым (Приправочной и Переписной) книгам XVII века служилые люди Мухортовы были в числе пионеров, колонизаторов и пахарей этого, тогда пограничного с «диким полем», края.

Государство за пограничную службу и за освоение безлюдных ранее мест наделяло первых помещиков земельными владениями, очень небольшими вначале и чаще всего без крепостных крестьян. Получили такие участки и Мухортовы.

После образования Орловской губернии и появления нового уездного деления мухортовские владения оказались в Малоархангельском уезде. Так, согласно «Сказкам 4-ой ревизии о помещичьих крестьянах Малоархангельского уезда» (это 1782-ой год) у подпоручика Ивана Мухортова и его брата, секунд-майора, Федора Мухортова они имелись в селе Вязоватое.

Фёдор Яковлевич Мухортов, с рассказа о семейной трагедии которого я начал повествование, с течением времени владел уже несколькими поместьями. Одно из них удобно расположилось в верховье речки Кунач, где возник вначале небольшой населенный пункт, названный фамилией владельца.

Шло время, дворянский род Мухортовых ветвился и рос численно. У Фёдора Яковлевича родились трое сыновей: Василий, Николай и Аким.

В 1801 году все они, представив соответствующие доказательства, были внесены в Дворянскую родословную книгу Орловской губернии, в 6-ую часть.

Василий Федорович Мухортов (дед Захара Николаевича), дослужившийся до полковника, был не только малоархангельским, но и мценским помещиком. У него имелся только один сын – Николай (других детей обнаружить, пока, не удалось). Основным имением Василия Фёдоровича, а потом и его сына в Малоархангельском уезде являлось сельцо Фёдоровка (названное именем основателя рода, с начала 50-ых годов XIX века, после постройки Владимирской церкви оно превратилось в село – А.П.).

Родовым гнездом его братьев Акима и Николая Фёдоровичей Мухортовых, а затем их наследников стала та самая деревенька в верховье речки Кунач. Вокруг неё расположились владения двух семейств Мухортовых, ставших одними из крупнейших землевладельцев Малоархангельского уезда (в 80-е годы XIX века у них было более 10 тысяч десятин земли). Я не буду рассказывать обо всех представителях этого семейства, поскольку это заняло бы достаточно много времени. Речь пойдёт только о тех из них, кто жил в Мухортовой.

Вначале, как я и сказал, это была деревня, но усилиями её владельцев в конце XVIII века построена была здесь Николо-Ильинская церковь, после чего деревня стала селом. По названию церкви у села появилось второе имя – Никольское, а иногда его именовали ещё и Ильинским. Долгое время Никольская церковь была центром достаточно большого прихода, в который, кроме самого села, входило несколько соседних деревень: Фёдоровка (пока в ней не появилась своя церковь), Николаевка и даже такая достаточно далеко находившаяся, как Переведённая (Переведенская, Переведеновка). Кстати, именно в Никольской церкви крестили Захара Николаевича Мухортова, родившегося в августе 1820 года, когда в его родной Фёдоровке церкви ещё не было.

Согласно «ревизским сказкам» (переписям населения) по Малоархангельскому уезду за 1816 год (ГАОО, ф.760, оп.1, ед.хр.387), владельцами села Никольского, что на Вышнем Куначе, являлись майор Аким Фёдорович Мухортов, его жена Ольга Ивановна и вдова, поручица, Авдотья Сергеевна Мухортова (жена умершего к этому времени брата Акима Фёдоровича, Николая Фёдоровича Мухортова – А.П.) с малолетними детьми, сыном Василием и дочерью Анной, Николаевыми детьми.

Аким Фёдорович с женой управляли имением с принадлежавшими им 37 дворовыми и 200 крепостными крестьянами. У Авдотьи Сергеевны и её малолетних детей имелось здесь, в Ильинском, отдельное поместье с 86 дворовыми и 336 крепостными крестьянами. То есть, селом, со всеми его жителями, владели две родственные семьи, обладавшие более чем 600 подневольных крепостных душ.

После смерти Авдотьи Сергеевны Мухортовой хозяином в её поместье стал сын Василий. Судя по всему, хозяином он оказался никудышним, поскольку в апреле и мае 1842 года в «Орловских губернских ведомостях» было трижды опубликовано объявление о продаже, по представлению Малоархангельского уездного суда, этого имения за долги – *(«за неплатёж разным кредиторам 28 671 рубля ассигнациями»)* – достаточно большая сумма, по тем временам – А.П.).

Благодаря публикации такого объявления, я смог узнать, что же собой представляло мухортовское имение в селе Ильинском. Итак, *(«...дворовых людей, мужского пола – 24 человека, женского – 37, крепостных крестьян, мужского пола – 92, женского – 83, а всего мужского пола – 116, женского – 120.*

При сем имении – господский дом с разным принадлежащим к нему строением, земли распаханной – 410 десятин, сенокоса – 53 десятины, конопляника и огородов – 44 десятины, неудобья – 3 десятины, под фруктовым садом – 6 десятин, под выгоном – 14, всего – 530 десятин. Земля сия состоит в Куначевской даче в собственном владении, водяная мукомольная мельница на речке Куначе о двух поставах, с толчеёю. Означенное сие имение приносит годовой доход серебром 1500 рублей, а оценено по 10-летней сложности в 15 000 рублей серебром же». Получается, что, даже продав имение, Василий Николаевич Мухортов не смог бы рассчитаться полностью со всеми долгами. Видно, жил на слишком широкую ногу этот представитель семейства Мухортовых.

Купила его имение помещица Анастасия Петровна Воинова, она и владела им в течение 20 с лишним лет, пока не ушла в мир иной. Кстати, по фамилии этой помещицы часть села Никольское (Мухортово) стала именоваться **Воиновой**, а некоторое время, уже и в советские годы, существовала на карте нашего края отдельная деревня Воинова, исчезнувшая после объединения с другими населёнными пунктами в 1963 году.

Владельцы другого имения, Аким Фёдорович и Ольга Ивановна Мухортовы, один за другим, скончались к середине 40-ых годов XIX века (Ольга Ивановна умерла после мужа, в 1846 году – А.П.). Хозяином в поместье стал их младший сын, Евграф Акимович. В своё время он служил в Каргопольском драгунском, а потом – в 3-ем Новороссийском драгунском полках, но в апреле 1834 года, в чине прапорщика, был уволен от службы. Вполне возможно, это

случилось как раз по причине смерти его отца: надо было возвращаться в имение, на помощь матери. В списке владельцев имения в селе Никольское (Ильинское и Мухортово тож) Евграф Акимович Мухортов упоминается до 1869 года. Был он холост, наследников не оставил, и его имение перешло к брату, Фёдору Акимовичу.

А теперь перейдём к Николаю Васильевичу Мухортову и его жене Аграфене Николаевне. Им принадлежали село Федоровка и соседняя с ним деревня Николаевка. Земля их, общей площадью более тысячи десятин, располагалась в двух участках, рядом с населёнными пунктами.

Каких-либо подробностей хозяйственной деятельности Н.В. и А.Н. Мухортовых мне выяснить, пока, не удалось. Но в «Орловских губернских новостях» за 1852-1854 г.г. я нашел сообщение о конских бегах на призы Орловского ипподрома, где Николай Васильевич и Аграфена Николаевна упомянуты несколько раз как владельцы лошадей собственного завода, которые небезуспешно участвовали в этих первых в Орловской губернии спортивных соревнованиях.

*Мухортово (Никольское-Ильинское, село, Ивановское поселение).
Два кирпича от уничтоженной Николаевской церкви).*

Владельцы имения в селе Фёдоровка

Согласно записи от 5 мая 1827 года в «Алфавитных журналах и протоколах Орловского дворянского депутатского собрания», у малоархангельского помещика, отставного гвардии штабс-ротмистра Николая Васильевича Мухортова и его жены Аграфены Николаевны было четверо детей – два сына (Захарий и Павел) и две дочери (Наталья и Александра).

Старший сын Захарий (или Захария – именно так называли его во всех официальных документах) родился «8 августа 1820 года, в сельце Федоровке Малоархангельского уезда и крещен в приходской церкви того же уезда села

Никольского, Кунач тож»), восприемниками были майор Дмитрий Николаевич Чернышов и поручица Авдотья Сергеевна Мухортова.

Таким образом, найденная официальная запись позволяет восполнить один из главных пробелов в биографии знакомого Тургенева – отсутствие даты рождения З.Н. Мухортова во всех справочных сведениях о нем.

Кстати, благодаря прошению его отца в Орловское Дворянское Собрание можно (по косвенным данным) установить, что Н.В. и А.Н. Мухортовы жили периодически то в своем Федоровском имении, то в Москве, потому что именно там родились и были крещены двое из четверых детей – Павел и Александра.

Кроме того, знакомыми родителей Захария Николаевича были довольно знатные люди – генерал-лейтенант Алексей Васильевич Гвоздев и надворная советница Олимпиада Николаевна Мясоедова (они крестили Павла и Александру).

Наследником имения в Федоровке и Николаевке (Малоархангельского уезда) после смерти Николая Васильевича стал его старший сын – Захарий Николаевич.

Канцелярия Морского Министерства удостоверяла, что «... *Захарий Николаевич Мухортов, из дворян, при выпуске из Императорского Санкт-Петербургского Университета с званием действительного студента, вступил на службу в Санкт-Петербургскую Палату Государственного Имущества 1841, октября, 31 дня. Указом Правительствующего Сената от 30 апреля 1842 года утвержден в чине губернского секретаря, со старшинством со дня вступления в действительную службу.*

*По Высочайшему повелению за отличие по службе награжден чином коллежского секретаря 1844, февраля, 8. По прошению уволен 1847, января 25. Потом, поступя в Ведомство Морского министерства, произведен в титулярные советники со старшинством с 1848, февраля, 8, и по порядку чинов в статские советники – 1858, апреля 7-ого». В этих сведениях, где подробно расписана служебная карьера З.Н. Мухортова, сказано также, что 6 декабря 1853 года он «*Всемиловейшие пожалован в кавалеры ордена Святой Анны 2-ой степени*», причем, имеется очень любопытная добавка, нехарактерная для официальных документов.*

Его Императорское Высочество, генерал – адмирал, отправил награду владельцу со следующим рескриптом: «*Препровождая при сем Всемиловейшие пожалованные Вам знаки ордена святой Анны 2 ст., мне весьма приятно поздравить Вас с сею Монаршею милостью...*»

Из этих слов наследника престола становится ясным дальнейшее, после смерти Николая I и воцарения Александра II, приближение Захария Николаевича ко двору. Совершенно очевидно, что он смог в свое время оказать какую-то услугу императору. Придворная карьера З.Н. Мухортова также складывалась успешно: начав камер-юнкером, он дошел до гофмейстера Двора Его Императорского Величества, а в чинах поднялся до тайного советника. Значительную часть времени Захарий Николаевич, занятый служебными делами, проводил в Санкт-Петербурге, а за имением в Федоровке, которое к началу 60-ых годов XIX века было заложено в Московском опекуном Совете, смотрели мать, Аграфена Николаевна, и управляющий Фриде.

Однако регулярно (особенно после женитьбы) Мухортов наведывался в родные места. Правда, нам неизвестны пока посещения Федоровки Тургеневым при жизни Захария Николаевича. Так что их знакомство, скорее всего, состоялось в Санкт-Петербурге, но, наверняка, этому способствовали соседские отношения по имениям и глубокие экономические знания Вице-президента Вольного экономического общества.

*Георгиевский кавалер
Павел Амелин.*

Его крест 4-ой степени.

Карьера отнимала много времени у Захария Мухортова, и женился он только в ноябре 1854 года, в возрасте 36-и лет.

29 ноября 1855 года у молодых родился первый ребенок – сын, названный Николаем и умерший, к несчастью, в младенческом возрасте. Четыре года пришлось ждать Захару Николаевичу и Александре Николаевне рождения второго сына. 24 августа 1860 года он появился на свет, и родители вновь, несмотря на суеверия, назвали его тем же именем.

Следом – в 1862 и 1863г.г., родились Захарий (в честь отца) и Георгий. Но последний сын, как и первый, прожил очень недолго.

По воспоминаниям старожила села Федоровка Павла Петровича Амелина, в честь рождения второго, долгожданного сына Николая построил Захар Николаевич Мухортов в Федоровке большой усадебный дом, к которому вела широкая мощеная дорога.

Трехэтажный особняк Мухортовых видели все их гости, подъезжавшие со стороны уездного Малоархангельска, почти за километр. Особенно красивым зрелищем было в ночное время, когда загорались окаймлявшие дорогу вращающиеся разноцветные фонари.

Особо почетным гостям Захар Николаевич позволял на коляске, запряженной парой лошадей, въезжать на длинный, протянувшийся по периметру всего дома, балкон второго этажа. Отсюда, с высоты, можно было увидеть расположенные позади дома так называемые «круги» – искусственные острова размером с полудесятину

каждый. На одном из них находилась крытая беседка для чаепития, а рядом, улаждая взор гостей, плавали на воде черные и белые лебеди.

Как и многие помещики, Захар Мухортов любил лошадей. Доставшийся ему от отца конный завод он сберёг, расширил и вскоре о рысистых лошадях его узнали в Орле. Захар Николаевич и сам – на первых конских бегах на Орловском

ипподроме в 1852 году установил приз в 120 рублей серебром для одной из скачек (владельцу кобылы – четырехлетки, победившей в беге на 4 версты).

Конный завод Мухортовых просуществовал довольно долго. После смерти Захара Николаевича его сыновья, также «лошадники», любимое отцово детище не забросили. В «Памятной книжке Орловской губернии на 1893 год», где содержались данные о конских заводах Малоархангельского уезда за 1891 год, я прочел, что на заводе гвардии поручика Николая Захаровича и коллежского секретаря Захара Захаровича Мухортовых имелось 18 кобыл – маток, 2 жеребца – производителя и 6 жеребят рысистой породы.

Последние данные об этом конском заводе мне встретились в «Памятной книжке Орловской губернии на 1898 год» (число лошадей на нем уменьшилось на треть, но он еще существовал).

Мы знаем, что Захар Николаевич Мухортов был замечательным хозяином. Его многочисленные земельные владения общей площадью в 13500 десятин в трех губерниях России (Орловской, Курской и Санкт-Петербургской) были в хорошем состоянии, давая стабильный доход – и не только за счет зерновых и конопляников.

В той же родной **Федоровке (Владимирском)**, кроме конского завода, Мухортову принадлежали винокуренный и кирпичный заводы.

Большое хозяйство требовало постоянного внимания – и это у Захара Николаевича получалось, хотя в силу своей придворной должности большую часть времени он жил в столице. Избрание Вице – президентом Вольного экономического общества стало признанием его хозяйственных, экономических заслуг, а Александр II пожаловал своему слуге чин тайного советника.

Как человек образованный и талантливый во многих областях, Мухортов не чужд был и литературе. По крайней мере, писатель, критик и мемуарист Павел Анненков в письме И.С. Тургеневу от 12 (24) апреля 1853 года говорит, что *«Панаев предпочитает рассказы Мухортова»*.

25 марта 1876 года Захар Николаевич Мухортов скончался в Санкт-Петербурге от водяной болезни, очень быстро унесшей его в могилу. Отпели его в одной из церквей столицы, но погребение состоялось 3 апреля 1876 года в селе Федоровка (видно, так им было завещано – найденные мною данные о погребении взяты из метрической книги Владимирской церкви этого родного Мухортову населенного пункта – А.П.).

По разрешению Консистории в храме, с левой стороны от входа, был вскрыт пол, и в этот внутрицерковный склеп опустили тело усопшего.

Нам неизвестно, как отреагировал на смерть своего знакомого Иван Сергеевич Тургенев, находившийся в это время в Париже. Да и узнал ли он об этом вовремя – мы также не знаем.

Можно только предположить, что во время посещения вдовы и детей Захара Николаевича в 1878 году в Федоровке Тургенев никак не мог пройти мимо Владимирского храма и могилы в нем Мухортова.

Да и еще раз, в 1881 год, в последний свой приезд в Россию, будучи опять-таки в Федоровке, Иван Сергеевич наверняка побывал в церкви, а, значит, навестил своего старого знакомого.

*Разрушенная Владимирская церковь села Фёдоровка
(фото из архива семьи Т.А.Назаренко).*

Владимирская церковь села Фёдоровка (рисунок Юрия Новикова).

*Установка и освящение памятника на могиле настоятеля
Владимирского храма о.Иоанна (5 ноября 2017).*

Последние хозяева

Федоровским именем после смерти Захара Николаевича нераздельно владели оба сына – Николай и Захар.

О Николае Захаровиче мне удалось, благодаря подсказке Николая Михайловича Чернова, найти биографические данные в «Сборнике биографий кавалергардов» (1826-1908), выпущенном в 1908 г. в Санкт-Петербурге.

Родился Николай Мухортов 24 августа 1860 года, с 1873 года учился в филологической гимназии при Санкт-Петербургском историко-филологическом институте, которую окончил с золотой медалью в 1878 году, и поступил на юридический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета. По его окончании в 1882 году Николай Мухортов поступил на военную службу – юнкером в Кавалергардский полк. 13 лет прослужив в нём, в 1895-ом, ротмистром, с правом ношения мундира, Николай увольняется и возвращается в свое имение. Федоровкой все эти годы управлял младший брат – Захар, а их мать, Александра Николаевна, вторично выйдя замуж и став Грот, Федоровку покинула.

Кавалергард
Николай Мухортов.

По всей видимости, годы управления Захара Захаровича пошли имению не на пользу. По воспоминаниям П.П. Амелина, федоровского старожила, младший наследник в основном занимался развлечениями – охотой с борзыми особенно. Заводы мухортовские захирели, Захар Захарович много задолжал соседям. Может быть, по этой причине, спасая имение, его брат Николай и ушел с военной службы.

Но усилий Николая Захаровича для спасения имения оказалось недостаточно. В «Памятной книжке Орловской губернии на 1903 год» я обнаружил следующие сведения об имении Мухортовых: *«За тайным советником Захаром Николаевичем Мухортовым земли при селе Владимирском – Федоровка тож, и деревней Николаевка числится 1204 десятины 1200 саженьей. Это имение в количестве 1070 деся-*

тин 944 сажня по документам, а по описи и планам – 1170 десятин 1200 саженьей с торгов, произведенных Советом Особого Отдела Государственного Дворянского Земельного Банка в 1897-ом году перешло к полковнику Георгию Оттоновичу Раух, а от сего последнего – к разным лицам и товариществам (в полном составе)».

В следующем, 1898-ом, году Николай Захарович Мухортов умер от болезни почек, и похоронили его в Федоровке, рядом с церковью. Женат он не был и наследников не оставил. Вот запись из *«Метрических книг Владимирской церкви села Владимирское (Фёдоровка) Малоархангельского уезда за 1898-1903 годы, ГАОО, ф.101, оп.1, ед.хр.1966: «8 марта умер, 11 марта 1898 года отпет и похоронен села Феодоровки отставной штаб-ротмистр Ея Императорского Величества Кавалергардского полка Николай Захарович Мухортов, 37 лет, от воспаления почек».*

Теперь несколько слов о его младшем брате, Захаре Захаровиче. Информации о нём сохранилось очень немного, в основном, как о муже Елизаветы Сергеевны Олив (Мухортовой), о которой известно чуть больше.

Вот что написано о ней в «Книге Памяти Калужской области», посвящённой репрессированным: *«ОЛИВ Елизавета Сергеевна. Родилась в 1880 году в Джанар-Кошкуй Феодосийского уезда (отец, Олив Сергей Вильгельмович, генерал-майор). Получила домашнее воспитание. С 1905 года – фрейлина Великой княгини Марии Романовой. С 1914 года работала в Красном Кресте, с 1918 – проживала в имении сестры, Софьи Куракиной (в селе Алексеевском Малоархангельского уезда –А.П.).*

В 1919 (?) году была арестована там как заложница, но освобождена через 2 недели. Переехала в Москву к сестре Софье, работала вышивальщицей в Союзе кустарных артелей. 18 сентября 1920 была арестована вместе с сестрой, в декабре освобождена.

Весной 1928 года – арестована за «антисоветскую деятельность», 8 июня приговорена к 3 годам ссылки в Казахстан. 22 июня по ходатайству Красного Креста освобождена от ссылки с ограничением проживания (–6). Поселилась у сестры, Куракиной Софьи Сергеевны, в Тарусе Тульской области, работала в артели вышивальщиц. 13 апреля 1933 года – арестована «по подозрению в антисоветской агитации», 29 апреля освобождена, так как «обвинение не подтвердилось». В 1937 году в пятый раз арестована, а 7 декабря того же года приговорена к высшей мере наказания и 21 декабря расстреляна».

Если читатель обратил внимание, то в этой короткой справке Елизавета Олив ни разу не названа фамилией мужа, и он ни разу не упомянут проживающим с ней, начиная с 1914 года (всё время рядом оказывается сестра Софья, в замужестве – Куракина – А.П.). О детях Елизаветы Сергеевны тоже не сказано ни слова.

Между тем, при изучении метрических книг Владимирской церкви села Фёдоровка Малоархангельского уезда за 1896 и 1898 годы (именно там тогда проживал Захар Мухортов с женой) я обнаружил две записи, в которых фигурирует жена помещика Захария Захаровича Мухортова как восприемница (крестная мать) двух сыновей фёдоровского батюшки, настоятеля Владимирского храма, отца Иоанна Владимирцева: в 1896 году помещица крестила младенца Александра, а в 1898 году – младенца Михаила.

Однако «жена помещика» значится там под другим именем – «Нина Сергеевна». Можно было бы говорить об ошибке, но дважды с одним именем – сомнительно. К тому же, если бы это была «Елизавета Олив», то в 1896 году ей исполнилось бы только 16 лет. Короче, почти нет сомнений, что Нина Сергеевна Мухортова и Елизавета Сергеевна Мухортова – разные лица. И вывод здесь может быть таким: Нина Сергеевна – первая жена Захара Мухортова, а Елизавета Сергеевна – уже вторая жена. Но это лишь предположение, которое требует проверки, а для этого нужны какие-то конкретные документы.

Сам же Захар Мухортов, по некоторым данным, после продажи имения жил некоторое время в Орле, а потом уехал в Санкт-Петербург и, возможно, ещё дальше. Его следы растворились на необъятных российских просторах.

Что же касается мухортовского имения, то спустя какое-то время, оказалось оно в руках богатых малороссийских крестьян, уроженцев деревни Воробьёвка Сумского уезда Харьковской губернии, братьев Бражников. Они всем семейством переселились на Орловщину и стали землевладельцами сразу в нескольких уездах губернии – Ливенском, Малоархангельском и Орловском.

Братья Иван Григорьевич и Пётр Григорьевич Бражники, выкупив мухортовское владение, поселились в Фёдоровке вместе со стариками-родителями. Не желая рисковать имуществом при пожаре, они ежегодно страховали свои постройки, благодаря чему совсем недавно, обнаружив страховые документы в фондах ГАОО, я смог выяснить, что же собой представляла в натуре бывшая мухортовская усадьба. Прочитав (с сокращениями) *«Дело о добровольном взаимном земском страховании от огня недвижимого имущества Бражника И.Г. в Малоархангельском уезде, в с.Фёдоровка Фёдоровской волости.*

(15 сентября 1910 – 26 августа 1917)

На 14 листах

ГАОО, ф.525, оп.2, ед.хр.938

Дело №23292

Агентство в городе Малоархангельске

1915 сентября 6 дня получено за страхование имущества, принадлежащего Ивану Григорьевичу Бражник в сумме 3030 рублей.

Застраховано на период с 15 сентября 1915 по 15 сентября 1916 года.

Строения на собственной земле

План, описание и оценка строений, принадлежащих братьям Ивану и Петру Григорьевичам Бражникам при деревне Фёдоровка Фёдоровской волости, сделаны 19 августа 1911 года.

№1. Дом кирпичный, стены толщиной 1 аршин, крыт железом. На крыше три слуховых окна, размер дома: 36X20X15 аршин (поскольку аршин – это 71 сантиметр, то в переводе на метрическую систему размеры дома выглядят так: длина – 25,56 метра, ширина – 14,2 метра, высота – 10,65 метра; в дальнейшем, при желаниии, можешь сам перевести из аршин в метры – А.П.).

Первый этаж состоит из кухни, кладовой и помещения для прислуги. Потолок досчатый в двух помещениях, а в остальных своды. Высота стен 3 аршина. Две продольных и две поперечных капитальных стены. Пол кирпичный. Окон 10, дверей 10, печей 4 и одна русская. Коридор и большая деревянная лестница.

Второй этаж: две продольных и две поперечных капитальных стены. Состоит из 14 комнат. Внутри стены оштукатурены и оклеены обоями в двух комнатах. Высота стен 6 аршин, окон с двойными рамами, медным оконным прибором, выкрашеных масляной краской – 26. Дверей – 26, из которых 3 филенчатых, а остальные столярной работы. 9 печей. Потолок оштукатурен. Пол крашеный, на 35 кв.саженей паркетный. Балкон.

Третий этаж. Две продольных и две поперечных капитальных стены. Стены внутри оштукатурены. Высота стен 6 аршин. Состоит из 9 комнат. 17 больших окон с двойными рамами. Прибор медный. Рамы выкрашены масляной краской. Дверей 14 филенчатых и одна простая. Печей 3 голландских.

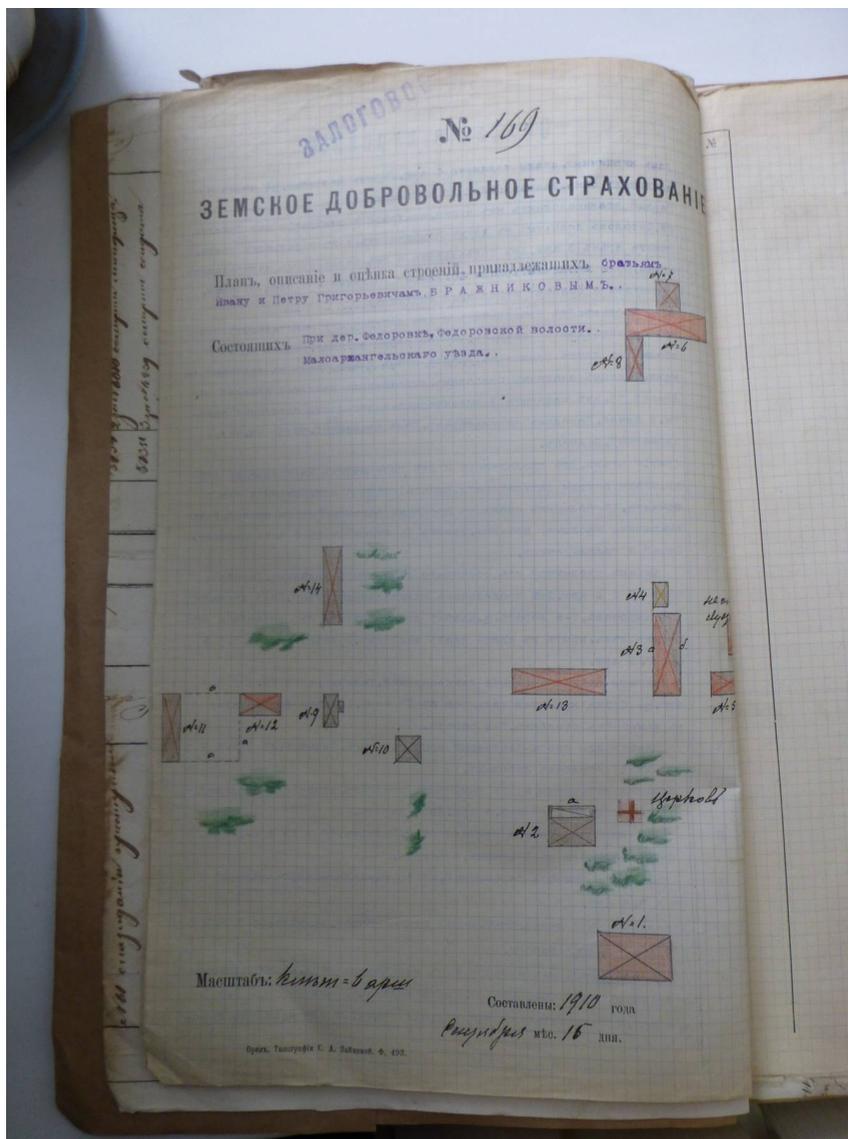
№2. Амбар рубленый из соснового леса, крыт железом (25X15X4 аршин). Две продольных капитальных стены, пол досчатый, 10 закровов, двое ворот. Навес для инвентаря из елового и осинового леса, крыт в один скат железом. Размер: 25,5X5,5X4 и 2,5 аршина.

№3. Конюшня смешанная (смешанная – значит, построена из разных материалов, например, дерево и камень, дерево и кирпич и т.д.– А.П.), крыта глиносоломой. Размер: 42X13,5X3,5 аршина. Стена каменная толщиной в 12 вершков. Стена бревенчатая в каменных столбах, двое ворот.

№4. Навес для скота плетневый, крыт соломой. Размер: 13X7,5X3 аршина на 17 столбах дубовых.

№5. Конюшня смешанная, на 14 каменных столбах, крыта глиносоломой. Размер: 23,25X12X3,5 аршин. Двое ворот.

№6. Рига кирпичная, крыта глиносоломой. Размер: 50X13X4,5 аршина, стены толщиной в 1 аршин, двое ворот.

Копия описания и и плана усадьбы Мухортовых в Фёдоровке.

№7. Сарай для привода деревянный, крыт глиносоломой. Размер: 15X15X3,5

№8. Хоботный сарай (предназначенный для хранения хоботья, то есть отходов после обмолота, или мякны – А.П.) деревянный, крыт глиносоломой. Размер: 24X8,5X3,25 аршина. Одни ворота.

№9. Дом, рубленый из 4-вершикового елового леса, на кирпичном фундаменте в 1 аршин высотой, крыт железом. Размер 19X8,5X3,5 аршина. Одна поперечная капитальная стена и две тесовые перегородки. Стены снаружи и внутри оштукатурены. Окон с двойными рамами 9, дверей 5. Пол и потолок досчатые. На 7X8,5 аршин пол крашенный. Одна печь русская и одна голландская. При доме сени досчатые с полом размером 5X3 аршина.

№10. Амбар рубленый из елового леса, крыт железом. Размер 14X14X4 аршина. Пол досчатый, семь еловых закровов. Двое ворот.

№11. Сарай для скота деревянный, крыт глиносоломой. Размер: 37X8,5X3,5 аршин. На 21 погонный аршин по длине сарая стены плетневые, а остальные из обolonков в деревянных столбах. Три двери.

№12. Сарай для лошадей смешанный. Крыт глиносоломой. Размер 26X12X3,5 аршина. Стены из обolonков, кроме 12 аршин плетневых и 9X12 аршин каменных. Досчатые перегородки, двое ворот.

№13. Конюшня кирпичная, крыта глиносоломой. Размер: 48X12X3,5 аршин. Двое ворот.

№14. Рига плетневая, крыта глиносоломой. Размер 42X11X3,5 аршин. На 29 дубовых столбах, из которых 4 больших. Четверо ворот.

Также перечислены, без описания:

флигель каменный (флигель – в понимании тех лет – это дом тоже, только меньших размеров, чем основной, и расположен он где-то рядом, на территории того же двора – А.П.), крыт железом

каретный сарай – каменный, крыт околотом (в данном случае «околот» – это пук соломы, такими пучками, пропитанными глиной, крыли часто крышу в дореволюционные годы – А.П.)

ремонтный сарай – смешанный, крыт околотом

конная молотилка – каменная, крыта околотом

молотильный сарай – каменный, крыт околотом

свинарник – смешанный – крыт околотом

птичная – смешанная – крыта околотом

людская изба – деревянная – крыта железом

конюшня – глинобитная, крыта околотом».

В 1911 году было застраховано 22 объекта (3200, 2300, 5000 (дом) и 1350 рублей) четырьмя полисами.

Последняя страховка двумя полисами была осуществлена Бражниками 11 августа 1917 года – на период с 15 сентября 1917 по 15 сентября 1918 года: на 3030 рублей (большинство строений) и 19870 рублей (дом и сарай для свиней).

В конце документов – стояли подписи Ивана и Петра Бражников.

Как теперь ты, читатель, убедился, большое, солидное было поместье у помещиков Мухортовых, доставшееся братьям Бражникам. К настоящему времени от красивейшего мухортовского дома, от усадьбы не осталось ничего – даже место заросло уже многолетними деревьями. Уничтожена и старинная, начала XIX века, Владимирская церковь – вместе с могилой Захара Николаевича в ней и могилами видных прихожан внутри церковной ограды. А на месте бывшего кладбища, где похоронен был Николай Захарович Мухортов – теперь располагаются контора местной агрофирмы и школьный двор.

Напоминает о Мухортовых лишь название вымирающего села, расположенного в 10 километрах от Федоровки. Называется оно – Мухортово и принадлежало когда-то, естественно, этому старинному роду, нескольким представителям которого посчастливилось остаться в истории благодаря их знакомству с великим русским писателем Тургеневым.

Наталья Дмитриевна Полонская-Василенко – о дворянах Мухортовых

Вместо вступления

Несколько лет тому назад, в августе 2011 года (ещё до известных украинских событий – А.П.) благодаря сайту «Малоархангельск.Ру» и интернету, состоялось моё знакомство с известной на Украине историком архитектуры города Киева Еленой (Алёной) Мокроусовой. Она рассказала мне о Мухортовых, которые проживали когда-то в столице Украины. А потом сообщила о выходе из печати книги известного сейчас, а в советские годы забытого и даже запрещённого историка Наталии Дмитриевны Василенко. Казалось бы, какое отношение имеют её «Воспоминания» к нашему краю?

Оказалось – самое прямое: мать Наталии Дмитриевны, Мария Фёдоровна Мухортова, родилась в 1852 году в сельце Липовица Малоархангельского уезда (ныне это – деревня Мухортово – та, что рядом с п.Покровское одноименного района Орловской области – А.П.). А сама Полонская-Василенко, хоть и появилась на свет в Харькове, но почти всё детство проводила в наших краях – в Мухортово, Тетерье, Кривово, Орле. И вот эти свои детские и девические воспоминания, живые и полнокровные, поместила она на страницы своей большой книги, вышедшей в 2011 году в издательстве Киево-Могилянской академии (Киев).

*Историк Наталья Дмитриевна
Полонская - Василенко.*

Алёна Мокроусова помогла мне с переводом на русский язык 40 страниц этого издания и переслала их на мой адрес. В них речь идёт о нескольких помещичьих родах Малоархангельского уезда Орловской губернии. Здесь я процитирую те страницы, которые касаются Мухортовых. Уверен, что читателю будет это интересно.

Но для начала сообщу короткие биографические сведения об авторе «Вопоминаний».

Биография Полонской-Василенко

Наталья Дмитриевна Полонская-Василенко [31 января (13 февраля н.ст.) 1884, Харьков – 8 июня 1973, Дорнштадт, ок. Ульма, Германия] – украинский историк-эмигрант, действительный член научного Общества им. Шевченко (с 1947), Украинской Свободной Академии Наук (с 1948).

Дочь историка Дмитрия Меньшова. В 1890 году окончила Киево-Фундуклеевскую Мариинскую женскую гимназию. В 1905–1911 годах обучалась на историко-филологическом отделении Высших женских курсов в Киеве. В 1909 году работала в археологической экспедиции В. Хвойко, в 1913 году сдала вступительные экзамены на историко-филологический факультет Киевского университета св. Владимира.

В 1910–1924 годы преподавала историю и географию в гимназиях, занимала профессорские должности в ряде учебных заведений, в том числе в Киевском университете. В 1920-х гг. овладела украинским языком и с тех пор писала свои труды только на нём.

В 1923 году вышла замуж за бывшего министра образования и иностранных дел Украинской Народной Республики Н. П. Василенко (1867–1935), который вскоре был арестован и обвинён в контрреволюционной деятельности. Благодаря усилиям жены через некоторое время его реабилитировали.

В 1918–1925 годах Наталья Дмитриевна работала в Киевском Археологическом Институте, в 1924–1941 годы – во Всеукраинской академии наук (в 1934–1938 годах отстранялась от работы по политическим мотивам). С 1927 по 1932 год – профессор Киевского художественного института.

В 1940 году защитила докторскую диссертацию об истории заселения южной Украины в XVIII веке.

Во время германской оккупации Украины – директор Института Археологии Академии Наук (октябрь-декабрь 1941) и Киевского Центрального Архива Старинных Актов (декабрь 1941-сентябрь 1943), научный консультант Музея-архива переходного периода (1942). Кроме того, входила в состав орготдела Киевской городской управы, была одной из ответственных за переименования городских улиц.

В сентябре 1943 года, незадолго до освобождения Киева, переехала на Запад. С октября 1943 года – референт Украинского центрального комитета во Львове (во главе с В. Кубийовичем). В 1944 году читала лекции в Украинском свободном университете в Праге.

Долина реки Липовец в окрестностях д.Липовица (Мухортово).

После переезда университета в Мюнхен с 1945 года – профессор данного университета в Мюнхене, с 1965 года – вице-президент Украинского Исторического Общества. С 1966 года – декан философского факультета Украинского свободного университета.

Умерла Наталья Дмитриевна Полонская – Василенко 8 июня 1973 года в Дорнштадте (ФРГ), где и похоронена.

***А теперь – и сами
«Воспоминания» Н.Д.Полонской-Василенко***

О предках дворян Мухортовых

Род Мухортовых принадлежал к старинным дворянским родам Орловской губернии. По преданию, основатель рода Мухортовых, мурза Мухорт был поселен в Диком Поле. Семейные документы упоминают в XVII в. дворян Мухортовых в Карачеве и у Карачева, на Диком Поле. Тогда Мухортовы были немущие служилые дворяне, и в XVIII в. не поднимались выше первых офицерских рангов. Они становятся состоятельными в конце XVIII в., когда переселились в Малоархангельский уезд Орловской губернии.

В XIX в. было две линии Мухортовых: одна шла от Николая Мухортова; сын его, Захар, служил в лейб-гвардии, затем был камергером двора Александра II, он был гигантского роста. Сын Захара Николаевича – тоже Захар – получил от отца богатство. Он был женат на красавице фрейлине Олив.

Вторая линия Мухортова, к которой принадлежала моя мать, не была так богата, но, все же, достаточно состоятельна. Она вела начало от Акима Федоровича Мухортова.

Богатству Акима Федоровича способствовало бракосочетание его с Ольгой Ивановной, богатой девицей (фамилию я забыла). Он умер молодым, и Ольга Ивановна осталась полной хозяйкой. Это была типичная помещица конца XVIII в., – властная, хорошая хозяйка, которая увеличила свое имение. Правила она своими «подданными» строго, сама делала суд и расправу. В ее доме, в главном имении, селе Никольском (современное село Мухортово Ивановского сельского поселения – А.П.), всегда было полно слуг и служанок, которые весь день работали: в комнате для девочек стояли пяльцы, на которых десятки мастериц вышивали, украшали узором, шили тончайшие наряды из линобатиста. Сама Ольга Ивановна целыми днями тоже вышивала и вышивала шелком, шерстью, бисером, разные подушки, панно, картины, портфели, кисеты и, наконец, ослепла над этими никому не нужными работами. Сохранился ее портрет – дагерротип, она увековечена уже очень пожилой, это дама в роскошном наряде, с характерным лицом, имеет черты былой красоты, с большими черными глазами и с властным, энергичным выражением.

Она имела троих детей: двух сыновей – Федора и Евграфа и дочь Ксению. Ксения рано вышла замуж и вскоре умерла. Тесных связей с семьей Мухортова не имела. Евграф Акимович служил в кавалерии, рано вышел в отставку и после смерти матери получил в наследство село Никольское. Он перестроил большой дом XVII в. с колоннами стиля ампир на большой, но некрасивый, двухэтажный дом. В нем было много предметов роскоши; мне нравились в детстве двери с зеркалами, огромные люстры; там было несколько гостиных с мебелью, обитой шелком, а в главном зале даже стены, вместо обоев, были обиты розовым шелком. В огромном старинном парке были зеркальные пруды, беседки, висячие мосты. Евграф Акимович не был лишен дворянского высокомерия и даже подписывался «Ев. Граф Мухортов», будто он имел титул графа. Он умер холостым в конце 60-х годов XIX в., и его имения перешли к старшему брату, Федору Акимовичу.

Федор Акимович родился в 1814 году (здесь автор ошибается, поскольку дата рождения Фёдора Акимовича – 1812 год, это зафиксировано записью в «Алфавитном Указателе Дворянских родов Орловской губернии» – А.П.). Кончил Дворянский пансион в Москве. Там было еще полно воспоминаний о Лермонтове, ходили по рукам его стихи, эпиграммы и нецензурные стишки. Лермонтова не любили в пансионе за его злой язык и неприятный характер, но гордились его талантом.

Окончив пансион, Федор Акимович поступил корнетом в Павлоградский гусарский полк и дослужился там до чина штаб-ротмистра. Он был чрезвычайно красив: высокий, стройный брюнет с большими черными глазами. Он сохранил до самой смерти свои физические силы и даже на 85-м году жизни приезжал верхом за 18 километров к своей дочери, обедал у нее и возвращался домой. Около 1840 года он вышел в отставку; сохранился портрет его – дагерротип, на котором он выглядит уже в гражданском одеянии красивым и стройным. В 1840 году Федор Акимович женился на молодой красивой соседке, 16-летней барышне, Наталье Дмитриевне Чиркиной.

Наталья Дмитриевна Мухортова (Чиркина)

Старшая дочь Дмитрия Петровича Чиркина, Наталья Дмитриевна, родилась в 1824 году (здесь неточность: согласно «Алфавитному Указателю Дворянских родов Орловской губернии», Наталья Дмитриевна родилась 11 июля 1825 года – А.П.). Она была лучшая из всех его дочерей. Черты лица ее были правильными, тонкий красивый нос и свежий цвет кожи, который она сохранила до глубокой старости. Единственное, что мешало ей – это чрезмерная тучность. Наталья Дмитриевна имела мягкий, добрый характер, весело, поверхностно относилась к жизни; в молодости любила веселье, танцы, а с годами – любила играть роль в обществе.

Ей было 16 лет, когда на нее обратил внимание Федор Акимович Мухортов и зачастил к Тетерье. Дмитрий Петрович Чиркин был человек старых принципов и частые визиты молодого, богатого соседа смущали его. Он просто спросил его: «Чего вы ищете в Тетерье? А если ничего не ищете, то разве вы не знаете, что бывает холостым в семье, где есть дочка "на выданье", неприлично?» Вопрос этот не застал Федора Акимовича врасплох; ответ был давно готов, но он не решался сам высказать ее. Следовательно, он теперь ответил, что бывает с честным намерением и просит отдать ему руку Натальи Дмитриевны. Дмитрий Петрович не согласился сразу, он сказал, что его дочь слишком еще молодая, она значительно моложе его и что она беднее, чем он, и обещал дать ответ через три дня.

Как теперь помню – хотя с тех пор прошло 50 лет – как у Федора Акимовича Мухортова дрожал голос, как его красивые карие глаза наполнялись слезами, когда он много раз рассказывал мне о своей женитьбе и доходил до этого момента. Как провел он эти три дня – он не помнил. Главное – он не позволил себе перед тем сказать хотя бы слово самой Наталье Дмитриевне, он, кажется, не имел для этого и возможности, а кроме того, он боялся, что отец откажет ему и тогда он поставит ее в неприятное положение. Но все проходит; прошли и эти три дня, и Федор Акимович, «с замиранием сердца», приехал в Тетерье – и тут ждало его великое счастье: Дмитрий Петрович дал согласие на брак и позволил спросить саму Наталью Дмитриевну, которая была немедленно призвана, и то-

гда дед мой, в присутствии Дмитрия Петровича, просил ее руки. Тогда, кажется, Федор Акимович не так уж волновался и не имел оснований ожидать отказа.

Получив согласие, Федор Акимович помчался в Москву покупать подарки для невесты и все, что нужно для новой жизни. Он преподнес Наталье Дмитриевне ящик с бриллиантами, что тогда стоило 2000 рублей. Хорошие кольца дополняли набор вещей. Замечательный нежно-голубой штоф для мебели спальни сохранился у меня от моей матери до последних времен (им было обита моя хорошая мебель из карельской березы). И часть бриллиантов досталась моей матери, а от нее – мне, но ... они были украдены у меня в 1919 году.

Новая усадьба в сельце Липовица

*Дорога в усадьбу Мухортовых
в Липовице.*

Молодые супруги не захотели жить с родителями ни в Тетерье, ни в Никольском, а начали свивать собственное гнездо на новом месте – **в сельце Липовице** (современная деревня Мухортово, расположенная неподалёку от райцентра Покровское – А.П), которое Федор Акимович Мухортов получил от Ольги Ивановны. Там не было барской усадьбы. Федор Акимович поселился с Натальей Дмитриевной в обычной крестьянской избе, где позже жили экономка и другая дворовая «верхушка». Липовица была живописная местность: на высоком левом берегу реки Липовица, прорезанным оврагом – начал новый помещик строить усадьбу, а его жена – сажать сад.

Дом был построен очень быстро, – на высоком холме так, что фасад, который выходил в сад, имел два этажа, а противоположный, выходящий во двор, – один. Нижний этаж был из красного кирпича – для этого построили специальный кирпичный завод. Верхний этаж был из дубовых брусьев. Некрасивый извне, он был очень неловок и внутри. Большую часть здания отвели под «парадные» номера: зала, которая шла поперек всего здания, была так велика, что там стояли четыре гарнитура мягкой мебели, рояль, орган, фисгармония, масса цветов и длинный стол, за которым могло сесть до 60-ти человек. Имелось две больших гостиных, огромная спальня, кабинет и две комнаты – одна для бонны-немки и детей, а вторая – для гувернантки, с которой жила моя мать. Меньшие дети, которых было много, жили с матерями («кормилицами»), няньками в полуподвальном помещении. Там же находилась кухня, и жил кое-кто из челяди.

Битый кирпич из усадьбы Мухортовых в Липовице.

*У старинного дома из усадьбы помещиков Мухортовых -
жительница Питера, купившая его как дачу.*

Если неуклюжим оказался сам дом, то еще хуже была построена вся усадьба, исходя из хозяйственных нужд. Большой дом, тот самый, в котором жили сначала Федор Акимович с молодой женой, разделял пополам огромный двор: направо шёл большой двор перед господским домом, покрытый зеленой травой и с двух сторон окруженный высокой стеной замечательной сирени. За домом, влево, располагался огромный двор, окруженный конюшнями, коровником, каретной, амбарами, погребами, ледниками и тому подобными постройками. Таким образом, барский двор был отгорожен от всех хозяйственных построек, и господа не видели и не слышали, что делалось там.

Еще дальше, за огромным парком, был ток («гумно»), где стояли скирды хлеба, где был овин («рига»), где молотили хлеб, а в барском доме даже не было слышно шума молотилки. Можно было не ночью, а днем, не скрываясь, вывезти все, что угодно, – и господа не услышали и не увидели бы... А там, возле барского дома, в кустах сирени всю ночь пели соловьи, доносились запахи цветов, шла спокойная, веселая жизнь ... Бабушка очень любила сад, цветы. Перед балконом был разбит огромный цветник: большой круг роз с другими цветами, масса ароматного горошка, гвоздик; чащи живописных мальв, море астр, левкоев – все это сменялось в зависимости от сезона и наполняло воздух ароматом.

Занятия Натальи Дмитриевны и Фёдора Акимовича Мухортовых

Красиво спланированные дорожки вели к реке. Большой овраг дал возможность раскинуть целый лабиринт дорожек с беседками, мостиками. Бабушка засадила несколько десятин великолепного парка и собирала, где только можно было, редкие растения; особенно любила она хвою и собрала драгоценные образцы елей, веймутов, сосен, лиственниц, можжевельника, туй, кедров и т.д.. Основой парка были вековые липы, которые остались от тех липовых лесов, что дали название реке и сельцу; следовательно, бабушка артистично связала те вековые липы с новыми посадками. Развела она прекрасный «парник» с оранжереями, где зрели персики, а в «парниках» выращивались арбузы и дыни невероятных размеров. Огромный плодовый сад с редкими сортами яблонь, груш, массой вишен, слив, крыжовника, смородины, малины, клубники был предметом постоянного внимания Натальи Дмитриевны.

В «ведомстве» ее было и молочное хозяйство: она любила коров и завела голландских черно-белых, с тонкими мордами; коровы эти давали много молока. Этого «ведомства» не касался Федор Акимович: он вел сельское хозяйство, но не очень восхищался им, вполне полагаясь на старост. Он больше любил конский завод, и, правда, лошади Мухортова славились в уезде. Утром, верхом, он объезжал поля, смотрел, как там косят или пашут; вечером приходили старосты из разных имений и давали информацию. Он на некоторых из них кричал, кого-то хвалил (равно – без оснований). Я любила ребенком смотреть, как летом из хуторов – Александровки, Големы, Козловки, Ржавца, самого Никольского – пригоняли на барский двор табуны лошадей: дед осматривал их, бесе-

давал со старостами, конюшенными, и, если был доволен, то подносил им собственной рукой водку в серебряном стаканчике (примерно половина чайного стакана). Если не был удовлетворен, то водкой не угощал.

«А ну, малый, – кричал он, – разорили – подведи мне серого, или гнедого» (здесь добавлялось имя). Если лошадь шарахалась от пастуха, то судьба таковой пастуха была уже решена:

«Ты, брат, коней не любишь, а они тебя не любят. Ищи, брат, себе другое место», – заявлял Федор Акимович.

Если же лошадь давала подходить к себе, смиренно стояла, пока держали его за гриву, – дед мой был вполне доволен – и рюмка водки была тогда обеспечена ...

Я зашла далеко, но думаю, что и за 60 лет до этого хозяйство шло так же.

Помещичий быт в Липовице

Мухортовы вели установленный порядок жизни: Федор Акимович и Наталья Дмитриевна вставали в 8-м часу, пили кофе, после того он ехал по хозяйству, а она летом шла в сад. Обедали в 3-м часу, пили чай в 6-ом, а ужинали в часу 11-ом. Так продолжалось все время.

Я хочу остановиться здесь на некоторых вопросах, характерных для той эпохи; вопросах, идущих вразрез с общими представлениями. Ни в Липовице, ни в Тетерье не употребляли, в обычных условиях, вина. К обеду подавали Федору Акимовичу маленький графинчик некой «настойки»; на столе стояли большие графины с водой и прекрасным хлебным квасом. В торжественных случаях подавали различные наливки, главное – сливянку и вишневку, или малиновку, смородиновку из черной смородины. Вина подавались очень редко и в ограниченном количестве. Также все, что покупалось в городе, – соленая рыба, икра, сладости – все это считалось предметами роскоши и употреблялось очень бережно. Все, что подавали, было продуктом собственного хозяйства. Только в пост привозили бочками соленую рыбу.

Надо отметить еще одну характерную черту: в противоположность украинским хозяйкам, помещицы середины XIX в. проявляли равнодушие к кухонным делам. Никогда не слышала я от моих теток, бабушки любых воспоминаний, связанных со стряпнёю, изготовлением каких-либо блюд, печенья и т.п. Я глубоко уверена, что моя бабушка, равно как и ее мать, никогда не переступали порога кухни и совершенно не знали, как изготавливают то или иное блюдо. Для того были хорошо обученные повара, были «ключницы» – экономки; в более зажиточных хозяйствах были кондитеры. Эта черта очень характерна, она отличает среднероссийский помещичий строй от украинского. То, что мои наблюдения не случайны, можно проверить на примерах из разных романов, прежде всего, у Тургенева и других.

В Липовице часто бывали гости; приезжали утром, обедали; вечером играли в карты, танцевали. В большом зале зажигали люстру и «кенкетъ» с восковыми свечами, и при их дрожащем свете раздавались звуки рояля, или органа, или фис-

гармонии. Шелковые платья дам и барышень, как цветник, сплетались в плавном «лансье» или развевались в мазурке. Наталья Дмитриевна любила танцы и не имела равных себе в мазурке. Хорошо танцевал и Федор Акимович.

Не раз в большой карете на круглых рессорах, шестеркой добрых коней, выезжали Мухортовы к соседям. «Натягивай постромки», – звучал, бывало, голос кучера с высоких передков форейтора, – и плавно качалась карета, и несли ее кони туда, где встречали радостно молодых, веселых гостей ...

Мухортовы не только развлекались и танцевали – они много читали. Огромный книжный шкаф, который застала я уже в значительной степени опустошенным, шёл вдоль всего коридора – от залы до девичьей комнаты, и имел в себе огромные сборники французской литературы XIX в. – романы Жорж Занд, отца и сына Дюма, Эдгара По, Гюго, Альфреда Мюссе, Бальзака, Мериме; журналы, переводы Фенимора Купера, Диккенса, Вальтера Скотта, Байрона – французских, а также, российских авторов, начиная от Карамзина; были и российские журналы – от «Вестника Европы» и «Современника» – до «Отечественных Записок». Все эти книги имели видимые следы того, что их много читали: страницы загнуты, иногда рваные, с отпечатками пальцев, на страницах пометки карандашом ... **Среди этих книг я нашла «Колокол» Герцена за 1859 год, с подчеркнутыми статьями, в которых упоминались имена Чиркина и Федора Акимовича как достойных уважения людей, выступивших против жестокости к своим крепостным помещиков, не побоялись сказать своё слово против влиятельных титулованных особ.**

... Наступал вечер. Мелькало пламя восковых свечей, оставляя в сумерках уголки большой залы. В любимом уголке, за высокими цветами, в удобном кресле садилась Наталья Дмитриевна с плетением кружева в руках. Против нее, отделенный от нее столиком карельской березы, садился Федор Акимович и читал ей трогательный роман Жорж Санд или Вальтера Скотта, и она внимательно слушала, и слезы наворачивались на ее серые глаза ... Федор Акимович читал хорошо, он любил читать, и много раз видела я сама, как моя старенькая бабушка слушала, как он читал ей новый роман или публицистическую статью – и как она всем своим лицом реагировала на чтение ... А он, потеряв ее, не раз со слезами на глазах рассказывал мне, как коротали они зимние вечера, читая вдвоем ... Федор Акимович так любил и привык читать все ей, что даже когда сам читал, «о себе», а не ей, то также читал громко.

Самым любимым у Федора Акимовича был русский автор Щедрин, и он часто перечитывал его произведения. Надо сказать, что он и сам был «грешен» в литературе: любил писать стихи, хотя не имел к тому никаких способностей. Те стихи имели, в основном, «обличительный» характер: например, в стихах тех встретить можно было такие «перлы»:

«Жаль, что умер Гоголь,

Он доказал бы им,

Как вреден алкоголь» ...

или – «Наша молодежь стала кланяться затылком» ...

Он был скромный автор и никогда не признавался, что это его стихи, но всем было ясно, кто этот автор: во-первых, потому было ясно, что тема, затронутая в них, «выдавала» его, а во-вторых, потому, что он, начиная читать новые стихи, добавлял, что получил их «от одного знакомого» ...

Значительно позже сделала попытку литературного труда и Наталья Дмитриевна: когда я была маленькой девочкой, то она начала переводить для меня иностранные песни, говорили, что они были очень хорошие.

Федор Акимович занимал оригинальное положение в уезде. Он никогда не имел выборных должностей в дворянских учреждениях; так же и в земстве. Достаточно состоятельный, он жил для себя и не хотел ничем себя связывать. О нем можно сказать, что он занял позицию «независимой оппозиции». Он искренне сочувствовал реформам 60-х годов, особенно – освобождению крестьян. Он участвовал в комитетах, разрабатывавших реформу. Надо сказать, что в хозяйстве Мухортова (равно как и Чиркина) никогда не употребляли чрезмерного труда. Возможно, что в «горячке» Федор Акимович мог, разозлившись, дать «пощечину» кому-то из рабочих, но никаких «порок» на конюшнях не было. Не было и женских работ – вышиваний, кружева и т.д.. Сама реформа прошла тихо и мало изменила хозяйственный уклад. После освобождения большая часть прислуги осталась на старых должностях, а также я еще застала в Липовице бывших крепостных. Среди них первое место в дворцовом хозяйстве принадлежало Александре Петровне, маленькой, старенькой женщине, что в мое время была «ключницей». Она была из Тетерья, откуда привезла ее Наталья Дмитриевна как приданое, и Александра Петровна была сначала ее горничной, а затем была повышена до «ранга» коморницы.

Мухортовы: дети и воспитатели

У Мухортовых было 14 детей; 4-ро умерли еще в детстве. Отношение к детям в этой интеллигентной семье было чрезвычайно интересно. Рожденные дети отдавались на руки кормилице, конечно, крепостной, лучшей из всех матерей, которые в то время имели своих младенцев. Они поселялись в господском доме, а для кормления их собственных младенцев им дарили коров. Сначала, пока детей было мало, эти кормилицы жили в «детской» комнате, выходящей из коридора, с окном на север. Но дети появлялись чуть не ежегодно. В этой комнате было уже тесно, и тогда маленьких детей с матерями перемещали в комнату в полуподвале. От кормилицы ребенок переходил на руки няни, Параскевы Фалеевны, а дальше – к немке-бонне, Анне Ивановне Назаровой. Закончив этот «цикл» и зная уже хорошо немецкий язык, дети переходили к гувернантке, Елисавете Павловне, смольнянке, проводившей уже с ними регулярное обучение. Девушки кончали курс Института на дому.

Анна Ивановна Назарова, воспитательница

Интереснейшей была фигура Анны Ивановны: она пробыла в семье Мухортовых около 60-ти лет и умерла в возрасте 90 лет. Происходила она из Риги, поступила в семью Мухортовых уже солидной женщиной: ей было тогда около 30 лет. Она была вдовой и имела взрослых сыновей, которые иногда приезжали к ней. Но сама она никогда не выезжала из Липовицы и не имела никаких других интересов, кроме этой семьи. Я узнала ее уже тогда, когда она была глубокой старухой, худой, с поблекшими светло-серыми глазами, беззубой. Она целый день раскладывала пасьянс, имела хороший аппетит; сначала ежедневно ходила гулять по парку, а в последнее время без конца ходила по балкону, стуча палкой.

Она забыла все, что было связано с прошлым. Когда я спросила ее, как звали ее сыновей, она долго смотрела на меня, а потом рассердилась на меня и сказала: «Ты уже большая девочка, душенька, и спрашиваешь такие глупости», – и раздраженная, ушла от меня, стуча палкой ... Она забыла, как звали ее сыновей. На этой почве – полной потери памяти – возникла такое дело. Анна Ивановна начала болеть. В [семье] Мухортовых встал вопрос: что делать с ней на случай смерти, так как Анна Ивановна была лютеранка; архиерей же Орловский был формалист и держал свою епархию строго, кроме того, и ехать до Орла было не близко: 35 километров лошаадьми, и то очень плохими дорогами, и еще по железной дороге около 50 километров. Поэтому и решили предложить ей перейти на православие. Она согласилась легко: ей было уже безразлично ...

Всю жизнь она уверяла, что она лютеранка, в Орле ходила в лютеранскую божницу (кажется, кирхи тогда в Орле не было). Пригласили священника, и он сделал все как следует, и Анна Ивановна была принята в лоно православной церкви. Вскоре она умерла и была похоронена на кладбище приходской церкви села Покровского. После того начали рассматривать ее имущество, которое она своим завещанием оставила Мухортовым. И велико было удивление, когда нашли свидетельство о том, что она, перед браком своим с Назаровым, приняла православие. Таким образом, она была дважды присоединена к православной церкви.

Елисавета Павловна, гувернантка

Елисавета Павловна кончила с отличием Смольный Институт и была очень хорошим педагогом. У нее была целая школа, в которой вместе учились дети разных возрастов, и со всеми она хорошо управлялась, [а кроме общих курсов] девушки проходили [еще] полный курс Института, а парни – только готовились в Корпус; она же учила девушек и игре на рояле, танцам и рисованию. О ней все сохраняли лучшие воспоминания. Особенно любила ее моя мать, которая пользовалась исключительной ее любовью и спала в ее комнате – между залой и «детской» комнатой.

Елисавета Павловна оставила семью Мухортовых, когда собиралась выйти замуж. У моей матери хранились ее тетради с письменными задачами, переводами и «сочинениями»: видно, как хорошо и серьезно учились дети под руководством Елисаветы Павловны.

Учителя:

А.И.Цветаев и Х.В.Куприянов

Ее заменили разные репетиторы; младшие братья учились плохо, переходили из класса в классы с задержками – «зимовали». Среди этих учителей выделялись двое: Александр Иванович Цветаев, который был впоследствии профессором Варшавского университета, а позднее – директором Архива «Министерства Иностранных Дел» в Москве, второй учитель – это был Хрисанф Васильевич Куприянов, о котором уже шла речь, и кого я буду частенько вспоминать дальше.

Дети. Режим

Режим для детей был суров. Они целый день проводили в своей тесной комнате и только утром приходили поздравлять родителей и пить молоко в зале; к обеду они «имели право» бегать и играть в зале, а после совместного с родителями обеда опять шли в свою комнату – готовить лекции на завтра. Так же приходили на вечерний чай, когда им давали молоко, а старшие – на ужин; младшие ужинали раньше, отдельно. Они не имели права разговаривать на русском языке, а должны были употреблять немецкий и французский – через день. Только со слугами могли они украдкой «перекинуться» русским словом, да и то, если не было поблизости педагогов. Революцию в этом отношении вносили кадеты, когда приезжали на каникулы: они чувствовали себя здесь «экстерриториальными», разговаривали на русском языке, за обедом пили не воду, а квас, который был почему-то запрещен другим детям; а на всякие запреты вообще отвечали: «а в нас в корпусе можно», чем сбивали с толку педагогов. Да и вообще было неясно: кому должны подчиняться кадеты?

В моей жизни я не видела семьи, члены которой имели бы так много общего, как в семье Мухортовых. Все они были темные шатены с карими глазами, высокие (кроме моей матери и старшей сестры ее, Юлии), стройные, с широкими плечами, и вообще, очень красивые. Все имели настолько яркие семейные черты, что бывали частые ошибки, когда одного брата принимали за другого. Имели они также общие черты характера, были «независимы», горды; все интересные и разговорчивые, оживленные, они делались сразу «душою» общества, как только попадали в него. Все братья вели широкую, разгульную жизнь, много пили. Но, несмотря на это, все, все они, за исключением двух, вышли в люди.

Александр Мухортов и его семья

Старший сын, Александр, родился в 1845 году. Он кончил кадетский корпус, Николаевскую кавалерийскую школу и служил в Ахтырском гусарском полку. Он был лучший из братьев – высокий, стройный, веселый, остроумный. Он продолжал «гусарскую жизнь», много пил, имел немало романов, но сам не увлекался никем. Ему уже было далеко за 30 лет, когда, на маневрах, путешествуя по Украине, он встретил в каком-то селе дочь местного дьяка, она была красавица, с большими черными глазами, с тонкими, словно нарисованными, бровями. Она самоотверженно влюбилась в красавца-гусара, но и он, имевший

столько возможностей жениться на богатой, знатной девице, полюбил дочь дьяка, Надежду Потаповну. Но перед ним встала трагическая задача – что делать? Особенно, когда у них родилась уже дочь Инна, а дальше – сыновья: Федор и Владимир. Возить Наденьку как свою любовницу он не хотел; надеяться, что офицерская община гусарского полка даст согласие на такой брак и примет его жену к своим женщинам – нельзя было. Александр прятал от всех свою личную жизнь, но пребывание полка в маленьком уездном городе не давало возможности держать дальше эту тайну: она сама выдвигалась ...

Александр Федорович решил пожертвовать Наденьке свою военную карьеру и перейти на другую должность. Он выбрал службу на таможене («пограничной страже»), в Радзивиллов, где никто не знал происхождения Надежды Потаповны, да и не интересовался тем. А для родителей это был жестокий удар: любимый сын, красота, надежда семьи; перед ним уже открывалась военная карьера – и он изменил ее на должность некоего «охранника» на границе ... Не сразу решился Александр Федорович открыть родителям причину, которая толкнула его на новый жизненный путь: он знал, что это была бы еще большая боль для матери, но отцу он открыл ее – и Федор Акимович, хотя и пожалел, что сын сделал такой «мезальянс», но не мог не похвалить его.

С тех пор Александр Федорович не оставлял службы на таможенных границах: сначала в Радзивиллове, затем – в Николаеве; оттуда его переместили уже на должность начальника таможи в Красноводск, а оттуда – снова в Николаев, откуда он, уже ближе к войне 1914 года, вышел в отставку, переехал в Орел и там умер. В Надежде Потаповне Александр Федорович нашел идеальную жену: она горячо любила его, была образцовая хозяйка, умела в очень стесненных материальных условиях хорошо вести хозяйство, не давая Александру Федоровичу никогда ни в чем испытать нужды, несмотря на то, что материальное положение его значительно ухудшилось, и что им пришлось уже существовать только на пенсию за службу. Она сама шила все для семьи, которая росла ежегодно, словом – делала все, чтобы создать лучшую жизнь. Первые дети их были незаконны, и только на основании закона царя Александра III (этот закон давал право родителям после женитьбы усыновить своих) они получили возможность считаться законными.

В 90-х годах крупные состояния Мухортовых уже начали понемногу таять. Много имений было продано или взято за долги: оказывать своим детям помощь Мухортовы уже не могли, а чтобы помочь Александру Федоровичу содержать такую большую семью, Наталья Дмитриевна предложила ему оставить младших детей у неё; так поселились в старом Липовицком доме трое младших детей Александра Федоровича: Вадим, Таля (Наталья) и Митя. Здесь надо добавить, что Наталья Дмитриевна, которая безразлично относилась к собственным детям, очень любила своих внуков и тосковала без них в большом Липовицком доме. Между тем, в Николаеве родилось еще трое: Саша, Оля и Ирочка. Таким образом, семья Александра Федоровича достигла 9-ти душ.

Владимир Мухортов

Второй сын Федора Акимовича, Владимир (1847 года рождения), выбрал гражданскую карьеру. Он был студентом Московского университета, но не кончил его и умер от туберкулеза.

Дмитрий Мухортов

Третий сын, Дмитрий, родился в 1848 году. Он закончил Петровско-Разумовскую сельскохозяйственную академию. Там он был заподозрен в так называемом Нечаевском деле и исключен из Академии, но вскоре его снова приняли. Окончив курс, он сначала не пошел путем агронома, а стал чиновником для отдельных поручений при Киевском генерал-губернаторе Черткове. Красивый, умный, состоятельный, Дмитрий Федорович стал заметным членом киевского высшего общества и имел здесь большой успех. Среди его близких друзей были: Пинкорнелли, Протасов, Критские и другие члены «Липской» аристократии Киева. Но такая жизнь надоела Дмитрию Федоровичу, и в начале 90-х годов он оставил Киев и этот пост и начал работать как агроном. Служба в Киеве дала ему много знакомств среди зажиточного дворянства, и он легко получил выгодные должности. Я не помню, в какой именно последовательности управлял он поместьями знати; знаю только, что он служил несколько раз у князя Орлова (в том числе и в славных поместьях Воронежской губернии, основной ячейке орловских рысаков), у Дервиза, у Черткова в Чечельнике и в других. Здесь он проявлял очень резкий характер: при малейшем недоверии или неудовлетворении со стороны хозяина Дмитрий Федорович бросал должность, как бы она ни была полезна для него. И потому о нем распространялись по Украине две славы: с одной стороны – как выдающегося агронома и управителя кристалльной честности, а с другой – слава человека, имевшего тяжелый, неприятный характер. Разорвав с хозяином, Дмитрий Федорович немедленно появлялся у нас, где его радостно встречали мои родители, жил у нас месяцами, пока не находил новой должности, более или менее длительной.

Когда Дмитрий Федорович управлял имением, он встретил у соседей гувернантку, Маргариту Михайловну Головачеву. Она происходила из зажиточной прежде купеческой семьи, из Костромы, ей было за 30 лет, была очень некрасивая и мало интересна. Но она влюбилась в 50-летнего красавца, и это повлияло на него. Он, который твердо выдержал «атаки» киевских красавиц, не устоял перед Маргаритой, и они поженились. Этот брак был новым ударом для родителей, особенно тогда, когда они познакомились с Маргаритой, которая не нравилась им. Она обожала Дмитрия Федоровича, но была она женщина неумная и стала для Дмитрия Федоровича наказанием Божиим ... Она разжигала собственно те черты его характера, которые надо было, наоборот – пригасить: во всяком слове хозяина к нему она добавляла какую-либо обиду и подстрекала его на протесты. Она считала, что все недооценивают его, что никто не понимает его. Некрасивая, она требовала больших средств на туалеты, чтобы «поддер-

жать» престиж Дмитрия Федоровича. Много тратила она и на детей, которых одевала, как кукол; бонны при детях были немки и француженки.

Но главную беду она сделала, когда, под ее влиянием, Дмитрий Федорович покинул благодатную Украину, где прожил около 40 лет, и переехал в Кострому, на родину его жены, потому что она заставила его отказаться от управления имением Чечельник, которое он любил, и где к нему все хорошо относились. Что тянуло Маргариту Михайловну в Кострому – не ясно; родители ее давно уже умерли, а с другой своей родней она не имела дружественных отношений. И вот приехали они, приобрели маленький домик, а вскоре оказалось, что они сделали большую ошибку: в Костроме никто не знал Дмитрия Федоровича, он приехал туда не как известный на всю Украину агроном, которого наперебой переманивали большие господа, а как никому не известный муж Головачевой. Ему было уже за 60 лет, силы уже подыстроились. А семья его была уже велика: он имел 5 человек детей: трех дочерей и двух сыновей.

Сначала он попытался заняться лесным промыслом: купил лес, порубил на дрова – и едва вернул деньги: он не знал местных условий, местных людей. А в 1907 году умерла Маргарита Михайловна, и все бремя хозяйства и воспитания детей легло на старшую дочь, милую, добрую Таню. Так шли дела. Семья проживала то, что имела, ничего не зарабатывая. Временно выручило наследство после смерти Мухортова, но его хватило ненадолго. В начале 1912 года Дмитрий Федорович нашел трагический выход: он выстрелил себе в рот из обычного охотничьего ружья. В записке, которую он оставил, он писал, что он уверен в том, что его родня не даст погибнуть детям.хлопоты, связанные с содержанием и воспитанием детей, взяла на себя моя мама. Она одна только приехала на похороны в Кострому. Все Мухортовы вносили ежемесячно деньги на содержание сирот. Революция 1917-го года прервала эти связи, и я не знаю дальнейшей судьбы этой семьи.

Ольга Мухортова и Юлия Черемисинова. Черемисиновы

Четвертым ребенком Мухортовых была Ольга (1846 года рождения), которая умерла еще молодой от туберкулеза.

Пятым ребенком была Юлия. Маленького роста, красивая, с большими черными глазами и с характером чрезвычайно легкомысленным, веселым. Она любила развлечения, любила играть первую роль, любила всякие комплименты и имела некоторые черты Хлестакова. Очень молоденькой она вышла замуж за Анатолия Петровича Черемисинова, небогатого помещика Орловской губернии. Трудно было бы подобрать лучшую пару для нее. Он имел те же черты, что и Юлия, но в значительно большей «дозе», следовательно, они образовали отличную пару... Веселые, легкомысленные, они то ссорились, то мирились, не плакали, когда оказывались без всякого гроша, а когда были деньги, то немедленно покупали то, что не было им нужно. Карьеры Анатолий Петрович не сде-

лал. Он служил вначале как начальник железнодорожной станции; был некоторое время начальником станции Брянск. Потом бросил это занятие и долгое время служил агентом страхового общества, кажется, «Надежда».

Все, что Юлия получила в приданое, они прожили быстро, купили один особняк – продали; купили второй – продали; наконец, купили село Энино (Енино), что было в 20-ти верстах от Липовицы. Там был прекрасный особняк. Его подарил некий купец своей любовнице – артистке. Там был дом с 10 балконами, замечательной мебелью; на крыше дома была серебряная баня. В парке были роскошные беседки, мостики, пруды. Лучшего не могли бы построить в своем стиле сами Черемисиновы. Но они не учли, что там земля была плохая, доходы мизерные. И так, через несколько лет продали и это имение и на эти деньги и на деньги, что получили в наследство после смерти родителей, приобрели в Орле дом с флигелем. Дом они отдавали внаймы, а сами поселились во флигеле. И осуществилась здесь давняя их мечта: они могли здесь давать приёмы, принимая губернаторов, чиновников, давать вечеринки, обеды, играть выдающуюся, как они считали, роль в Орле. Но все это закончилось крахом. Перед крахом материальным семья пережила крах моральный: Юлия однажды открыла предательство Анатолия и поэтому покинула его. Это было как раз в момент продажи орловского дома. Сначала Юлия получила должность начальницы детского приюта, но обнаружила здесь полную неспособность и решила покинуть место.

С разбитым сердцем приехала она к нам и поселилась у нас. В то время Федор Федорович тоже жил в Киеве, и Анатолий поселился у него. Так между нашими семьями стал образовываться своеобразный нейтралитет.

Медленно мы стали наблюдать, что обе стороны хотели бы примириться, но как сделать? Но один эпизод привел к примирению Анатолия с Юлей. Было так: Юлия подарила мне кольцо с синим сапфиром. Однажды я зашла к Мухортовым; сидим за столом в столовой. Вдруг Анатолий хватает мою руку и целует ее в самое кольцо ...

«Когда тебе подарила Юля этот сапфир?», – Спросил он, – и не сдерживая слез, вышел из комнаты ...

Вернувшись домой, я рассказала об этом эпизоде Юлии. И вот мы начали замечать, что она стала чаще выходить из дома и поздно возвращалась, и что на ее шляпе появилось белое перо.

Наконец она заявила, что едет на целый день в Пушу-Водицу для разговоров о разных делах с Анатолием. А когда вернулась, то долго плакала и заявила нам, что прошлой любви нельзя забыть, что ей жаль старика, и что она все простила ему ... Федор Федорович тогда устроил «молодую семью» в своем имении, возле Гомеля, а моя мать стала ежемесячно высылать Юлии какую-то небольшую сумму, позволявшую Юлии быть независимой. Так снова объединилось это легкомысленное семейство супругов, на 40-м или на 45-м году их брака. Они имели трех детей: старший, Дмитрий, служил в Чугуевском драгун-

ском полку, стоявшем в Ахтырке, и прослужил там всю жизнь до войны и революции. После революции я уже потеряла все сведения о нем.

В Ахтырке он женился на местной украинке Елене Петровне, которую, как и его самого, я мало знала. Дочь Черемисиновых Екатерина, красивая, милая, после различных неудачных перипетий, вышла замуж за товарища Мити, Дарагана, и они жили в Ахтырке, изредка бывали у нас в Киеве, и мы очень любили Екатерину.

Младшая дочь Черемисиновых, Оля, вышла замуж за офицера в Орле, и мы мало видели ее.

Фёдор Мухортов, его семья и дети

Восьмым ребенком Мухортова был сын – Федор (1856 года рождения – А.П.). Красивый, высокий, веселый, обаятельный, он ограничил свое образование Елисаветградской кавалерийской школой. Окончив ее, служил в Казанском драгунском полку. Отбыл турецкую кампанию 1877-1878 г.г. и в чине поручика вышел в отставку. Он хорошо владел немецким и французским языками. Кстати, все братья и сестры в разговоре между собой употребляли эти языки. Элегантность манер, смелость в разговоре заменяли Федору его настоящее образование, и он пользовался большим успехом в обществе. После нескольких лет веселой жизни в окружении «золотой молодежи» Орла, Федор Федорович женился на Анне Павловне фон Братке, дочери «воинского начальника» в Орле. Мухортовы не любили Анны Павловны, особенно Наталья Федоровна, считавшая ее неискренней, неприятной женщиной. Все были уверены, что она просто «охотилась» на состоятельных «кавалеров», имевших хорошие имения.

В 1882 году состоялось бракосочетание, и Федор Федорович привез в Липовицу свою жену. Старые Мухортовы, после бракосочетания младшей дочери их, Натальи Федоровны, перестали ездить на зиму в Орел и окончательно поселились в Липовице. Молодые же супруги – Федор Федорович и Анна Павловна – перевернули здесь всю жизнь вверх дном. Федор Федорович понемногу принял все хозяйство от отца. Сначала молодые жили в большом доме, но их жизнь не нравилось старому хозяину: к ним съезжались соседи, и каждый вечер происходило пьянство. Тогда для молодых супругов отремонтировали три комнаты в полуподвальной части здания, и супруги стали приходить только на обед и ужин, когда у них не было гостей.

Между тем закончили военную карьеру младшие братья Федора Федоровича – Виктор и Евгений – и присоединились к кутежам старшего брата. Шальные деньги выбрасывались на вина, закуски. В трех верстах от Липовицы, в трактире (на «заезжем дворе», как называли его в Орловской губернии), можно было теперь ежедневно достать шампанское высших марок, ликер, коньяк, и часто ночью туда мчался слуга за вином.

[В то же время Анна Павловна делала большие запасы ценных вещей, материй, серебра в Орле, и об этом не раз говорили все владельцы магазинов

Наталье Федоровне или Юлии Федоровне.] Хозяйство велось небрежно, делались ненужные расходы и забывали платить по векселям в назначенные сроки. Снова закладывали и «перезаклаживали» имения.

В 1888 году был сделан первый шаг, который привёл к разрушению большого хозяйства Мухортова: Федор Акимович составил завещание и каждому из детей назначил отдельный особняк – Марии Федоровне – моей матери – был дан дом в Орле; теперь он был продан, причем ей обещали, что «вот только наладится хозяйство», то вернут ей деньги, за которые был продан дом. А продан-то был дом за бесценок, да еще «в дополнение» пошли бесплатно и роскошная мебель, и посуда, и картины. Когда Федору Федоровичу поставили в вину, зачем он так сделал, то он отвечал, что считал ниже своего достоинства обращать внимание на такие мелочи. Но и продажа дома не помогла: за ним началась продажа земли в разных местах.

В Липовице воцарилась печаль. Начался упадок хозяйства. Федор Федорович получил должность управляющего имения барона Дервиза, возле Киева (поместье Мироцкое), и в 1890 году переехал туда со всей семьей.

Сергей Павлович Дервиз был сын того Дервиза, что в 1870-х годах, совместно с фон-Мекком, взял концессию на строительство Рязанской железной дороги, что дало им миллионы прибыли.

Федор Федорович, разрушив собственное хозяйство, стал прекрасным хозяином чужого имущества. Село Мироцкое лежало в 35-ти верстах от Киева и прежде принадлежало Остен-Сакену. Там было сложное сервитутное положение, которое вызвало трения с крестьянами. Предшественник Федора Федоровича, немец, не мог справиться. Хозяйство было, главным образом, лесное. Таким образом, все было чужое и неведомое Федору Федоровичу. Несмотря на это, он хорошо сориентировался, развязал сервитутные осложнения, убедил Дервиза ликвидировать сервитут путем уступок крестьянам; ввел порядок в лесном хозяйстве; внедрил машины; устроил великолепный конный завод и за несколько лет превратил Мироцкое, которое не давало прибыли Дервизу, в «золотое дно».

В 1900 или 1901 году братья Дервиза «обиделись» на российское правительство, которое ограничило их права в эксплуатации Рязанской железной дороги, и в знак протеста решили ликвидировать свою земельную собственность в России. Решено было продать Мироцкое; часть его купили местные крестьяне, часть – дачники (потому что у него провели Ковельскую железную дорогу). На земле Мироцкого появились хутора Пасхалово и Кичеево.

Федор Федорович был приглашен на должность главного управляющего всем имуществом Дервиза, получил в награду за работу 10.000 рублей и – не помню сколько – десятин земли возле Бучи, тоже под Киевом, где Федор Федорович построил усадьбу.

Ликвидация поместья Мироцкое совпала с ликвидацией семейной жизни Федора Федоровича. Он имел большую семью: двух сыновей – Федора, моего ровесника, родившегося в 1884 г., Сергея – года на три младшего – и двух до-

черей: Ольгу и Софию. Я не знаю, как сложились взаимоотношения его с Анной Павловной. Во всяком случае, до сих пор все шло вроде бы хорошо. Если и бывали ссоры между супругами, то о том знали только они и моя мать, которой то мужчина, то женщина жаловались друг на друга. Но в начале 1900-х годов он влюбился, как мальчишка, в нехорошую, неразумную и абсолютно неинтересную замужнюю женщину, Анну Витальевну Турчанинову, по происхождению – полу-польку. Он, за большую сумму «отступного», добился развода ее с Турчаниновым. Некоторое время они держали всё в «тайне»: она жила на даче, которую Федор Федорович построил для нее в Буче, но позже добился официального развода с Анной Павловной и женился на Анне Витальевне. Вся семья, и особенно его любимец, старший сын Федя, были на стороне матери.

Федор Федорович оставил семье все имущество, которое имел, и поселился в Киеве. Его здесь хорошо знали в кредитных и хозяйственных кругах, и он легко находил пост – то где-то в банке, то в сахарном тресте; счастливо играл на бирже. Вскоре он имел больше, чем оставил Анне Павловне. Он имел дочь, Таню, но мать не интересовалась ребенком: она мечтала о сцене, училась петь, не имея голоса; в их квартире поселилась артистическая богема, не признанные миром «гении» – теноры, баритоны, среди которых царил хорошо известный в Киеве Роман Максимович Семенцов. Образцовый учитель «приготовительного класса» 5-й гимназии, он был учеником Эверарди, пропил очень быстро свой баритон, но охотно пел, выступал на концертах, главным образом в интересах учащихся 5-й гимназии; был когда-то репетитором Феди Мухортова, а теперь стал первым арбитром в салоне Анны Витальевны.

К сожалению, я узнала, что он не ограничивался ролью арбитра. Он не был единственным, и Федор Федорович вскоре сам убедился, что то счастье, о котором он когда-то говорил нам, более чем иллюзорно. Сильно страдал он, ему больно было признать, что его предали, что он оставил семью, детей, чтобы стать посмешищем. Он начал нас избегать, даже бывать у нас, и пытался спасти свою семейную жизнь переездом в Гомель, где Анна Витальевна имела поместье. Там он принимал участие в общественной жизни, – кажется, был, председателем уездного земства. Так пришел 1914-й год, война, революция. Его, конечно, «раскулачили».

Тогда он вернулся с семьей снова в Киев, но и здесь у него забрали все, что было в квартире, и он попросил у меня несколько ложек. Он стал частенько заходить ко мне – «отводить душу». Потом исчезал на время и снова появлялся. Вдруг как-то зимним днем 1920 года от Анны Витальевны я узнала, что он арестован. Страшную историю рассказали мне Анна Витальевна и Тася, их дочь. У Мухортовых реквизировали комнату, и там поселилась молоденькая девушка, Киреевская. У Мухортовых были приятели, Киреевские, племянники известного собирателя фольклора – Иван Иванович и Сергей Иванович. Оказалось, что эта девушка-дочь одного из них. Этого было достаточно, чтобы Федор Федорович принял ее как родную. Он начал обсуждать с ней большевиков, которых она якобы ненавидела;

рассказывал ей тоже, как он удачно вел пропаганду против них в Красной Армии, причем, в тех рассказах много врал. Она слушала внимательно, с увлечением. Через несколько дней появился ее жених, белый офицер, который просил у Федора Федоровича протекции – просил дать письмо к «надежным» людям. А на второй день Федора Федоровича арестовали. При первом свидании он успел сказать Анне Витальевна, что допрашивал его сам ... «жених» ...

Анна Витальевна говорила мне, что он не принимает «передач» и заявил, что заморит себя голодом. Через несколько дней он скончался в госпитале. Я видела его тело, которое выдали похоронить.

(Здесь я сделаю небольшое добавление об одной из дочерей Фёдора Фёдоровича Мухортова – Ольге. На дачу Мухортовых в Буче, приехал однажды молодой и щеголеватый киевский архитектор Павел Алёшин.

Приехал, увидел красавицу Ольгу, – и влюбился с первого взгляда. Павла не остановили сословные предрассудки: как это сын крестьянина (хоть и зажиточного) мог претендовать на руку и сердце дворянской дочери? Началось ухаживание, быстро переросшее во взаимную глубокую любовь.

Когда в 1909 году Павел Алёшин готовил проект женской гимназии Святой Ольги (по улице Владимирской в Киеве), то посвятил он его своей невесте, прямо написав это на чертеже.

В апреле 1910 года в Александро-Невской церкви в Липках Павел Алёшин и Ольга Мухортова обвенчались, прожив потом свыше 50 лет в любви и согласии. В наше несентиментальное и неромантическое время, наверное, непривычно читать слова, написанные Ольгой Фёдоровной спустя 15 лет их супружеской жизни: «Тебе, Единственному, с безграничной любовью и благодарностью – за то счастье, которое ты мне дал. Твоя жена и верный друг Олюшка». Так её называл муж, а она звала его ласково Паиуня.

Знаменитый украинский архитектор Павел Федотович Алёшин скончался 7 октября 1961 года. Похоронили его на Лукьяновском кладбище Киева, на

Мухортова Ольга Фёдоровна.

участке, который он сам выкупил ещё в 1929 году. Спустя 20 лет рядом с ним упокоилась его верная и любящая жена.

Архитектурные же шедевры Павла Алёшина продолжают жить во многих городах Украины и России. В них навсегда сохранились частички души его любимой Олюши.

Очень хочется верить, что на эти исторические достояния нашего общего прошлого не поднимутся руки с оружием или «коктейлем Молотова» – Александр Полынкин).

Виктор Мухортов

Девятый ребёнок Мухортова был Виктор (родился 3 декабря 1859 года – А.П.), самый неудачный из Мухортовых. Высокий, красивый, он был ленив к обучению. Он учился не в кадетском корпусе, а в гимназии. Обучение не шло, не переводились репетиторы, и все же он не кончил гимназию. Между прочим – он там учился в одном классе со знаменитым «дрессировщиком» животных – Дуровым; Дуров приносил в класс дрессированных мышей, крыс и т.п.

После гимназии Виктор был охотником («вольноопределяющимся») в Казанском драгунском полку. После того он поселился в Липовице и вместе с Федором участвовал в кутежах и пьянстве. После отъезда Федора Федоровича в Мироецкое Виктор тоже получил должность управляющего, кажется, у князя Орлова, но ничего из этого, кроме скандалов, не получилось, и он жил в Мироецком, пока не умер от туберкулеза еще совсем молодым.

Евгений Мухортов

Младшим сыном Мухортовых был Евгений. Он родился после некоторого «интервала» (10 августа 1861 года – А.П.), и никто из детей не пользовался такой любовью родителей и братьев и сестер, как он. Он был очень красивый, очаровательный. Но, испорченный ласками, не хотел ничего делать. Исключенный из гимназии, он тоже стал вольноопределяющимся Казанского полка, а по окончании службы поселился в Липовице. Он принимал живое участие в кутежах старших братьев, потом он отделился от них, взял в аренду некое имение и перенес кутежи туда.

Я помню, как маленькой ехала вечером с матерью из Неручи в Липовицу. Вдруг налетела страшная гроза с ливнем. Кучер, старый осторожный Захар, заявил, что он не рискнёт ехать каретой с четверкой лошадей через какой-то овраг, где глинистая дорога опасна после дождя и так, а тут еще и вечер. Встал вопрос: вернуться к Неручи (а это было далеко) или заехать в имение, где жил Евгений. Выбрали последнее.

Я хорошо помню, как мы увидели большой стол, уставленный винными бутылками и залитый красным вином. За столом сидело человек 15 молодых людей, одетых так, как вообще одевались в 80-х и 90-х годах помещики в Орловской губернии: все были в шелковых разноцветных рубашках, подпоясанных шелковыми шнурами с большими кистями; широкие шаровары были всу-

нуты в сапоги; на всех были так называемые «поддёвки» – это чумарки из тонкого сукна, темно-синие, темно-зеленые, черные.

Все гости были с маленькими бородками (которые носили все братья Мухортовы), и сначала меня ослепила красота ярких рубашек. Нас встретили шумно. Все встали, целовали руки матери, а меня начали передавать из рук в руки, целовать, а целуя – обдавали меня ароматом перегара и табака. Меня немедленно отнесли на кресла, на них устроили постель, и я заснула под крики, хохот и пение. Мать сидела у меня. Потом я узнала, что это была обычная компания Евгения – братья Федоровы (младшие братья известного артиста Соловцова), Юрасовский и другие. После краха с арендой, Евгений (Женя, как звали его дома) вернулся в Липовицу. Он стал проявлять болезненную активность; ездил по ярмаркам, водил на продажу и обмен лошадей, в общем, комбинировал – и всегда не в свою пользу.

Вдруг он обнаружил склонность к рисованию. Стены комнаты, где раньше жила семья Федора Федоровича, были покрыты портретами лошадей в натуральную величину; эти портреты очень мне нравились – и не только мне. Ночами Женя вставал, приказывал привести на двор какого-то коня; двор освещали факелами; никто не спал всю ночь. Все чаще он куда-то выезжал тройкой и возвращался через несколько дней, на «загнанных» лошадях. Казалось, его поступки становились безумными. Выяснилось, что у него – прогрессирующий паралич. В 1891 году его отвезли в Киевскую Кирилловскую больницу, и он там умер.

Я остановилась на братьях и сестрах моей матери: мне их придется часто вспоминать, потому что семья была очень дружная и все братья и сестры любили моих родителей и часто посещали нас.

*Мария Мухортова (моя мать) –
в Орле и своём имени Липовица*

Моя мать (она родилась 10 ноября 1852 года – А.П.) прошла полный курс Института под руководством Елисаветы Павловны; единственная из всей семьи, она имела исключительную музыкальность и красивый голос. Ей было лет 16, когда Мухортовы приобрели в Орле, на Дворянской улице, большой красивый дом с огромной залой и в осенние и зимние месяцы стали жить в Орле. Это было в конце 60-х годов XIX века.

Материальное положение Мухортовых было блестяще. К тому же, в руках были еще «выкупные платежи», а примерно в конце 60-х годов или в начале 70-х – их богатство увеличилось вдвое, когда, после смерти Евграфа, Федор Акимович стал единственным владельцем всех мухортовских имений. Зажили Мухортовы, как говорится, «на широкую ногу». Они стали одной из первых фамилий Орла, того небольшого дворянского круга, который в середине XIX века называли «светом».

Орел 1860-1870-х годов был типичным городом средней России. В губернии было много состоятельных старинных помещиков, которые вели большое

*Генерал Аркадий
Дмитриевич Столыпин, коман-
дир 9 армейского корпуса.*

сельское хозяйство, экспортировали пшеницу, рожь, коноплю; имели заводы рысистых лошадей. Это было время, когда помещики получали «выкупные свидетельства» за освобожденных крестьян и легкомысленно «закладывали» поместья в «Дворянском» или «Золотом» банках, а деньги, которые получали за «залог», тратили не на подъем хозяйства, а на роскошную жизнь.

Жизнь Тулы, Орла, Калуги складывалась по образцам гениально описанного Львом Толстым быта Москвы: балы, банкеты, обеды, вечера – сменялись одни другими. Помещики приезжали «на сезон» после окончания сельских работ, где-то в октябре, и открывали серию развлечений. Город оживлялся. В магазинах было полно ценных товаров; портнихи не успевали шить туалеты. Дворянское собрание, с его великолепной залой с белыми колоннами, с хорами, заполнялось дворянами: они там обедали,

завтракали, ужинали, играли в карты. Балы шли за балами. Лучшие артисты, «концертировали» в Москве, заезжали в Орел и давали здесь концерты – Натти, Сарасате, Виардо, Венявский и другие.

В Орловском дворянском обществе первые места занимали несколько состоятельных, знатных семей – Страховы, Афросимовы, кн. Вадбольские, Мухортовы. Главы этих семей не имели правительственных должностей; они, в молодости, в основном, служили в армии или в гвардии, а дальше, «по вольности дворянства», выходили в отставку, жили в своих имениях и на зиму переезжали с семьями в Орёл. Сыновья служили в полках и приезжали в отпуски. Эти семьи были главным центром дворянства; к ним немедленно приезжали с визитами новоназначенные высокие чиновники, начиная с губернатора, они делали в соответствующих случаях торжественные обеды, балы – так, как делали в Москве Облонские, Обросимовы.

Вполне естественно, что новый житель Орла, корпусный командир Столыпин, приехав в Орел, немедленно нанёс визиты всем главным семьям Орла, «его высшему свету». [Визиты делал он в сопровождении своего адъютанта, штабс-капитана Меньшова. Во многих салонах Орла услышали, что сезон в этом году запаздывает, что некоторых из помещиков не имеется. Нет и красавиц Орла, барышень Мухортовых, Марии Федоровны и Натальи Федоровны].

В Орле было резко разграничены части города – дворянская от не дворянской. В дворянской части были: собор, дом губернатора, корпус, Дворянское собрание; были хорошие широкие улицы: Садовая, Дворянская и другие. По другую сторону реки Орлика проживало купечество, мещане. В Орле дворян-

ское общество жило совершенно обособленно от других сословий: ни купечество, ни духовенство, ни даже офицеры пехотного полка с их семьями не относились к нему. Только как редкое исключение было, когда принимали некоторых из пехотных офицеров. Не относились к нему, конечно, и артисты, хотя в Орле была замечательная труппа. Дворянство – это была замкнутая группа помещиков, преимущественно зажиточных, высших служащих, среди которых было много инженеров, так как в районе Орла сооружали железную дорогу. Не входили в дворянство и педагоги гимназии, если не имели персональных связей с ним. Украшением этого маленького общества было значительное количество красивых барышень, среди которых четверо Мухортовых занимали видные места. Украшением второго рода были гвардейские офицеры, которые приезжали в отпуск к родителям и затягивали эти «отпуска» «по вольности дворянства». Среди этих гвардейцев выделялись молодые Страховы, Афросимовы, и с ними конкурировали, хотя и не гвардейцы, Мухортовы.

В этом узком кружке были своеобразные обычаи, которым все подчинялись. Ни дамы, ни тем более девицы не ходили пешком: это считалось неприлично. Если нужно было сделать визит – запрягали карету или хотя бы коляску (зимой санки) парой лошадей и торжественно проезжали полквартала или квартал, потом лошади ждали час или два у крыльца, пока закончится визит.

Когда я впервые, в 1903 году, попала в Орел и когда мне показали, где и в каких домах, и кто именно жил, то я не могла представить себе, как там люди, на таком пятачке, ездили в каретах. Единственное место, где барышня могла ходить пешком, была Болховская улица; и там, в определенные часы, кажется, между 12-ым и третьим пополудни, гуляли парами дамы «высшего общества», под руку со знакомыми кавалерами. За ними медленными шагами ехала карета, или стояла, ожидая, чтобы их доставить домой, в соседний квартал. Так вся жизнь и проходила, связанная узкими рамками «хорошего тона»: порвать её не могли жители орловского «Сен-Жермена».

И жизнь Мухортовых проходила согласно этим неписаным законам. Утром – визиты, в 3-м часу – обед, на котором всегда были гости, или обед у знакомых; вечером – театр, концерт, или вечеринка у знакомых, или у себя, или бал в Дворянском собрании. У самих Мухортовых всегда бывало два крупных бала: один из них – 26 января, в день именин моей матери. Это жизнь для нее окрашивалась музыкой. Она имела хорошее низкое меццо-сопрано и брала в Орле уроки пения. У неё был исключительный музыкальный талант, и она прекрасно играла на рояле. Она охотно пела на вечеринках у себя и у знакомых, и в ее репертуаре имелись романсы Глинки, Варламова, Балакирева, Даргомыжского, очень модные тогда.

Она любила выступать в великосветских концертах, пела в хоре. Часто выступала она как пианистка; не раз выступала в больших концертах [исполняя партии в игре на двух роялях, в квартетах со скрипкой и виолончелью]. Музыка дала Марусе большое наслаждение и смысл жизни, который не могли запол-

нить светские развлечения. Она мечтала усовершенствовать свою игру, мечтала о консерватории.

В середине 70-х годов она с Натальей Дмитриевной была в Москве и играла в присутствии Николая Рубинштейна, который очень хвалил её исполнение и предлагал принять ее на высший курс. Счастье было так близко, само шло к ней. Чиркин и Куприянов, имевшие в Москве хорошие квартиры, с радостью поддерживали Марусю и предложили жить у них. Но ... как могла согласиться Наталья Дмитриевна, что ее дочь будет сама ходить в консерваторию (кстати – очень близко от проживания Куприянова – на Поварской улице),знакомиться Бог знает с кем, и что об этом будут говорить в Орле? Никакие мольбы дочери и советы теток не могли сломить упорства матери ... [Сорок лет прошло, и опять повторился тот же разговор, но тут Маруся своей дочери говорила примерно то же, что когда-то слышала от своей матери ...] Тогда для Маруси это было большое несчастье, которое она долго и болезненно переживала. Она осталась только талантливой дилетанткой. Но играла она исключительно талантливо. Она не была обычной пианисткой из «высшего света», для которой музыка – только развлечение. Она исполняла серьезный репертуар: увлекалась Моцартом, Гайдном, Шубергом, Шуманом, Листом, Шопеном; знала всю российскую музыку. Никто из пианистов никогда не мог удовлетворить меня в концертах: я сравнивала их игру с игрой моей матери, и то сравнение было всегда в ее пользу. Здесь говорит во мне не только страстное отношение дочери – я помню отзыв многих знатоков, что отдавали ее игре должное. Она имела так же, как я говорила, приятный, хотя и небольшой голос, и так прекрасно владела им, вкладывала в пение столько души, столько глубокого чувства, которого я не слышала в исполнении знаменитых певцов. В ее исполнении старые романсы приобретали какое-то совершенно особое звучание; слушателю представлялась целая картина, и сладко замирало сердце ...

*«Забывать так скоро, Боже мой,
Все счастье жизни прожитой,
Все наши встречи, разговоры.
Забывать, как полная луна
На нас глядела из окна,
Как колыхалась тихо штора ... » -*

пела она, а я горько плакала, и сердце сжимала боль, будто я тоже вспоминала какие-то встречи и разговоры ...

«Скажи мне, мой ангел, какой ценою куплю дорогую любовь? Отдам ли я жизнь с безнадёжной тоскою, С томленьем прошедших годов?» – пела она – и снова дрожало и замирало мое детское сердце, и мечталось какое-то невыразимое, бескрайнее счастье, за момент которого я отдала бы всю жизнь! А пела она тихонько, про себя, когда шила какие-то рубашки или латала чулки, не думая, что ее слушает и остро переживает 7-летнее существо, замирая на широком ковре среди своих игрушек ....

Так катилась, как по рельсам, орловская жизнь: балы сменялись концертами, обеды – катанием на тройках, с ужинами у цыган [или на орловском вокзале]. Главным развлечением в Орле была драма. К тому времени она была выдающаяся. Антрепренер Свободин собрал труппу артистов, ставших позже украшением императорского театра, славой России. Это были – молоденькая Савина, трагическая актриса, русская Рашель – Стрепетова, что здесь впервые исполняла свои шедевры – Катерину в «Грозе», «Тяжкую судьбину» Писемского. Здесь играла инженеру Кудрина, славные – Давыдов, Варламов, Свободин. Ставились и драмы, и мелодрамы, и оперетты. Давыдов с Савиной были великолепны в «Корневильских колоколах» или «Птичках певчих». Театр любили в Орле, гордились им, не пропускали ни одного спектакля. Мухортовы имели свою ложу и были постоянными посетителями театра. Но увлечение театром не уменьшало расстояния, на котором дворянский «бомонд» находился от других людей, и в орловском «Сен-Жермене» нельзя было встретить кого-то из артистов. [Моя мать вспоминала как акт великого демократизма, когда они, после концерта, ужинали где-то, и за соседним столом оказались артисты: Давыдов, Савина и Кудрина, и как они разговаривали с ними от стола к столу ... То уже много значило]

Свободнее жилось летом, на Липовице. Там окружение было свободнее, старые соседи, мелкие помещики входили в круг знакомых, и среди них было немало людей с «нигилистическими» взглядами, были даже «народовольцы». Среди таких была подруга Маруси – Маша Ошанина-Кошурникова, она кончила свой век на каторге (здесь автор воспоминаний ошибается, поскольку Мария Николаевна Ошанина, избежав ареста, уехала за границу и в 1898 году в Париже покончила жизнь самоубийством – А.П.). Был среди сельских соседей Константин Николаевич Одинцов, исключённый из Московского университета и находившийся у отца под присмотром полиции. Впоследствии из него вышел прекрасный земский врач (Наталья Дмитриевна в этом месте объединила две фамилии, на самом деле врачом стал сын помещика села Покровское Константин Николаевич Покатилов, а Одинцов прожил в Тетерье и носил другое имя-отчество – А.П.). Много нового, не похожего на орловские настроения, вносили соседи Якушкины и их приятели Киреевские. Они были курскими помещиками (да, по происхождению, однако давно обосновались в селе Смирные и окрестных деревнях – А.П.), но часто бывали на Липовице. Один из них был известный собиратель русских песен, преданий. Да и Куприяновы были пронизаны свободными идеями эпохи «великих реформ». Все эти настроения, сплетаясь между собой, давали широкий фон для развития культурных, интеллигентных людей.

Русско-турецкая война и Мухортовы

Война 1877-1878 годов глубоко захватила Орловское общество. Многие молодые пошли добровольцами; Федор Федорович (Мухортов – А.П.) ушел с Казанским полком как корнет; ушли на войну сыновья Страховых, Афросимовых, Тиньковых. Орел начал собирать средства на подарки армии; во всех домах-то что-то делали для раненых. Устраивали лазареты; Наталья Дмитриевна (Мухортова – А.П.) была избрана в руководство Красного Креста и увлеклась

новой деятельностью. Дочери помогали ей. Устраивались концерты, спектакли, чтобы увеличить средства Красного Креста. Начали приезжать раненые на отдых. Многие семьи брали к себе на постой офицеров. Привезли пленных турок, словно на подбор, – хороших. [Ими восхищались некоторые орловские жительницы ... Ходили слухи, что купцы высмеяли каких-то дам за чрезмерное увлечение турками]. Ради раненых офицеров устраивали обеды с шампанским, тостами. Война с ее отзывами заполняла время и общественное мнение.

Уставшие от напряжения зимнего сезона 1878-1879 годов, Мухортовы задержались в Липовице осенью 1879 года. Осень была удивительно красивая. Доходили слухи, что в Орле расположился штаб корпуса, а командир корпуса, Столыпин, происходит из зажиточных саратовских помещиков и, таким образом, полностью «свой»; что он имеет молоденькую дочь (она впоследствии вышла замуж за молодого Афросимова) и двух сыновей, «Сашу и Петьку»; они отданы в гимназию и там они стали товарищами Виктора и Жени Мухортовых. Шалости Столыпиных поражали Мухортовых.

Как адъютант генерала Столыпина себе жену в Орле нашёл

В том году Мухортовы поздно приехали в Орел и на другой день вечером поехали в театр. Там сестры, Маруся и Ната, увидели новые лица: семью Столыпиных и несколько новых офицеров из его корпуса. Среди этих офицеров внимание Маруси на себя обратил молодой, невысокого роста, но стройный офицер. Его светлые волосы были расчёсаны на прямой «пробор» и красиво кучерявились; большие бакенбарды обрамляли лицо. Он не был красив, но прекрасные, большие, темно-серые глаза, которые он немного прищуривал, как близорукий, словно освещали его лицо. Он стоял в антракте у барьера в первом ряду и смотрел на залу. «Кто этот офицер в первом ряду?» – спросила Маруся кого-то из знакомых, кто называл ей новых людей. И получив ответ, что это штабс-капитан Меньшов, адъютант Столыпина, добавила: «Он некрасив, но лицо чрезвычайно интересное». Через несколько минут Меньшов вошел в ложу Мухортовых.

В числе других офицеров Дмитрий Петрович был хорошо принят Мухортовыми, их приглашали на вечеринки, они встречались во всех других домах орловского «бомонда», на балах в Дворянском собрании, в театре. Дмитрий Петрович не любил танцевать, но, чтобы видетсья с Марусей, танцевал. Чем чаще встречались они, тем больше влюблялись друг в друга. Маруся была на три года старше его, ее руки добивались выдающиеся люди, которые обеспечили бы ей богатую жизнь и блестящее будущее. Не раз Федор Акимович озабоченно спрашивал дочерей – на языке начала XIX века, когда же они найдут себе избранника, но до сих пор никто не находил того, что искал.

И этот молодой офицер, совсем другого происхождения, даже не владевший французским языком, который не имел ничего, кроме небольшой офицерской зарплаты, скромный, немного стеснительный в обществе, стал для Маруси дороже, чем кто-либо. В его милых для нее серых глазах она видела такую глубокую, искреннюю любовь, что не могла не проникнуться ею. Все шло хорошо, пока они встречались на балах и вечеринках или когда гуляли по Болхов-

ской, и Маруся опиралась на его руку. Но когда она заявила родителям, что решила выйти за него, и что он должен официально просить у них ее руки, – в семье Мухортовых начался ад. Наталья Дмитриевна со слезами на глазах решительно заявила, что никогда не согласится на брак любимой дочери с бедным офицером, не имеющим ничего, кроме своего мундира. Федор Акимович держал «нейтралитет». Вся молодежь – и главным образом, Наталья Федоровна, горячо отстаивали интересы Маруси. Начались семейные совещания. Приглашены были «тётеньки» Чиркины. Но Маруся стояла твердо на своем: это уже не было вопросом консерватории, когда она сдала «позиции». Это было счастье её жизни. И она победила: 26 января 1880 г., в день ее именин, когда Мухортовы устраивали традиционный бал, было торжественно объявлено о помолвке. Началась новая эпоха в жизни обручённых.

В доме Мухортовых шла спешная подготовка к свадьбе. Заказывали приданое, ездили в Москву, чтобы у Хлебниковых заказать серебро, закупить материи на платье, полотна на белье. Федор Акимович заявил, что отдает Марусе огромный орловский дом. Она же поставила единственное требование своему жениху: чтобы он не оставался в Орле, а нашел себе должность в другом городе. Она была совершенно права: слишком много было знакомых в Орле, слишком старые, тесные связи были ее со старыми знакомыми, чтобы можно было без боли вдруг разорвать их, а вести после женитьбы тот жизненный уклад, которым она жила раньше, она не хотела, да и средства, на которые собирались жить супруги, были для того недостаточные.

*Дмитрий Петрович Меньшов (в мундире генерал-майора артиллерии)
и его жена Мария Фёдоровна (в девичестве - Мухортова).*

Найти вдруг другое место для артиллериста было не так легко, но старые связи помогли, и Дмитрий Петрович устроился старшим адъютантом в Управлении артиллерии Харьковского военного округа. Так он снова возвращался на милую ему Украину. Должность эта была спокойная, она отнимала только день до 3-х часов работы в Управлении; не надо было ездить на маневры, выступать в летние лагеря; не было строевого обучения, которого не любил он. Все это дело перевода отняло немало месяцев. Летом он имел 2 месяца отпуска; и отпуск этот он провел в Липовице.

В октябре 1880 г. в селе Покровском, в 10-ти верстах от Липовицы, состоялась свадьба, и вечером молодые супруги уехали на новую жизнь в Харьков. Там было уже устроено помещение, нанятая кухарка, доставлен из Орла роуль Пляйеля, который так любила моя мать.

Летом в Липовице

Летом (из Харькова – А.П.) мы ездили в Липовицу (напомню, что так во второй половине XIX века называлась современная деревня Мухортово Покровского района – А.П.). Я помню вагон 1-ого класса. Мы садимся с мамой; взволнованное, милое лицо отца; последние поцелуи; вагон понемногу трогается, бегут столбы. Мама закрывает диван простыней и что-то интересное рассказывает, потом кормит пирожками, молоком из дорожного стакана: и мне кажется – никогда дома не ела ничего вкуснее. Проходит вечер; ночь. Утром приехали на станцию Змиевку. Поезд останавливается. Входит Кузьма, станционный сторож, и сообщает, что Захар ждет. Выходим на крыльцо станции: у крыльца уже стоит карета; четверик караковых лошадей; Захар радостно приветствует нас. Мы садимся.

Как весело ехать. Видны «подпряжки»: это – «Терек», а то – «Тамара» ... Проходим Разбегаевку, еще какое-то село и мы – на широком, прямом пути: то – «Большак» – путь времен Екатерины II; путь тот соединял Орел с другими торговыми городами. «Большак» тот имеет несколько десятков метров ширины, несколько десятков колесных путей идут то параллельно, то переплетаясь между собой ... Карета быстро катится, лошади весело бегут домой ...

А там поворачиваем на дорогу, еще 3 версты – и карета въезжает на зеленый двор Липовицы и останавливается перед парадным крыльцом; здесь все уже ждут, потому что кто-то издалека увидел карету и предупредил наших. Здесь были – дородная бабушка, высокий, седой старик, мужики – Федя, Тора (Виктор), Женя, Анна Павловна, кузен Федя – моего возраста. Все, кроме Феди, конечно, берут меня на руки, целуют, передают друг другу ... А там стоят – Александра Петровна, с личиком в морщинах, как печеное яблочко; Анна Ивановна, с клюкой, в белом чепце; лакей, горничные, казачок ... Меня несут в залу, рассматривают, на кого я похожа, на маму, на отца или на бабушку ... Я чувствую себя героиней дня ...

Начинается новая жизнь, такая интересная, так не похожая на харьковскую. Утром мы с бабушкой идем «по хозяйству»: заходим на скотный двор, на ледник, на конюшню, где конюшенный подносит меня к морде лошади, чтобы я

могла поласкать мягкие губы некоего «Катка» или «Зеваки». А дальше – огород, парники, малинник, где красная малина, духовитая, сладкая; бабушка сгибает ее, чтобы я могла сама сорвать ягоду, а там-парк с огромными деревьями и со многими тропами; бабушка рассказывает, как она сама насадила этот парк, и как и когда прокладывались тропинки. В парке много грибов, как же было весело вырывать из земли шампиньоны, «поплавушки» и складывать их в парусиновый зонт бабушки! Так вот две Натальи Дмитриевны (бабушка и внучка – А.П.) проводят утренние часы и в дружеской беседе возвращаются домой. Потом – обед; бабушка – на узком конце стола, налево от нее – дед, направо – мать и я. Бабушка в белом чепце, дед – седой, высокий, с маленькой бородкой, в черной кожаной куртке; далее – мужики – Федя, Тора (Виктор), Женя – в разноцветных рубашках, подпоясанных черными шнурами с большими кистями. Между ними – Анна Павловна, высокая, худощавая, и кузен мой, Федя, а дальше – Анна Ивановна. Часто бывали гости.

Вечером все шли гулять в поле или на реку, в березовую рощу по грибы, или мама с отцом шли на реку ловить рыбу. Как я любила эту рыбную ловлю! Заранее копались в земле в поисках червей, потом брали большой медный кувшин, удочки и шли. Конечно, шла и я. Я любила смотреть на широкую голубую реку, как набегала волна за волной, как утопал поплавок, и как быстро поднималась удочка, а на крючке качалась рыбка. Ее осторожно поднимали и бросали в кувшин с водой. И вот мне пришла дикая мысль: попробовать рыбку, я тихонько достала ее, положила в рот, и – скользкая рыбка сама пошла к горлу ... Это заметили родители: бросились ко мне, увидели, что я уже покраснела, задохнулась; рыбка стоит в горле ... Мама стала пальцами вытаскивать ее из рта, но ершик ушел головой к горлу, и пришлось вытаскивать его против перьев ... Я помню страшную боль, которую потерпела от той «операции» ... Помню, как меня, совсем маленькую, хотели научить плавать, как какая-нибудь из горничных положила меня на воду и поддерживала снизу рукой; как мне нравилось так плыть; но горничная вдруг отвела руку, а я, как клоч, пошла ко дну; помню, как над головой плеснула вода, как зазвенело в ушах ... С берега раздался крик матери ... Меня поднимали из воды. После этого я стала бояться воды.

Высшая радость была для меня, когда под вечер к крыльцу подавали бричку, запряженную не каретными лошадьми, а «водовозами»: бледный «Дергач» и рыжуха «Машка» на «подпряжку»; это значило, что бабушка поедет осматривать хозяйство. С бабушкой в бричку сажали и меня, и мы, дружески беседуя, ехали за 5-6 верст, до хуторов – Големы, Козловки или Александровки; там не было барских усадеб, а жили только староста с рабочими. Я ужасно любила эти поездки, любила, как мы останавливались, подходил староста, помогал бабушке вылезать из брички, и как долго что-то ей рассказывал. Бабушка иногда не вылезала из брички, а принимала его отчет, сидя в бричке. Речь шла о том, где, что и сколько посеяно, вспахано, сколько свезено копен, сколько работало рабочих и тому подобное. Потом мы возвращались домой. Уже смеркалось, стлался пар по полю; бабушка закрывала меня полкой своего широкого манто. Было так уютно сидеть

возле нее. Небыстро, «трусцой» бежали лошади, вот уже видны верхушки липовецких деревьев ... Приехали. Яркое освещенная зала, на нас все ждут ...

Ванюшка-болгарин и его приёмный отец

Среднее положение между работниками и господами имел Ванюшка – болгарин. Во время войны (русско-турецкой 1877-1878 г.г.– А.П.), проходя с Казанским драгунским полком через какое-то болгарское село, разрушенное турками, Федор Федорович Мухортов услышал детский плач. Он зашел в разрушенную хату и увидел два трупа – мужчины и женщины – и маленького мальчика, который плакал, сидя между ними. Федя взял его в седло и не разлучался с ним в течение всей кампании. Он усыновил его, и болгарин получил фамилию Мухортова и именовался Иваном Федоровичем. Он занял определенное положение, обожал «дядю» Федю; Федя научил его сам грамоте, но не поднял выше казачка. Интересно, что болгарин, привезенный в Россию, когда ему было 5 лет, сохранил болгарское произношение и так и не научился хорошо говорить по-русски. Позже Федя купил ему усадьбу под Киевом; болгарин женился на украинке. В начале XX века дядя дал ему денег, и он переехал в Америку и оттуда писал Федору Федоровичу трогательные письма.

Именины бабушки, Натальи Дмитриевны Мухортовой

Из отдельных событий, которые запали в память, надо отметить празднование именин бабушки – 26 августа. Подготовка к празднику длилась очень долго. За несколько дней перед праздником приезжала тетя Юля с Катей и Олей, а иногда и с мужем, Анатолием. Все что-то делали; накануне приезжал знаменитый повар из Тетерья, Ипполит, на помощь Александру Ивановичу. Утром, 26-го, приезжали Лиlienфельды с детьми: Наталья Федоровна была тоже именинница. Четверкой белых, словно лебеди, рысаков, приезжали Чиркины и Куприяновы с Неручи; иногда приезжали Радуловичи. Приезжали некоторые из соседей. Мама, тети – Юля и Ната, – в нарядных платьях, шурша накрахмаленными юбками и подхватывая длинные шлейфы, были как-то торжественно хороши. Мы, дети, утром были взволнованы, и няни ничего не могли сделать с нами, тем более, что я была тоже именинница. Мы бегали на бугорок, за конюшней, с которого было видно, когда подъезжали гости; мы заранее по коням «выясняли», кто именно едет, и все неслись навстречу неручанам, которые подхватывали нас в ландо и привозили к крыльцу. Далее для нас было уже не интересно: взрослые сидели в зале, разговаривали о чем-то, а мы с нетерпением ждали обеда. Обед, конечно, тоже не интересовал нас, но мы охотно сидели долгое время, ожидая последнее блюдо, о котором нам уже заранее многое порассказывали. За обедом мы сидели или за большим столом, если взрослых было не очень много, либо по отдельным, «музыкантским». В обоих случаях мы находились под особой опекой Хрисанфа Васильевича, который часто подбегал к нам и угощал нас чем-то необычным, что могло бы случайно пройти мимо нас: то принесет нам сардинки, то икру и т. п. Больше вни-

мания уделял он в такие дни мне – «Наталочке-Полтавочке», и я чувствовала себя героиней дня.

Обед. Подавали лакей Матвей в белых перчатках, а казачок Дронич помогал ему. Наконец, последнее: торжественно несет Матвей на большом блюде «гвоздь» обеда – по крайней мере, для нас – большую «башню» пломбира и над ним золотой замок из пережженного сахара...

Последние годы.

Липовицкое имение на грани краха

Возвращаясь к лету 1890 года. Мы не поехали в Липовицу: то и было первое лето в жизни матери, которое она провела не в Липовице. Здесь были, кажется, причины дипломатического характера: в результате всех семейных недоразумений, отношения между ней и бабушкой испортились. Моя мать и моя тетя – Наталья Федоровна – имели одинаковый нрав: они не шли на компромиссы в жизни; то была черта, которую мой отец сравнивал с движением ядра из пушки, что не может выйти за пределы своей директрисы – направления.

Однако бабушка ужасно любила своих младших сыновей и для семейного спокойствия шла на всякие компромиссы, даже терпела 8 лет в своем доме Анну Павловну, которую не выносила Наталья Федоровна. Благодаря компромиссной тактике бабушки и потому, что она все время защищала сына от деда, хозяйство было полностью разрушено: Женя менял по ярмаркам хороших лошадей, тройками, на худших; братья платили по два раза за векселя, дважды продавали то же самое зерно, и тогда приходилось возвращать деньги. С их хозяйствованием в Липовице начали красть все, кому было только не лень; имея на дворе 20 коров, бабушка не имела молока к кофе, и Александра Петровна, охая и ахая, приносила ей сливки от "единой своей коровки" ... В присутствии бабушки и других членов семьи один раз Анна Павловна, вернувшись в Липовицу, с притворной наивностью передала Александре Петровне привет от ее сына, который держал буфет на большой станции, он просил прислать ему пудов 5 сливочного масла. Эффект был необычайный; Александра Петровна заволновалась: «Вот дурак, вот дурак, да где же я возьму столько масла?», – лепетала она. А жестокая Анна Павловна добывала «врага»: «А он говорил, что последнее масло было очень хорошее» ... Однако эта сцена не повлияла на отношение бабушки к Сашеньке (Александре Петровне). Только Наталья Федоровна, с присущим ей ехидством, просила не раз Александру Петровну продать свою корову и предлагала за нее горы золота ...

В 1889 году выехали в Мирощкое (Украина) Федя с семьей и Виктор. Остался в Липовице безобразничать Женя, которому бабушка потакала во всем. На Липовице шли дебоши. Аренда поместья Евгению дала колоссальные убытки. Дед хотел отказаться платить по векселям сыновей, но бабушка просила не делать скандала.

Печально заканчивался 1890-й год. Отец все время болел, много лежал в постели.

Кажется, в 1892 году мы не поехали в Липовицу, провели год в Киеве; посещали Мирощкое. Жизнь налаживалась снова.

Наступил 1893-й год. Была еще зима; В конце февраля пришла лаконичная телеграмма: «Матери удар. Приезжай». Это была телеграмма из Липовицы – об ударе с моей бабушкой. Моя мама проплакала ночь (телеграмма пришла вечером) и утром уже ехала в Липовицу...

А там, в Липовице, мать застала страшную картину: бабушка и дед забыли, что надо уплатить проценты за основной особняк, Никольский. Опомнились накануне срока, где-то достали денег и отправили в Орел Дронича. Он передал деньги в последний день, но тот, кто принял их, якобы, забыл записать – и имение было продано за сумму этих процентов. Никольское приобрел родственник того чиновника, который принимал деньги... Когда бабушка узнала о том – ее хватил апоплексический удар. Бросились к врачу – 15 верст ... Кроме посланца, отправили за Натальей Федоровной. Разослали телеграммы другим детям. Приехали моя мать и Федор Федорович. Врач, старый приятель Мухортовых, К.Н. Покатилов, провел несколько дней, делал впрыскивания камфары. Когда приехала моя мать, бабушке было несколько лучше, но она еще никого не узнавала. Недели через две мать приехала в Киев, взяла меня, и мы на другой день прибыли уже в Змиевку: сани, не возвращаясь в Липовицу, ждали нас. То была страшное путешествие. За те сутки, что мать потратила на путешествие, пригрело мартовское солнце, и началось быстрое таяние снега; реки, через которые легко можно было переезжать, наполнились водой, лед поднялся, местами появились щели. С большим риском переезжали мы эти реки, сани задерживались в глубоких «зажорах», набирали воды ...

Наконец, мы приехали. Дед радостно встретил нас и, как к взрослой, обратился ко мне с просьбой воздействовать на Талу и Митю – детей Александра Федоровича, живших в Липовице – чтобы они не кричали, не шумели.

Началась грустная жизнь. Бабулю нельзя было даже увидеть. Она лежала в темной спальне и только стонала ... Мать не отходила от нее. Иногда приезжала Ната, но на недолгое время, поскольку в Кривошеине были больные Соня и Саша. Таля и Митя были для меня чужие, мы не сходились. Здесь-то незаметно пришло известие о смерти Евгения в психиатрической больнице.

Наконец, бабушке стало лучше, она уже начала узнавать нас, разговаривать. Ей сказали, что у нее была тяжелая инфлюэнца...».

Плодотворный колодец (легенда о Мухортовых)

Повествование о дворянах Мухортовых, уважаемый читатель, я закончу легендой, связанной с одним событием, случившимся в наших местах в самом конце XIX века.

В последних числах февраля 1899 года по многочисленным крестьянским хатёнкам деревни Липовицы, живописно примостившимся на крутом левом берегу одноимённой речки, прошёл слух: «Умер старый барин. Болел последнее время и уже не оклемался. Да и пора ему на свидание с Богом, зажился и так – 90, кажись, недавно было».

Смерть старого барина

А вскоре увидели крестьяне, как в усадьбу помещичью народ нездешний стал съезжаться, всё больше по обличью на городских жителей похожий. Снова слух по деревне прошёл: «Дети барина на его похороны приехали». А было у барина аж 10 детей.

Проводили Фёдора Акимовича Мухортова в последний путь как надо. А потом собрались сыновья и дочери в старом усадебном доме: надо было помянуть отца и договориться о судьбе имения.

Когда через пару часов начала было утихать за столом семейная беседа, младшая из сестёр, Мария, сказала вдруг: «А знаете, теперь, я думаю, можно поведать одну невероятную историю, которую мне по секрету матушка незадолго до смерти рассказала».

Как дворовая девка на ум навела

Участник польской кампании штаб-ротмистр Фёдор Мухортов женился на красавице Наталье по большой любви. Ничто эту любовь не омрачило. Но прошел год, другой, третий – и никто у молодых не родился. Никак не могла Наталья забеременеть. К врачам в Москву ездили Мухортовы. После обследования сказали им: «Всё нормально у вас по мужской и женской части, а детей нет – так это с нервами связано».

Несколько раз Наталья Дмитриевна в Киев, в лавру, к святым отцам молиться о зачатии ездила. Не помогло и это. Пять лет прошло. Совсем отчаялись Мухортовы.

Однажды, когда в очередной раз дома в красном углу стояла Наталья на коленях перед иконами и, не выдержав, в голос просила Богородицу помочь ей, зашла по делам на кухню дворовая девка Мухортовых – Фёкла. Мешать помещице она не стала, но подошла, когда заплаканная Наталья Дмитриевна закончила молиться:

– Барыня, если хочешь дитё иметь, сходи в наш колодец, набери в нем воды, поставь кувшин рядом с иконой в доме, а потом каждый день, утром и вечером, помолясь, пей эту воду. Я сама, когда два года не могла забрюхатеть, так делала. Мне матушка моя о воде из этого колодца говорила, помогает он с детьми.

Колодезная тайна

Оказалось, находится этот колодец прямо под имением, в низине, в двух десятках метров от речки Липовицы.

Стала Наталья Дмитриевна воду колодезную каждый день, сопровождая молитвами, пить понемногу. Через два месяца почувствовала помещица изменения в организме, сообщила Фёдору Акимовичу. Съездили они в Орёл к врачу. Диагноз был однозначен: «Беременная».

А когда 9 июня 1845 года у молодых родился первый ребёнок, да ещё сын, радости Мухортовых не было предела. С того времени Наталья Дмитриевна, продолжавшая пить чудесную воду, стала мужу дарить детей почти каждый

год: в 1846 году – дочь Ольгу, в 1847-м – сына Владимира, в 1848-м – сына Дмитрия, в 1850-м – дочь Юлию. За 16 лет после появления сына Александра родилось у Мухортовых 10 детей, крепеньких, здоровых, умных. Не раз потом Наталья Дмитриевна девку Фёклу разными подарками благодарила, но мужу так «тайны колодезной» и не выдала.

...После поминок разъехались Мухортовы по столицам и своим новым домам, а прощаясь в Орле, объявление в губернскую газету дали: *«Штабс-ротмистр Фёдор Акимович Мухортов после тяжёлой болезни скончался 25 февраля в 12 часов дня в имении Липовицы Малоархангельского уезда, о чём сыновья и дочери с глубокой скорбью извещают родных и близких»* (было тогда ему 87 лет. – А.П.).

Судьба мухортовского имени и рода Мухортовых

В настоящее время деревня Липовица, в которой происходили описанные события, называется по фамилии помещика – Мухортово (ныне – территория Покровского района). Ещё в 30-е годы XX века она была одной из самых многодетных – здесь проживало более 400 человек (вода из колодца действовала!). Но сейчас здесь насчитывается меньше трёх десятков пенсионеров – молодежь разъехалась. Давным-давно нет мухортовской усадьбы, которая после революции была уничтожена.

Чудом сохранилось одно из подсобных помещений усадьбы. Оно использовалось колхозом в советские годы, а потом было отдано под жильё одному из работников – Василию Кочеткову.

На «барский» колодец установили насос и долгие годы он подавал воду в деревню. Позднее подходы к колодцу заросли таким бурьяном, что я, исследуя живописные окрестности деревни Мухортово, не смог к нему подобраться.

Могила помещика Фёдора Мухортова не сохранилась на покровском кладбище. Что касается его детей и внуков, приезжавших суровой зимой 1899 года на похороны, точно известно, что Фёдор Фёдорович и Мария Фёдоровна скончались в Киеве. Там же, уже в 1981 году, умерла одна из внучек – Ольга Фёдоровна Алёшина (Мухортова), жена известного киевского архитектора Павла Алёшина. Следы другого внука, полковника белой гвардии, Сергея Фёдоровича Мухортова после эвакуации из Крыма затерялись за границей. О других Мухортовых сведений пока отыскать не удалось.

На покровской земле такой фамилии сейчас нет. Но существует до сих пор деревня Мухортово и мухортовский колодец – с той самой водой, которая, по преданию, помогает при зачатии.

Р.С.А вот это дополнение появилось уже после первой публикации статьи в «Орловской правде» в 2013 году (А.П.):

«В сентябре 2014 года после долгих скитаний по д. Мухортово и только благодаря местному жителю Владимиру, который показал нам все возможные варианты, нам удалось найти этот славный "Плодотворный колодец". К слову сказать, деревня стоит на крутой горе, под которой есть несколько источников, что дополнительно затрудняет определение искомого места. Но тут благодаря краеведу Александру Польшину из Покровского и его фотографии этого колодца, удалось точно найти его. Итак, в итоге, к сожалению, оказалось, что колодец сейчас никем не используется, т.к. рядом домов уже совсем нет, а в деревне есть другие родники. Колодец спрятался в кустах, на уровне земли близ реки, накрыт куском шифера, выглядит очень плачевно, но вода вполне прозрачная. Надеемся, что этот славный колодец будет облагорожен и принесёт радости ещё многим-многим поколениям».

Плодотворный колодец из под усадьбой Мухортовых.

Чиркины: от Орловщины до Парижа и обратно

Во вторник, 26 июля 1804 года, Малоархангельский уездный суд рассматривал дело, которых, в принципе, всегда было много, но, в то же время, именно такое являлось некоторым исключением из правил. Почему? Да потому, что рассматривалось духовное завещание помещицы-вдовы – но не в интересах кого-то из детей, а в пользу несовершеннолетнего внука.

Наследство от бабушки

Болевшая и боявшаяся умереть раньше того, чтобы успеть распорядиться своим имуществом, помещица вдова Марфа Никитична Чиркина, сама уже будучи не в силах присутствовать на заседании суда, выдала доверенность родному сыну, прапорщику Петру Ивановичу Чиркину – для представления в суде её духовного завещания. Я процитирую отрывок из «Протоколов Малоархангельского уездного суда»:

«Прошение Малоархангельской помещицы, дворянки, вдовы, Марфы, Никитиной дочери, Чиркиной, поданное по доверенности в рукоприкладстве сыном её, прапорщиком Петром Ивановым сыном Чиркиным, при коем представлена написанная ею сего 1804 года, июля в третий день, на уступление ею родному своему внуку Дмитрию, Петрову сыну, Чиркину на движимое и недвижимое её имение, состоящее Малоархангельской округи, при деревне Тетерье, где она жительствоует, господский дом, со всеми иными принадлежащими дворовыми и с казёнными службами, плодовитым садом, лесом стоящим, земли распаханной и не распаханной – 90 десятин, с усадебными и огородными местами, мельницу, стоящую на реке Медвежке с одним мучным поставом, да крепостных её крестьян, написанных по нынешней 5-ой ревизии в деревне Тетерья: Гаврилу Тихонова с женою его Аксиньею, Трофимовою дочерью, с детьми их: с сыном Мартином, с дочерью Прасковьею, Василья Иванова, холостого, со всем их имуществом... Со строением, со скотом и птицею, с хлебом стоячим и в земле посеянным.

За рукоприкладство вместо неё – духовный отец, священник Липовицко-Троицкой церкви Андрей Ефимов сын Воскресенский. По болезни – благородных свидетелей опросить...»¹

Через пять месяцев, 16 декабря 1804 года, это прошение вторично было рассмотрено судом и утверждено.

Так, благодаря вновь обнаруженному документу, продолжилось моё знакомство с Чиркиными – дворянским родом, уникальным в некотором смысле, потому что его представители, кроме Орловской губернии, в других регионах замечены не были.

¹ ГАОО, ф.28., оп.1., ед.хр. 334, л.35

Первое упоминание этой фамилии я нашёл в связи с изучением биографии писателя-фольклориста Павла Якушкина, а потом начал искать Чиркиных уже целенаправленно. Результатом стало вот это исследование.

«...Был в походах, служил с копьём да с пистолем...»

Итак, обо всём по порядку. 3 января 1833 года Малоархангельское Дворянское Депутатское Собрание рассматривало прошение малоархангельского помещика, штабс-капитана Дмитрия Петровича Чиркина, в котором проситель подробно остановился на своём родословии, из которого я приведу некоторые данные:

«...Предки его: прапращур Тимофей Федосеев писан по десятне 7139 года (1631г – А.П.) в 1-ой сотне в городских, поместный оклад ему был 25 четвертей, денег 20 рублей. В Государеву службу служил на коне да с саблею, да за ним человек на коне с пищалью и с саблею;

пращур Иван Тимофеев по разборным 188 и 7195 годов спискам писан вёрстанным поместным окладом, по первому – 560, по второму – 840 чети и денег 25 рублей и при нём писаны дети его: Андрей, Дмитрий, Василий, Моисей, Афанасий и Яков и состояло за ним, пращуром, по меже 95 четвертей да двор бобыльской да два человека задворных; был в походах: 185, 186 и 187 год – в двух Чигиринских, в 187 и 188 в Киевском; Государева ружья ему дано копьё да пистоль; на Государевой службе служил с копьём да с пистолем, с своим сандаком, да человек ему в кохму? (неразборчиво – А.П.) с бердышем;

прапрадед Димитрий Иванов по разборному 7207 года списку писан в числе дворян и детей боярских, написанных в службу, и при нём дети его, просителя прадеды: родной Григорий и двоюродный Елифан малолетними, за ним состояло в Ливенском уезде поместье и крестьяне;

дед, Иван Григорьевич, по ведомости, присланной в Герольдию из Канцелярии Генеральной Ревизии души, значится из шляхетства и за болезнью оставлен от всех дел с данным ему Правительствующего Сената Конторы паспортом;

отец, Пётр, находился в военной службе и прошлого, 1786 года, марта 3 числа от оной отставлен прапорщиком.

Господин же Малоархангельский предводитель дворянства данным отцу свидетельством удостоверил, что оный дед нынешнего просителя Иван Григорьевич – дворянин и из одного звания ни в какое другое не выходил, за коим по дворянскому окладу состояло Малоархангельской округи по 4 ревизии 73 души и по списку показывал: от роду ему, то есть родителю нынешнего просителя – 48 лет, женат, имеет сына Дмитрия, служит прапорщиком, недвижимого имения за ним 111 душ»². А теперь небольшие комментарии к опубликованной цитате. Из прошения штабс-капитана Дмитрия Чиркина видно, что его родословие как дворянина начинается в первой трети XVII века, а уже пращур Иван

---

² ГАОО, ф.68, оп.1, ед.хр.10, л.10-11

Тимофеевич Чиркин участвовал в двух знаменитых Чигиринских походах и борьбе за обладание Киевом во время русско-турецкой войны 1677-1681 годов, когда Россия и Турция сражались за украинские земли.

Из протоколов Малоархангельского уездного суда за 1818 год выясняется, что прадед Дмитрия Петровича Чиркина, Дмитрий Иванович, во второй половине XVIII века владел землями в дачах деревень Новосильская и Беречка Ливенского уезда и был, таким образом, ливенским помещиком³. После смерти Дмитрия Ивановича и его сына Ивана Дмитриевича владения перешли жене последнего и родной бабке штабс-капитана, Марфе Никитичне Чиркиной, с которой я и начал рассказ.

Когда Дмитрий Чиркин получил бабушкино наследство, ему было всего 10 лет, и он, естественно, сам распоряжаться владениями не мог. Этим занимался его родной отец, Пётр Иванович Чиркин.

Штабс-капитан Дмитрий Чиркин – герой Отечественной войны и Заграничных походов русской армии

Но время текло тогда быстро, и уже в октябре 1809 года 15-летний Дмитрий Чиркин начинает службу колонновожатым (этот унтер-офицерский чин был у него подготовительным перед сдачей экзаменов на офицерский – А.П.). Отечественную войну Дмитрий встретил уже 18-летним прапорщиком.

А дальше началась биография, которая, честно говоря, меня поразила. Немногие из наших земляков-орловчан могли бы похвастаться участием почти во всех основных сражениях не только 1812 года, но и в заграничных походах русской армии 1813-1815 годов.

Отступая от границы в составе 2-ой армии П.И. Багратиона, уже 11 июля 1812 года Петр Чиркин участвует в многочасовом бою корпуса генерала Н.Н. Раевского с войсками маршала Даву у деревни Салтановка (южнее Могилева). Благодаря героизму самого генерала Раевского и его воинов армия Багратиона смогла успешно переправиться через Днепр и вышла к Смоленску, где 22 июля соединилась с 1-ой Армией Баркляя-де-Толли. Отличившийся в числе многих других, Дмитрий Чиркин был за этот бой награжден чином подпоручика.

За участие в героической обороне Смоленска – 4 и 5 августа 1812 года – подпоручик Чиркин удостоился Высочайшего благоволения.

Все три дня Бородинского сражения – этой кульминации Отечественной войны – Дмитрий Чиркин находится в самом его центре, на Багратионовых флешах. Вскоре после окончания битвы он был пожалован первым своим орденом – Святого Владимира 4 степени с бантом.

12 октября 1812 года, когда уходившие из Москвы французы пытались прорваться по Новой Калужской дороге в районы, не тронутые войной, их путь пролегал через маленький уездный Малоярославец.

³ ГАОО, ф.28, оп.1, сд.хр.384, л.24

На окраине города наполеоновские войска натолкнулись на полки корпусов Дохтурова и Раевского. Неоднократно, по некоторым сведениям, от восьми до одиннадцати раз горящий город переходил из рук в руки.

Вечером сражение закончилось. Потеряв около пяти тысяч убитыми и ранеными, французы от города отошли. Среди тех, кто помешал Наполеону прорваться через Малоярославец, в составе корпуса Раевского, был Дмитрий Чиркин, награжденный вскоре чином поручика.

Отступавшая наполеоновская армия все еще оставалась боеспособной и отчаянно отгрызалась. Три дня, с 4 по 6 ноября 1812 года, у города Красного на Смоленщине французы пытались отбросить преследовавшие их войска Кутузова.

Однако здесь противник потерпел одно из самых крупных поражений в Отечественной войне. Внесший свой вклад в дело разгрома неприятеля, поручик Чиркин *«за сие пожалован был золотою шпагою с надписью «За храбрость»*.

В 1813-1815 годах он участвует в Заграничных походах (в послужном списке они поименованы как – первый 1813-1814 и второй – 1815 года), отличившись несколько раз – при блокаде крепости Модлин, у г.Дрездена, в «Битве народов» под Лейпцигом, под Магдебургом, под Гамбургом и на острове Вильгельмбурге. Ордена Святой Анны 4 и 2 класса, годовое дополнительное жалование – стали последними наградами Дмитрия Петровича Чиркина за *«бои и дела против неприятеля»*.

Все приведённые мною сведения я почерпнул из Указа об отставке штабс-капитана Дмитрия Чиркина, данного ему 7 февраля 1819 года и подписанного Генералом от инфантерии, Главнокомандующим 1-ю армиею и разных орденов Кавалером Бароном Сакеном⁴ (я его приведу этот документ в полном объёме в «Приложении» – А.П.).

17 января 1819 года штабс-капитан Чиркин – *«за болезнь и по особенному высочайшему же повелению»*, с позволением носить мундир по отставке, ушёл с воинской службы и поселился сначала в своём ливенском имении, в селе Вышне-Долгом. В этом же году он женился, но имя первой супруги отставного штабс-капитана выяснить мне пока не удалось. Две дочери родилось у молодых – Надежда (12 сентября 1820 года) и Мария (в 1821 году, по ней записей в метрических книгах почему-то не оказалось – А.П.). Вскоре после рождения второй дочери (возможно, и при родах – А.П.) первая жена Дмитрия Петровича скоротечно скончалась.

И тогда, меняя обстановку, вдовец переселился в доставшееся ему от бабушки Марфы Никитичны имение в деревне Тетерье Малоархангельского уезда. Здесь в 1824 году Чиркин вторично женился. Его избранницей стала 17-летняя Наталья Мацнева (из известного рода мценских и малоархангельских дворян, дочь скончавшегося местного землевладельца Павла Ивановича Мацнева – А.П.). Было в это время отставному штабс-капитану 30 лет. И ещё почти 50 потом он прожил

---

⁴ ГАОО, ф.68, оп.1, ед.хр.10, л.10-11

добропорядочной жизнью сельского хозяина и общественного деятеля, изредка выезжая в уездный город Малоархангельск и губернский город Орёл.

А далее о Дмитриии Петровиче Чиркине и его многочисленном семействе я буду рассказывать с помощью Натальи Дмитриевны Полонской-Василенко, воспоминания которой я уже приводил для характеристики орловских дворян Мухортовых.

Из «Воспоминаний» Натальи Дмитриевны Полонской-Василенко

«О Дмитриии Петровиче Чиркине и его имени в деревне Тетерье»

Род Чиркиных был старинный в Орловской губернии. Он упоминается в списках «изпомещенного дворянства» XVII века. Когда заселялось Дикое Поле, Чиркины были не очень зажиточные, но влиятельные помещики Малоархангельского уезда. Они с древних времен принадлежали к культурной верхушке дворянского общества.

Дмитрий Петрович Чиркин, мой прадед, кончил «Школу колонновожатых», что в начале XIX века было, так сказать, Академией Генерального Штаба. В ранге капитана колонновожатых он был в кампании 1812 года (здесь Н.Д.Полонская-Василенко ошибается, потому что такого звания не было, Дмитрий Петрович был просто штабс-капитан – А.П.); побывал 1814 г. в Париже и оставил короткие, сжатые записки – дневник похода. По окончании кампании он поселился в своем имении Тетерье; здесь построил одноэтажный дом из столетнего дуба. Под восточным углом здания был положен «от злого глаза» талисман-камень с запечатленным на нем образом рыбки. В Тетерье был большой лес с вековыми дубами, который простирался на несколько верст. Его темная, высокая полоса была видна издалека и помогала в зимние метели ориентироваться в поле, и когда, в начале XX века, этот лес продали на сруб – то казалось, что вся местность изменила свой облик, и уже труднее стало ориентироваться в ней.

Дмитрий Петрович был образцовый хозяин; с крестьянами он вел себя строго, но справедливо, не допускал жестоких кар, и крестьяне уважали его, хотя и боялись. Он был исключительно образованным человеком, хорошо владел французским языком, много читал. Со службы он вынес глубокое уважение к императору Александру I, которого звал «наш ангел», и относился с презрением к императору Николаю I, которого всегда называл «солдафоном».

Когда начались слухи об освобождении крестьян, то Чиркин горячо приветствовал реформу и участвовал в претворении ее в жизнь. Соседи уважали Чиркина, но не любили за резкий характер, открытость и за искреннюю критику.

Тетерье не знало пьянства и охоты. Там все было вежливо, «чопорно». Независимо от того, гости, нет, в назначенный час лакей сообщал, что «подано кушать», и если были гости, то ничего не менялось в меню обеда или ужина: «то, что ем я и моя семья, могут есть и мои гости», – говорил Дмитрий Петрович.

Ничто не могло изменить характер его жизни. Старшая дочь, Наталья Дмитриевна (имевшая уже взрослых детей и даже внуков), когда подъезжала в своей роскошной карете четверкой лошадей к Тетерью в гости, крестилась, чтобы визит прошёл благополучно, чтобы «папенька» не сердился; при визитах не решалась даже сесть, пока он не пригласит ее. А если она заставала семью уже за обеденным столом, то клялась, что уже пообедала дома, потому что опоздания к обеду Дмитрий Петрович никому не прощал. Умер он в 70-х годах.

Он был женат дважды: от первого брака он имел двух дочерей: Марию и Надежду. После смерти матери их забрали к себе ее родственники. Надежда и Мария были замужем – первая – за Войс-Антоновичем, вторая – за Славинским. Отношения их с родительской семьей были "холодные".

Дмитрий Петрович женился вторично – на Наталье Павловне Мацневой. Милая, ласковая, тихая Наталья Павловна пользовалась общей любовью и уважением. От этого второго брака было семеро детей: старшая была Наталья (11 июля 1825), за ней – Александр (1 июня 1828), Елисавета (29 марта 1827), Юлия, Николай (14 июня 1834), Софья и Евгений (6 ноября 1841). Все они получили сравнительно хорошее образование: дочери – дома, под непосредственным присмотром отца, который сам обучал их истории, географии, математике, физике; сыновья окончили кадетский корпус, а дальше – артиллерийскую школу⁵.

(А теперь некоторые дополнения к этой живой картинке, созданной пером родственницы. Дмитрий Петрович Чиркин у всего малоархангельского дворянства пользовался большим авторитетом, и потому оно постоянно избирало Дмитрия Петровича на различные выборные должности. В канун отмены крепостного права и в пореформенные годы, Чиркин был депутатом местного Дворянского собрания, что требовало большой ответственности и честности. И его решения, хотя устраивали не всех, зато всегда были по закону. Услугами отставного штабс-капитана постоянно пользовались доверявшие ему соседи-помещики.

Аграфена Николаевна Мухортова, мать Захара Николаевича Мухортова (хорошего знакомого И.С. Тургенева), чье имение находилось в селе Федоровка, в 15-и верстах от Тетерья, именно Дмитрия Петровича сделала поверенным в своих делах.

Чиркин и его взрослые дети постоянно были восприимчивыми (крестными отцами и матерями) у рождавшихся у Мухортовых детей.

Крепкая дружба, несмотря на разницу в возрасте, связывала Дмитрия Петровича Чиркина с близким соседом по имени – Иваном Андреевичем Якушкиным (его село Сабурово находилось от Тетерья в двух верстах выше по тому же ручью Тетерка). Когда в 1833 году 76-летний Якушкин скончался, дворянство Малоархангельского уезда опекуном для малолетних детей умершего помещика назначило Чиркина – и не ошиблось.

---

⁵ Полонская-Василенко Наталия «Спогади». Киев. Издательство «Киево-Могилянская академия», 2011, стр.28-35

Дмитрий Петрович сделал все от него зависящее, собрал все необходимые документы – и в том же 1833 году, 16 ноября, Орловское Дворянское Депутатское собрание сыновей Якушкина – Виктора, Семена и Николая внесло в 6-ю часть Дворянской родословной книги, а дочери Наталье было выдано свидетельство о причислении ее к дворянскому сословию.

К сожалению, мне пока не известна точная дата смерти героя войн с Наполеоном, хорошего хозяйственника, заботливого отца и помещика в лучшем смысле этого слова – Дмитрия Петровича Чиркина. А вот о Наталье Павловне Чиркиной, его жене, мне это узнать удалось – благодаря чудом сохранившейся надгробной плите с кладбища приходского села Липовец, где она была похоронена. Само старинное захоронение было полностью уничтожено, могилы вскрыты и разграблены, почти все плиты использованы как фундаментные блоки при строительстве хозяйственных помещений местного колхоза имени Молотова, но плите с именем «Наталья Павловна Чиркина» «повезло», и она на десятилетия оказалась заброшенной в зарослях сирени неподалёку от разрушенной Троицкой церкви.

При обследовании останков этого храма несколько лет тому назад ее обнаружили (подказали местные жители) и перевезли к зданию Покровского районного краеведческого музея, где образовалась небольшая Аллея «Помещицье прошлое нашего края». Посмотри на фотографию, читатель: **«Наталья Павловна Чиркина. Родилась 1807г., июня, 3, скончалась 1864г., декабря, 21»**).

(А теперь продолжу рассказ Н.Д.Полонской-Василенко – уже о детях Дмитрия Петровича Чиркина – А.П.)

«Александр Дмитриевич Чиркин

... служил в Гренадерском полку, а после отставки прошел курс в Академии Художеств: он имел значительный талант, писал пейзажи, но в живописи главным объектом для него были кони; здесь он мог соперничать со Сверчковым, который отдавал ему первенство. Из Академии Александр Дмитриевич вынес дружеские отношения с рядом выдающихся художников: Г. Г. Мясоедовым, братьями Маковскими, Сверчковым, Куинджи, Лагорио, бароном Врангелем, Суриковым и другими. Александр Дмитриевич был одним из инициаторов передвижных выставок и активно участвовал в организации их. За помощь все участники выставки дарили ему свои произведения, и квартира Чиркина в Москве, на Поварской улице, превратилась в прекрасную картинную галерею. Уже на парадной лестнице висели картины, а дальше все стены были увешаны прекрасными полотнами. Чиркин завещал передать его галерею после его смерти городу Москве, но бурные события XX века уничтожили все планы. Дальнейшая судьба этих картин мне неизвестна (впрочем, судьба этих картин неизвестна и до настоящего времени, а ведь это была ценнейшая коллекция – А.П.).

Александр Дмитриевич был очень интересным, широко образованным человеком. Ежегодно он путешествовал за границу и знал все музеи Европы.

Он любил лошадей, и его приглашали писать портреты знаменитых «призывых» рысаков. Позже «Товарищество Коннозаводчиков» издало целый альбом его картин. Вместо гонорара он просил давать ему жеребят и вскоре в своем имении Неручи основал собственный завод замечательных рысаков, которые брали первые «призы» в Москве; это способствовало увеличению его богатства.

Александр Дмитриевич не был оторван и от общественной жизни: он участвовал в проведении крестьянской реформы – и был образцовым мировым посредником в своем уезде (5-ого участка Малоархангельского уезда – А.П.). Умер он холостым в 90-х годах⁶.

(Снова дополнения. Старший из сыновей Дмитрия Петровича Чиркина закончил Орловский Бахтина кадетский корпус, несколько лет прослужил в армии, а потом, уйдя в отставку в чине майора, всю жизнь посвятил любимым занятиям, которые тесно переплетались друг с другом. Он разводил лошадей и писал картины (тоже, в основном, на «конскую» тему – А.П.), быстро став известной личностью в кругах российской интеллигенции второй половины XIX века. Вот какую характеристику давали ему специалисты: «Живописец, жанрист, коннозаводской портретист. Систематического художественного образования не получил, однако к последней четверти XIX века, благодаря безусловному художественному дарованию и редкому трудолюбию, приобрел популярность как автор многочисленных, мастерски выполненных сцен с изображением лошадей. Жил в Петербурге, Москве и своём малоархангельском имении – сельце Неручь (этот населённый пункт называет Н.Д.Полонская-Василенко, но по сведениям «Памятной книжки Орловской губернии на 1897 год»⁷, имение располагалось в сельце Зелёная гора Мценского уезда – А.П.).

По данным рукописного архива Я. И. Бутовича, Чиркин увлекался бегами и был известен как великолепный знаток орловских рысаков. В 1873–1880 годах Александр Дмитриевич выполнял обязанности уполномоченного Товарищества передвижников по организации выставок в провинции и прекрасно с этим справлялся. Кроме этого, он и сам с 1876 года постоянно представлял свои картины на выставках Товарищества. В 1870-х – 1890-х гг. по заказам Управления государственного коннозаводства, частных отечественных конезаводчиков и владельцев скаковых конюшен выполнял коннозаводские портреты. В период с 1871 г. по 1892 г. создал галерею изображений чистокровных орловских рысаков конного завода Я.И. Бутовича в имении «Прилепы» Тульской губернии.

Он прекрасно знал многих художников-передвижников и общался с ними как лично, так и по переписке. Известно несколько писем Александра Дмитриевича. Одно из них, от 3 марта 1879 года, написано было в Одессе, где проходила очередная выставка Товарищества, и отправлено в адрес Ивана Ивановича Шишкина. Цитирую письмо:

---

⁶ ⁶ Полонская-Василенко Наталия «Спогади». Киев. Издательство «Киево-Могилянская академия», 2011, стр.28-35

⁷ Памятная книжка и адрес-календарь Орловской губернии на 1897 год. Орёл, 1896, стр. 142

А.Д.Чиркин – И.И.Шишкину

Одесса. 3 марта

Многоуважаемый Иван Иванович, профессор здешнего университета Кондаков, заведующий университетским музеем и читающий историю искусства, желал бы понемногу приобретать для музея произведения русских художников. Но так как средства, отпускаемые на содержание музея, крайне ограничены, то он ежегодно может уделить на эти покупки только небольшие суммы. В настоящую минуту, быть может, наберется рублей 500, и ему хотелось бы иметь пейзаж Вашей работы, конечно, небольшой, но вполне окончанный, по Вашему собственному выбору и приличный для музея. Этим он хочет сказать, чтобы пейзаж не был этюдом или эскизом.

Кроме того, один господин желал бы иметь маленькое повторение Вашего пейзажа, находящегося теперь здесь под названием “Рожь”. Только он не может дать больше 200 рублей.

Будьте так добры, напишите мне поскорей, можете ли Вы удовлетворить эти желания?

Мне бы очень хотелось, чтобы Вы согласились, и вот почему. Во-первых, Вам должно быть приятнее, если Ваша картина находится в музее, чем в частном доме. Во-вторых, может быть, устроившись с Вами, музей даст работу и другим художникам, в 3-х, увеличивая число художественных произведений в отдаленных провинциях, Вы увеличиваете потребность на них и т.д. и т.д.

Наконец, я полагаю, что художник может сравнительно отдавать музеям, вообще публичным коллекциям свои произведения по несколько уменьшенной цене. Боголюбов, например, уполномочил меня продавать Харьковскому музею свои картины за половину назначенной цены. Я полагаю, что недурно бы было и всем действовать в этом же смысле, делая, впрочем, уступку сколько кому кажется возможным.

До свиданья, будьте здоровы. Ваш душевно преданный

А.Чиркин.

P.S. Выставка открылась здесь 28 февраля: идет ни хорошо, ни дурно, завтра воскресенье, посмотрим, что оно даст. Выставка здесь закрывается 20 марта, напишите мне так, чтобы я получил Ваш ответ до моего отъезда⁸».

Из письма видно, что Александр Дмитриевич был не только простым организатором, он ещё выполнял большую просветительскую работу и помогал художникам в поиске покупателей их произведений.

Что касается оценки картин самого Чиркина профессионалами, то они единодушно утверждали: полотна художника выполнены в традициях русского коннозаводского портрета второй половины XIX века и сочетают в себе абсолютную достоверность изображения всех индивидуальных особенностей конкретной лошади с несомненной образностью художественного решения. К таким произведениям, к примеру, относится, написанный в 1883 году «Порт-

⁸ <http://ivanshishkin.ru/45>

рет вороного жеребца орловской породы». Наиболее полно живописное наследие А. Д. Чиркина представлено в настоящее время в собрании Государственного художественного музея коневодства, а также в московских и петербургских частных коллекциях.

Скончался Александр Дмитриевич в 1897 году, место захоронения неизвестно. Художник Николай Ге в 1864 году выполнил портрет Чиркина, который хранится в Государственном музее изобразительных искусств Туркменистана.

Повествование об этом замечательном человеке я завершу рассказом о том, как мы искали место расположения его родовой усадьбы.

В конце XVIII – начале XIX века земли по правобережью реки Неручь (территория Малоархангельского и Мценского уездов – А.П.) принадлежали помещикам Мацневым – Петру и Павлу. Имя первого надолго оказалось увековечено в названии деревни Петровское и посёлка Петровский (Моховской сельский совет, оба населённых пункта исчезли уже в начале 80-ых годов – А.П.). Имя же второго брата тоже некоторое время жило в названии сельца Павловка, но гораздо чаще оно, особенно в более поздние годы называлось сельцо Зелёная Гора или Зеленогорье (оно входило в состав Долговской волости Мценского уезда – А.П.).

В «Исповедных ведомостях Троицкой церкви села Усово Мценского уезда за 1816-1830 годы» (ГАОО, ф.101, оп.1, ед.хр. 2672, 2673, 2672, 2675) я нашёл, что этим сельцом до 1826 года включительно владел помещик, капитан-лейтенант Павел Иванович Мацнев. После его смерти, с 1826 года, владелицей стала его жена, капитаниша Елизавета Степановна Мацнева. Кроме земли, за нею числились дворовые и крепостные крестьяне числом 120 душ.

Дочь Павла Ивановича и Елизаветы Степановны, Наталья Павловна, к 1830 году вышла замуж за помещика Дмитрия Петровича Чиркина, героя Отечественной войны 1812 года.

С этого момента сельцо Зелёная Гора перешло во владение Чиркиных. В 1897 году им владел сын Дмитрия Петровича, – отставной майор Александр Дмитриевич Чиркин, большой любитель лошадей.

Согласно «Памятной книжке Орловской губернии на 1897 год», у него в сельце Зелёная Гора имелся конный завод рысистых лошадей с 14 матками, 4 производителями и 15 жеребятами. Примерно в этом же году Александр Чиркин скончался. Какой была судьба его конного завода да и вообще его имущества – точно не известно, скорее всего, оно перешло по наследству родственникам.

В первые годы Советской власти сельцо (посёлок) Зелёная Гора (или – для краткости – Зеленогорье) продолжало входить в состав Мценского уезда, но с появлением районного деления в 1928 году оказалось в Свердловском районе Орловского округа Центрально-Чернозёмной области.

Согласно переписи 1932 года, в посёлке Зеленогорье Александровского сельсовета Свердловского района проживало 104 человека. По всей видимости, именно в этот предвоенный период возникло у местного населения и второе

название населённого пункта – Кочки (возможно, красивое название «Зелёная Гора» не дотягивало до столь высокой планки, здесь, на самом деле, несколько небольших гор, с которых хорошо видна долина находящейся в полутора километрах речки Неручь – А.П.). Второе название появилось и на картах Генерального штаба РККА 1941 года выпуска.

Зеленогорье (Кочки) в 1943 году, вместе с близлежащими деревней Петровское и посёлком Петровское оказалось в прифронтовой полосе, и местному населению пришлось узнать весь ужас зверств фашистов во время их нахождения на территории нашего края. Мало того, что оккупанты отправляли жителей на расчистку дорог и копание многокилометрового противотанкового рва (глубиной до 4 метров), так незадолго до начала наступления советских войск гитлеровцы решили угнать в свой тыл всё местное население.

Некоторыми подробностями о том, как это было поделилась со мной местная уроженка Екатерина Григорьевна Панина (в девичестве – Бубнова). Она в те годы была 11-летней девочкой, проживавшей в деревне Петровское. В феврале 1943 года фашисты одновременно изгнали из своих домов всех жителей сразу нескольких прифронтовых деревень Покровского и Залегощенского районов (Александровка Старая и Новая, Алексеевка, Петровское и Зеленогорье). Их под охраной отправили в сторону Змиёвки и Станового Колодца. Во время ночлега в одном из домов (набились, «как селёдки в бочке», спать было нельзя, стояли торчком) часть молодёжи сумела через подкоп сбежать и ушла в направлении нашего наступления.

Остальных немцы догнали до западной границы, жили покровчане где-то в Белоруссии.

А по возвращении Катя Бубнова и её подруги узнали страшную новость: в посёлке Кочки (Зеленогорье) гитлеровцы во время тех событий загнали в один из подвалов каких-то провинившихся, по их мнению, жителей этой и соседних деревень. А потом всех их заживо сожгли. Сколько их там было – никто не знает.

Катя Бубнова с подругами приходила потом сюда, на место пожарища, видела обрушенный большой подвал, но копаться там они конечно, не стали. Так и осталась та братская могила необозначенной и неизвестной.

Сам посёлок Зеленогорье был сожжён немцами дотла, а уцелевшие его обитатели после войны так и не решились здесь селиться. Они построили дома в соседних населённых пунктах, и Кочки с тех пор остались только в чело-веческой памяти.

Вот этот вымерший 70 с лишним лет тому назад населённый пункт мы и посетили 8 ноября 2015 года. Александр Михайлович Матвеев, уроженец Моховского сельсовета, привёз живущих ныне в Орле Екатерину Григорьевну Панину (Бубнову) и её дочь Валентину, чтобы они, после долгих лет отсутствия, посмотрели на родные края.

Побывали мы в заросших бурьяном Кочках (Зеленогорье), побродили по живописным местам, где до нас уже побывали «чёрные» копатели. Того само-

го подвала, немого свидетеля страшных событий, найти не удалось. Но воронок от снарядов и мин, следов от окопов и блиндажей мы обнаружили достаточно – как-никак, прифронтовая полоса. Даже кое-что из военного металла нашлось прямо на поверхности.

Украшали ныне дикие места заросли тёрна, с вполне созревшими после первых морозов ягодами, и отдельные пятна красной калины. По оврагу здесь когда-то протекал, видно, ручей, даже остатки плотины мы обнаружили. Но сейчас сухо, воды нет.

А вот в самом конце посёлка Зеленогорье (Кочки) мы нашли то, на что даже и не рассчитывали – основание большого дома. Сохранились отдельные известняковые фундаментные блоки и кирпичи (основная масса была выкопана кем-то уже в наши годы для своих нужд). На одном из кирпичей – клеймо с буквой «К». Нашли мы и кусочек фарфоровой посуды.

А когда с места расположения дома стали просматривать окрестности посёлка Зеленогорье, то увидели и идущую вверх дорогу, вдоль которой когда-то, по обе стороны, шла липовая аллея (несколько лип, уже потомков тех, прежних, сохранились).

И вывод наш оказался однозначен: здесь в XIX веке находилась помещицья усадьба Александра Дмитриевича Чиркина и его упоминавшийся выше конный завод (благо, пространства здесь достаточно). Вот так поездка в поисках военного прошлого закончилась находками гораздо более раннего периода. Что ж, жаль только, что в этих красивейших местах, откуда виден кусочек России, редко ступает нога человека. А Зелёная Гора вполне достойна возрождения. Помечтаем...

«Николай Дмитриевич Чиркин»

Следующий из детей Чиркиных – **Николай**. Слово – Н.Д.Полонской-Василенко (А.П.): «...он был одним из талантливейших в семье Чиркиных, но неудачником. Он служил в гвардейской артиллерии, вышел в отставку капитаном и засел в родном Тетерье. Говорили, что причиной тому был неудачный роман. Он начал пить, был одинок: когда все братья и сестры покинули родной дом, а родители умерли, Николай Дмитриевич жил там анахоретом и пил, пил без конца. Талантливая натура его была направлена на химические изобретения: он придумывал различные напитки, ликеры, настойки. Маленькой я боялась его. Помню, как иногда к «дяде Коле» – как звали его – приезжали родственники: сестры, племянницы и с ними я. Он имел хорошего повара; в доме был всегда исключительный порядок, который поддерживала толстая Прасковья Ивановна, которая была горничной при Наталье Павловне. Он очень радовался гостям, принимал их в гостиной, где под стеклянным колпаком стояли великолепные букеты роз из воска – работа покойной Натальи Павловны. Он, в халате, с небритым лицом, худой, на минуту выходил в свой кабинет, который называли «камер-обскура», выпивал что-то и возвращался продолжать разго-

вор: пить ежеминутно даже при родственниках он не решался. Одиноким, он умер в начале 90-х годов, и после его смерти старое гнездо осиротело: там поселился управляющий, и тогда прекратились приезды родственников»⁹.

(Наталья Дмитриевна дала достаточно полную характеристику личности Николая Чиркина, но она не сказала ничего о его главном увлечении, хотя оно прослеживается из названия кабинета, названного «камер-обскурой». Дело в том, что второй из сыновей, выйдя в отставку, увлёкся фотографией, став первым фотографом-любителем Малоархангельского уезда. Николай Чиркин сделал и самый первый из дошедших до нас немногих снимков писателя Павла Якушкина. Произошло это, видимо, при посещении знаменитым фольклористом его друзей детства в соседнем имении Тетерье.

Вот что писал автор биографического очерка о Павле Якушкине С.В.Максимов: «Настоящий прилагаемый портрет доставлен нам соседом и приятелем нашего друга, Н.Д.Чиркиным, который, занимаясь фотографией как любитель, столь удачно и мастерски схватил черты всегда оригинального «оригинала»⁹. К сожалению, другие фотографии (а они, наверняка, были) после смерти Николая Дмитриевича растворились во времени и пространстве – А.П.).

Младшим из сыновей Дмитрия Петровича Чиркина был Евгений (1841 года рождения). Сведения о нём у Натальи Дмитриевны Полонской-Василенко самые скудные:

«Евгений Дмитриевич Чиркин

...Веселый, остроумный, образованный. Он, закончив Юридическую Академию, все время служил в военных судах Вильны, Киева. Он был единственный из трех братьев, кто женился, но неофициально: невеста его была полька, поэтому они не могли жениться законно; этот роман его вызвал большое недовольство всех членов семьи. Особенно много хлопот было после его смерти в конце 90-х годов, когда его вдова, на основании векселей, которые он выдал ей, потребовала наследства»¹⁰.

(Так получилось, что со смертью всех трёх братьев мужская линия чиркинского рода пресеклась, поскольку ни у одного из братьев детей не было. Наследовать славу чиркинского рода могли только потомки по женской линии. О них Н.Д.Полонская-Василенко тоже написала – А.П.):

«Елисавета Дмитриевна Чиркина и Юлия Дмитриевна Чиркина (Куприянова)

Елисавета Дмитриевна – некрасивая, высокая, но чрезвычайно милая и ласковая – не выходила замуж вовсе и всю жизнь прожила с сестрой Юлией.

Юлия Дмитриевна была красивая, веселая, ей было уже около 40 лет, когда к ее племянникам – сыновьям Натальи Дмитриевны, на летние кондиции

⁹ Максимов С.В. Литературные путешествия. «Современник», Москва, 1986, стр.54

¹⁰ Полонская-Василенко Наталия «Спогади». Киев. Издательство «Киево-Могилянська академія», 2011, стр.28-35

пригласили студента Московского университета, Хрисанфа Васильевича Куприянова. Он был внебрачный сын богатого помещика Новосильского уезда Тульской губернии – Соловьева. Вырос он в доме матери, но исключительные способности мальчика, маленького, некрасивого, с большой головой и прекрасными черными глазами (правая рука у него была неразвита, с неразделенными пальцами, так что он писал и все делал левой рукой), обратили на это внимание отца. Он отдал его в гимназию, которую парень кончил с золотой медалью, а позже поступил на юридический факультет Московского университета. Университет окончил тоже блестяще; когда он был еще в университете, то решительно отказался от материальной помощи от отца; однако – заставил отца жениться на его матери, и сестра Хрисанфа Васильевича уже была тогда законной дочерью Соловьева. Вся эта история подробно описана в воспоминаниях дочери Менделеева, которая хорошо знала Соловьевых.

Куприянов влюбился в «Юлия», как ее звали. Но она была на 20 лет старше, чем он. Влюбилась и она в талантливого, блестящего собеседника – молодого студента. Что было делать? Надеяться, что Дмитрий Петрович даст согласие на такой брак, не было оснований: он отказывал уже не одному претенденту на руку Юлии. Помогла тут тетя, Екатерина Павловна Мацнева, которая жила в Москве. Юлия отпросилась поехать к ней и там обвенчалась с Хрисанфом. Он был еще студентом, жил с частных лекций в студенческих меблированных комнатах. Юлия ничего не получала от родителей, я помню, как Хрисанф, со слезами на глазах – через 30-35 лет вспоминал о той жертве, которую принесла Юленька: она носила обед из студенческой столовки, мыла посуду, убирала комнату ... Недолго это продолжалось ... Хрисанф кончил университет, отказался от предложения профессора Беляева остаться для подготовки к профессуре, а стал выдающимся адвокатом по гражданским делам; здесь он не имел равного себе в Москве. Эта практика давала ему огромные гонорары, а позже он стал юрисконсультom крупной фирмы Расторгуева»¹¹.

(В списке землевладельцев Малоархангельского уезда за 1908 год сёстры Елисавета Чиркина, Юлия Куприянова, братья Александр и Николай Чиркины числятся обладателями совместной земельной собственности площадью в 541 десятину вокруг деревни Тетерье. Почему сделана такая запись – не понятно, ведь к началу XX века обоих братьев уже не было в живых, по крайней мере, по утверждению Н.Д.Полонской-Василенко. Или тот писарь, что составлял списки землевладельцев по Малоархангельскому уезду, не имел точной информации – А.П.).

И, наконец, завершаю я повествование рассказом о двух оставшихся дочерях Дмитрия Петровича Чиркина, старшей, Наталье, и младшей, Софье, у которых только и остались наследники, сохранившие чиркинский род хотя бы по женской линии.

---

¹¹ Полонская-Василенко Наталия «Спогади». Киев. Издательство «Киево-Могилянская академия», 2011, стр.28-35

«Наталья Дмитриевна Чиркина (Мухортова)»

Старшая дочь... родилась в 1824 году (*здесь неточность: согласно «Алфавитному Указателю Дворянских родов Орловской губернии», Наталья Дмитриевна родилась 11 июля 1825 года – А.П.»*¹²). Она была лучшая из всех его дочерей. Черты лица ее были правильными, тонкий красивый нос и свежий цвет кожи, который она сохранила до глубокой старости. Единственное, что мешало ей – это чрезмерная тучность. Наталья Дмитриевна имела мягкий, добрый характер, весело, поверхностно относилась к жизни; в молодости любила веселье, танцы, а с годами – любила играть роль в обществе.

Ей было 16 лет, когда на нее обратил внимание Федор Акимович Мухортов (*отставной штаб-ротмистр, живший в соседнем имении, в сельце Липовица, в 5 верстах от Тетерья – А. П.*) и зачастил к Тетерье. Дмитрий Петрович Чиркин был человек старых принципов и частые визиты молодого, богатого соседа смущали его. Он просто спросил его: «Чего вы ищите в Тетерье? А если ничего не ищите, то разве вы не знаете, что бывать холостым в семье, где есть дочка "на выданье", неприлично?» Вопрос этот не застал Федора Акимовича врасплох; ответ был давно готов, но он не решался сам высказать ее. Следовательно, он теперь ответил, что бывает с честным намерением и просит отдать ему руку Натальи Дмитриевны. Дмитрий Петрович не согласился сразу, он сказал, что его дочь слишком еще молодая, она значительно моложе его и что она беднее, чем он, и обещал дать ответ через три дня.

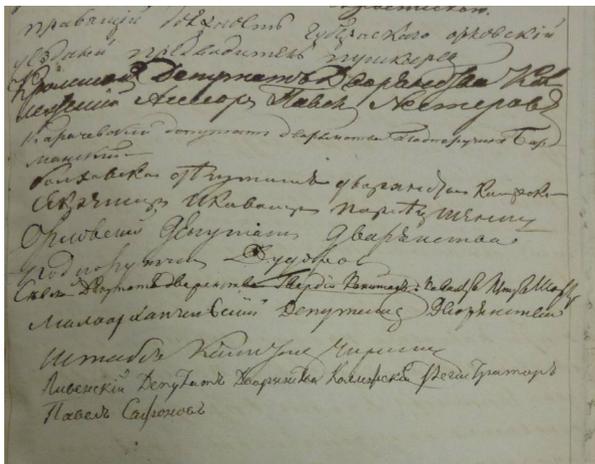
		№ 38.	
		Чиркины	
1		Петръ Ивановичъ	} Дмитриевичи
2		Дмитрій Петровичъ	
3	12 Сент. 1820 г.	Надежда	
4	11 Июля 1825 г.	Наталья	
5	1 Июня 1828 г.	Александръ	
6	20 Марта 1827 г.	Елизавета	
7	14 Июня 1834 г.	Николай	
8	6 Ноября 1841 г.	Евгеній	

Страница Алфавитного указателя Дворянских родов Орловской губернии.

Как теперь помню – хотя с тех пор прошло 50 лет – как у Федора Акимовича Мухортова дрожал голос, как его красивые карие глаза наполнялись слезами, когда он много раз рассказывал мне о своей женитьбе и доходил до этого момента. Как провел он эти три дня – он не помнил. Главное – он не позволил себе перед тем сказать хотя бы слово самой Наталье Дмитриевне, он, кажется, не имел для этого и возможности, а кроме того, он боялся, что отец откажет ему и тогда он поставит ее в неприятное положение. Но все проходит; прошли и эти

¹² Алфавитный Указатель Дворянских Родов Орловской губернии. Орёл, б/д,

три дня, и Федор Акимович, «с замирием сердца», приехал в Тетерье – и тут ждало его великое счастье: Дмитрий Петрович дал согласие на брак и позволил спросить саму Наталью Дмитриевну, которая была немедленно призвана, и тогда дед мой, в присутствии Дмитрия Петровича, просил ее руки. Тогда, кажется, Федор Акимович не так уж волновался и не имел оснований ожидать отказа.

Подпись Д.П.Чиркина (ГАОО, ф.68, оп.1, ед.хр.10).

Получив согласие, Федор Акимович помчался в Москву покупать подарки для невесты и все, что нужно для новой жизни. Он преподнес Наталье Дмитриевне ящик с бриллиантами, что тогда стоило 2000 рублей. Хорошие кольца дополняли набор вещей. Замечательный нежно-голубой штоф для мебели спальной комнаты сохранился у меня от моей матери до последних времен (им было обита моя хорошая мебель из карельской березы). И часть бриллиантов досталась моей матери, а от нее – мне, но ... они были украдены у меня в 1919 году¹³.

(Наталья Дмитриевна Мухортова, Чиркина – в девичестве, была родной и любимой бабушкой автора «Воспоминаний», которые я и цитирую, она умерла в промежутке с 1894 по 1899 год, до смерти деда, Фёдора Акимовича, похоронили её на Покровском кладбище, где был потом погребён и её любимый муж. У Мухортовых было 14 детей, 10 из которых дожили до совершеннолетия, продлив и этот род, и – опосредованно – чиркинский. Ольга Фёдоровна Мухортова, к примеру, стала женой известного киевского архитектора Павла Алёшина – А.П.).

И, наконец, о последней, самой младшей из дочерей Дмитрия Петровича Чиркина, Софье.

Ещё раз предоставляю слово Наталье Полонской-Василенко:

¹³ Полонская-Василенко Наталия «Спогади». Киев. Издательство «Киево-Могилянская академия», 2011, стр.28-35

*Обложка книги
Полонской-Василенко.*

*Полонская-Василенко
Наталья Дмитриевна.*

*Надгробная плита Натальи
Павловны Чиркиной.*

*Н.Н. Ге. Портрет А.Д. Чиркина
(1864), холст, масло.*

«София Дмитриевна Чиркина (Радулович)

Самая молодая из Чиркиных, она вышла замуж в середине 60-х годов за доктора Владимира Ивановича Радуловича. Происходил он из новосербских сербов. Он был главным врачом городской больницы в Орле, которую поставил на высокий уровень. Он пользовался всеобщим уважением и был очень популярен как врач. Радулович имели двух детей: дочь Софию, которая родилась в 1865 году, и сына Владимира, родившегося около 1875 года. Рождение Владимира стоило смерти его матери. Дети Радуловичей стали объектом страстной любви и заботы у всех теток, а для бездетных Куприяновых Соня и Владимир Радулович были как их дети. Соня, как пчелка, перелетала от Куприяновых к Мухортовым и собирала мед как любви, так и ценных подарков. В 1889 году она вышла замуж за Александра Викторовича Волковицкого, молодого юриста, который быстро сделал блестящую карьеру – потому что еще совсем молодым стал секретарем Департамента Сената.

Волковицкие жили в Петербурге весело и шумно. Кроме наследства по матери, Соня имела постоянную помощь от отца и теток, которые засыпали их подарками. Соня была удивительно красивая, маленькая, тоненькая, с выточенным профилем и орлиным носом. Замечательные темно-серые глаза были окружены длинными черными ресницами. Ее очаровательная головка была хорошо известна посетителям передвижных выставок, ибо каждый раз Мясоедов писал с нее разные картины: «Неизвестная», «Женщина в кленовых листьях», «Дама с собакой», «На берегу моря» и другие. Летом Волковицкие приезжали в Петровский – имение Радулович, который был в отдалении версты от «Неручи».

Брат Сони, Володя Радулович, был еще в большей мере под нежной опекой теток, особенно – моей бабушки. Он родился преждевременно и имел черты некоторой дегенерации: высокий, худой, он как-то плохо держался на ногах, легко падал, и мы, дети – на 5-6 лет моложе, чем он, легко валили его с ног, и он с плачем жаловался на нас бабусе. Но он не был лишен интеллектуальных способностей – увлекался фотографией и делал в ней даже какие-то изобретения. Позже он увлекся ботаникой, имел научные опыты, был членом нескольких научных обществ. Он страдал жадной славой и принимал все меры, чтобы получить эту славу. Печатал в газетах, преимущественно в «Орловском Вестнике», сообщения о своих трудах. Кажется, он был несчастливо женат. После его смерти в начале XX в. Волковицкие стали наследниками его значительных имений».¹⁴

Упомянем о внуках Дмитрия Петровича Чиркина я и завершу своё повествование об орловском дворянском роде, исчезнувшем в начале XX века, но оставившем заметный след в истории нашего края.

В 2015 году в Воронеже была издана книга «Скрепь»¹⁵, которую написал правнук Софьи Дмитриевны Чиркиной-Радулович, Валерий Львович Чекмарёв. Помощь ему в сборе сведений о роде Чиркиных оказал автор этих строк. Но поиски не закончены, они продолжаются...

---

¹⁴ Полонская-Василенко Наталия «Спогади». Киев. Издательство «Киево-Могилянская академия», 2011, стр.28-35

¹⁵ Чекмарёв Валерий. Скрепь. Воронеж, 2015

Картины Александра Чиркина

«Пашет сохой».

«Распряжённые лошади в поле».

«С возами у избы» (1885).

«Защита на бегу».

«Накат на дрожжах под управлением Дьякова».

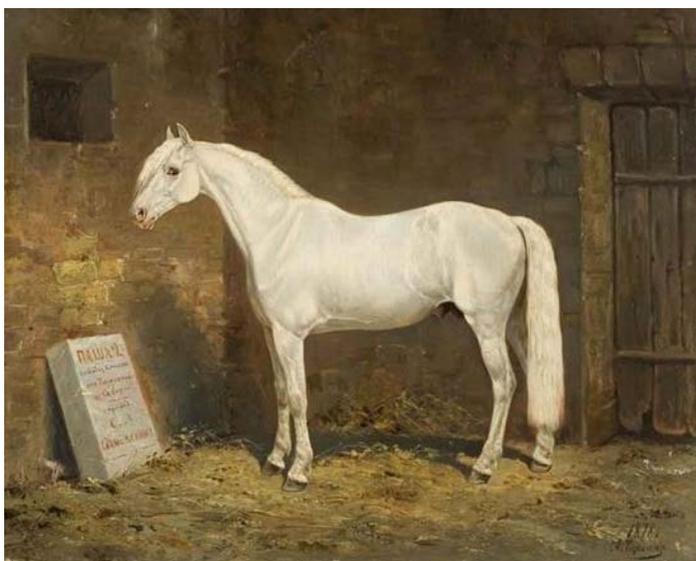
«Портрет серого в яблоках жеребца» (1885).

«Барышня».

«Портрет неизвестного вороного жеребца» (1872, картина А.Чиркина).

«Паша, светло-серый жеребец».

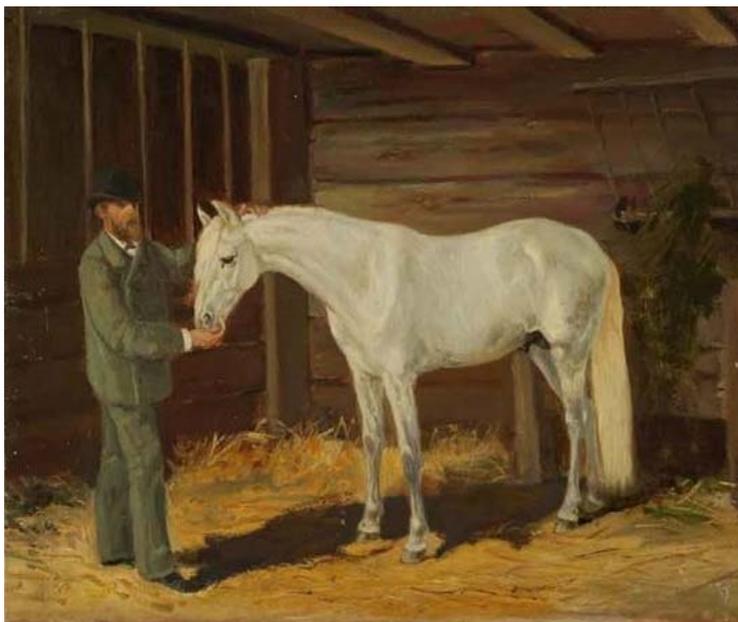
«Портрет каракового жеребца».

«Потешная» (1891).

«Кони на водопое».

«Первый приплод, светло-серый жеребец» (автопортрет).

София Волковицкая – красавица с картин Мясоедова

В апреле 2019 года на Орловщине отметили 185-летие известнейшего нашего земляка, художника-передвижника Григория Мясоедова. Многие из орловчан, ещё не забывшие курс школьной истории, сразу вспомнили знаменитую картину «Земство обедает» да и другие работы признанного мастера: «Чтение манифеста 19 февраля 1861 года», «Опахивание», «Косцы», «Дорога во ржи», «Сеятель».

«Из темноты пришедшая былого...»

Но те картины, с которыми я предлагаю читателям и зрителям познакомиться сейчас, известны до настоящего времени только узкому кругу специалистов. А между тем, на них изображена личность, которую Григорий Мясоедов хорошо знал и регулярно с нею общался.

На этом портрете перед тобой, читатель, – наша землячка София Волковицкая, позирующая перед зрителем в сербском наряде.

Она же стала героиней полотен Мясоедова «Неизвестная» (гораздо больше знакома одноименная работа у И.Крамского), «Женщина в кленовых листьях», «На берегу моря» и «Дама с собакой» (другое название – «Осиротели»).

София Владимировна Волковицкая – дочь известного орловского врача Владимира Ивановича Радуловича и рано скончавшейся его жены Софии Дмитриевны (в девичестве – Чиркиной, происходившей из семьи малоархангельских помещиков – А.П.).

Приведу цитату из упоминавшейся много раз книги «Воспоминаний» Наталии Полонской-Василенко:

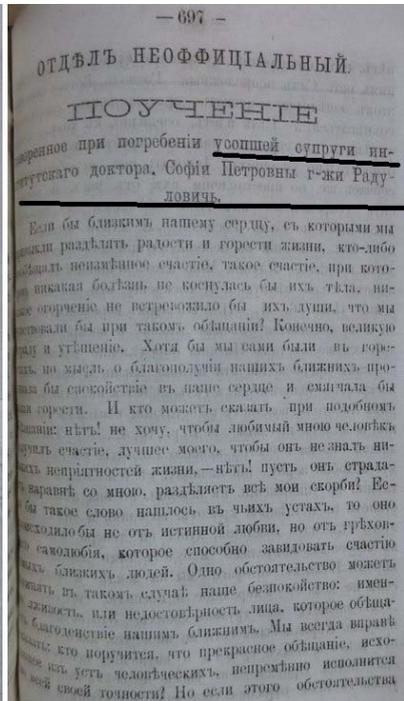
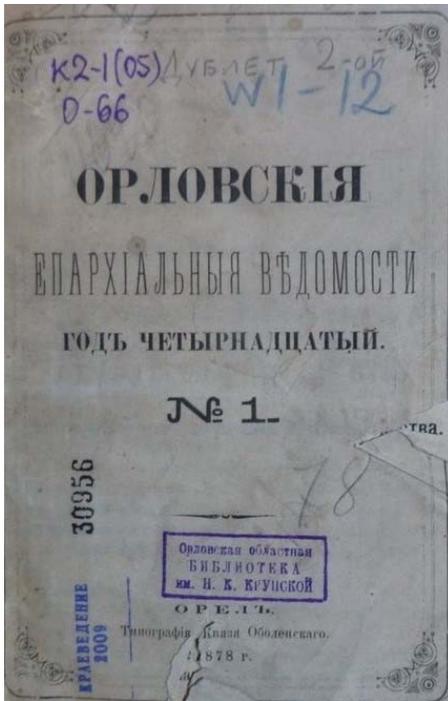
«Самая молодая из Чиркиных – София – вышла замуж в середине 60-х годов за доктора Владимира Ивановича Радуловича. Происходил он из новосербских сербов. Он был главным врачом городской больницы в Орле, которую поставил на высокий уровень. Он пользовался всеобщим уважением и был очень популярен как врач».

Мясоедов Григорий -
Автопортрет.

Григорий Мясоедов -
Портрет Софии Волковицкой
в сербском наряде.

общанія ея между нами. Почившая о Господѣ сест-
рѣ, Софїя Дмитровна, была добрая супруга, чдо-
любивая мать, мудрая устроительница домашняго хозяй-
ства и рѣдкая благотворительница. Ей стоило только
сказать несчастнаго, или услышать о ея страданіи, и
сердце ея сейчасъ же преисполнилось чувствами сердо-
щивой любви къ ближнему. Она благотворила не въ
пользу корысти, чести и славы человѣческой, но сколько
могла могла сужить о ней по разсказамъ коротко
знавшихъ ее, изливала щедроты и милости свои на
бѣдныхъ, единственно по влеченію доброй души
ее. Знала искреннюю доброту ея, близкіе родные, мно-
гие старіе ея возрастомъ и лѣтами, рѣдко обраша-
лись къ ней за собитомъ и утѣшеніемъ въ скорбныхъ
минутахъ своей жизни. И она, точно, какъ ангелъ не-
бесный, всѣхъ утѣшала и ободряла. Эти доблести были

— 701 —

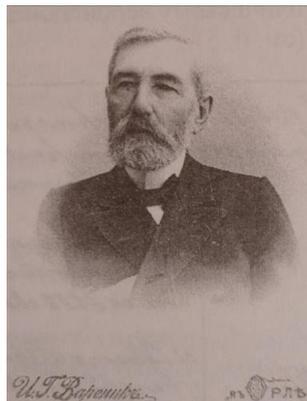
у покойной души почившей и въ усердной заупокойной
молитвѣ найдемъ и себѣ самимъ успокоеніе и отраду.
Блаженная и скорая кончина новопреставленной рабы
Богосей Софїи, предшествуемая въ нынѣшній годъ многи-
ми подобными кончинами, сильно потрясла сердца не
только самыхъ близкихъ къ ней, но и всѣхъ насъ. А
страшная потрясеннымъ страхомъ и трепетомъ, смущен-
нымъ и встревоженнымъ, гдѣ искать успокоенія и отра-
ды, какъ не въ Господѣ Исусѣ Христѣ и въ живомъ
личномъ обращеніи къ Нему. Да не смущается
сердце ваше, говоритъ Онъ намъ, ни устрашаетъ...
(Лук. 14. 1). Вѣруйте въ Бога и въ Мя вѣруйте...
Аминь.

Протоіерей Макарій Троицкій.

Орловскія епархіальныя вѣдомости (№ 1 - 1878)
с сообщеніем о смерти Софїи Радуловичъ (Чиркиной)

«Служил усердно, полезно, продолжительно...»

Здесь я добавлю несколько слов о Владимире Ивановиче из других источников. Радулович закончил Московский университет и, обладая обширнейшими знаниями в области хирургии и урологии, с 1867 года был старшим врачом Орловской губернской земской больницы. Кроме того, Владимир Иванович являлся одним из создателей Орловского медицинского общества и долгое время возглавлял его. Имел награды: ордена Св. Владимира 4-й степени, Св. Анны и Св. Станислава 2-й и 3-й степеней. За *«исключительно усердную, полезную и продолжительную в течение 27 лет службу»* он был удостоен чина действительного статского советника (в переводе на военные чины – генерал-майора – А.П.). Врач Радулович обладал энциклопедическими познаниями и прекрасной памятью, был начитан, трудолюбив и предан делу. Его перу принадлежит «Очерк истории русских медицинских обществ, их цель, значение и взаимная связь», изданный на его собственные средства в 1890 году, им написано также более 100 статей для медицинских журналов.

Радулович Владимир Иванович.

У любящих супругов Радуловичей родилось двое детей: дочь София и сын Владимир. К величайшему горю Владимира Ивановича, его жена Софья Дмитриевна, умерла в 1877 году при родах второго ребёнка. Сын, названный Владимиром, остался жив, а вот саму роженицу спасти не удалось.

Оставшихся полу-сиротами детей помогли воспитывать вдовцу родственники, не оставившие врача один на один с его горем.

О том, что и как в семействе Радуловичей происходило дальше, я узнал благодаря знакомству с прямым их потомком – правнуком Валерием Львовичем Чекмарёвым, проживающим в настоящее время в Воронеже. Он познакомился в интернете с некоторыми из моих очерков, а потом и позвонил. Завязалось знакомство, результатом которого стал обмен книгами. Из документальных воспоминаний Валерия Чекмарёва я почерпнул поистине бесценные дополнительные сведения о некоторых героях моих прежних публикаций.

София – не только умная

В его книге «Однокорейка в «Пятьдесят восьмую», выпущенной в Воронеже в 2009 году, приведена копия «Свидетельства», выданного Канцелярией Попечителя Московского Учебного округа, из которого удалось восполнить многие сведения по биографии Софии Радулович, бабушки Валерия Чекмарёва.

Итак, родилась она в Орле 26 декабря (по старому стилю – А.П.) 1865 года. Образование получила в Орловской частной женской гимназии госпожи

*Волковицкая София
Владимировна.*

Чибисовой. По окончании 7 класса София Владимировна Радулович получила аттестат с отличными оценками и была награждена золотой медалью. Особые успехи уже с детских лет София показывала в ботанике. Сверх того, она «слушала в дополнительном классе Орловской Николаевской женской гимназии особый специальный курс для лиц, желающих приобрести права на звание домашней наставницы и учительницы по предмету математики», что и было ей дозволено 10 октября 1884 года.

По воспоминаниям близких людей, София Радулович, кроме ума, с детства обладала и необыкновенной красотой. Многие поклонники добивались её руки и сердца. Но София выбрала петербургского юриста Александра Волковицкого, за которого и вышла в 1889 году замуж.

Александр Викторович быстро сделал блестящую карьеру, начав службу с должности секретаря Департамента Сената. Когда же в 1899 году в Петербурге проходил всемирный съезд криминалистов, Волковицкий был его секретарём. Ну а на всяких раутах там блистала его жена-красавица. Вот как описала Софию Волковицкую хорошо знавшая её Наталия Полонская-Василенко: «... Соня была удивительно красивая, маленькая, тоненькая, с выточенным профилем и орлиным носом. Замечательные темно-серые глаза были окружены длинными черными ресницами». К тому же, свою красоту она никогда не портила какой-либо косметикой или завивками.

Волковицкие жили в Петербурге весело и шумно. Но – в дополнение к светскости – София была необыкновенной, буквально, идеальной матерью четырёх дочек-красавиц, младшая из которых, Евгения, оставила тёплые воспоминания о своей семье.

Как и когда состоялось знакомство Волковицких с художником Мясоедовым – точно не известно, но уже с середины 80-ых годов XIX века Григорий Григорьевич стал частым гостем в петербургском доме Волковицких, а потом – и в их имении, в сельце «Неручь (Петровское)», Малоархангельского уезда Орловской губернии. Это была настоящая и крепкая дружба. А вскоре очаровательная головка Софии Волковицкой стала известна посетителям передвижных выставок, ибо каждый раз Мясоедов именно с неё писал разные картины. О самых известных я уже упоминал в начале своего рассказа. Чуть подробнее остановлюсь на работе под названием «Осиротели» (второе название – «Дама с собакой», причём, существуют два варианта этой картины, и оба я покажу читателю – А.П.).

Вот они рядом...

Довольно большая (вертикальная) картина выполнена в тёмных тонах. На ней – уходящая вдаль осенняя аллея большого парка. На переднем плане молодая женщина со скорбным лицом, у её ног с поникшей головой большой сенбернар.

Они недавно потеряли любимого мужа и хозяина – осиротели. Одна картина хранится в Харьковском художественном музее, и она фактически стала пророческой для героини живописного полотна: её любимый муж и отец четырёх дочерей, Александр Викторович Волковицкий скончался, не дожив и до 50 лет.

Сама же София Владимировна ушла в мир иной 6 июля 1941 года. Похоронили её на Коминтерновском кладбище Воронежа, оказавшемся чуть позже в эпицентре жесточайших боёв за город. И потому могила красавицы с картин художника Мясоедова оказалась полностью уничтоженной во время артобстрелов и бомбардировок.

Но большинство картин знаменитого художника с обликом Софии Волковицкой остались целы, и они на века запечатлели облик нашей землячки. Всмотрись в него ещё раз, читатель.

А об усадьбе «Неручь (Петровское)», в которой бывал художник Мясоедов и встречался там со своими друзьями и знакомыми, – отдельная история.

«Дама с собакой» («Осиротели», картина из Харьковского художественного музея).

Григорий Мясоедов – «Дама с собакой» (вариант №2).

Здесь Мясоедов побывал

Населённые пункты – как люди: рождаются, растут, стареют и умирают. Вот так и ушёл недавно в историю посёлок Петровский Покровского района, что находился в живописнейшем месте, на берегу речки Неручь, на самой границе со Свердловским районом.

Об этом небольшом селении мало кто знал и в период его процветания, поскольку в советские годы располагался он слишком далеко от основных благ цивилизации. Потому, в конце концов, его и постигла печальная участь.

Сельцо Петровское, оно же – Неручь

Но, оказывается, у просуществовавшего пару сотен лет посёлка – интереснейшая и богатая событиями история. Владельческое сельцо Петровское появилось на свет в самом конце XVIII века. И принадлежало оно вначале капитану Ивану Ивановичу Мацневу, а потом его сыну, надворному советнику Петру Ивановичу – представителям многочисленнейшего дворянского рода, владевшего землями и имениями в Орловском, Малоархангельском, Мценском и Ливенском уездах. От Петра Ивановича сельцо и получило своё первое имя.

Со второй половины XIX века сельцо Петровское чаще именуют как «Неручь» (по названию речки), и оно начинает жить бурной жизнью. Дело в том, что по наследству, как мацневское имение, переходя по женской линии из одних рук в другие, оно досталось в качестве свадебного приданого самой младшей из дочерей героя Отечественной войны 1812 года Дмитрия Петровича Чиркина, Софии Дмитриевне, при её венчании в 1865 году с врачом Владимиром Радуловичем. После смерти Софии Дмитриевны и Владимира Владимировича имение «Неручь» в 1906 году перешло к их дочери – Софии Владимировне Волковицкой, той самой красавице с картин Григория Мясоедова, о которой я уже рассказывал выше.

Волковицкие и Мясоедов

Вполне возможно, что Григорий Григорьевич познакомился с Волковицкими благодаря их родственнику, Александру Дмитриевичу Чиркину, имение которого находилось неподалёку от Неручи, в сельце Зелёная Гора. Александр Дмитриевич, старший брат Софии Дмитриевны Радулович, неоднократно приезжал в имение Неручь, навещая племянников. Но, он, в дополнение к своим замечательным человеческим качествам, был не просто любезным дядюшкой, но и приличным художником, другом многих передвижников и организатором всех их выставок на протяжении десяти лет. А поскольку создателем Товарищества передвижных художественных выставок и автором устава этого общества являлся Григорий Мясоедов, то Александр Чиркин не просто с ним общался, но и дружил. И в гости приглашал, где однажды (в Москве или на Орловщине) и состоялась встреча прославленного живописца с Волковицкими.

В самом начале XX века Григорий Мясоедов не раз бывал в имении Неручь, где не только встречался с хозяевами и гостями усадьбы, но и работал над своими картинами. Сохранилась фотография, на которой Григорий Григорьевич изображён на балконе дома в этом имении перед мольбертом с законченным портретом двух племянниц А.Д.Чиркина.

В Неручь на летние каникулы часто приезжали София Владимировна Волковицкая с дочерьми. Портрет самой младшей, 4-летней Евгении (мамы упоминавшегося мною Валерия Чекмарёва), нарисовал однажды Григорий Мясоедов.

Жили-не-тужили...

Усадьба «Неручь» начиналась с мостика через ручей Коротыш и въезда на так называемый «проспект», который извилисто тянулся через всю территорию обширного имения.

По обе стороны от «проспекта» располагались разнообразные постройки и насаждения. Деревянный помещичий дом с двух сторон был окружён садами, один из которых вплотную примыкал к речке Неручь. Другой, самый большой, фруктовый сад располагался на границе усадьбы. Отдельно, с правой стороны от «проспекта», были расположены огород и вишеник.

Птичник, свинарник, псарня, конюшни – хватало в усадьбе и хозяйственных построек, заполненных разнообразной живностью.

Когда сёстры Волковицкие приезжали в имение, то они в полной мере наслаждались деревенской жизнью: собирали грибы и ягоды, засушивали травы для гербариев и постоянно занимались спортом: гимнастикой (для этого была оборудована специальная комната), плаванием, греблей, велосипедом и верховой ездой. Надо сказать, конный спорт был в крови в семействе Волковицких, поскольку их родственник Александр Чиркин содержал конный завод рысистых лошадей. И София Владимировна, по его примеру, увлеклась лошадьми, передав свою любовь дочерям. Сохранилось несколько фотографий, на которых молодые девицы, Ольга и Евгения Волковицкие, изображены во время выездки.

Так получилось, что лето переломного 1917 года Волковицкие провели в Неручи достаточно спокойно, сёстры даже усиленно фотографировали виды имения и самих себя (тогда они как раз увлеклись фотографированием). А вот в 1918 году наступили беспокойное время, разворачивалась гражданская война, в деревне становилось беспокойно. Однажды вечером в дом к Софии Владимировне явились местные мужики и посоветовали ей и дочерям уезжать, а не то «всё имение разнесут». Волковицкие собрались быстро и, взяв немного продуктов, кое-что из одежды и документы, навсегда покинули Петровское-Неручь.

Дороги Евгении Волковицкой

У них затем началась совсем другая жизнь, но Волковицкие сумели приспособиться к ней. Жили в Курске, потом в Воронеже. Младшая из дочерей, Евгения Александровна, та самая, портрет которой в детстве написал Григорий Мясоедов, в конце 20-ых годов вышла замуж за инженера-железнодорожника

этих местах прошло уже около 70 лет, мы пепелище нашли. Реку Неручь, где при впадении Должанки располагалось имение, мы преодолели вброд...

Ориентируясь по остаткам цоколя и по чудом уцелевшим нескольким фруктовым деревьям, мама определили примерное местонахождение различных построек, давно уничтоженных людьми, временем и войной.

– Тут был амбар, здесь – конюшня, вот здесь находился большой фруктовый сад, там – свинарник, псарня, – и ещё многое другое перечисляла она. И ещё вспоминала, что господская жизнь и простонародный быт не мешали друг другу...

Передать чувства мамы в этот момент было трудно, она буквально горела и трепетала...».

По описаниям Евгении Александровны и по её личным наброскам Валерий Чекмарёв сделал схему имения Петровское (Неручь). Вот она перед тобой, читатель.

Несмотря на 8 лагерных лет, трудные испытания послевоенных лет, Евгения Александровна Чекмарёва (Волковицкая) прожила долгую жизнь, не теряя интереса к ней и к своим близким. Она умерла 7 сентября 1994 года и похоронена на Шиловском кладбище города Воронежа.

На память о ней остался портрет работы Григория Мясоедова и фотокарточки 1917 года, на которых запечатлено имение «Неручь». Некоторые из снимков перед тобой, читатель.

Волковицкая София Владимировна.

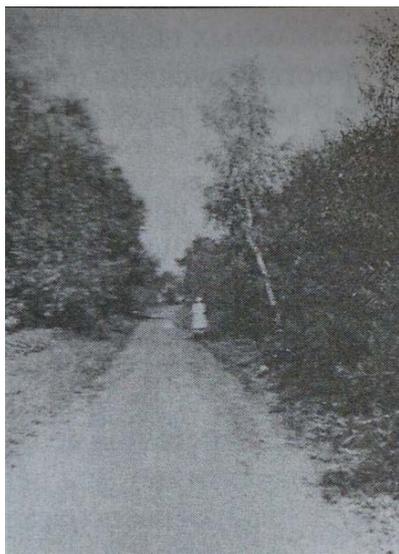
Волковицкий Александр Викторович.

Усадьба Неручь (вид со двора).

*Усадебный дом в Неручи (вид из сада,
17 июня 1917).*

Усадьба Неручь (проспект).

*Женя Волковицкая в 4 года
(портрет работы Г.Мясоедова, 1904 год).*

Григорий Мясоедов в усадьбе Неручь.

На сенокосе в усадьбе Неручь.

Альбатрос, Гном и Аккорд (усадьба Неручь, 25 июня 1917).

Женя Волковицкая на Поэме (усадьба Неручь, 17 июля 1917).

Лилиенфельды – немецкие бароны на Орловской земле

Впервые немецкая фамилия «Лилиенфельд» (иногда и с дополнительной буквой «Т» в конце – А.П.) встретилась мне в «Ревизских сказках помещичьих крестьян и дворовых людей Орловского уезда за 1816 год (фамилии помещиков на букву «Л», ГАОО, ф.760, оп.1, ед.хр.771, на 90 листах – А.П.). Именно в них, на листах 83-84, я обнаружил «Ревизскую сказку от 1816 года августа 7 дня сельца Козмаданского покойного подполковника Карпа Андреева сына Лилиенфельда о состоящих мужеска и женска пола крестьянах», в которой было зафиксировано только две семьи крепостных крестьян в числе 16 душ обоего пола.

Герб баронов Лилиенфельдов.

Рядом с этим документом имелся и другой – «Ревизская сказка 1816 года августа 7 дня Орловской губернии и Орловского уезда села Никольского, Бобрики тож, помещицы подполковницы Анны Антоновой дочери Лилиенфельды о состоящих мужеска и женска пола дворовых людях и крестьянах», в котором числился один дворовый и десять семей крестьян общей численностью 77 душ. По двум «Ревизским сказкам» от 1816 года можно сделать вывод, что помещик Карп Андреевич Лилиенфельд женился на невесте из гораздо более состоятельного рода, чем он сам, и поселился в здешних местах то ли в конце XVIII, то ли в начале XIX века. А вот как судьба занесла немца-подполковника в наши края – выяснить, пока, не удалось. Правда, жизнь Карпа Андреевича (это русский вариант его имени и отчества, а звали первоначально его, скорее всего, Карл – А.П.) оказалась не слишком продолжительной: к 1816 году его уже не было в живых.

В «Ревизских сказках помещичьих крестьян и дворовых людей Орловского уезда» за 1858 год (фамилии помещиков на букву «Л», ГАОО, ф.760, оп.1, ед.хр.962, на 78 листах – А.П.), владельцем 4 семей дворовых людей (31 душа мужского и женского пола) и 8 семей крестьян (54 души) в сельце Никольское, Бобрики тож, значится штабс-ротмистр Александр Карпович Лилиенфельд – сын названного выше подполковника. Александру Карповичу принадлежало также 77 душ в сельце Ламигоры Ливенского уезда.

Вскоре после отмены крепостного права он сумел увеличить свои земельные владения, приобретя большое имение в селе Критово Малоархангельского уезда. Принадлежало оно статскому советнику и кавалеру Николаю Фёдоровичу Казакову, а после его смерти в начале 50-х годов XIX, вдова, Елизавета Николаевна, переселилась из Москвы в имение и прожила здесь 15 лет, успешно управляя большим хозяйством.

В период отмены крепостного права помещица, как и полагалось, составила Уставную грамоту, согласно которой бывшим крепостным крестьянам в 1862 году она выделила 411 десятин земли, обговорив условия, на которых крестьяне получали свои наделы.

В документе не было названо, сколько же земли оставалось у самой помещицы, но, в любом случае, никак не менее, чем ее оказалось у крестьян. В усадьбе Елизаветы Казаковой (фамилия часто писалась и через «О» – А.П.) имелись: господский дом, хозяйственные постройки, земля, пруды, лес. Всё это богатство, не имея наследников, статская советница и продала представителю древнего дворянского остзейского рода Александру Карповичу Лилиенфельду.

А теперь вновь предоставлю слово историку Наталье Дмитриевне Полонской-Василенко, которая оставила для потомков в уже цитировавшихся ранее «Воспоминаниях» замечательно подробное описание помещичьего имения в селе Критово Малоархангельского уезда в период владения им Лилиенфельдами, её родственниками сразу по двум линиям. Дело в том, во-первых, что купивший имение Александр Карпович Лилиенфельд был женат на Надежде Павловне Мацневой, родной тётке её бабушки, Натальи Дмитриевны Мухортовой (в девичестве – Чиркиной – А.П.). А во-вторых, Наталья Фёдоровна Мухортова (тётя Натальи Дмитриевны Полонской-Василенко – А.П.), вышла замуж за Владимира Александровича Лилиенфельда, своего двоюродного дядю. Поэтому Наталья Дмитриевна неоднократно бывала в Критово с матерью и часто общалась с родственниками.

Я буду цитировать «Воспоминания» Н.Д.Полонской-Василенко с некоторыми сокращениями:

**«Наталья Мухортова (Лилиенфельд).
Лилиенфельды**

Седьмым ребенком (в семье Мухортовых – А.П.) была Наталья, года на три моложе, чем моя мать (*1852 года рождения*). Она была самая красивая среди всех сестер. Высокая, стройная, с карими глазами, веселая, остроумная, хоть и немного поверхностная, она имела колоссальный успех в «свете», но долго не выходила замуж, как и моя мать. Многие сватались к ней, но без успеха... Когда вышла замуж моя мать, то Ната осталась одинокой в родительском доме.

...Она сделала решительный шаг и дала согласие выйти замуж за своего двоюродного дядю, Владимира Александровича барона фон Лилиенфельд. Его отец, Александр Карпович, в своё время женился на сестре Натальи Павловны Чиркиной – Надежде Павловне Мацневой и купил имение богатых помещиков Казаковых – Критово. Оно лежало в 8-ми верстах от Неручи, на берегах красивой реки «Кривой Зореньки». [Покупал он это имение пополам с Дмитрием Ивановичем Козиным. Козины построили себе новую усадьбу в селе Красном, а Лилиенфельды поселились в замечательном имении Критово].

Лилиенфельд, немец по происхождению, не знал немецкого языка, писал свое имя не Александр Карлович, а Карпович (как ты читатель, уже увидел, Карпом называл себя ещё его отец, который, возможно, и не был бароном вообще – А.П.), и по каким-то соображениям отверг баронский титул...

Дом Лилиенфельдов в Критово

...Большой дом в Критово – «Василий Блаженный» – как его прозвали за то, что он имел мезонин и несколько крыш различной формы и высоты; внизу было 5 комнат, большая столовая, часть которой отделялась аркой, которую поддерживали две парных колонны. Эти колонны были для нас лучшим местом наших развлечений. Далее был кабинет, сначала Александра Карповича, а впоследствии – Владимира Александровича. Это была веселая, небольшая комната; обе они – столовая и кабинет – выходили окнами на двор, а окна были такие низкие, что когда подъезжали к крыльцу, то казалось, что лошади влезают в комнату. Далее шла большая гостиная с 3-мя окнами в сад, «угольная» или «диванная», спальня Надежды Павловны, впоследствии – комната Сони. Две крутые лестницы вели на мезонин, где было 8 маленьких комнат с низкими потолками. Нижний этаж дополняла большая замечательная терраса, заплетенная виноградом; к ней вели двери из «диванной». Мы очень любили обдирать бумажные обои: под ними была старинная роспись; в «диванной» стены расписаны под беседку; в поздравительной – розы и птицы. В Критово, еще когда им владели Козаковы, был большой дом в стиле «ампир», тогда в доме том с мезонином жил управляющий; Казаковы разрушили свой дом, но не построили нового. Они переехали в дом управляющего, перенесли картины.

Портреты в доме

Я ужасно любила эти картины; в зале висели – замечательный портрет Казаковой: красивая дама в белом платье с кружевом, глубоким вырезом, в темно-красной шали, наброшенной на плечо; прическа времен «ампир», черные большие глаза, словно живые, смотрели с портрета – это и стало причиной порчи его: Саша, большой шалун, жаловался, что эти глаза всегда следят за ним, поэтому и «пальнул» в портрет из «рогатины», но попал не в глаза, а у рта. Другой замечательной работы портрет – это портрет родственницы Казаковых, в синем жакете типа фрака, из шелкового бархата с желтыми лацканами, с «манишкой» из тончайшей дымки, третий портрет – портрет Казакова: Казаков был в белом парике, в синем камзоле и кафтане. Казакова не любили, и поэтому портрет его стоял за трюмо.

Была еще роскошная акварель – дама в светло-розовом, с чайными розами на груди, с золотым кружевом, что окружало глубокий вырез корсажа. Ее волосы, пышно поднятые, было легко припудрены. Портрет отражал Муравьеву, тетю Лилиенфельдов, которая была при дворе Екатерины II. Между прочим – в семье Лилиенфельдов сохранялось предание об их прапрабабке, которой при Елисавете был урезан язык за излишнюю болтовню, поэтому не раз в их семье, шутя, угрожали друг другу такой же судьбой за несдержанность разговоров. Любила я и 6 гравюр, передававших историю Фауста и Маргариты; гравюры эти были конца XVIII в., небольшие, в черных рамах, за стеклом, и украшали стену в столовой. Под ними стоял старинный диванчик, без спинки,

на котором сначала сидела Надежда Павловна, а после ее смерти – Наталья Федоровна. **В кабинете висел большой портрет Владимира Александровича, верхом на золотом коне "Червонец". Писал его А. Д. Чиркин; пейзаж, фигура Володи, и в частности «Червонец», были безупречны.** Любила я оригинальные книжные шкафы, в которых, вместо стекла, были вставлены картины, тоже маслом – Чиркина: лошади с жеребятками на фоне местных пейзажей.

Мы, дети, очень любили мезонин, где, после смерти Надежды Павловны, была детская горница. Комнаты там были низенькие, уютные; там так приятно было играть «в подкидного дурака» или «пьяницу»; можно было бегать, кричать ...

В Критове весь уклад жизни был не тот, что в Липовице: не было борзых, а только большая свора «гончих», черных, с длинными ушами, рыжими и белыми пятнами, и обязательно с одним светло-голубым глазом, второе было, конечно, темное.

Критовское хозяйство, парк, сад, лес

Двор в Критове был окружен хозяйственными строениями: в глубине двора, где некогда стоял дворец Казаковых, был построен большой амбар, где хранилось зерно, а под навесом стояли летом плуги, сеялки, жатки и т. п. инвентарь. «На глазах господ» были – погреб, ледник, близко была конюшня – так что видно было, как выводили лошадей и как через двор прогоняли с поля на реку стадо коров и табун лошадей. Мы очень любили, когда гнали лошадей: на парадном крыльце сыпали для лошадей соль, и лошади хорошо это знали, и все спешно бежали к крыльцу, тогда здесь можно было гладить их. За конюшней были расположены ток и овин, и дома было слышно, как грохочет молотилка и как она останавливается. Все говорило, что хозяева жили интересами своего хозяйства.

По другую сторону дома был огромный парк с красивыми рядами пихт, туй, кедров перед верандой и с огромным цветником; в середине главной клумбы, на столбе, стояли солнечные часы. Особенность критовского парка заключалась в том, что он был направлен всеми лучшими аллеями не к современному дому, а в кладовую, где некогда стоял барский дворец. Широкая липовая аллея вела от большой зеленой «лужайки» с кучами одичавших роз – к большому хорошему ставку, на котором маячила стройная колокольня Критовской церкви, а на другом берегу подступал к самому берегу березовый лес. Местность была очень живописна. В парке было много тропинок, многие из них были забыты; позже я любила обновлять их, прочищая от кустарника старые дорожки. Мысленно заполняла их дамами в белых париках, господами в ясных камзолах, и казалось мне, что оживает прошлое, что шелестят шелковые «роброны» и что где-то за зарослями лабиринтов слышится чей-то приглушенный шепот, веют веера. Парк оживал в моем воображении ...

За парком был огромный плодовый сад, ежегодно Владимир Александрович увеличивал, распространяя его территорию; делал новые привои, выписывал лучшие сорта яблочек – и сад стал значительной опорой хозяйства. Из пруда выходила, задержанная плотиной, живописная речка «Кривая Зоренька», приток Неручи; она текла, все время меняя направление, каменистым руслом, и то

делалась такая, что вода едва прикрывала дно, то круто поворачивала и делала глубокую, широкую заводь, из которой снова выходила мелким ручейком.

На правом берегу реки был прекрасный березовый лес; Павел Александрович продал его на сруб, как только получил в наследство Критово. На левом берегу Владимир Александрович начал насаждать новый лес – ели, березы, клены, и в начале войны 1914 года этот лес уже простирался на несколько верст. Наталья Федоровна продолжала посадки. Какое богатство грибов вырастает там, в молодом лесу!

Прислуга в помещицьем доме

В Критово мы, дети, втягивались в интересы хозяйства, тогда как в Липовице мы ничего не знали, кроме того, что во ржи и пшенице весело собирать васильки. Старый староста, Никита Изотов, красивый, с большой бородой, приходил каждый вечер в столовую, делал подробный отчет и получал распоряжение на второй день. Он хорошо относился к нам, и не было большего наслаждения, когда он, по очереди, сажал нас на свое казацкое седло и катал на белом, как снег, «Бедуине». Вторая интересная фигура был ключник Михалыч. Он служил еще при Казаковых, николаевский солдат, лысый, с большой седой бородой «лопатой». Он любил всех нас, но любимцем его был Саша, «милай», как он его называл.

Мы все любили копченую ветчину, которая в Критово была действительно знаменита. Михалыч, в «ведомстве» которого были все продукты, отрезал для нас кусочки ветчины и целый день, «к случаю», носил их в кармане своего тулупа, которого никогда не снимал, даже в июле. Ветчина пахла чем-то дополнительным, овчиной – и это нам еще больше нравилось. Мы залезали куда-нибудь в укромное место и поедали ее ...

Еще помню я пышную красавицу Екатерину, она была ключницей тоже при Казакове. Высокая, в высокой кике (чепце), с профилем римской матроны, всегда в синем «сарафане», она производила впечатление переодетой аристократки, и, читая впоследствии Некрасова, я представляла себе героинь его в образе Екатерины ...

Остальная челядь была моложе. Среди нее был Владимир-слесарь, он же плотник – мастер на все руки; красивый, черноволосый, как цыган; он был правой рукой Владимира Александровича, который любил всякие ремесла; прекрасно сооружал Владимир Александрович, с помощью того слесаря, различную мебель и чинил сам машины. Слесарь Владимир умер рано – замерз где-то пьяный, и на руках Натальи Федоровны осталась его вдова, Наташа, с 8 детьми...

Павел и Владимир Лиленфельды

Сыновья Александра Карповича – старший, Павел, юрист, и младший – Владимир, инженер – были вполне русские.

Павел служил в суде и кончил карьеру членом судебной палаты в Харькове. Когда он служил где-то в Украине, то встретил в какой-то молочной кас-

сиршу, влюбился и женился на ней в середине 80-х годов. Жена его – Ольга Алексеевна – была некрасивая, малокультурная, не интересная; по происхождению – то ли немка, то ли еврейка; мы знали ее мало и не любили. Сам Павел Александрович был очень умный и интересный человек. **В Критово он приезжал ежегодно в отпуск, а после смерти Александра Карповича и Надежды Павловны, кажется, в 1889 и 1890-х гг, Критово было разделено между братьями,** и Павел, как старший, получил землю без усадьбы и половину инвентаря. Он построил на другом берегу пруда усадьбу. После 1905-го года он продал крестьянам и усадьбу ту, и землю.

Брат его, Владимир Александрович, был тоже очень интересный человек. Хоть некрасив, был он очень умный и талантливый человек. Закончив «Институт инженеров путей сообщения», он несколько лет работал на Урале при проведении железной дороги. После того, в середине 70-х годов, он вышел в отставку и поселился у родителей в Критове.

Он давно и горячо любил свою красивую племянницу, Наталью Федоровну Мухортову, но не имел успеха. ...Но когда она согласилась выйти замуж за Владимира Александровича, вся семья Лиленфельдов, старые родители и Владимир Александрович, были безмерно счастливы. Но Ната не была счастлива: она уважала своего мужа, но не любила его. От их брака было двое детей: дочь Соня, которая была на год старше, чем я, и сын, Саша – на год младше меня. Мы всю жизнь дружили втроём.

Владимир Александрович был образцовый хозяин. Он один из первых ввел многопольный севооборот, посадил большой плодовый сад и лес, устроил тоже конский завод, с помощью Александра Дмитриевича Чиркина, который давал ему лучших жеребцов. Когда был введен институт земских начальников, Владимир Александрович принял назначение его на эту должность и пользовался уважением у населения.

Последние дни в Критово

...За это лето я еще больше сблизилась с Соней. Я по большей части жила в Критове, и только мы с Натой приезжали на несколько дней в Липовицу посетить бабушку. Она выздоровела, ходила сама по комнатам, даже сходила в сад.

Наталье Федоровне было очень трудно. Владимир Александрович получил должность земского начальника первым, как только был введен этот институт, и тщательно выполнял свои обязанности: ездил в Малоархангельск на съезды, ежедневно принимал в своей канцелярии, которую устроили во флигеле, где раньше жил он с семьей. Мы любили смотреть вечерами в окно, как он сидит за столом с цепью на шее. Эта должность давала средства, но отрывала его от хозяйства, которое в значительной степени падало на Нату. А тут судьба подбросила ей меня. Но она не роптала и занималась мной, как родной дочерью.

Характерный случай произошел в том году: в газете было сообщение, что где-то, кажется, в Москве, сбежал тигр из зверинца. И вот по всему Малоархан-

гельскому уезду начались слухи, что видели тигра, как он где-то загрыз теленка, а в тот же день, верст за 30 – корову. Несмотря на невероятность этих наблюдений, нам запрещали отходить далеко от дома и ходить в лес. Ночью, когда лаяли собаки, люди считали, что эти собаки услышали тигра ...

Печальные дни

...В Критово шло спешное строительство крахмальной фабрики. Владимир Александрович сам руководил работой. Наконец, фабрика была готова, и осенью должны начать переделку картофеля; сажали его очень много. Наступила поздняя, холодная осень. Мы хотели уже возвращаться в Киев и как раз поехали в Критово, чтобы попрощаться с Лиlienфельдами. В столовой горела лампа, когда мы подъехали к крыльцу. Никто не выходит. Кучер крикнул ... Открывается дверь – и Соня и Саша выбегают на крыльцо в слезах ... «Тише, тише, папа умирает!» Мы входим в столовую и видим: на диване, под гравюрами из Фауста, лежит Володя ...

[Его ноги не уместились на коротеньком диване, поэтому подставлен к нему стул, и они лежат на нем ... Он лежит белый, как полотно подушки, что неудобно была засунута под его голову.] Мокрые от пота волосы прядями прилипли к белому лбу. Большая умывальная чаша с кровью стоит у дивана ... Обеденный стол отодвинут от нее. В комнате полный беспорядок. Оказалось, что Володя был на фабрике – пол-километра от дома – и там вдруг горлом пошла кровь ... Володю перевезли домой, и с тех пор непрерывно шла кровь ... Ему давали глотать лед. Послали лошадей за доктором. Мы пробыли там несколько дней. Володе стало лучше. Но врач сказал, что это может быть начало туберкулеза. Мы поехали в Киев, а на второй или третий день Лиlienфельды, по совету врача, должны были выехать в Москву, кажется, до славного Захарьина».

Владимир Александрович Лиlienфельд умер по дороге в Москву, по всей видимости, это произошло в Орле или на подъезде к нему. Мне, некоторое время тому назад, работая в Государственном архиве Орловской области с метрическими книгами Богоявленской церкви города Орла, удалось найти очень любопытную для себя запись, которую ниже процитирую:

«Метрические книги Богоявленской церкви города Орла за 1893 – 1897 годы (ГАОО, ф.101, оп.1, ед.хр.3149 (на 259 страницах – А.П.)

1893 год

Л.51оборотный-Л.52

№42

30 октября скончался, 1 ноября 1893 года похоронен земский начальник 3-ого участка Малоархангельского уезда, дворянин Владимир Александрович Лиlienфельд (буква «т» – зачеркнута), 45 лет – от чахотки. Похоронен соборне (то есть, при участии многих священнослужителей – А.П.), в церковной ораде села Критово Малоархангельского уезда». Так закончилась жизнь мужчин рода Лиlienфельд.

Свято-Духовская церковь села Критово, у стен которой были похоронены Лилиенфельды (рисунок Юрия Новикова).

Поклонный крест на месте разрушенной Свято-Духовской церкви села Критово).

Снова передаю слово Наталии Полонской-Василенко:

«Все сложное хозяйство и воспитание детей пришлось на плечи Наты, которая жила до того, как на «даче». Она приняла это бремя и несла его до самой смерти. Она сохранила многопольный севооборот, сама следила за ним; вставала с первыми лучами солнца и в высоких сапогах, большими шагами, высокая, худая, с парусиновым зонтом, обходила свои владения, где пахали, сеяли или косили, весь день, без перерыва, она большими шагами ходила, стараясь быть во всех уголках Критова. Сначала там был старый, еще со времен Казакова, староста Никита Изотов, но он стал сильно «запивать» и сам посоветовал принять на его должность своего сына, Игната. Это были интересные личности. Отец был типичный крестьянин, великоросс, с большой бородой, не седой и в 60 лет, он напоминал тип Сусанина; сын его, Игнат, долго ходил на заработки, жил в Николаеве, в Ростове-на-Дону был кондуктором и т.д. Когда он вернулся домой, то принес с собой «образованность»: разговаривал таким языком, что его трудно было понять: он жаловался мне через несколько лет, что «с тем темным народом всю образованность потеряли».

Этот Игнат Изотов пришел к Лилиенфельдам за советом: на ком ему жениться: одна девушка была красива, нравилась ему, вторая, Авдотья, была не так красива, но имела большое приданое: перину, лисий салоп и прочее. Победила Авдотья, ставшая женой Игната. Она быстро стала грубой, но вообще бы-

ла симпатичная женщина. Когда у них родился сын, они пригласили Сою и Сашу как крестных родителей. А позже, когда наш Саша не мог преодолеть экзамен за 4-й класс, его крестный сын, тихо, спокойно переходил из класса в класс того же реального училища.

Этот современный пруд в Критово находится на месте старинного пруда в имени Лилиенфельдов.

Староста из Гната был неважный, но Наталья Федоровна доверяла ему и прощала его ошибки. Это было редкое явление, так как он сам признавал свои ошибки. Однако с таким помощником Наталье Федоровне было нелегко вести хозяйство. Кроме того, она тоже болела туберкулезом, что лишало ее сил. Не радовал и сын, не хотел ни учиться, ни помогать ей. Она таяла, выбивалась из сил, чтобы сохранить детям Критово и чтобы выкрутиться из долгов в различных банках (покупая Критово, Лилиенфельды «заложили» его в двух банках). Вечером без сил падала она на диван в столовой и засыпала тяжелым сном. Но проснувшись, когда подавали ужин, она снова была, по-прежнему, весела и остроумна.

В своих хозяйственных работах она не имела помощи: Павел Александрович не был хозяином и мечтал только об увеличении доходов. От Куприяновых тоже не было помощи. Так несла она сама весь груз хозяйства на своих слабых плечах. Однако ее хозяйство шло не хуже, а даже лучше, чем у соседей.

Крестьяне относились к ней хорошо; не было никогда тех мелких, раздражающих недоразумений, которыми донимали крестьяне Куприяновых; то случались потравы, то порубки, то какой-то теленок или корова зайдет, по невнимательности пастуха, на господскую рожь или пшеницу. Но Наталья Федоровна смотрела на все это сквозь пальцы, не требовала уплаты штрафов и т. п. Поэтому в ее хозяйстве было все сравнительно хорошо: не было преднамеренных помех, не было повальных краж, как на Липовице.

В 1905 году крестьяне не тронули Критово, когда ночью, будто огромные факелы освещали горизонт: то горели где-то помещичьи скирды. Как раз в то время, когда помещики дрожали от страха перед грабежами, вывозом зерна из амбаров и т.п., к Наталье Федоровне прибежал староста, бледный, как полотно:

«Наталья Федоровна! На двор сейчас въедут несколько подвод крестьянских, видимо, будут вывозить хлеб».

У Натальи Федоровны подкашивались ноги, но она, с холодом в сердце, спокойная с виду, вышла на крыльцо. Подходят крестьяне, издали снимают шапки... Ну, значит, не страшно.

«Наталья Федоровна! Мы к твоей милости: есть нечего, продай иржицы»...

Конечно, было дано ржи, сколько хотели, со скидкой в цене. Инцидент был исчерпан. Следуя старой традиции времен хозяйства Владимира Александровича, Ната никогда не отказывала в помощи крестьянам, когда была в силах помочь, даже когда было трудно это сделать: давала бесплатно лошадь, корову, когда у крестьянина погибала единственная скотина. Но не было случаев, чтобы приходили просить те, которые не имели крайней нужды в помощи.

Так приблизился 1917-й год. Крестьяне Критово уверяли Наталью Федоровну, что они не тронут ее усадьбу, но советовали ей не оставаться здесь. Она переехала в Орел и прожила там до 1919 года. После прихода добровольцев (Деникина) она вернулась с дочкой в Критово. Но потом опять пришли сюда большевики. Защитить Критово от организованной большевистской силы местные крестьяне не могли. Когда Наталья Федоровна и дочь ее лежали, больные тифом, большевики зажгли большой дом Натальи Федоровны. Там она и погибла, а дочь ее успели перенести в дом старосты, где Софья, без сознания, тоже умерла...».

Так печально закончилась на орловской земле жизнь всего рода Лилиенфельдов.

**Путешествие из Воронежа в Покровский район
(потомок Волковицких, Радуловичей, Чиркиных, Мацневых,
Мухортовых на родине своих предков)**

В самом начале весны 2015 года я получил замечательный подарок – изданную в Воронежской областной типографии книгу под названием «Скрепы». Прислал её мне человек, с которым я познакомился в 2014 году и с тех пор тесно общаюсь, – воронежец Валерий Львович Чекмарёв. Я о нём упоминал в своих предыдущих очерках: «София Волковицкая – красавица с картин Мясоедова» и «Здесь Мясоедов побывал».

Валерий Львович оказался прямым потомком героев многих моих очерков. На этой (и не только) почве завязалось наше знакомство. Вскоре он прислал мне свою первую книгу воспоминаний – «**Одноколейка в «Пятьдесят восьмую»**». А летом 2014 года я был у него в гостях, и Валерий Львович поделился планами переиздания своей книги, поскольку обнаружилось много новых материалов, связанных с его родословной. Я был только «за», выслал потом ему вышедший второй том своей книги «**Орловщины родные очертанья**». И в ответ получил в подарок второе издание его воспоминаний уже под новым названием – «**Скрепы**».

Значительную часть этой отлично изданной книги составили очерки, посвящённые нашим малоархангельским дворянским родам. В главе «Мои мамы» – их несколько: «Чиркины», «Мухортовы», «Волковицкие», «Радуловичи» (в общей сложности, – несколько десятков страниц).

«Скрепы» очень хорошо иллюстрированы. Здесь не только фотографии из семейного архива В.Л.Чекмарёва, но и репродукции картин Григория Мясоедова и Александра Чиркина.

Мне было приятно, что Валерий Львович использовал сведения из моих публикаций и книг, на которые он сослался в «Списке литературы».

Чекмарёв Валерий Львович, потомок дворян Волковицких, Мацневых, Мухортовых, Радуловичей, Чиркиных.

В селце Петровском (бывшей Городищенской волости Мценского уезда – А.П.) находилось имение бабушки Валерия Львовича – Софии Владимировны Волковицкой (Радулович – в девичестве – А.П.).

В советские годы селцо стало именоваться посёлком Петровским, и входил он в состав Моховского сельского совета Покровского района. Расположенный в живописнейшем месте, на берегу речки Неручи, на самом стыке трёх районов (Покровского, Свердловского и Залогощенского), ещё в 1983 году посёлок Петровский насчитывал 10 дворов с 18 жителями, но к середине 90-ых годов прекратил своё существование (правда, официально это нигде не было зафиксировано – А.П.).

Валерий Львович Чекмарёв побывал в Покровском районе, на месте усадьбы бабушки, лишь однажды – вместе со своей мамой (нашей землячкой), Евгенией Александровной Чекмарёвой (Волковицкой – в девичестве). Случилось это в середине 80-ых годов XX века. По итогам той поездки появилась схема имения Волковицких в селце Петровском, восстановленная Валерием Львовичем по рисунку, сделанному рукой Евгении Александровны.

После выхода в свет книги «Скрепь» потомку сразу нескольких дворянских родов захотелось вновь побывать в исчезнувшем имении, которое самыми лучшими словами вспоминала его мать.

Во время пребывания у Валерия Львовича я пообещал ему свою помощь, если он решится на приезд в наши края. Однажды он позвонил и сказал, что собирается, и привезти его обещал друг, который направлялся к родственникам в Орёл.

Все дни перед его звонком в Покровском районе (как и на всей Орловщине) стояла жаркая, без малейшего намёка на осадки, погода. А тут вдруг 17 июня прошёл дождь, длившийся почти целый день. И я начал опасаться за успех задуманной экспедиции, поскольку от Мохового до Петровского предстояло добираться грунтовыми дорогами.

Однако второй попытки у Валерия Львовича могло не получиться. Он позвонил ещё раз вечером 17 числа и сказал, что в Воронеже тоже идёт дождь, но «матч состоится при любой погоде».

Мы обговорили условия встречи, к которой на добровольных условиях присоединился Александр Михайлович Матвеев, мой хороший знакомый из Орла, в летнее время постоянно проживающий в селе Критово. Увлечённый историей своих мест, он получил в подарок от меня книгу Валерия Чекмарёва, познакомился с нею, а потом решил и с самим автором встретиться.

Так что 18 июня 2015 года, около полудня, встречали мы воронежского гостя на автостанции Покровское вдвоём.

Я представил своих знакомых друг другу, после чего началось долгое путешествие по маршруту Покровское – Моховое – бывший посёлок Петровский – Критово – Покровское.

Почему долгое? Вроде бы, расстояние в одну сторону не слишком большое – в пределах 40 километров, но у нас ушло не меньше трёх часов, чтобы

только добраться до цели нашего путешествия. Я уже писал, что накануне прошёл дождь. А в Моховском поселении он в течение часа, оказывается, вообще был проливным.

И потому проблемы по нашему маршруту возникли сразу же после выезда из Мохового, когда началась «грунтовка». Частично она успела просохнуть, но во многих местах оказались наполненные водой солидные лужи, которые наша российская «Лада» «брала», что называется, с ходу, благо Александр Михайлович Матвеев водитель опытный, со стажем. Но и он ничего не мог противопоставить десятисантиметровому слою грязи, натёкшему на склон небольшой плотинки у посёлка Александровка (официально, это деревня Красное Знамя – А.П.).

Здесь мы в первый раз, что называется, «сели» и минут пятнадцать потратили на то, чтобы разными усилиями, вплоть до толкания автомобиля руками, выбраться из грязевой ловушки.

А вот вторично мы застряли уже надолго. Произошло это в овраге под братской могилой деревни Петровское (прошу, читатель, не запутаться, поскольку деревня Петровская – это другой населённый пункт, нежели тот, который был нашей целью. Деревня Петровская расположена примерно в двух километрах выше русла Неручи, в верховье того же самого оврага. Да, оба населённых пункта в своё время получили название по имени Петра Ивановича Мацнева – их первого владельца – А.П.).

В этот достаточно глубокий и широкий овраг во время проливного дождя грязи с окружающих полей нанесло столько, что стало ясно: «Дальше мы не проскочим». Александр Михайлович Матвеев задним ходом сумел, вроде бы, выбраться наверх, на склон оврага, но там «сел» основательно и надолго.

И тогда пришлось нам вызывать подмогу – Анатолия Михайловича Матвеева, родного брата Александра Михайловича, фермера из д.Красный Луч. Уже через полчаса он был на месте, благополучно вытащил нашу «Ладу» на сухую и безопасную поляну, а дальнейший путь к Неручи мы проделывали на его УАЗике – «буханке».

Спустя десять минут поняли, что это была сама судьба. Дело в том, что Александр Михайлович Матвеев точной дороги к посёлку Петровскому не знал. Я сам был там единственный раз лет 15 назад и добирался туда лугом, который зарос так, что проехать по нему оказалось невозможно.

И вообще, дорог к умершему селению нет. Никто туда не ездит – незачем. Обнаружился единственный след, видимо, любителя рыбалки, который привёл нас к речке Неручи и бывшей деревне Брыковой.

И уже отсюда, еле заметными ориентирами, повёл нас к цели наш спаситель – Анатолий Михайлович Матвеев.

Ещё минут через 10 мы выехали к небольшой самосевной посадке, рядом с которой протекал приличный ручей, метрах в пятидесяти ниже впадавший в Неручь. Можно было кричать «Ура!»: мы добрались, наконец, до окраины посёлка Петровский. Теперь предстояло отыскать само бывшее имение Волковицких и, главное, – место их дома.

Основным ориентиром в поисках для нас стали ручей Коротыш (так он назван на схеме, нарисованной Евгенией Александровной Волковицкой-Чекмарёвой, в настоящее время ручей названия не имеет – А.П.) и родник, дающий ему начало. Мы проехали ещё немного на УАЗике параллельно руслу ручья до его верховья, а затем, оставив автомобиль, весь остальной путь проделали уже пешком.

Для начала нам пришлось немного потрудиться, чтобы обнаружить родник. Он оказался достаточно мощным, бьющим из-под горы, заросшей густым кустарником. Чуть ниже ручеек от родника сливался с другим, и тогда оба они образовывали тот самый «Коротыш».

Поднявшись по склону уже на противоположной стороне оврага, мы осмотрели более внимательно и сам ручей, и его долину. Там, где мы оставили автомобиль, оказывается, проходил всё ещё хорошо заметный противотанковый ров (здесь с конца февраля до 20 июля 1943 года проходила линия советско-германского фронта – А.).

А вот склон, по которому мы поднялись, по всей видимости, был границей усадьбы Волковицких, поскольку по его кромке сохранились, хотя и выродившиеся, остатки живой изгороди (одичавшая сирень).

Двигаясь вдоль неё, мы потихоньку шли вперед, по направлению к реке Неручь, которая текла вниз. Как ни удивительно, на том пространстве, где мы шагали, не было каких-то сплошных бурьянных зарослей, а росла разнообразная трава, которую иногда оживляли полянки цветущего ковыля. В одном месте выросла одинокая берёза, а в целом пейзаж был довольно однообразным.

Идя параллельно Неручи, братья Матвеевы ушли вперёд, а мы с Валерием Львовичем чуть отстали. И тут Александр и Анатолий Михайловичи начали энергично махать руками. Мы поспешили к ним. Да – это точно был он, котлован усадебного дома Волковицких. Впадина виднелась довольно отчётливо. Я измерил границы дома, он оказался 20 метров в длину и 8 метров в ширину. И здесь мы убедились в том, как со стороны реки дом мог быть двухэтажным, а со стороны поля – одноэтажным. Дело в том, что здесь перепад высот, к полю склон гораздо выше, чем со стороны реки.

Мы нашли даже остатки кирпичей и кусочки кровельного железа, чему Валерий Львович был несказанно рад и взял на память частички родового гнезда бабушки.

А потом, когда радость чуть улеглась, мы внимательнее осмотрели окрестности и убедились в том, как точен оказался рисунок Евгении Александровны Чекмарёвой. На той стороне Неручи, чуть ниже, в неё впадала речка Должанка, зафиксированная на схеме.

А прямо от дома, вниз – к Неручи, но не прямо, а наискосок, шла заросшая кустами тропинка. Она вела в начале XX века к находившемуся там спортивному городку.

И ещё одно прямоугольное пространство внизу, рядом с Неручью, мы обнаружили. Скорее всего, это место крокетной площадки (садовый крокет – А.П.).

А чуть дальше по направлению от дома, на этой же стороне, виднелась посадка, скорее всего, бывшая раньше границей усадьбы. Постояли мы у найденного места, сделал я фото на память для Валерия Львовича, а потом не спеша, вполне довольные тем, что получилось, мы двинулись к УАЗику.

Обратный путь проделали гораздо быстрее. Добравшись до оставленной «Лады», пересели в неё, а Анатолий Михайлович Матвеев, как в почётном эскорте и на всякий случай следовал сзади.

План был выполнен и даже перевыполнен, поскольку Александр Михайлович Матвеев завёз нас в Критово и провёл экскурсию по своим памятным местам. В Критово же состоялись у нас небольшие посиделки с душевным разговором – как подведение итогов длинного-длинного, но такого замечательного дня – 18 июня 2015 года.

Валерий Львович Чекмарёв на следующий день уезжал из Покровского воронежским автобусом с большим чувством удовлетворения. Его давняя мечта, наконец-то, благодаря помощи наших земляков, исполнилась, и с тех пор он постоянно, в течение нескольких лет передавал приветы братьям Матвеевым. Младший из них, Анатолий, к сожалению, недавно безвременно нас покинул...

В домашней картинной галерее - у портретов предков.

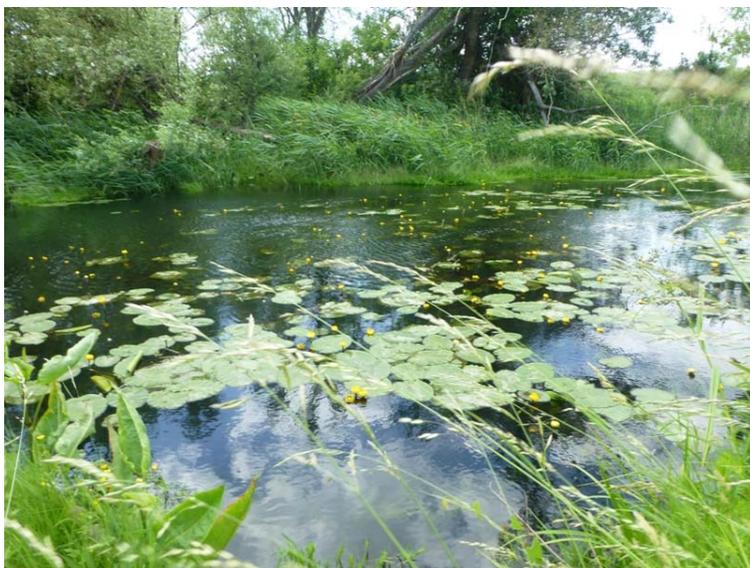
В.Л.Чекмарёв прибыл в Покровское (18 июня 2015).

Вид на реку Неручь.

Не только автомобилем, но и пешком.

Неручь во всей красе.

Валерий Львович Чекмарёв (посередине) и братья Матвеевы - Александр (слева) и Анатолий (справа).

Автор с Валерием Львовичем на фоне реки Неручь (18 июня 2015).

Ручей Коротыш (вид издали и вблизи).

Валерий Львович спускается к ручью предков.

Ещё немного, ещё чуть-чуть...

А тут и ковыль ещё растёт...

Вот они, милые места моей мамы...

На память - от родовой усадьбы Волковицких.

Покровское, перед отъездом в Воронеж (19 июня 2015).

**Приложения к главе третьей
«Сроднясь в земле, сплетясь корнями...»**

Приложение №1

Орловские дворяне Мацневы – в различных документах

Из «Алфавитного указателя утвержденных правительствующим Сенатом дворянских родов, внесенных в дворянскую родословную книгу Орловской губернии с показанием родословия каждого рода»

№ 36

Мацневы

Николай Михайлович
Михаил Николаевич
24 июня 1820 Иван Михайлович
18 февраля 1823 Михаил Михайлович (Четвертый, сослан в Сибирь с лишением всех прав дворянства)
22 июля 1830 Мария Михайловна
1846 Михаил Иванович
18 декабря 1855 Софья Михайловна
27 декабря 1860 Михаил Михайлович (Пятый)
Брак 24 января/5 февраля 1866 – жена Ольга Михайловна

№ 37

Мацневы

Антон Иванович (владельцы д.Александровка)
Александр Антонович
Николай Антонович
30 сентября 1817 Григорий Александрович
30 июля 1846 Александр Григорьевич
4 марта 1845 Елизавета Григорьевна
22 сентября 1847 Сергей Григорьевич
18 февраля 1874 Александр Сергеевич

№ 38

Мацневы

Афанасий Семенович (*Успенские владельцы*)
Сергей Афанасьевич
Василий Афанасьевич
Дмитрий Афанасьевич
Лев Афанасьевич
Николай Афанасьевич (*жена Вера Александровна, умерла 15.03.1853 г.*)

2 февраля 1807 Николай Николаевич
20 ноября 1820 Афанасий Николаевич
4 июня 1825 Александр Николаевич
7 сентября 1826 Владимир Николаевич
15 февраля 1852 Варвара Александровна
17 июля 1853 Вера Александровна
24 апреля 1856 Николай Александрович
29 июня 1857 Олимпиада Александровна
8 июля 1865 Екатерина Александровна
12 апреля 1867 Сергей Александрович
12 февраля 1849 Николай Владимирович
20 января 1852 Сергей Владимирович
20 июня 1853 Павел Владимирович
7 июня 1854 Владимир Владимирович
16 апреля 1857 Александр Владимирович
2 июня 1860 Надежда Владимировна
20 октября 1862 Дмитрий Владимирович
26 марта 1864 Анатолий Владимирович
21 сентября 1880 Екатерина Николаевна
20 ноября 1882 Александр Николаевич
15 сентября 1885 Борис Николаевич
11 июня 1887 Ольга Николаевна
12 апреля 1892 Георгий Николаевич
6 июня 1883 Софья Владимировна
12 декабря 1887 Варвара Владимировна
2 июля 1886 Владимир Александрович
5 марта 1889 Николай Александрович

№ 39

Мацневы

Иосиф Иванович

16 января 1799 Иван Иосифович (жена Анна Федоровна)
30 декабря 1790 Василий Иосифович
8 декабря 1803 Александр Иосифович
4 августа 1832 Николай Иванович
6 октября 1834 Иосиф Иванович
23 сентября 1838 Федор Иванович
23 апреля 1837 Анатолий Васильевич
24 мая 1838 Дмитрий Васильевич
30 мая 1839 Екатерина Васильевна
– Лидия Васильевна

№ 40
Мацневы

Родион Никитич
Николай Родионович
Василий Родионович
Дмитрий Родионович
Брак 27 апреля 1814 г. – жена Елизавета Васильевна
28 июля 1815 Никанор Николаевич
2 января 1818 Мария Николаевна
2 марта 1820 Василий Николаевич
20 ноября 1822 Екатерина Николаевна
19 апреля 1825 Александра Николаевна
25 февраля 1806 Василий Васильевич
8 января 1802 Павел Васильевич
25 октября 1820 Николай Васильевич
1 января 1850 Николай Васильевич
2 октября 1856 Ольга Васильевна
Жена Хиония Дмитриевна
21 ноября 1864 Леонид Никанорович
7 февраля 1830 Варвара Павловна
30 декабря 1832 Николай Павлович

*Памятник на могиле штабс-капитана
Павла Васильевича Мацнева на Афанасьевском кладбище Орла.*

№ 41

Мацневы

Иван Иванович
Василий Иванович
Петр Иванович (умер к 1823 году)
Павел Иванович (умер к 1826 году)
Николай Иванович (сын Владимир)
(Дети Павла Ивановича:
Дмитрий Павлович (умер к сентябрю 1855 года)
Наталья Павловна (Чиркина в замужестве, 03.06.1807 – 21.12.1864),
Надежда Павловна (Лилиенфельд)
Екатерина Павловна Мацнева, девица)

№ 42

Мацневы

Андрей Михайлович

№ 43

Мацневы

Федор Косьмич
Иван Федорович

№ 44

Мацневы

Иван Никитич
Петр Иванович
Дмитрий Иванович

№ 45

Мацневы

Михаил Ипполитович
Ипполит Михайлович
Варвара Михайловна
Михаил Михайлович

№ 46

Мацневы

Ипполит Ипполитович

Сборник биографий кавалергардов (1724 – 1899)

Под ред. С. Панчулидзева

С-П., 1904

Дмитрий Афанасьевич Мацнев, 1779 – службу начал в 1793 сержантом в Преображенском полку; 16 января 1797г. пожалован кавалергардом в Кавалергардские эскадроны, по расформировании которых вытущен 23 ноября того же года эст-юнкером в Кирасирский князя Ромодановского-Ладыженского

(Харьковский) полк; в 1799г., 25 августа вторично кавалергардом в Кавказский корпус; 10 октября – корнетом в Лейб-Гусарский полк; 12 ноября 1801г. уволен от службы поручиком; в 1804 – 1806г.г. избран дворянским депутатом, в 1809г. – заседателем в Орловский совестный суд; в 1813г. – Малоархангельский предводитель дворянства. Имел 105 душ в с. Грезном Малоархангельской округи. Был женат. Детей в 1813 году не имел (стр. 300)

Лев Афанасьевич Мацнев, 1781 – сын секунд-майора Афанасия Семеновича из недорослей Орловской губернии, где за ним, в Мценском уезде, состояло 18 душ, пожалован 1 января 1797г., кавалергардом в Кавказские эскадроны; 26 сентября того же года уволен от службы коллежским регистратором (стр. 300)

Иван Федорович Мацнев, 1778 – из дворян Орловской губернии Елецкого уезда, где за его отцом, подпоручиком Федором Кузьмичом, состояло 7 душ; 23 февраля 1797 пожалован кавалергардом в Кавказские эскадроны, по расформировании которых переведен 7 ноября 1797г. эст-юнкером в Малороссийский Кирасирский полк; 22 ноября 1801г. уволен в отставку коллежским регистратором. В 1812 году поступил в Орловский совестный суд. Имел 43 души в Малоархангельской округе (стр. 300)

Из «Списка Орловского Совестного Суда о службе присутствующих»
(ГАОО, ф.4, оп.1, ед.хр.2243 – «Формулярные списки за 1817 год...»)

Губернский секретарь Иван Фёдоров Мацнев, 34 года, из дворян, имеет 43 души в Малоархангельской округе.

В службу вступил в Малороссийский Кирасирский полк кавалергардом – 1796, 15 декабря; эстандарт-юнкером – 1797, 7 ноября; уволен в отставку с награждением чина коллежского регистратора – 1801, 22 ноября; определён в Орловский совестный суд 1812, 17 января, холост.

Некоторые сведения о роде Мацневых

1781 год

Протоколы заседаний Малоархангельского уездного суда

ГАОО, Ф.28, оп.1, ед.хр. 38

29 сентября 1781 года помещик села Покровского, что на Липовице, подпоручик **Фёдор, Казмин сын, Мацнев** не знамо за что девку, свою Анну, Кондратову дочь, ременным кнутом забил.

Протоколы заседаний Малоархангельского уездного суда

1 июля 1804 – 29 декабря 1804

ГАОО, ф.28, оп.1, ед.хр. 334

Дана справка на запрос Орловской Палаты Гражданского Суда по поводу именины **вдовы майорши Натальи, Михайловой дочери Мацневой** (Малоар-

хангельской округи, в селе Столбечкое, сельце Толстом, деревнях Вышнестолбечкой и Козловке), что оно не состоит в продаже и закладе, запретов нет.

Формулярные списки предводителей дворянства...

за 1817 год

ГАОО, Ф. 4, оп.1, ед.хр.2243

Список Орловского Совестного Суда о службе присутствующих

Судья, титулярный советник, – **Николай Афонасьев Мацнев**, 31 год, из дворян.

Имеет за собою во владении в губерниях Орловской, Владимирской и Саратовской 350 душ.

По именному Его Императорского Величества Указу определён в учреждённую при Правительствующем Сенате юнкерскую школу титулярным юнкером – 1797. Из оной по Его И В Указу со званием коллегии юнкера – в 6-ой Департамент Правительствующего Сената – 1800, июля 7.

Произведён титулярным советником – 1803, июля 7

Медаль – 1808, сентября 28

По выбору Орловского благородного дворянства избран на трёхлетие по Малоархангельскому округу депутатом – 1809, 23 января

В Орловский Совестный суд – 1815, 4 января

Украшен медалью за 1812 год – 1816, мая, 11

Женат, имеет двух сыновей – Николая, 8 лет, и Павла – 4 лет, живущих при нём.

Протоколы Дворянского депутатского собрания

ГАОО, ф.68, оп.1 ед.хр.5, л.47

1823, апреля, 4 дня

Слушали: прошение **титулярного советника Павла Иванова Мацнева**, изыскивающего, что для определения сына его Николая в училище военно-строительного отряда путей сообщения нужно ему представить в оное училище справку Орловской Духовной Консistorии о рождении и крещении сына его, но как таковая справка от Консistorии доставлена в Сие собрание, то и просит дать ему с оной копию.

Копию – выдать...

Протоколы Орловского Дворянского депутатского собрания

ГАОО, Ф.68, оп.1, ед.хр. 13, л.175

Обращение 23 октября 1834 года **штаб-ротмистра Ивана Осиповича Мацнева** о причислении к дворянству его детей – Николая, 1832, августа, 4-ого, и Иосифа, – 1834, октября, 6-ого.

Помещики Мацневы

По исповедным ведомостям Троицкой церкви села Усово

Миценского уезда за 1816-1830 годы

(ГАОО, ф.101, опись 1, ед.хранения 2672, 2673, 2674, 2675)

Помещик, капитан-лейтенант, **Мацнев Павел Иванович** (1778 – 1826),
Жена его, помещица сельца Зелёной Горы, капитанша (1830 год) Елиса-
вета Степанова (Стефанова) (1785 – ?),

Дети:

Наталья (1807), к 1830 году вышла замуж за Дмитрия Петровича Чиркина
Николай (1808), к 1830 году покинул дом
Александр (1813 – 1821),
Надежда (1814), вышла замуж за Александра Карловича (Карповича) Ли-
лиенфельда

Екатерина (1818), осталась в девицах

Дмитрий (1819-1855),

Михайла (1821), к 1830 году не было в живых

Дворовых людей – 23 человека, крестьян – 97

Помещик сельца Петровского, надворный советник, **Мацнев Пётр Ива-
нович** (1782 – 1823),

Жена его, сельца Петровского помещица, Дарья Иванова (1794 – ?),

Дочь Елисавета (1814 – ?)

В 1828 году названы – зять, капитан Александр Дмитриев Андреев, 28 лет
(1800 -?). Его жене, Елисавете, скорее всего, приписали годы, чтобы выйти за-
муж, по предыдущим сведениям, а свекрови тоже пришлось пару лет приписать
из-за этого.

Сын Андреевых – Дмитрий, 1830 год

Дворовых людей – 33 человека

Флота капитан II ранга, кавалер, помещик **Мацнев Александр Антоно-
вич** (1773 – 1826),

в 1820 году был вдов,

дети:

Наталья (1812)

Анна (1813)

София (1815)

Григорий (30 сентября 1817)

Сергей (1818)

Дворовых – 61, крестьян – 306

владелец сельца Александровка (дворовых людей – 45), д.Озерны,
д.Николаевки

Господин посол Мацнев упомянут в 1826 году как помещик села Усово
Помещица, вдова, Мацнева Екатерина Васильевна (1744 – ?), в 1822
году – 78 лет, владелица части сельца Васильевского

Помещица, вдова, капитанша, Мацнева Ирина Ивановна (1845 – ?), в
1822 году – 77 лет

Дворовых людей в 1822 году – 12, крестьян – 27

Протоколы Орловского Дворянского депутатского собрания*ГАОО, Ф.68, оп.1, ед.хр. 13, л.л.365-368*

Прошение **коллежского секретаря и кавалера Николая Афонасьевича Мацнева**, из дворян Малоархангельского уезда, в Орловское Дворянское Депутатское собрание от 2 декабря 1835 года – о внесении в Дворянскую родословную книгу Орловской губернии его сыновей:

Афонасия – 1820, ноября, 20-ого,
Александра – 1825, июня, 4-ого,
Владимира – 1826, сентября, 7-ого

Из имеющихся в сем собрании доказательств на права Дворянского достоинства рода Г.Г. Мацневых явствует:

Назарий Софронович Мацнев (прапращур) в Приправочных 125 года книгах и в Памяти, из разряда присланной в 137 году, вообще, с братом его, Назара, Макаром, писаны поместные оклады, каковой состоял за первым из них и по Писцовым книгам 145 и 146 годов. В 179 году поместье Назара Мацнева оправлено за сыном его, а просителя пращуром, Прохором, прапрадед его, просителя, Софрон Прохорович Мацнев, написан в Житее со 179 года, в дворянах – со 187 года, и в Боярской книге 184 года, и учинён вновь ему поместный оклад 450 четвертей, денег 16 рублей.

с многими за службы его в разные времена сделанными придачами, а сверх того, владел он, Сафрон, крестьянами, перешедшими во владение и детей его;

прадед, Родион Софронов, значился по жилецкому списку в числе начальных людей в 200 году;

дед, Семён Родионович, с братом его Иваном наследовали недвижимое отца их Родиона и деда Софрона именем;

родитель просителя, Афонасий Семёнович, был секунд-майором, в каком чине внесён он по журнальному постановлению Депутатского собрания 28 марта 1796 года вместе с детьми его, в том числе, и настоящим просителем, в 6-ую часть Дворянской Родословной книги Орловской губернии.

Из представленных же при прошении документов усматривается:

А) формулярного списка, что он из дворян, от роду ему 49 лет, в службу вступил в 1800 году Правительствующего Сената в 6-ой Департамент Коллегии юнкером, и продолжая оную в разных ведомствах, достигнул настоящего чина, с награждением знаками отличия: Св.Анны 3 степени и Св.Владимира 4-ой степени;

Б) свидетельства Г.Г.дворян, что проситель Николай Афонасьевич Мацнев действительно есть сын умершего майора Афонасия Семёновича Мацнева и внук Семёна Родионовича Мацнева.

Решили – внести названных детей в 6-ую часть Дворянской родословной книги.

1846 год, 8 июня**Орловские губернские ведомости****Объявления и извещения****О продаже с публичного торга**

Орловское губернское правление объявляет, что будут продаваться разные имения в Губернских правлениях

3) в Кадужском: за неплатёж **Статским Советником Николаем Михайловичем Мацневым** разным лицам долгов 27 598 рублей 60 копеек ассигнациями, будущего июля, 23 дня, с переторжкою через три дня, описанная его, Мацнева, земля, состоящая Жиздринского уезда, в даче села Веснин – итого – 848 десятин 470 сажень, а всего, в одной окружной меже 895 десятин оценена в 2 921 рубль 11 и ½ копейки серебром, дохода с лугов и пахотной земли через отдачу в найм – в год 100 рублей серебром.

1846 год, 14 декабря

Орловские губернские ведомости

Объявления и извещения

1. О купчих крепостях, совершённых в Орловской палате Гражданского Суда

3) 10 октября – от имени чиновника 14 класса **Михайлы Михайлова сына Мацнева** на проданный им Орловским купцам Петру и Алексею Перельгиным каменный дом, с местом и строением, оценённый по городской оценке в 1632 рубля 65 ³/₄ копейки серебром, состоящий города Орла во 2-ой части, серебром за 1000 рублей.

1852 год

Орловские губернские ведомости, 16 февраля 1852 г.

В мае 1851 года отставной **поручик Александр Осипов Мацнев** продал Малоархангельской III гильдии купцу Стефану Федорову Конькову за 300 рублей мукомольную мельницу, не приносящую дохода, в с. Губкино и сельце Извекове на р. Сучье, с прилегающей к мельнице землею, примерно 5 десятин.

25 мая 1851 года отставной **штабс-капитан Николай Родионов и его жена Елизавета Васильевна Мацневы** отделили их дочери девице Александре Николаевне Мацневой недвижимое имение – при д. Медвежий Колодезь (земли – 250 десятин, крестьян – 37 душ по 9ой ревизии).

1854 год, 5 июня, №23

Орловские губернские ведомости

О выданных данных

Из Орловской Палаты Гражданского Суда в июле 1853 года выданы данные:
16 июля – по требованию Орловского Губернского Правления, коллежскому советнику **Владимиру Карлову Гольдерекеру**, на владение движимым и недвижимым имением, принадлежавшим **секретарю Михаилу Михайловичу Мацневу**, состоящим Орловской губернии, Малоархангельского уезда, в сельце Толстом, по 9-ой ревизии – 154 мужеска пола души и земли 1250 десятин, утверждённым за ним, Гольдерекером, Губернским правлением при аукционной продаже за 48 100 рублей, проданным за неплатёж Мацневым разным кредиторам долгов.

1855 год, 26 марта

Орловские губернские ведомости
О продажах

От Орловского уездного суда объявляется, что в присутствии того суда, по определению его, назначен в публичную продажу деревянный дом на каменном фундаменте, с строением и местом, в городе Орле, в 3-ей части, во 2-ом квартале, в приходе церкви Бориса и Глеба, под № 762, принадлежащий умершей **коллежской ассесорше Вере Александровой Мацневой**, за взятые ею из вспомогательного капитала 1200 рублей серебром. Торг назначен 6 июля 1855 года, с 11 до 2 часов пополудни, с переторжкою через три дня. Дом этот оценён в 1000 рублей и будет продаваться без раздробления на части.

1855 год, 9 апреля
Орловские губернские ведомости
О вызовах

В Орловскую Палату Гражданского Суда вызываются наследники коллежского ассесора Андрея Глазунова, коллежский секретарь Иван Михайлович Мацнев и коллежский регистратор Михаил Михайлович Мацнев для выслушивания решения по делу о взыскании коллежским ассесором Глазуновым с коллежского регистратора Мацнева, по поручительству его за брата его Ивана, по заёмному письму денег.

1855 год
Орловские губернские ведомости
(24 сентября 1855 года)

О раздельной записи в Орловской Палате гражданского суда, совершённой в 1855 году

Раздел имения в Мценском (сельцо Красновидово, 90 душ м.п., 360 десятин) и Малоархангельском уездах (деревни Николаевка и Казаковка – 47 душ м.п. и 236 десятин) после смерти **Дмитрия Павловича Мацнева** между его сёстрами – **штабс-капитаншей Натальей Павловной Чиркиной** (03.06.1807 – 21.12.1864), **штабс-ротмистршей Надеждой Павловной Лилленфельд** и **дочерью капитан-лейтенанта, девицей Екатериной Павловной Мацневой**

1856 год
Орловские губернские ведомости

22 декабря 1855 года поручик Николай Александров Щёголев продал **штабс-капитану Николаю Родионову Мацневу** распашную землю, 60 десятин и ¼ осмины за 3000 рублей при селе Троицком (Богословское) Малоархангельского уезда

1857 год
Орловские губернские ведомости, 6 апреля

Частные объявления.

Дочь капитан-лейтенанта, девица **Екатерина Павлова Мацнева**, и племянница ея, дочь штабс-капитана, девица **Елизавета Дмитриева Чиркина** отпращиваются за границу – в Германию и Италию

1850-ые годы

Коллежский ассессор Николай Афанасьевич Мацнев (1786 – 1851) – владелец части с. Успенское, был женат на Вере Александровне (умерла 15 марта 1853 года)

У них были дети: Афанасий, Александр, Владимир, Екатерина.

После смерти Веры Александровны опекуном был назначен Николай Александрович Оловеников.

Незадолго до своей смерти В.А. Мацнева купила усадьбное место, на котором собиралась строить дом. После ее смерти дом был построен, но там уже жили другие владельцы.

В настоящее время на этом земельном участке находятся: музей Тургенева и музей писателей-орловцев.

Екатерина Мацнева вышла замуж за титулярного советника Алексея Александровича Скуридина, в 1858 году по духовному завещанию получила свою долю наследства от имения в селе Успенском.

1860 год

«Колокол» №86 1.12.1860 г.

«Орловская губерния богата событиями, грустно свидетельствующими о понимании дворянами отмены крепостного права.

В особенности Малоархангельский уезд не перестает отличаться насильственными отпусковыми, переселениями на безводные и бесплодные места, отдалами в рекруты и телесными истязаниями.

Мацнев Михаил Михайлович разорил богатое Столбечкое, добился, наконец, до острога, где пробыл три года, потом 3 года волокиты, подкупленной им военно-судной комиссии и т.д., но от того, что он в тюрьме, не легче погубленным им. 1851 год – он отдал в рекруты не в зачет 40 музыкантов (старшему было 25 лет).

Иван Мацнев, его брат, в 1853 году летал в Париж, а в 1856 году сослан в Вологду.

Мацнев Владимир Николаевич, владелец некоторых долей села Успенское в Малоархангельском уезде, освободил 26 семейств, они просили защиты, прислали на усмирение исправника Путятин и станowego Умеренкова. Всех пересекли. Жена Мацнева сидела у окна и просила станowego некоторых наказывать сильнее. Вопли жен и детей раздавались по окрестности, а Мацнев ломал избы, отбирал скот, утварь, выгнали в поле, Мацнев кричал, что он теперь не боится манципации, торговал у помещика Хитрово трех дворовых братьев».

*Орловские губернские ведомости,
12 января 1863 года, №2, суббота*

Отдаётся внаймы, под пастьбу скота, их числа 860 десятин земли, принадлежащей малолетним детям **губернского секретаря М.М.Мацнева**, половинная часть. Земля эта находится в Калужской губернии, Жиздринского уезда, при сельце Веснинах. желающие взять внаймы эту землю благоволят адресоваться в город Малоархангельск, к опекуну, штабс-капитану Дмитрию Петровичу Чиркину.

Орловские губернские ведомости**1869 год**

11 октября 1869 года из сельца Мацневского (Троицкого) кол. **ассессор Никанор Николаевич Мацнев** обращается в комиссию по полюбовному размежеванию для того, чтобы свести вместе разбросанные по разным имениям земли в Малоархангельском и Мценском уездах – для них с братом, инженером-подполковником Василием Николаевичем Мацневым – после смерти матери, штабс-капитанши Елизаветы Васильевны Мацневой (*отец, видно, умер еще раньше*).

Памятная книжка Орловской губернии на 1869 год

Одна из учредительниц дамского комитета – **Любовь Александровна Мацнева**.

Список усадебных мест города Орла за 1877 год**(ГАОО, ф.593, ед.хр.618)****Квартал №11 (№12)****Поручик Григорий Александрович Мацнев.**

Принадлежит каменный дом с надворной постройкой и садом, мерой в переднем конце 20 сажень 1 аршин 5,5 вершков. В заднем конце – 25 сажень 1 аршин 5, 5 вершков, а глубины, идя в двор с левой стороны – 32 сажени 4 вершка, а с противоположной стороны – 31 сажень и 1 аршин, доставшийся от коллежского советника Ивана Петровича Лутохина по купчей, утверждённой 20 октября 1869 года – за 3000 рублей.

Об Анатолии Васильевиче и Григории Александровиче Мацневых оставила свои воспоминания Наталья Полонская – Василенко:

«В 3-х верстах от Неручи было роскошное село Моховое, Анатолия Васильевича Мацнева. Большой, грузный, он был вдовец, любил веселую, разгульную жизнь. В его прекрасном доме не прекращались пиры, пиры, и в конце 90-х годов Моховое было продано за долги. Приобрел его член Орловского Окружного Суда, Кистенев Тимофей Александрович, женатый на богатой купчихе. Он сам был из крестьян, и с ним повторилось то же самое, что было с Куприяновым: крестьяне не только не уважали его, но относились к нему с презрением, делали преднамеренные поправы и не называли его иначе, как «Тимошка».

Версты за две была замечательная усадьба – Александровка. Она принадлежала Сергею Григорьевичу Мацневу (все эти многочисленные Мацневы или совсем не были родственниками, или потеряли даже представления о степени родства). Сергей Григорьевич был очень богатый господин, который держал себя как аристократ. Он был женат на красавице Наталье Яковлевне Тарновской, дочери Якова Васильевича, племяннице Василия Васильевича, мецената, основателя Черниговского музея. Отец ее, уже в преклонном возрасте, женился на бонне-немке и лишил детей наследства. Дом его на Золотоворотской улице в Киеве перешел к его вдове.

Мацневы имели троих детей: сына, Александра, который женился на французженке-актрисе, которую у него, до войны 1914 года, едва не «отбил» мой кузен Саши; две дочери – Наталья и Ольга – были немного старше, чем мы с Со-

ней. Одна из них вышла замуж за юриста, Полибина (?), служившего в министерстве, кажется образования, при гетмане, и был расстрелян большевиками.

В те времена, о которых рассказываю, они были хорошие, аккуратные барышни, которые изредка приезжали в Кривоно. Нам было дано разрешение гулять в огромном парке Александровки, парке английского стиля, с зеркальным огромным прудом, и мы часто пользовались этим разрешением.

Дорога к Неручи лежала через усадьбу Мацневых; в глубине двора виден большой, но некрасивый, дом; лучшим был «проспект», как тогда звали широкую, прямую аллею, тянувшуюся более версты, отделяя парк от леса».

Памятные книжки Орловской губернии

1891 год

Гласные от землевладельцев в земской управе Малоархангельского уезда – **подпоручик Анатолий Васильевич Мацнев**.

В 1891 году ему в Успенской волости в Маховой-Каменке принадлежал завод чистокровных рысистых лошадей (33 матки, 6 производителей, 12 жеребят – приплод).

В этом же году Анатолий Васильевич Мацнев был малоархангельским депутатом дворянства.

1897-1900 годы

Почетный мировой судья Малоархангельского уезда в 1897 – 1900 гг. – **Мацнев Михаил Михайлович**

1901 – 1913 годы

Гласным Малоархангельского земства от первого избирательного собрания был **Михаил Михайлович Мацнев** в 1899 и 1901 годах.

В 1901 году еще и **Леонид Никанорович Мацнев**, 1902 год – они же и остались, в 1905 году – они же.

В с. Троицкое Покровской волости в имени Л.Н. Мацнева в 1902 году открыта публичная библиотека имени Ф.Ф. Павленкова.

В 1909 году – гласный земства – **Михаил Михайлович Мацнев** (коллежский асессор, с. Столбецкое, в 1912 году он стал почетным мировым судьей).

В 1908 году в имени Л.Н. Мацнева действовала публичная библиотека.

Губернский гласный от Малоархангельского уезда в 1913 году – **Михаил Михайлович Мацнев**

Губернский гласный от Орловского уезда – тоже **Михаил Михайлович Мацнев**.

Член городского по налогу с недвижимых имуществ присутствия – **М.М. Мацнев**, Георгиевский переулоч, собственный дом.

1913 год

Член совета от дворян дворянского пансионата-приюта – **титularный советник М.М. Мацнев**, Георгиевский пер., собств. дом.

Почетитель места заключения Орловской уездной управы на ул. Васильевской – **М.М. Мацнев**, Георгиевская, дом Мацневой.

Малоархангельский уезд: мировой судья – кол. асессор **М.М. Мацнев** – с. Столбецкое, Алексеевской волости, он же – гласный земства.

Приложение №2

Дворяне Мухортовы и крестьяне Бражники – в метрических книгах Владимирской церкви села Фёдоровка Малоархангельского уезда

**Метрическая книга Владимирской церкви села Владимирское (Фёдоровка) Малоархангельского уезда за 1896 год
ГАОО, ф.101, оп.1, ед.хр.1965**

О родившихся

16/16 июля 1896 – Александр

Родители: села Фёдоровка местный священник Иоанн Николаев Владимирцев и его законная жена Мария Иванова, оба православные.

Восприемники: села Никольское, Синковец тож, священник Феодор Алексеев Горохов и села Фёдоровки помещика Захария Захарьевича Мухортова жена **Нина Сергеева**.

Таинство крещения – священник Иоанн Владимирцев, диакон Феодор Путилин и диакон-псаломщик Н.Азбукин

О бракосочетавшихся

22 сентября 1896

Жених – Владимирской губернии Владимирского уезда Столяровской волости унтер-офицер Ново? Его Величества полка Алексей Васильевич Ильин, первым браком, 42 года.

Невеста – Болховского уезда, села Александровское, Боровое тож, крестьянка Мария Иванова Куликова, первым, 19 лет.

Поручители по жениху: коллежский секретарь Александр Иванов Якушкин и запасной унтер-офицер Феодор Кононов Кривко; по невесте – учитель Залипаевской ЦПШ Феодор Николаев Азбукин и села Фёдоровки крестьянин Иван Иванов Волков.

**Метрические книги Владимирской церкви села Владимирское (Фёдоровка) Малоархангельского уезда за 1898-1903 годы
ГАОО, ф.101, оп.1, ед.хр.1966
(на 320 листах)**

О родившихся

6/10 сентября 1898 – Михаил

Родители: села Фёдоровки священник Иоанн Николаевич Владимирцев и законная его жена Мария Иванова.

Восприемники: села Никольского, Синковец тож священник Феодор Алексеевич Горохов и дворянина села Фёдоровки Захария Захаровича Мухортова жена **Нина Сергиева**.

Об умерших

8/11 марта 1898 года – умер села Феодоровки отставной штаб-ротмистр Ея Императорского Величества Кавалергардского полка Николай Захарович Мухортов, 37 лет, от воспаления почек.

Священник Иоанн Владимирцев исповедывал.

Погребение – священники Иоанн Владимирцев, причетники Феодор Путилин, Николай Азбукин

**Метрическая книга Владимирской церкви с.Владимирское (Фёдоровка)
Малоархангельское уезда за 1904 (без начала)
ГАОО, ф.101, оп.2, ед.хр.3330**

О рождении

26/27 июня 1904 – Владимир (умер 29/30 июля 1905 года)

Родители: Харьковской губернии Сумского уезда Прорубской волости крестьянин Фёдор Иоаннов Соханев и законная его жена 2-ого брака Александра Никитина, оба православные.

Восприемники: Сумского Реального Училища ученик Иван Иванов Бражник и крестьянка-девица Александра Иванова Бражник; Орловского Реального Училища ученик Василий Иванов Баев и крестьянка – девица Евдокия Иванова Бражник.

**Метрическая книга Владимирской церкви с.Владимирское (Фёдоровка)
Малоархангельское уезда за 1905 (без начала и конца)
ГАОО, ф.101, оп.2, ед.хр.3331 (на 34 листах)**

26/29 января 1905 – Викторина

Родители: Харьковской губернии Сумского уезда крестьянин Иоанн Григорьев Бражник и законная его жена первого брака Параскева Евгеньева, оба православные.

Восприемники: ЦПШ села Фёдоровки учитель Александр Феодоров Алексеевский и девица-крестьянка Евдокия Иванова Бражник.

**Метрическая книга Владимирской церкви с.Владимирское (Фёдоровка)
Малоархангельское уезда за 1907 (без начала и конца)
ГАОО, ф.101, оп.2, ед.хр.3333 (на 25 листах)**

О родившихся

3/11 марта 1907 – Борис

Родители: малоархангельский мещанин Семён Петров Веников и законная его жена 1-ого брака Евдокия Иванова.

Восприемники: окончивший курс Сумского Реального училища Иван Иванов Бражник и Малоархангельского мещанина Георгия Иосифова Столярова жена Елена Васильева.

Об умерших

17/18 июля 1907 года – умер Харьковской губернии Сумского уезда Белопольской волости крестьянин Григорий Дорофеев Бражник, 85 лет, от воспаления лёгких. Исповедовал Иоанн Владимирцев. Погребён в церковной ограде по разрешению Епископа Митрофана.

Метрическая книга Владимирской церкви с.Владимирское (Фёдоровка) Малоархангельское уезда за 1908 (без начала)
ГАОО, ф.101, оп.2, ед.хр.3334 (на 40 листах)

О родившихся

28/31 декабря 1908 – Василий

Родители: Харьковской губернии Сумского уезда крестьянин Захарий Захаров Бражник и законная жена его 1 брака Татiana Иванова.

Восприемники: малоархангельский купеческий сын Крутиков (нет И.О.) и девица Мария Глебова Самсоненко.

21 декабря 1908/1 января 1909 – Виктор

Родители: малоархангельский мещанин Симеон Петров Веников и законная его жена 1-ого брака Евдокия Иванова.

Восприемники: Харьковской губернии Сумского уезда Иван Григорьев Бражник и гимназистка 8 класса гимназии Гиттерман Наталия Иванова Бражник.

Об умерших

8/10 октября 1908 – умерла Харьковской губернии Сумского уезда села Воробьёвки крестьянка Марфа Петрова Бражникова, 80 лет, от старости.

Приложение №3

Дворяне Чиркины – в «Протоколах Орловского Дворянского Депутатского собрания»

Протоколы заседаний Орловского Дворянского Депутатского собрания за 1833 год (ГАОО, ф.68, оп.1, ед.хр.10)

1833, Генваря, 3 дня, по Указу Его императорского Величества Дворянское Депутатское Собрание рассматривало прошение *Малоархангельского помещика, штабс-капитана Дмитрия Петровича Чиркина*.

Вместе с отцом, прапорщиком Петром Ивановичем Чиркиным, он был внесён, продолжая службу, в Дворянскую Родословную книгу и по отставке своей прижил детей:

Надежду – 1820,

Марию – 1821,

Наталью – 1825,

Елизавету – 1827,

и сына Александра – 1828.

Первые две крещены в селе Вышне-Долгом Ливенского уезда, остальные трое – в селе Троицкое на Липовице и пока не внесены в ДРК.

В 1811 году представленных документов оказалось недостаточно, в 1812 году П.И. и Д.П.Чиркины (в чине прапорщика) внесены в 6-ую часть ДРК. В 1816 году Чиркин представил дополнительные документы.

Предки его: прапрашур Тимофей Федосеев писан по десятне 7139 года в 1-ой сотне в городовых, поместный оклад ему был 25 четвертей, денег 20 рублей. В Государеву службу служил на коне да с саблею, да за ним человек на коне с пищалью и с саблею;

прашур Иван Тимофеев по разборным 188 и 7195 годов спискам писан вёрстаным поместным окладом, по первому – 560, по второму – 840 чети и денег 25 рублей и при нём писаны дети его: Андрей, Дмитрий, Василий, Моисей, Афанасий и Яков и состояло за ним, пращуром, по меже 95 четвертей да двор бобыльской да два человека задворных; был в походах: 185, 186 и 187 годов – в двух Чигиринских, в 187 и 188 в Киевском; Государева ружья ему дано копьё да пистоль; в Государевой службе служил с копьём да с пистолем, с своим сандаком, да человек ему в кохму? с бердышем;

прапрадед Дмитрий Иванов по разборному 7207 года списку писан в числе дворян и детей боярских, написанных в службу, и при нём дети его, пропитателя прадеды: родной Григорий и двоюродный Епифан малолетними, за ним состояло в Ливенском уезде поместье и крестьяне;

дед, Иван Григорьевич, по ведомости, присланной в Герольдию из Канцелярии Генеральной Ревизии душ, значится из шляхетства и за болезнью оставлен от всех дел с данным ему Правительствующего Сената Конторы паспортом;

отец, Пётр, находился в военной службе и прошлого, 1786 года, марта 3 числа от оной отставлен прапорщиком.

Господин же Малоархангельский предводитель дворянства данным отцу свидетельством удостоверил, что оный дед нынешнего просителя Иван Григорьевич – дворянин и из оною звания ни в какое другое не выходил, за коим по дворянскому окладу состояло Малоархангельской округи по 4 ревизии 73 души и по списку показывал: от роду ему, то есть родителю нынешнего просителя – 48 лет, женат, имеет сына Дмитрия, служит прапорщиком, недвижимого имения за ним 111 душ.

Из представленного же нынешним просителем об отставке его Указа, данного ему прошлого 1819 года, февраля 7 дня, за №41 за подписанием Генерала от инфантерии, Главнокомандующего 1-ю армию и разных орденов Кавалера Барона Сакена, также устанавливается, что от роду ему, Г.штабс-капитану Дмитрию Петровичу Чиркину, 25 лет, из дворян, за отцом его состоит в Орловской губернии крестьян 19 душ, в службу вступил колонновожатым 1809 года, октября 15 дня в Свиту его Императорского Величества по квартирмейстерской части, в коей происходил чинами:

прапорщиком – 1811 года, апреля 13 дня,
за отличия – подпоручиком – 1812, июля 17,
поручиком – того ж года октября 14,
штабс-капитаном – 1817, генваря 1.

Был в походах и делах против неприятеля. 1812 года – против французов в сражениях:

июля 17 – при деревне Салтановке и за отличие награждён чином;
августа 4 – при городе Смоленске, за что объявлено Высочайшее благоволение;

августа 24, 25 и 26 – при селении Бородине, за что пожалован орденом Св.Владимира 4 степени с бантом;

октября 12 – под городом Малым Ярославцем, где за отличие награждён чином;

ноября 3, 4, 5 и 6 числа – под Красным, за сие пожалован золотою шпагой с надписью «За храбрость»;

1813 года, по август месяц, состоял в блокаде крепости Модлин, потом был в сражениях

сентября 26 – при Берге? (*неразборчиво*),

октября 1 – при деревне Плауэн, близ Дрездена,

октября 6 и 7 – под Лейпцигом, за что удостоен Св.Анны 4 класса,

октября 27 – в сражении под Магдебургом

1814 – генваря 13 и 14 числа, в ночи – под Гамбургом, при занятии деревень Гайна и Горна, за что награждён орденом Св.Анны 2 класса,

генваря 28 – на острове Вильгельмбурге,

февраля 5 – на оном же острове,

февраля 14 и 27 числа – на Билвердере, при занятии Тифенторной батареи, марта 4 и 5 – в экспедиции вторично на Билвердере

В 1815 году находился вторично в походе в Францию, где заслужил 200 франков на обмундировку и за рекогносцирование не в зачёт – тройное жалованье; за кампанию 1812 года – годовым жалованьем.

В штрафах и под судом не был.

В отпуску был – 1811 года, с 12 сентября на два месяца; 1815 год – с 1 декабря по 4 число и апреля 1816 года.

Аттестован достойным.

Прошлого 1817 года, декабря во 2 день уволен от службы тем же чином за болезнь и по особенному Высочайшему повелению, объявленному в 17 день Генваря 1819 года позволено носить ему мундир.

Документы на детей из Орловской консистории:

Надежда – 1820, сентября 12,

Наталья – 1825, июля 11,

Елисавета – 1827, марта 20,

Александр – 1828, июня 1

Дочери Марии в записях не оказалось¹⁶.

Все перечисленные дети внесены в Дворянскую Родословную Книгу Орловской губернии.

---

¹⁶ ГАОО, ф.68, оп.1, ед.хр.10, л.10-11

Несколько слов от автора – в заключение

Вот и закончилось, любезный читатель, наше путешествие по страницам этой книги. Надеюсь, оно не было утомительным, и ты на этом пути больше узнал об уже знакомых тебе ранее личностях, а с некоторыми персонами ты познакомился только что, и знакомство это не стало для тебя неприятным.

Я хотел, чтобы ты, мой добрый читатель, где-то удивился, в другом месте – восхитился, в третьем – ужаснулся или возгордился, в общем, чтобы тебя наполнили бы какие-то нужные и добрые чувства, прежде всего – чувство гордости за свою малую Родину: как много в ней происходило замечательных событий, какие люди здесь рождались, жили и умирали.

Если мне это, хоть в малой степени, удалось, я посчитаю свою задачу выполненной и приглашу читателей на страницы других моих книг.

До встречи, земляки!

Александр Польшин

ОГЛАВЛЕНИЕ

Мой дорогой читатель!	3
Глава первая. Князя Куракины и вокруг них	4
От Андрея, по прозвищу «Курака».....	4
Имение Преображенское (Куракино) во времена князя Алексея Борисовича Куракина	13
По-братски, на четверых	13
Куракинская «столица»	14
От пшеницы и гречихи – до арбузов, дынь и ананасов.....	26
От кирпича и кружев – до муки и вина.....	27
Как принимали гостей	30
Известные люди, посещавшие усадьбу Куракино	32
О месте Вечного покоя князя Алексея Куракина и его жены	34
Доходы, расходы, долг.....	35
«Орловские губернские ведомости» (1841 год, №39).....	38
Золотой Рог (легенда о князе Куракине)	39
История от Зеленова	39
Гончие гонят, борзые берут.....	40
«Идёт охота на волков...»	40
Роговая судьба	41
Преображенское и его владельцы с 1830 до 1917 года	42
В начале XX века: на переломе событий и судеб	50
О ликвидации и не только	51
Акт 1918 года, 16 августа.	51
Имение князя Куракина.....	51
Хутор Хорошевский.....	52
Последние Куракины при Советской власти. Жизнь и судьба	54
Тот Патенков, который спас.....	58
Возвращение	61
Ипполит Вревский и его Юлия.....	74
«Брильянтовый князь» и его «воспитанники»	74
Один отец и три матери	74
Герой Кавказской войны	75
«Добра – бесконечно...».....	76
Малоархангельские помещики Вревские	77
Александр – Борис – Александр – и далее до бесконечности (Вревские. Часть вторая)	79
Знакомые Александра Пушкина.....	79
Прообраз героя Льва Толстого.....	80
Крёстный отец для сына священника	81
Сибирский губернатор – «батюшка» или «самодур»?	83

Командир лейб-гвардии Драгунского полка	85
Украденная княжна	86
Приложение к главе первой «Князья Куракины и вокруг них».....	87
Глава вторая Скарятинны: царевубийца,	
его предки, потомки и окружение	89
Яков Скарятин, его шарф и предки	89
Помещицья жизнь. Хозяйство, семья, дети.....	93
Фёдор Скарятин – декабрист и художник	101
Григорий Скарятин – кавалергард императрицы	104
Егермейстер Владимир Скарятин.....	107
Дипломат Александр Скарятин	110
Малоархангельский предводитель дворянства Дмитрий Скарятин	113
Казанский губернатор Николай Скарятин.....	117
Об усадьбе Троицкое и её последних владельцах	123
Михаил Скарятин – открыватель тайн Каббалы и его «Жертва»	131
Три сестры.....	136
Мария Врангель.....	136
Алексей Белов – потомок дворян Скарятинных	
и его поиски родословных корней.....	143
Андрей и Софья: история одной любви.....	154
Вопреки всем обстоятельствам	154
Свадьба в Троицком	155
Об Иоанне-Воине и малой родине	157
Орловские дворяне Башкатовы.....	159
Потомки служилых людей	159
Из Ельца – в Ливенский уезд	162
Коммерсант, агент по страхованию и любитель музыки.....	163
Орловские дворяне Башкатовы (часть вторая)	166
Как жили ливенские нотариусы	166
Попечитель школы и Почётный мировой судья.....	168
Другие дети Дмитрия Никаноровича	168
Директор Московской художественной школы	169
«Выселить...»: Башкатовы после революции	171
Приложение №1 к главе	
«Скарятинны: царевубийца, его предки, потомки и окружение»	177
Приложение №2.....	187
Николай Скарятин «Из воспоминаний молодости»	187
«Из воспоминаний Н. Я. Скарятина».....	191
Глава третья. «Сроднясь в земле, сплетясь ветвями...»	193
Мацневы: герои и создатели, транжиры и Плюшкины,	
злодеи и судьбы (300-летняя история одного помещицкого семейства)	193

Вместо вступления	193
Начало истории рода: Софрон Мацнев – участник Чигиринских и Крымских походов.....	194
Спиридон Мацнев – орловский Плюшкин	195
Наталья Мацнева, «... в своём роду не последняя...»	196
Николай Мацнев, губернский прокурор.....	197
Генерал Мацнев, герой Отечественной войны 1812 года.....	199
Сражение на реке Липовец: сказание о 50 ливенцах, которые сами погибли, но войско татарское остановили (легенда первая)..	210
Готовились стоять насмерть	210
Ночь перед боем	211
Расстрел татар на засеке	212
Неравный бой.....	213
Татарское кладбище.....	213
Спасение капитана Мацнева, или ночь перед Рождеством близ хутора Калабина (легенда вторая)	217
Бог и тётя подарили Богдановку	218
«Чёрт нас водит...».....	219
Прекрасная Аксинья и Гоголь.....	220
«Да, барин!».....	221
Как брат у брата невесту отбил (легенда третья).....	221
Братская любовь	221
Как в Столбечком воздушного шара испугались	222
Файер-шоу 150 лет назад	222
Жизнь в зеркале.....	224
Мухортовы: несколько фактов.....	225
из жизни одного помещичьего семейства	225
«Дело о нещадном наказании розгами...».....	226
Захар Мухортов, знакомый Ивана Тургенева	227
Пруд Мухортовых в селе Фёдоровка	229
Один из мухортовских островов.	229
Малоархангельские помещики Мухортовы	230
Владельцы имения в селе Фёдоровка	232
Последние хозяева	237
Наталья Дмитриевна Полонская-Василенко – о дворянах Мухортовых	243
Вместо вступления	243
Биография Полонской-Василенко	244
А теперь – и сами «Воспоминания» Н.Д.Полонской-Василенко.....	245
О предках дворян Мухортовых	245
Наталья Дмитриевна Мухортова (Чиркина).....	247
Новая усадьба в сельце Липовица	248
Занятия Натальи Дмитриевны и Фёдора Акимовича Мухортовых	250

Помещичий быт в Липовице.....	251
Мухортовы: дети и воспитатели.....	253
Анна Ивановна Назарова, воспитательница.....	254
Елисавета Павловна, гувернантка.....	254
Учителя: А.И.Цветаев и Х.В.Куприянов.....	255
Дети. Режим.....	255
Александр Мухортов и его семья.....	255
Владимир Мухортов.....	257
Дмитрий Мухортов.....	257
Ольга Мухортова и Юлия Черемисинова. Черемисиновы.....	258
Фёдор Мухортов, его семья и дети.....	260
Виктор Мухортов.....	264
Евгений Мухортов.....	264
Мария Мухортова (моя мать) – в Орле и своём имени Липовица.....	265
Русско-турецкая война и Мухортовы.....	269
Как адъютант генерала Столыпина себе жену в Орле нашёл.....	270
Летом в Липовице.....	272
Именины бабушки, Натальи Дмитриевны Мухортовой.....	274
Последние годы. Липовицкое имение на грани краха.....	275
Плодотворный колодец (легенда о Мухортовых).....	276
Смерть старого барина.....	277
Как дворовая девка на ум навела.....	277
Колодезная тайна.....	277
Судьба мухортовского имения и рода Мухортовых.....	278
Чиркины: от Орловщины до Парижа и обратно.....	280
Наследство от бабушки.....	280
«... Был в походах, служил с копьём да с пистолем...».....	281
Штабс-капитан Дмитрий Чиркин – герой Отечественной войны и Заграничных походов русской армии.....	282
Из «Воспоминаний» Натальи Дмитриевны Полонской-Василенко.....	284
«Александр Дмитриевич Чиркин.....	286
«Николай Дмитриевич Чиркин.....	291
«Евгений Дмитриевич Чиркин.....	292
«Елисавета Дмитриевна Чиркина и Юлия Дмитриевна Чиркина (Куприянова).....	292
«Наталья Дмитриевна Чиркина (Мухортова).....	294
«София Дмитриевна Чиркина (Радулович).....	296
София Волковицкая – красавица с картин Мясоедова.....	305
«Из темноты пришедшая былого...».....	305
«Служил усердно, полезно, продолжительно...».....	306
София – не только умная.....	307
Здесь Мясоедов побывал.....	310

Сельцо Петровское, оно же – Неручь	310
Волковицкие и Мясоедов	310
Жили-не-тужили.....	311
Дороги Евгении Волковицкой	311
Лилиенфельды – немецкие бароны на Орловской земле.....	317
«Наталья Мухортова (Лилиенфельд). Лилиенфельды	318
Дом Лилиенфельдов в Критово	319
Портреты в доме.....	319
Критовское хозяйство, парк, сад, лес.....	320
Прислуга в помещицком доме.....	321
Павел и Владимир Лилиенфельды	321
Последние дни в Критово.....	322
Печальные дни.....	323
Путешествие из Воронежа в Покровский район (потомок Волковицких, Радуловичей, Чиркиных, Мацневых, Мухортовых на родине своих предков)	327
Приложения к главе третьей «Сроднясь в земле, сплестясь корнями...»	339
Приложение №1	339
Приложение №2.....	352
Приложение №3	355
Несколько слов от автора – в заключение	358

Научно-популярное издание

6+

Александр Михайлович Полынкин

**КЛАДЕЗЬ
ОРЛОВСКИХ ФАМИЛИЙ**

Книга первая.
Дворянские лица

Редактор: С.А. Ветчинников
Технический редактор: А.В. Трудников

Подписано в печать 09.08.2022 г. Формат 60×84 1/16
Печать ризография. Бумага офсетная. Гарнитура Times
Объём 22,75 усл. печ. л. Тираж 25 экз. Заказ № 237/1

Лицензия ПД № 8-0023 от 25.09.2000 г.
Отпечатано с готового оригинал-макета в авторской редакции
в ООО Полиграфическая фирма «Картуш»
г. Орел, ул. 2-я Посадская, 26. Тел.: (4862) 44-51-46.
E-mail: kartush@orel.ru www.kartush-orel.ru

700-00

СКАРЯТИНО

ISBN 978-5-9708-0833-7

9 785970 808337